ОТ ВОСЬМИКРАТНОГО ЛАУРЕАТА LOCUS AWARD
И ЛАУРЕАТА HUGO-2010

ЧАЙНА МЬЕВИЛЬ

ГОРОД И ГОРОД

ЕСЛИ БЫ «ДИТЯ ЛЮБВИ» ФИЛИПА К. ДИКА И РАЙМОНДА ЧАНДЛЕРА ВОСПИТЫВАЛ ФРАНЦ КАФКА, ТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ, КОТОРОЕ ПОЛУЧИЛОСЬ БЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ, НАПОМИНАЛО БЫ НОВЫЙ РОМАН ЧАЙНА МЬЕВИЛЯ «ГОРОД И ГОРОД».

LOS ANGELES TIMES

Город и город
Чайна Мьевиль

Аннотация
Чайна Мьевиль. Город и город
От автора
Часть первая. Бещель
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
Часть вторая. УЛЬ-КОМА
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
  Глава 16
  Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Часть третья. БРЕШЬ
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Кода. БРЕШЬ
Глава 29
Новая повесть о двух городах: разговор с Чайной Мьевилем
Пресса о романе

Аннотация

Когда на улицах Бещеля, где-то на окраине Европы, находят труп убитой женщины, то инспектору Тьядору Борлу из отряда особо опасных преступлений дело представляется обычной рутиной. Для проведения расследования Борлу должен переместиться из загнивающего Бещеля в энергично развивающийся соседний город Уль-Кома. Но это путешествие превращается для инспектора не в простое пересечение границы, а в настоящее испытание. Вместе с Куссимом Дхаттом, детективом из Уль-Комы, Борлу оказывается меж двух огней: националисты, намеревающиеся разрушить соседний город, и унификационисты, мечтающие о превращении двух городов в один. Детективы понимают, что раскрытие этого банального преступления может стоить им жизни…

Впервые на русском языке!

Чайна Мьевиль
Город и город

Памяти моей матери,
Клодии Лайтфут,
с любовью

От автора

За помощь, оказанную при работе над этой книгой, я безмерно признателен Стефании Бирверт, Марку Боудлу, Кристин Кабелло, Саймону Каванагу, Джули Крисп, Питеру Лавери, Фараху Мендельсону, Дэвиду Меншу, Сью Мо, Джемайме Мьевиль, Сэнди Ранкин, Марии Рейт, Дейву Стивенсону, Ребекке Сондерс, Джейн Судалтер, Джесси Судалтер, Полу Тонтону, Пенни Хейнес, Хлое Хили, Диане Хоук, Мику Читэму, Максу Шефферу, а также моим редакторам Крису Шлуепу и Джереми Треватану. Выражаю искреннюю благодарность всем сотрудникам издательств Del Rey и Macmillan. Спасибо Джону Куррану Дэвису за чудесные переводы из Бруно Шульца.

Среди бессчётных писателей, у которых я в долгу, в число тех, о ком я особенно много думал и кому благодарен в связи с этой книгой, входят Франц Кафка, Альфред Кубин, Джан Моррис, Рэймонд Чандлер и Бруно Шульц.

Из городских недр возникают
улицы-парафразы,
улицы-двойники,
улицы мнимые и ложные.
Бруно Шульц, «Коричные лавки»

Часть первая
Бещель

Глава 1

Ни улицы, ни большей части жилого массива я не видел. Нас окружали прямоугольные строения цвета грязи, из окон которых высовывались по-утреннему взлохмаченные мужчины и женщины, попивая из кружек, завтракая и наблюдая за нами. Эту открытую площадку между зданиями когда-то украшали скульптуры. Она шла под уклон, как поле для гольфа, — ребячья имитация географии. Её, может, собирались озеленить, устроить на ней пруд. Рощица имела место, но все саженцы были мертвы.

Трава изобиловала сорняками, и её изрезывали тропинки, протоптанные среди куч мусора, и колеи, оставленные колёсами автомобилей. Полицейские выполняли здесь разные задания. Из детективов я прибыл не первым — заметил Бардо Ностина и нескольких других, но был самым старшим по званию. Вслед за сержантом я прошёл к тому месту, где столпилось большинство моих коллег, между низкой заброшенной башней и площадкой для скейтборда, окружённой большими мусорными баками с очертаниями барабанов. Сразу за ней слышен был шум из доков.

Дети кучкой уселись на стене перед стоящими офицерами. Над собравшимися выписывали спирали чайки.

— Здравствуйте, инспектор.

Я кивнул тому, кто меня поприветствовал, кем бы он ни был. Кто-то предложил кофе, но я отрицательно помотал головой и воззрился на женщину, увидеть которую и было целью моего приезда.

Она лежала возле пандуса для скейтбордистов. Ничто не бывает настолько неподвижным, как трупы. Ветер шевелит им волосы, как вот сейчас шевелит ей, а они никак на это не реагируют. Она застыла в уродливой позе, искривив ноги, словно собиралась встать, и странно изогнув руки. Лицо уткнулось в землю.

Молодая, с каштановыми волосами, стянутыми в косички, которые торчали кверху, словно растения. Она была почти голой, и этим холодным утром грустно было видеть её кожу гладкой, нигде не сделавшейся гусиной. На ней были только чулки со спущенными кое-где петлями да одна туфелька на шпильке. Увидев, что я её ищу, сержант помахала мне издали рукой — она стояла там, охраняя свалившуюся туфлю.

С тех пор, как обнаружили тело, прошло часа

два. Я оглядел её. Задержал дыхание и наклонился к грязи, чтобы посмотреть ей в лицо, но увидел только один открытый глаз.

— Где Шукман?

— Ещё не приехал, инспектор.

— Пусть кто-нибудь позвонит ему и скажет, чтобы поторапливался.

Я постучал по наручным часам. То, что мы называли криминальными мизансценами, было под моим началом. Никто не прикоснётся к ней, пока не появится патологоанатом Шукман, но имелись и другие дела.

Я проверил обзорность. Мы сошли с дороги, и нас заслоняли мусорные баки, но я, как роящихся насекомых, чувствовал внимание, устремлённое на нас со всего микрорайона. Мы беспорядочно перемещались.

Между двумя мусорными баками, рядом с кучей заржавленных железяк, переплетённых выброшенными цепями, стоял на ребре влажный матрас.

— Он был на ней. — Это сказала Лизбьет Корви, способная женщина-констебль, с которой я пару раз работал. — Не могу утверждать, что хорошо её скрывал, но, думаю, вроде как делал её похожей на кучу мусора.

Я различил вокруг мёртвой женщины грубый прямоугольник более тёмной почвы — остатки росы, которую защищал от испарения матрас. Ностин сидел рядом с ним на корточках, пристально разглядывая землю.

— Мальцы, что нашли её, наполовину его стащили, — сказала Корви.

— Как они её обнаружили?

Корви указала на землю, на небольшие потёртости, оставленные лапами какого-то животного.

— Помешали её трепать. Побежали сломя голову, когда увидели, что это такое, позвонили. Наш наряд, как только прибыл…

Она взглянула на двоих патрульных, которых я не знал.

— Это они его убрали?

Она кивнула.

— Говорят, чтобы посмотреть, не жива ли она ещё.

— Как их зовут?

— Шушкил и Бриамив.

— А это те, кто её нашёл?

Я кивнул на ребят, за которыми присматривали полицейские. Две девочки, два паренька. Всем лет по пятнадцать, продрогшие, уставились себе под ноги.

— Ну. Жевальщики.

— Раскумар ни свет ни заря?

— Это же зависимость, — сказала она. — Может, явились за месячной дозой или ещё каким-нибудь дерьмом. Оказались здесь незадолго до семи. Этому, очевидно, трасса для катания поспособствовала. Её построили всего пару лет назад, поначалу вроде ничего, но у местных сдвинулся распорядок дня. С полуночи до девяти утра здесь только жевальщики; с девяти до одиннадцати местная банда намечает планы на день. А с одиннадцати до полуночи по трассе катаются на скейтбордах и роликах.

— Что у них при себе?

— У одного парнишки — ножичек, но совсем маленький. Этаким ножом и волосьев из раковины не выковыряешь — игрушка. И у всех — жува. Вот и всё.

Она пожала плечами.

— При них-то наркоты не было, мы нашли её возле стены, но, — она снова пожала плечами, — кроме них, никто поблизости не ошивался.

Она жестом подозвала одного из своих коллег и открыла сумку, которую тот держал в руках. Маленькие пучки измазанной в смоле травки. Уличное её название «фельд», она являет собой

крутую породу Catha edulis, смешанную с табаком, кофеином и кое-чем посильнее, а также со стекловолоконными нитями или чем-то похожим, чтобы обдирать дёсны и загонять наркоту прямо в кровь. Её название — трёхъязычный каламбур: она зовётся «кат» там, где растёт, а животное, которое по-английски называется «cat», на нашем родном языке известно как «фельд». Я понюхал пучки: это была довольно-таки низкосортная дрянь. Прошёл к тому месту, где в пухлых своих куртках дрожали четверо подростков.

— Чо случилось, коп? — с бещельским акцентом спросил один паренёк на хип-хопном приближении к английскому.

Он встретился со мной взглядом, но был бледен. И он, и его товарищи выглядели неважно. Они не могли видеть мёртвую оттуда, где сидели, но даже в её сторону старались не смотреть.

Должно быть, они понимали, что мы нашли фельд и знаем, что он принадлежит им. Они могли бы вообще ничего не сообщать, просто смыться.

— Инспектор Борлу, — сказал я. — Отряд особо опасных преступлений.

Я не стал представляться Тьядором. Трудно расспрашивать парня такого возраста — он слишком

взросл для обращения по имени, эвфемизмов и игрушек, но ещё недостаточно взросл, чтобы выступать простым оппонентом в допросе, когда, по крайней мере, ясны правила.

— А тебя как зовут?

Он поколебался, рассматривая возможность прибегнуть к какому-нибудь предпочитаемому им сленгу, но отказался от этой мысли.

— Вильем Баричи.

— Это вы её нашли?

Он кивнул, и вслед за ним кивнули его друзья.

— Расскажи.

— Мы пришли сюда, чтобы, чтоб это, и… — Вильем выжидал, но я ничего не сказал о его наркотиках. — И увидели что-то под этим матрасом и сдвинули его в сторону. Там были какие-то…

Друзья Вильема смотрели, как он колеблется, борясь с суеверием.

— Волки? — спросил я.

Они переглянулись.

— Да, мэн, там вокруг шнырял какой-то подлый зверюга и… Так что мы решили, это…

— Сколько прошло с тех пор, как вы здесь? — спросил я.

Вильем пожал плечами.

— Не знаю. Часа два?

— Кто-нибудь ещё был поблизости?

— Видели там каких-то чуваков. Сколько-то времени назад.

— Дилеров?

Он снова пожал плечами.

— И ещё какой-то фургон подъехал сюда по траве, а чуть погодя снова уехал. Мы ни с кем не говорили.

— Когда был этот фургон?

— Не знаю.

— Было ещё темно, — сказала девочка.

— Ладно. Вильем, ребята, мы раздобудем вам что-нибудь на завтрак, если хотите, найдём какое-нибудь питьё.

Я махнул рукой полицейским, которые их охраняли.

— С их родителями вы уже поговорили? — спросил я у них.

— Направляются сюда, босс, только вот её предкам, — отвечавший указал на одну из девчонок, — никак не можем дозвониться.

— Значит, продолжайте. А сейчас доставьте их в Центр.

Четверо подростков переглянулись.

— Это какая-то хрень, — неуверенно сказал другой паренёк, не Вильем.

Он знал, что по каким-то там правилам ему надо противиться приказу, но на деле ему хотелось поехать с моими подчинёнными. Чёрный чай, хлеб, волокита с протоколами, скука и лампы дневного света — всё это так не походило на стягивание громоздкого, тяжёлого от влаги матраса в тёмном дворе.

Прибыли Степен Шукман и Хамд Хамзиник, его помощник. Я посмотрел на часы. Шукман не обратил на меня внимания. Нагнувшись к телу, он задышал с присвистом. Констатировал смерть. Стал высказывать свои наблюдения, а Хамзиник принялся их записывать.

— Время? — спросил я.

— Часов двенадцать, — сказал Шукман.

Он надавил на конечность мёртвой. Та качнулась. Учитывая её окоченелость и такую неустойчивость на земле, можно было предположить, что она приобрела позу смерти, лёжа на чём-то с иными очертаниями.

— Убили её не здесь.

Я много раз слышал, что он хорош в своей работе, но не видел никаких свидетельств чего-то большего, чем простая компетентность.

— Закончили? — обратился он к женщине из вспомогательного персонала, фиксировавшего

сцену преступления.

Та сделала ещё два снимка под разными углами и кивнула. Шукман с помощью Хамзиника перекатил женщину на спину. Она словно сопротивлялась ему своей скованной неподвижностью. Перевёрнутая, она выглядела нелепо, будто кто-то вздумал сыграть мёртвое насекомое, скрючив руки и ноги и покачиваясь на спине.

Она смотрела на нас снизу вверх из-под развевающейся чёлки. Лицо застыло в испуганном напряжении: она бесконечно удивлялась себе самой. Она была молода. На ней было много косметики, размазанной по лицу из-за сильных побоев. Невозможно было сказать, как она выглядит, что за лицо представили бы себе те, кто её знал, если бы услышали её имя. Может, позже, когда она расслабится в смерти, мы узнаем её лучше. Спереди её всю изукрасила кровь, тёмная, как грязь.

Последовали вспышки фотокамер.

— Так, привет, причина смерти, — сказал Шукман, обращаясь к ранам в её груди.

По левой щеке, загибаясь под челюсть, проходила длинная красная щель. У неё было разрезано пол-лица.

На протяжении нескольких сантиметров рана

была гладкой, ровной, как мазок кисти. Заходя за челюсть, под нависающими губами, она зазубривалась и то ли заканчивалась, то ли начиналась глубоким рваным отверстием в мягких тканях за костью. Женщина смотрела на меня невидящим взглядом.

— Сделайте несколько снимков без вспышки, — сказал я.

Как и некоторые другие, я отвёл взгляд, пока Шукман бормотал о том, что он наблюдает, — смотреть на это казалось чем-то похотливым. Облачённые в форму технические исследователи криминальной мизансцены, на нашем сленге — кримтехи, вели поиски в расширенном круге. Ворошили мусор и обшаривали колеи, оставленные автомобилями. Раскладывали на земле стандартные предметы для сопоставления и фотографировали.

— Ну ладно. — Шукман поднялся. — Давайте уберём её отсюда.

Двое мужчин водрузили её на носилки.

— Господи, — сказал я, — да прикройте же её. Кто-то нашёл неведомо где одеяло, и её понесли к машине Шукмана.

— Зайду во второй половине дня, — сказал он. — Увидимся?

Я уклончиво помотал головой и направился к Корви.

— Ностин, — обратился я к детективу, оказавшись в таком месте, где Корви могла нас краем уха слышать. Она подошла чуть ближе.

— Да, инспектор? — отозвался Ностин.

— Что скажешь, по-быстрому?

Он глотнул кофе и нервно на меня посмотрел.

— Шлюха? — предположил он. — Первые впечатления, инспектор. В этом месте, избитая, голая? И…

Он указал себе на лицо, изображая её чрезмерный макияж.

— Шлюха.

— Драка с клиентом?

— Да, но… Знаете ли, будь это просто телесные раны, то, увидев их, можно было бы подумать: она заартачилась, не стала делать, чего он хотел, что бы там ни было. Он вышел из себя и набросился. Но это… — Он снова с неловкостью прикоснулся к своей щеке. — Это совсем другое дело.

— Псих?

Он пожал плечами.

— Может быть. Режет её, убивает, выбрасывает. Наглый к тому же, мерзавец: начхать ему было на то, что мы её найдём.

— Наглый или тупой.

— Или и наглый, и тупой.

— Стало быть, наглый, тупой садист, — сказал я.

Он закатил глаза: дескать, возможно.

— Хорошо, — сказал я. — Может, и так. Надо обойти местных девиц. Расспросить какого-нибудь полицейского в форме, который знает, что здесь к чему. Узнать, не возникали ли у них проблемы с кем-либо в последнее время. Распространить фото, выяснить имя Фуланы Деталь.

Я употребил общепринятое обозначение неизвестной женщины.

— Первым делом опросите Баричи и его приятелей, вот там. Будьте с ними обходительней, Бардо, они не обязаны были нам звонить. Я серьёзно. И захватите с собой Ящек. — Рамира Ящек отлично справлялась с допросами. — Позвоните мне сегодня?

Когда он остался вне пределов слышимости, я сказал Корви:

— Несколько лет назад на дело об убийстве простолюдинки у нас бы и половины такого числа народа не набралось.

— Проделан долгий путь, — отозвалась она.

Ей было ненамного больше, чем мёртвой жен-

щине.

— Сомневаюсь, чтобы Ностина радовало отдавать профессиональный долг проститутке, но он, как видите, не жалуется, — сказал я.

— Проделан долгий путь, — повторила она.

— Так что же?

Я задрал бровь. Глянул в сторону Ностина. Я ждал. Я помнил о работе Корви по исчезновению Шульбана, делу значительно более византийскому, чем это изначально представлялось.

— Просто я, знаете ли, думаю, что надо иметь в виду и другие возможности, — сказала она.

— Поясните.

— Её макияж, — сказала она. — Сплошь, знаете ли, земельные и коричневые тона. Нанесены толстым слоем, но не…

Она надула губы, изображая женщину-вамп.

— А обратили внимание, какие у неё волосы?

Я обратил.

— Некрашеные. Поедем со мной на Гунтерстращ, поколесим вокруг, подкатим к любой девчачьей тусовке. Две трети блондинок, думаю. А остальные — чёрные, кроваво-красные или ещё какая-нибудь дрянь. И… — Она пощупала пальцами воздух, словно это были волосы. — У неё они грязные, но намного лучше, чем у меня.

Она провела рукой по секущимся кончикам собственных волос.

Большинство уличных женщин в Бещеле, особенно в таких районах, как этот, на первое место ставили еду и одежду для своих детей; фельд или крэк для себя; пищу для себя, а потом всякую всячину, в каковом списке кондиционер для волос значился далеко внизу. Я взглянул на остальных полицейских, на Ностина, собиравшегося в путь.

— Ладно, — сказал я. — Вы этот район знаете?

— Вообще-то, — сказала она, — он несколько на отшибе, понимаете? Вряд ли даже относится к Бещелю. Мой участок — Лестов. Некоторых из наших направили сюда, когда приняли сегодняшний звонок. Но пару лет назад я сюда выезжала, так что немного его знаю.

Лестов и сам почти пригород, в шести или около того километрах от центра города, а мы находились к югу от него, за мостом Йовик, на клочке земли между проливом Булкья и рекой, едва ли уже не устьем её, впадающим в море. Строго говоря, островная, хотя так тесно соединённая с материком промышленными руинами, что вы никогда не подумали бы о ней как о таковой, Кордвенна включала в себя жилые массивы, склады и винные погреба с низкой арендной

платой, связанные друг с другом каракулями бесконечных граффити. Она располагалась достаточно далеко от центра Бещеля, чтобы о ней с лёгкостью можно было забыть в отличие от трущоб, вдававшихся внутрь города.

— Как долго вы здесь пробыли? — спросил я.

— Стандартный срок: шесть месяцев. Как и ожидалось: уличные кражи, подростковые драки, наркота, проституция.

— Убийства?

— За моё время — два или три. На почве наркотиков. Но в основном до этого не доходит: банды достаточно смышлёны, чтобы наказывать друг друга без привлечения ОООП.

— Значит, кто-то напортачил.

— Ну. Или ему наплевать.

— Хорошо, — сказал я. — Я хочу, чтобы вы занялись этим. Что вы сейчас делаете?

— Ничего такого, что не могло бы подождать.

— Хочу, чтобы вы на некоторое время перебрались сюда. Контакты какие-нибудь сохранились?

Она поджала губы.

— Найдите их, если сможете, а если нет, поговорите с кем-нибудь из местных парней, посмотрите, кто у них запевалами. Вы мне здесь

понадобитесь. Слушайте, обследуйте этот массив — как это местечко зовётся, ещё раз?

— Деревня Покост.

Она невесело рассмеялась, а я задрал бровь.

— Деревни оно стоит, — сказал я. — Посмотрите, что сможете раскопать.

— Моему комиссару это не понравится.

— Я с ним договорюсь. Это Башазин, правильно?

— Вы всё уладите? Значит, я прикомандирована?

— Давайте пока что не будем это никак называть. Пока что я просто прошу вас сосредоточиться на этом деле. И подчиняться непосредственно мне.

Я дал ей номера своих телефонов — и сотового, и офисного.

— Позже можете показать мне и прелести Кордвенны. И…

Я посмотрел на Ностина, и она это заметила.

— Просто ничего не упускайте из виду.

— Вероятно, он прав. Вероятно, это наглая садистская выходка, босс.

— Вероятно. Давайте выясним, почему у неё такие ухоженные волосы.

В нашей лиге имелась табель об инстинктах.

Все мы знали, что в те дни, когда комиссар Кереван работал на улице, он раскрыл несколько дел, следуя намёкам, лишённым какого-либо логического смысла, и что главному инспектору Маркобергу ни одно подобное раскрытие не удалось, а его удачи были, скорее, итогом изнурительной работы. Мы никогда не назвали бы необъяснимые маленькие догадки «прозрениями», опасаясь привлечь внимание Вселенной. Но такие догадки случались, и было понятно, что вы находитесь в непосредственной близости от одной из них, если какой-нибудь детектив целовал пальцы и прикасался к своей груди, где теоретически должен был бы висеть кулон в честь Варши, святого покровителя необъяснимых вдохновений.

Когда я спросил у Шушкила и Бриамива, что они делали, двигая матрас, они сначала удивились, затем заняли оборонительную позицию, а в конце концов помрачнели. Я упомянул о них в отчёте. Извинись они, я бы им это спустил. Удручающе часто можно видеть, как башмаки полицейских оставляют следы на остатках крови, как смазываются и искажаются отпечатки пальцев, как портятся или теряются улики.

По краям открытой площадки собиралась

небольшая группа журналистов. Петрус Такой-то, Вальдир Мохли, молодой парень по имени Рахаус, ещё несколько.

«Инспектор!» — «Инспектор Борлу!» — И даже: «Тьядор!»

В большинстве своём представители прессы всегда были вежливы и соглашались с моими предложениями касательно того, о чём им следует умолчать. За последние несколько лет появились новые, более непристойные и агрессивные издания, вдохновляемые и в некоторых случаях контролируемые британскими или североамериканскими владельцами. Это было неизбежно, а наши устоявшиеся местные печатные органы, по правде сказать, своей степенностью нагоняли скуку. Тревогу внушала не столько склонность к сенсациям и даже не раздражающее поведение молодых писак новой прессы, сколько их готовность покорно следовать сценарию, написанному ещё до их рождения. К примеру, Рахаус, который писал для еженедельника под названием «Рейаль!». Разумеется, когда он домогался у меня фактов, которых, как ему известно, я никогда ему не дал бы, и когда пытался подкупить младших офицеров, причём иногда небезуспешно, ему не следовало бы говорить то, что он то и

дело норовил сказать: «Общественность имеет право знать!»

Когда он произнёс это в первый раз, я его даже не понял. В бещельском языке слово «право» достаточно многозначно, чтобы уклониться от императивного смысла, который он намеревался выразить. Чтобы понять эту фразу, мне пришлось мысленно перевести её на английский, которым я владею почти свободно. Его верность клише превосходила потребность в общении. Возможно, он не удовольствуется, пока я не зарычу и не обзову его грифом и упырём.

— Вы знаете, что я скажу, — обратился я к ним. Нас разделяла натянутая лента. — Во второй половине дня состоится пресс-конференция, в Центре ООПП.

— В какое время?

Они осаждали моего фотографа.

— Вам сообщат, Петрус.

Рахаус сказал что-то, но я пропустил это мимо ушей. Обернувшись, я увидел конец Гунтерстращ — за краями микрорайона, между грязными кирпичными зданиями. Ветер гонял мусор. Это могло быть где угодно. Шаркающей и раскачивающейся походкой по улице медленно удалялась какая-то пожилая женщина. Она повернула голову и по-

смотрела на меня. Я был поражён её движением и встретился с ней глазами. Подумал, не хочет ли она что-то мне сказать. Одним взглядом я вобрал в сознание её одежду, походку, манеру держаться и смотреть.

Сильно вздрогнув, я осознал, что она шла вовсе не по Гунтерстращ и что мне не полагалось её видеть.

Разволновавшись, я тотчас отвёл взгляд в сторону, и она сделала то же самое и с той же скоростью. Я запрокинул голову, глядя на снижавшийся перед приземлением самолёт. Когда через несколько секунд я повернулся обратно, не обращая внимания на старуху, тяжело ступавшую вдали, то старался смотреть не на неё, шедшую по своей чуждой улице, а на фасады близлежащей и местной Гунтерстращ, этой зоны уныния.

Глава 2

Констебль подбросил меня к северу от Лестова, поближе к мосту. Местность я знал плохо. Само собой, я бывал на этом острове, посещал руины, когда был школьником, а иногда и позже, но крысиные мои бега проходили совсем в других местах. Знаки, показывавшие направления на местности, крепились к наружным стенам пекарен и маленьких мастерских, и я, следуя им, прошёл к трамвайной остановке на красивой площади. Стал там ждать, стоя между домом престарелых, отмеченным логотипом с песочными часами, и магазином специй, воздух вокруг которого пропах корицей.

Когда с жестяным позвякиванием подкатил трамвай, подрагивая на путях, я вошёл в него, но садиться не стал, хотя вагон был полупуст. Знал, что мы будем подбирать пассажиров, следуя на север, к центру Бещеля. Стоя рядом с окном, я смотрел прямо в город, в эти его незнакомые улицы.

Женщина, неуклюже приютившаяся под старым матрасом, обнюхиваемая падальщиками. Я позвонил Ностину по сотовому:

— Матрас на следы проверяется?

— Должен, босс.

— Проследите. Если техники занимаются им, то порядок, но Бриамив и его приятель могли смазать точку в конце предложения.

Возможно, она была новенькой в этой жизни. Может, найди мы её через неделю, она уже стала бы электрической блондинкой.

Эти районы рядом с рекой очень запутаны, многим зданиям здесь по веку или по нескольку веков. Трамвай следовал своими путями через закоулки, где по крайней мере половина тех домов, мимо которых мы проезжали, словно бы склонялись друг к другу и маячили над нами. Мы закачались и замедлили ход позади автомобилей, как местных, так и пребывавших где-то ещё, приблизившись к зоне штриховки, где бещельские здания сдавались под антикварные магазины. Торговля эта преуспевала так же, как на протяжении последних лет и всё остальное в городе; подержанные вещи приводились в порядок и полировались, а жители за несколько бещмарок освобождали свои квартиры от реликвий.

Некоторые журналисты были настроены оптимистично. Хотя их лидеры рычали друг на друга так же безжалостно, как некогда в муни-

ципалитете, многие из нового поколения всех партий работали вместе, чтобы вывести Бещель вперёд. Каждая капля иностранных инвестиций — а подобные капли, ко всеобщему удивлению, имели-таки место — продвигала экономику. Не так давно к этому делу подключилась даже пара высокотехнологичных компаний, хотя трудно было поверить, что это произошло в ответ на глупое недавнее самоописание Бещеля как «кремниевого лимана».

Я сошёл у статуи короля Вала. В центре было оживлённо: я передвигался рывками, извиняясь перед гражданами и местными туристами, старательно не-видя других, пока не достиг бетонных блоков Центра ОООП. Бещельские гиды пасли две группы туристов. Стоя на ступеньках, я смотрел на Уропастращ. Мне потребовалось несколько попыток, чтобы дозвониться.

— Корви?

— Да, босс?

— Вы знаете тот район: есть ли шанс, что мы в данном случае рассматриваем брешь?

Несколько секунд она молчала.

— Не представляется вероятным. По большей части этот район сплошной. И, разумеется, деревня Покост, вся эта застройка, — тоже.

— Но кое-где на Гунтерстращ…

— Да, но… Ближайшая штриховка отстоит на сотни метров. Не могли же они…

Это было бы чрезмерным риском со стороны убийцы или убийц.

— Думаю, можно предположить, — сказала она.

— Хорошо. Давайте мне знать, как продвигаетесь. Скоро перезвоню.

Мне нужно было привести в порядок бумаги по другим делам, я открыл их и расположил по степени срочности, как диспетчер расставляет заходящие на посадку самолёты. Девушка, забитая до смерти своим парнем, которому пока удавалось уйти от нас, несмотря на квитанции, выписанные на его имя, и его отпечатки в аэропорту. Стелим — старик, что удивил наркомана, который проник к нему со взломом и которого он единожды ударил, смертельно, тем самым гаечным ключом, что был при нём. Этого дела не закроют. Молодой человек по имени Авид Авид, брошенный с кровоточащей головой после бордюрного поцелуя от расиста, написавшего на стене над ним «Грязный эбру». По этому делу я координировался с коллегой из специального отдела, Шенвоем, который за некоторое время до

убийства Авида начал работать под прикрытием среди ультраправых Бещеля.

Рамира Ящек позвонила, когда я перекусывал у себя за столом.

— Только что допросила тех деток, босс.

— И что?

— Вам надо радоваться, что они не знают своих прав лучше, потому как если они бы их знали, то Ностину сейчас были бы предъявлены обвинения.

Я протёр глаза и проглотил то, что оставалось во рту.

— Что он натворил?

— Сергев, приятель Баричи, вёл себя нагло, так что Ностин голым кулаком задал ему вопрос по губам, заявив, что он главный подозреваемый.

Я выругался.

— Не слишком сильно; по крайней мере, благодаря ему мне было легче гудкопить.

Мы заимствовали «гудкопить» и «бэдкопить» из английского, обратив их в глаголы. Ностин был из тех, кто слишком легко переключается на жёсткий допрос. Есть некоторые подозрения, что такая методология работает с теми, кому во время допроса требуется упасть с лестницы, но угрюмые подростки-жеватели здесь не в счёт.

— Во всяком случае, вреда никакого, — сказала Ящек. — Их рассказы друг другу соответствуют. В той рощице они вне подозрений, все четверо. Слегка озоруют, наверное. Они пробыли там пару часов, самое меньшее. В какой-то момент в течение этого времени — и не просите более точного ответа, потому что не получите ничего, что выходило бы за рамки «было ещё темно», — одна из девушек видит, что по траве к скейт-парку пробирается фургон. Она не придаёт этому значения, потому что люди являются туда в любое время дня и ночи, чтобы делать бизнес, сбывать наркоту, всё такое. Он колесит вокруг, проезжает мимо скейт-парка, возвращается. Через некоторое время уносится прочь.

— Уносится?

Я строчил в блокноте, другой рукой пытаясь вытянуть из компа свою почту Соединение несколько раз прерывалось. Слишком большие прикреплённые файлы в неадекватной системе.

— Ну. Он ещё второпях грохнулся подвеской. Потому-то она и заметила, что он уезжает.

— Описание?

— «Серый». Она в фургонах не разбирается.

— Покажите ей несколько снимков, может, удастся идентифицировать марку.

— Как раз этим и занимаемся, босс. Я дам вам знать. Позже туда по какой-то причине подъезжали по крайней мере два других автомобиля или микроавтобуса — ради бизнеса, если верить Баричи.

— Они могли затереть следы шин.

— Примерно через час рысканья эта девушка упоминает о фургоне остальным, и тогда они идут проверить, не выбросили ли из него что-нибудь. Говорит, иногда можно найти старую стереосистему, обувь, книги, всякое выкинутое дерьмо.

— И там они находят её.

Некоторые сообщения прочитались. Одно было от кого-то из фотографов-кримтехов, и я его открыл и начал прокручивать изображения.

— Да, там они находят её.

Меня пригласил к себе комиссар Гадлем. Его тихая театральность и манерная мягкость выглядели неуклюже, но он всегда позволял мне делать своё дело. Я сидел, пока он постукивал по клавиатуре и чертыхался. На клочках бумаги, приклеенных сбоку к дисплею, я видел, должно быть, пароли баз данных.

— Итак? — начал он. — Жилой массив?

— Да.

— Это где?

— На юге, в пригороде. Молодая женщина, колотые раны. Её забрал Шукман.

— Проститутка?

— Возможно.

— Возможно, — сказал он, оттопыривая ладонью ухо, — и всё же. Я это слышу. Что ж, вперёд, следуйте за своим нюхом. Скажете, если когда-нибудь придёт охота поделиться причинами этого «и всё же», хорошо? Кто у вас в подчинении?

— Ностин. И ещё я заполучил в помощь одну патрульную. Корви. Женщина-констебль, первоклассная. Знает окрестности.

— Это там она патрулирует?

Я кивнул. Достаточно близко.

— Что ещё не закрыто?

— У меня на столе?

Я рассказал. Комиссар кивнул. Даже при всех остальных делах он давал мне свободу расследовать убийство Фуланы Деталь.

— Значит, вы всё это дело видели?

Было около десяти вечера — с тех пор, как мы нашли жертву, прошло более сорока часов. Корви сидела за рулём, ничего не предпринимая, чтобы замаскировать свою форму, хотя автомобиль у нас был без опознавательных знаков, и колесила по улицам, прилегающим к Гунтерстращ.

Накануне я допоздна не был дома, а теперь, в одиночестве проведя на этих же улицах всё утро, оказался здесь снова.

На больших улицах и кое-где ещё имелись заштрихованные участки, но эта далеко выдвинутая обширная часть области была сплошной. Немногочисленные бещельские стилизации под античность, с крутыми крышами и многостворчатыми окнами: захиревшие заводы и склады. Построенные несколько десятилетий назад, часто с разбитыми стёклами, работающие вполовину мощности, если открыты. Заколоченные досками фасады. Продуктовые магазины, обнесённые проволокой. Старые ветхие фронтоны классического бещельского стиля. Некоторые дома были заселены или превращены в часовни и аптеки, некоторые выгорели и стали грубыми углеродными версиями самих себя.

Район не был запружён толпой, но и безлюдным его нельзя было назвать. Прохожие казались частью ландшафта — они словно всегда там находились. Утром их было меньше, но не слишком.

— Видели, как Шукман работал над телом?

— Нет. — Я смотрел на то, мимо чего мы проезжали, сверяясь со своей картой. — Я добрался туда, когда он уже закончил.

— Вы что, брезгливы? — спросила она.

— Нет.

— Ну… — Она улыбнулась и развернула машину. — Вам пришлось бы так сказать, даже если бы вы и были брезгливы.

— Верно, — сказал я, хотя это было неправдой.

Она указывала на предметы, годившиеся в качестве ориентиров. Я не сообщил ей, что рано утром побывал уже в Кордвенне и изучил эти места.

Корви не пыталась скрыть свою полицейскую форму, потому что благодаря ей те, кто нас видел и в противном случае решил бы, что мы их завлекаем, могли понять, что наши намерения не таковы, а тот факт, что мы ехали не в «синяке», как мы называем чёрно-синие полицейские машины, сообщал им, что и преследовать их мы не собираемся. Запутанные соглашения!

Почти все люди вокруг нас находились в Бещеле, так что мы их видели. Бедность лишала очертаний степенных граждан, долгое время бещельскую одежду характеризовали невзрачные покрои и цвета — то, что называется «городской модой без моды». Некоторые исключения, как мы осознавали, замечая их, пребывали в ином месте, так что их мы не-видели, но у молодых

бещельцев одежда тоже была более красочной и живописной, чем у их родителей.

Большинство бещельских мужчин и женщин (надо ли об этом говорить?) ничем не занимались, а только переходили из одного места в другое, с поздней рабочей смены домой, из домов в другие дома или магазины. Всё же то, что мы наблюдали, выглядело угрожающим, и ещё происходило достаточно скрытого, так что уж точно дело не в паранойе.

— Сегодня утром я нашла нескольких местных жителей, с которыми обычно разговаривала, — сказала Корви. — Спросила, не слышали ли они чего-нибудь.

Она проезжала через затемнённый участок, где баланс штриховки смещался, и мы молчали, пока фонари вокруг нас не стали снова более высокими и привычно декоративно изогнутыми. Под этими фонарями — улица, на которой мы находились, виделась уходящей от нас кривой, сужающейся в перспективе; возле стен стояли женщины, торговавшие сексуальными услугами. Они настороженно следили за нашим приближением.

— Особой удачи у меня не было, — сказала Корви.

Во время той ранней вылазки у неё даже не было при себе фотографии. Она подняла все свои старые контакты: с приказчиками из ликёро-водочного магазина, со священниками приземистых поместных церквей, кое-кто из которых были последними священниками-простолюдинами, с храбрыми стариками, на бицепсах и предплечьях у которых были вытатуированы серпы и кресты, а на полках за спиной стояли бещельские переводы Гутьерреса, Раушенбуша, Канаана Бананы[1]. С сиделками, ухаживавшими за престарелыми. Корви могла только спросить, что они могут рассказать ей о событиях в деревне Покост. Об убийстве они слышали, но ничего толком не знали.

Теперь фотография у нас имелась. Мне дал её Шукман. Я взмахнул ею, когда мы вышли из машины; я размахивал ею, чтобы женщины видели: вот, я что-то для них принёс, а значит, приехали мы именно ради этого, а не затем, чтобы кого-то арестовывать.

---

[1] Примечания: 1

Уолтер Раушенбуш (1861–1918) — американский священник, ставший лидером движения Социального Евангелия, пытавшегося приложить христианскую этику к решению социальных проблем индустриального общества; *Густаво Гутьеррес* (р. 1928, Перу) — перуанский католический священник, теолог; *Канаан Содиндо Банана* (1936–2003) — политик Зимбабве, пастор. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

Кое-кого из них Корви знала. Они курили и наблюдали за нами. Было холодно, и я, подобно всем прочим, кто видел их, дивился, каково приходится их ногам в одних чулочках. Мы, конечно, воздействовали на их бизнес: многие местные, проходя мимо, смотрели на нас и снова отворачивались. Я увидел, как замедлил ход проезжавший мимо «синяк»: должно быть, им представился лёгкий арест, но водитель и пассажир заметили форму Корви и, отсалютовав, снова ускорили движение. Я в ответ помахал их задним огням.

— Что вам надо? — спросила одна из женщин.

На ней были высокие дешёвые сапоги. Я показал ей фотографию.

Лицо Фуланы Деталь подчистили. Отметины, однако, оставались — под макияжем видны были царапины. Их можно было бы убрать со снимка полностью, но потрясение от вида этих ран было для допроса полезно. Снимок сделали до того, как ей обрили голову. Умиротворённой она не выглядела. Она выглядела нетерпеливой.

«Не знаю её». — «Я её не знаю».

Я не замечал быстро скрываемого узнавания. К ужасу клиентов, толпившихся на краю местной темноты, проститутки сгрудились в сером свете фонаря, передавая снимок из рук в руки, и,

вне зависимости от того, издавали они или нет сочувственные возгласы, было ясно, что Фулана им не знакома.

— Что случилось?

Я вручил свою карточку женщине, которая это спросила. Она была тёмной, с давней примесью семитских или турецких кровей. По-бещельски говорила без акцента.

— Это мы и пытаемся выяснить.

— Нам стоит беспокоиться?

Я промолчал, и после паузы Корви сказала:

— Если мы сочтём, что стоит, то сообщим вам об этом, Сайра.

Мы остановились рядом с группой молодых людей, пивших крепкое вино возле бильярдной. Корви немного послушала их сквернословие, затем пустила по кругу фотографию.

— Здесь-то мы зачем? — тихонько спросил я.

— Это начинающие гангстеры, босс, — объяснила она. — Смотрите, как они прореагируют.

Но те, если что-нибудь и знали, выдали совсем немного. Вернули фотографию и бесстрастно приняли мою карточку.

Мы повторяли то же самое и у других скоплений народа, а потом каждый раз по нескольку минут ждали в машине, достаточно далеко,

чтобы какой-нибудь встревоженный участник любой из групп мог придумать себе оправдание, найти нас и сообщить нечто неудобосказуемое, что каким угодно окольным путём помогло бы нам протолкнуться к личности и родственникам нашей мёртвой женщины. Однако никто так к нам и не подошёл. Я раздал свои карточки множеству людей и записал в блокноте имена и описания тех немногих, которые, по словам Корви, шли в счёт.

— Вот, собственно, и все, кого я знала здесь раньше, — сказала она.

Некоторые мужчины и женщины узнавали её, но, казалось, это не влияло на то, как её принимали. Когда мы согласились, что закончили, было за два часа ночи. Бледный полумесяц уже клонился к закату: после последнего вмешательства мы остановились на улице, лишившейся даже самых последних своих ночных завсегдатаев.

— Она по-прежнему под знаком вопроса. — В голосе Корви слышалось удивление.

— Договорюсь, чтобы по всему району развесили плакаты.

— В самом деле, босс? Комиссар на это пойдёт?

Мы переговаривались вполголоса. Я продел пальцы в проволочную сетку изгороди вокруг

участка, на котором, кроме бетона и кустарника, ничего не было.

— Да, — сказал я. — Он это поддержит. Не так уж это и много.

— Потребуются несколько полицейских на несколько часов, а он ведь не собирается… не за…

— Нам надо установить личность. Чёрт, да я их самолично развешу.

Устрою так, чтобы их разослали во все подразделения города. Если мы выясним имя и если история Фуланы такова, как в предварительном порядке обрисовывала нам интуиция, те немногие ресурсы, которыми мы располагали, испарятся. Мы пилили сук, на котором сидели, — свобода действий предоставляется отнюдь не навсегда.

— Вы начальник, босс.

— Не совсем, но пока что это дело у меня в руках, пускай и ненадолго.

— Поедем? — Она указала на машину.

— Я пойду на трамвай.

— Серьёзно? Бросьте, потеряете несколько часов.

Но я от неё отмахнулся. Я пошёл прочь под звуки собственных шагов и цоканье когтей какой-то

безумной бродячей собаки, туда, где серые блики наших ламп стирались и где меня озарял чуждый оранжевый свет.

Шукман у себя в лаборатории был мягче, нежели в миру. Я говорил по телефону с Ящек, просил у неё видео допроса малолеток, проведённого накануне, когда Шукман связался со мной и сказал, чтобы я пришёл. У него, конечно, было холодно, воздух спёрт от химикатов. В этой лишённой окон огромной комнате было много стали и тёмного дерева с бессчётными пятнами. На стенах висели доски объявлений, на каждой образовались заросли бумаг.

Грязь, казалось, прячется по углам комнаты, по краям столов, но как-то раз я провёл пальцем вдоль грязной на вид канавки возле вынутой из отверстия пробки — и он остался чистым. Пятна были старые. Шукман стоял в изголовье стального стола для вскрытия, на котором, покрытая слегка запятнанной простынёй, лежала наша Фулана, простовато глазея на нас, занятых её обсуждением.

Я посмотрел на Хамзиника. Он, я подозревал, был лишь немногим старше мёртвой женщины. Стоял с ней рядом, почтительно сложив руки. Случайно или нет, он располагался около доски, к

которой, наряду с открытками и записками, была прикноплена небольшая яркая шахада[2]. Хамд Хамзиник был тем, кого убийцы Авида Авида тоже обозначили бы как «эбру». В наши дни этот термин применяется в основном старомодными расистами или же — в обратной провокации — самими объектами эпитета: одна из самых известных бещельских хип-хоп групп называется «Эбру, штат Вашингтон».

Конечно, формально это слово было смехотворно неточным в отношении по крайней мере половины тех, к кому применяется. Но самое малое двести лет минуло с тех пор, как явились беженцы с Балкан, искавшие святилище и быстро расширявшие мусульманское население города, и «эбру», старинное бещельское слово со значением «еврей», было насильно введено в употребление для обозначения и новых иммигрантов, став собирательным термином для обеих популяций. Мусульманские пришельцы селились в прежних еврейских гетто Бещеля.

Даже до появления беженцев неимущие двух объединённых в общины меньшинств Бещеля

---

[2] Примечания: 2

Шахада — исламский символ веры, свидетельствующий о вере в Единого Бога (Аллаха) и пророческую миссию Пророка и Посланника Мухаммеда.

традиционно были союзниками, с шутливостью или страхом, в зависимости от текущей политики. Немногие граждане понимают, что наши традиционные анекдоты о глупости среднего ребёнка происходят от многовекового юмористического диалога между главным раввином Бещеля и главным его имамом о невоздержанности православной церкви Бещеля. У неё, соглашались они, нет ни мудрости старейшей Авраамовой веры, ни энергии своей младшей сестры.

Распространённой формой заведения на протяжении большей части истории Бещеля было «дёплир-кафе»: одно мусульманское и одно еврейское кафе, арендованные бок о бок, каждое со своим счётчиком и кухней, халяльной и кошерной, делящие одно название, вывеску и разрастающиеся столы, с удалённой стеной-перегородкой. В них приходили смешанные группы, приветствовали обоих владельцев и сидели вместе, разделяясь по общинной линии лишь на время, за которое можно было успеть заказать себе дозволяемую пищу с соответствующей стороны. Вольнодумцы же демонстративно делали заказы с обеих сторон. Было ли «дёплир-кафе» одним заведением или двумя, зависело от того, кто спрашивал; для сборщиков же налога на

имущество оно всегда было одним.

Бещельское гетто стало теперь только архитектурой, вокруг него больше нет формальной политической границы, ветхие старые дома с новым мелкопоместным шиком, втиснутые среди совсем других иностранных кварталов. Тем не менее, прежний город не сделался аллегорией, и Хамду Хамзинику предстояло столкнуться с неприятностями в своих занятиях. Я стал думать о Шукмане немного лучше: я, человек его же возраста и темперамента, возможно, был бы удивлён тем, что Хамзиник так свободно демонстрирует свой символ веры.

Шукман не стал раскрывать Фулану. Она лежала между нами. Они что-то сделали, так что теперь она лежала, словно бы отдыхая.

— Я отправил вам отчёт по электронной почте, — сказал Шукман. — Женщина лет двадцати четырёх или пяти. Общее состояние здоровья вполне приличное, если не считать, что мертва. Время смерти — позавчера около полуночи, плюс-минус, конечно. Причина смерти — колющие раны грудной клетки. Всего их четыре, и одна из них пронзила ей сердце. Какая-то заточка, стилет или что-то ещё, не лезвие. Кроме того, у неё отвратительная рана головы и множество

странных ссадин. Некоторые из них под волосами. Круговые удары по боковой части головы.

Он взмахнул рукой в замедленном подражании.

— Удар в левый висок. Я бы сказал, что её отправили в нокаут или, по крайней мере, в нокдаун, в состояние грогги, после чего колющие ранения привели к смерти.

— Чем её ударили? В голову?

— Тяжёлым тупым предметом. Может, кулаком, если крупный, я такое предполагаю, но серьёзно в этом сомневаюсь.

Он отдёрнул угол простыни, умело открыв левую сторону её головы. У кожи был страшный оттенок мёртвого синяка.

— Вуаля.

Он подал мне знак приблизиться. Я наклонился к её обритой голове, и запах консерванта усилился. Посреди чёрной щетины имели место несколько маленьких колотых отметок, покрытых коростами.

— Что это такое?

— Я не знаю, — сказал он. — Они неглубокие. Что-то такое, на что она упала, так я думаю.

Ссадины были размером с остриё карандаша. Они занимали площадь шириной примерно с

мою ладонь, неравномерно нарушая целостность кожи. Кое-где они представляли собой линии в несколько миллиметров длиной, более глубокие в центре, чем по краям, где сходили на нет.

— Признаки полового акта?

— Не в последнее время. Так что если она была рабочей девочкой, то, может, отказ что-то сделать и привёл её к такому концу.

Я кивнул. Он помолчал.

— Теперь-то мы её отмыли, — сказал он наконец. — Но она была вся в грязи, пыли, травяных пятнах, всем таком, чего можно ожидать от того места, где она лежала. И в ржавчине.

— Ржавчине?

— Повсюду. Множество ссадин, порезов, царапин, в основном посмертных, и много ржавчины.

Я снова кивнул. И нахмурился.

— Раны оборонительные?

— Нет. Нанесены быстро и неожиданно, или же она была повёрнута спиной. На теле целая куча царапин и много чего ещё. — Шукман указал на рваные отметины на её коже. — Это связано с её перетаскиванием. Износ после убийства.

Хамзиник открыл было рот и снова его закрыл. Я взглянул на него. Он грустно покачал головой:

дескать, нет, ничего.

Глава 3

Плакаты были развешаны. В основном вокруг области, где обнаружили нашу Фулану, но кое-где и на магистралях, на торговых улицах, в Кьезове, Топище и подобных им районах. Более того, один из них я увидел с порога собственной квартиры.

Это было даже не очень близко к центру Я жил восточнее и немного южнее Старого города, в квартире на предпоследнем этаже шестиэтажной башенки на Вулковстращ. Это сильно заштрихованная улица — инородность нарушает один архитектурный узел за другим, а кое-где даже и дом за домом. Местные здания то выше, то ниже друг друга в пределах трёх этажей, и поэтому Бещель выдаётся вверх с половинчатой регулярностью, а крыши выглядят едва ли не навесными бойницами.

Отороченная тенями балочных башен, которые маячили бы над ней, если бы стояли здесь, церковь Вознесения находится в конце Вулковстращ, и окна её защищены металлическими решётками, однако некоторые раскрашенные стёкла разбиты. Там через каждые несколько дней устраивают рыбный рынок. Я регулярно

завтракаю под крики продавцов, стоящих возле ведёрок со льдом и стоек с живыми моллюсками. Даже молодые женщины, которые там работают, становясь за прилавки, одеваются на манер своих бабушек, ностальгически фотогеничные, с волосами, повязанными шарфами цвета кухонных полотенец, и в фартуках с серыми и красными узорами, чтобы не так были заметны пятна, оставляемые потрошением. Мужчины, пока не скрывались, достигнув булыжников подо мной, выглядели — или казались — только что сошедшими с лодок и ещё не расставшимися со своим уловом после возвращения с моря. Бещельские покупатели медлили, принюхивались к товару, тыкали в него пальцами.

По утрам в нескольких метрах от моего окна по эстакаде проходили поезда. Они шли не в моём городе. Я, конечно, этого не делал, однако мог бы заглядывать в вагоны — уж очень они были близко — и встречаться глазами с заграничными пассажирами.

Они увидели бы только худощавого человека чуть старше сорока, в халате, занятого утренним йогуртом и кофе, встряхивающего и складывающего свежий номер «Инкьистора» или «Ий Деурнема» или захватанный «Бещельский

журнал», чтобы поупражняться в английском. Обычно он пребывал в одиночестве, но время от времени там можно было увидеть одну или другую из двух женщин примерно его возраста. (Историк-экономист Бещельского университета; автор художественного журнала. Они друг о друге не знали, но против ничего не имели бы.)

Когда я вышел, с плаката на стенде неподалёку от моей двери на меня взглянуло лицо Фуланы. Хотя глаза у неё были закрыты, с изображением основательно повозились, чтобы выглядела она не мёртвой, но ошеломлённой. «Знаете ли вы эту женщину?» — вопрошал плакат. Он был чёрно-белым, напечатанным на матовой бумаге. «Позвоните в Отряд особо опасных преступлений» — и наш номер. Наличие плаката свидетельствовало, что местные полицейские проявили необычайное усердие. Может, они висели по всему округу. А может, зная, где я живу, они хотели отделаться от моего надзора с помощью одного или двух стратегических размещений, специально для моих глаз.

До базы ОООП было километра два. Я пошёл пешком. Миновал кирпичные арки: вверху, где проходила граница, они находились в другом городе, но не все из них были чужими у основа-

ний. В тех, что я видел, располагались маленькие магазинчики и самовольные пристройки, украшенные художественным граффити. В Бещеле этот район был спокойным, но улицы заполнялись теми, кто жил в другом месте. Я их не-видел, но требовалось время, чтобы пробраться мимо них всех. Прежде чем я достиг поворота на Виа-Камир, мне на мобильный позвонила Ящек:

— Мы нашли фургон.

Я поймал такси, которое раз за разом то ускорялось, то застревало в транспортном потоке. Мост Махест был переполнен как у нас, так и в другом городе. Несколько минут я мог смотреть в грязную реку, пока мы протискивались к западному берегу; дым и грязные суда верфи представали в отражённом свете зеркальных зданий на заграничной набережной — в завидной финансовой зоне. Бещельские буксиры подпрыгивали в кильватерных струях игнорируемых водных такси. Фургон, весь скособоченный, стоял между зданиями. Это была не стоянка, но проезд между помещением импортно-экспортной фирмы и административным зданием, огрызок пространства, полный мусора и сорняков, связывавший две улицы покрупнее. С обеих его сторон были протянуты полицейские ленты — несколько

неуместно: этот проезд на самом деле был заштрихован, хотя и редко использовался, так что лента при таких обстоятельствах была нарушением общего правила. Мои коллеги топтались вокруг автомобиля.

— Здравствуйте, босс! — Это была Ящек.

— Корви уже едет?

— Да, я ей сообщила.

Ящек ничего не сказала о том, что я реквизировал младшего офицера. Она продемонстрировала мне находку. Фургон оказался старым, потрёпанным «Фольксвагеном», в очень плохом состоянии, скорее не вполне белым, чем серым, но это из-за грязи.

— Пыль собрали? — спросил я, надевая резиновые перчатки.

Кримтехи кивнули, продолжая работать вокруг меня.

— Он не был заперт, — сказала Ящек.

Я открыл дверцу. Потыкал пальцем растрескавшуюся обивку. Тронул безделушку над приборной панелью — танцующего хулу пластикового святого. Раскрыл бардачок, обнаружив грязь и потрёпанный атлас дорог. Бегло перелистал страницы книги, но внутри ничего не было: классическое пособие бещельского водителя, только

издание настолько давнее, что ещё чёрно-белое.

— Ну и откуда же следует, что это именно он?

Ящек подвела меня к задней дверце и открыла её.

Я посмотрел в ещё более грязный багажник: сырой, хотя и не тошнотворный запах, ржавчины не меньше, чем плесени, нейлоновый шнур, сваленный кучами хлам.

— Что здесь такое?

Я потыкал содержимое багажника. Несколько предметов. На слое пропылённой ткани — небольшой мотор от чего-то; сломанный телевизор; нераспознаваемые остатки, закрученные штопором обломки. Слои ржавчины и струпья окислов.

— Вон, видите?

Ящек указала на пятна на полу. Если бы я смотрел не так пристально, то сказал бы, что это масло.

— Нам позвонили двое из этого офиса, сообщили о брошенном фургоне. Полицейский увидел, что дверцы открыты. Не знаю, прислушались ли они к нашим предупреждениям или просто дотошны, когда осматривают машины, оставленные в неположенном месте, но нам в любом случае повезло.

Одним из сообщений, которые должны были зачитать всем бещельским патрулям накануне, было требование осматривать все серые автомобили и сообщать о них в ОООП. К счастью для нас, эти офицеры не ограничились простым вызовом эвакуатора.

— Так или иначе, они увидели грязь на полу и проверили, что это. Мы пока не удостоверились, но похоже, что это кровь той же группы, что у Фуланы, и в ближайшее время нам определённо сообщат о совпадении.

Лёжа, как крот, среди тяжёлого хлама, я изгибался, чтобы заглянуть под обломки. Мягко шевелил их, наклонял. Рука у меня покраснела. Я осматривал кусок за куском, прикасался к каждому, оценивая их вес. Мотором можно было размахнуться, держась за трубу, которая была его частью: основание у него тяжёлое, оно сокрушило бы то, на что обрушилось бы. Но по его виду нельзя сказать, что он применялся в драке: на нём не было ни волос, ни крови. Как орудие убийства он меня не убеждал.

— Вы отсюда ничего не забирали?

— Нет, ни документов, ни чего-то ещё. Здесь ничего не было. Ничего, кроме этого барахла. Результаты будут через день или два.

— Очень много всякой дряни, — сказал я.

Прибыла Корви. Несколько прохожих топтались у обоих концов проезда, наблюдая за работой криминтехов.

— Проблема будет не с нехваткой следов, но с их избытком. Итак. Предположим на минуту. Это барахло и покрыло всю её ржавчиной. Она в нём лежала.

Мазки были у неё на лице и на теле, а не сосредоточивались на руках: она не пыталась столкнуть с себя этот хлам или защитить голову. Оказавшись в фургоне, она была без сознания или мертва, меж тем как по ней колотил металлолом.

— Зачем было возить с собой всё это дерьмо? — спросила Корви.

К полудню мы располагали именем и адресом владельца фургона, а на следующее утро получили подтверждение, что найденная в нём кровь принадлежала нашей Фулане.

Звали этого типа Микаэл Хурущ. Он был третьим владельцем фургона, по крайней мере, официально. На него имелось досье, он дважды сидел по обвинению в нападении, а также за кражу, в последний раз четыре года назад. «И — смотрите», — сказала Корви, — как-то раз его

задержали за покупку сексуальных услуг — он подкатил к женщине из полиции, работавшей под прикрытием в подпольном борделе. Итак, мы знаем, что он «ходок». С той поры сигналов о нём не поступало, но он, согласно поспешной разведке, торговал всякой всячиной на многих рынках города, а три раза в неделю ещё и в магазине в Машлине, на востоке Бещеля.

Мы могли связать его с фургоном, а фургон — с Фуланой: прямая связь — именно это нам и требовалось. Я заглянул к себе в кабинет, проверил сообщения. Какой-то мартышкин труд по делу Стелима, новые отклики о плакатах, поступившие с нашего коммутатора, и два прерванных звонка. Наша телефонная станция уже два года обещала обновить оборудование, чтобы обеспечить автоматическое определение номеров абонентов.

Нам, конечно, звонили многие, сообщая, что узнают Фулану, но пока лишь некоторые из них — сотрудники, отвечавшие на эти звонки, знали, как отфильтровать заблуждающихся и вредоносных, и были поразительно точны в своих суждениях — лишь некоторые стоили того, чтобы обратить на них внимание. Тело принадлежало помощнице адвоката с небольшой практикой

в районе Гедар, которую не видели несколько дней; или она была, как настаивал анонимный голос, «потаскухой по имени Розин Губастая, и это всё, что вы от меня услышите». Полицейские занимались проверкой.

Я сказал комиссару Гадлему, что хотел бы поехать и поговорить с Хурущем у него дома, предложить ему добровольно сдать отпечатки пальцев, слюну, привлечь к сотрудничеству Посмотреть, как он это воспримет. Если откажется, можно будет вызвать его повесткой и взять под наблюдение.

— Хорошо, — сказал Гадлем. — Но давайте не будем терять времени. Если он не будет играть вместе с нами, наложите на него секестр и доставьте сюда.

Мне хотелось бы обойтись без этого, хотя бещельский закон давал нам такое право. Секестр, «полуарест», означал, что мы могли удерживать уклоняющегося свидетеля или «лицо, имеющее отношение» на протяжении шести часов для предварительного допроса. При этом мы не могли ни изымать вещественные доказательства, ни делать официальных выводов из отказа от сотрудничества или молчания. Традиционно секестр применялся, чтобы добиться призна-

ния от подозреваемых, против которых не было достаточных для ареста улик. Он иногда был полезным блокирующим приёмом против тех, кто, по нашему мнению, мог скрыться. Но присяжные и адвокаты всё больше ополчались против этого метода, и позиция полуарестанта, который не делал признательных показаний, позже обычно усиливалась, потому что мы выглядели чересчур пристрастными. Гадлем, будучи старомодным, об этом не заботился, а я вынужден был подчиняться его приказам.

Хурущ работал в одном из направлений полуживого бизнеса, в серой экономической зоне. Туда мы и прибыли — срочная операция. Тамошние полицейские под надуманным предлогом установили, что Хурущ на месте.

Мы вытащили его из офиса, чересчур тёплой пыльной комнаты над магазином, с промышленными календарями и выцветшими пятнами на стенах между шкафами. Когда мы уводили Хуруща, его секретарша тупо на нас смотрела, убирая со своего стола разное барахло.

Он понял, кто я такой, ещё до того, как увидел в дверном проёме Корви или кого-то другого в форме. Его опытности, некогда обретённой, хватило, чтобы распознать, что он, несмотря на наши ма-

неры, не арестован и поэтому имеет возможность отказаться следовать за нами, из-за чего мне придётся подчиниться Гадлему. Через мгновение после того, как впервые нас увидел, — в течение которого он напрягался, словно обдумывая возможность бежать, хотя куда? — Хурущ спустился вместе с нами по раскачивающейся железной лестнице на стене здания, служившей единственным входом. Я негромко распорядился по рации, чтобы вооружённые сотрудники, бывшие наготове, отошли. Он так никогда их и не увидел.

Хурущ оказался жирным здоровяком в клетчатой рубашке, такой же выцветшей и пыльной с виду, как стены его офиса. Он смотрел на меня через стол в нашей комнате для допросов. Ящек сидела, а Корви стояла, проинструктированная ничего не говорить, а только наблюдать. Я расхаживал взад-вперёд. Протокола мы не вели. С формальной точки зрения это не было допросом.

— Микаэл, вы знаете, почему вы здесь?

— Без понятия.

— Вам известно, где ваш фургон?

Он резко поднял голову и воззрился на меня. Голос у него переменился — в нём вдруг зазвучала надежда.

— Так, значит, вы об этом? — спросил он нако-

нец. — О фургоне?

Он выдохнул «ха» и откинулся на стуле. Всё ещё настороженный, но начинающий расслабляться.

— Значит, вы его нашли? Что с ним?..

— Нашли?

— Его угнали. Три дня назад. Так что? Вы его нашли? Господи. Что же?.. Он у вас? Могу я получить его обратно? Что случилось?

Я посмотрел на Ящек. Она встала, шепнула мне пару слов, снова уселась и продолжила наблюдать за Хурущем.

— Да, Микаэл, я именно об этом, — сказал я. — А вы думали, о чём? На самом деле нет, не тычьте в меня пальцем, Микаэл, и заткнитесь, пока я не скажу; я ничего не желаю слышать. Вот что, Микаэл. Человеку вроде вас, занимающемуся доставкой товаров, фургон необходим. А вы об угоне не заявляли.

Я коротко глянул на Ящек: мол, мы уверены? Она кивнула.

— Не сообщили, что он угнан. Теперь я вижу, что потеря этого куска дерьма, я подчёркиваю — куска дерьма, не очень-то вас подкосила, чисто по-человечески. Тем не менее я задаюсь вопросом: если его угнали, то что могло помешать вам оповестить об этом нас и вашу страховую ком-

панию? Как вы можете без него справляться со своей работой?

Хурущ пожал плечами.

— Не успел. Я собирался. Был занят…

— Мы знаем, как вы заняты, Мик, и всё же я спрашиваю: почему вы не сообщали о его пропаже?

— Я не успел. В этом же нет ничего подозрительного…

— В течение трёх дней?

— Он у вас? Что случилось? Его что, для чего-то использовали? Для чего именно?

— Знаете эту женщину? Где вы были во вторник вечером, Мик?

Он уставился на фотографию.

— Господи. — Он всё-таки побледнел. — Кого-то убили? Господи. Её сбили, да? Сбили и скрылись? Господи.

Он вытащил потёртый наладонник, потом, не включив его, поднял взгляд.

— Во вторник? Я был на собрании. Во вторник вечером? Боже мой, я был на собрании. — Он нервно кашлянул. — В ту самую ночь чёртов фургон и угнали. Я был на собрании — двадцать человек могут сказать вам то же самое.

— На каком собрании? Где?

— Во Вьевусе.

— Как вы туда добрались без фургона?

— На своей чёртовой машине! Её-то никто не угонял. Был на собрании Анонимных игроков.

Я уставился на него.

— Чёрт, я езжу туда каждую неделю. Вот уже четыре года.

— С тех пор как в последний раз побывали в тюрьме?

— Да, с тех пор как в последний раз побывал в чёртовой тюрьме. Господи, а что, по-вашему, меня туда привело?

— Нападение.

— Да, я расквасил нос своему чёртовому букмекеру, потому что задолжал ему, а он мне угрожал. А вам что за дело? Во вторник вечером я сидел в помещении, где было полно народу.

— Что ж, это два часа, самое большее…

— Да, а потом, в девять, мы пошли в бар — это же АИ, а не АА, — и я просидел там за полночь и домой отправился не один. В моей группе есть одна женщина… Вам это все подтвердят.

Насчёт этого он был не прав. Из восемнадцати человек, входивших в группу АИ, одиннадцать не пожелали ставить под угрозу свою анонимность. Организатор, жилистый парень с конским хво-

стом, проходивший под кличкой Зет, «Боб», не назвал нам их имён. Он имел право не делать этого. Мы могли бы его заставить, но зачем? Семеро других, согласившихся выступить свидетелями, подтвердили слова Хуруща.

Среди них не было той женщины, с которой, по его утверждению, он отправился домой, но некоторые из них соглашались, что таковая имела место. Мы могли бы установить её личность, но опять-таки какой смысл? Кримтехи взбудоражились, когда нашли на Фулане ДНК Хуруща, но это было крохотное число волос с его руки на её коже: учитывая то, как часто он совал вещи в багажник и вытаскивал их, они ничего не доказывали.

— Так почему он никому не сказал, что у него пропал фургон?

— Он говорил, — сказала мне Ящек. — Просто нам не сообщил. Я разговаривала с его секретаршей, Льелой Кицовой. Пару последних дней он только и знал, что причитал по этому поводу.

— Не успел поставить нас в известность? Как он вообще без него обходился?

— Кицова говорит, что он просто таскает барахло через реку, туда и сюда. Случайный импорт, в очень малых масштабах. Ныряет за границу и хватает дребедень для перепродажи: дешёвую

одежду, пиратские диски.

— Куда за границу?

— В Варну. В Бухарест. Иногда в Турцию. Само собой, в Уль-Кому.

— Значит, он просто слишком замотался, чтобы сообщить об угоне?

— Такое случается, босс.

Само собой, причём к его ярости — несмотря на то, что он не сообщил об угоне, ему теперь вдруг очень захотелось его вернуть, — мы не стали отдавать ему фургон. Мы лишь взяли его к огороженной стоянке — удостовериться, что машина действительно его.

— Да, он мой.

Я ожидал, что он будет жаловаться, как дурно обращались с его транспортным средством, но, по-видимому, таким и был его обычный цвет.

— Почему я не могу его забрать? Он мне нужен.

— Повторяю ещё раз: это место преступления. Заберёте его, когда я во всём разберусь. Для чего это всё?

Он пыхтел и ругался, глядя в багажник фургона. Я велел ему ни к чему не притрагиваться.

— Это дерьмо? Понятия не имею.

— Я вот о чём говорю.

Разорванный шнур, куски хлама.

— Ну да. Не знаю, что это такое. Я это сюда не клал. Не смотрите на меня так — зачем мне возить такой мусор?

Позже, у себя в офисе, я сказал Корви:

— Пожалуйста, Лизбьет, остановите меня, если у вас есть какие-то соображения. Потому что я вижу предполагаемую рабочую девушку, которую никто не узнает, без каких-либо причин выброшенную на виду из угнанного фургона, старательно загруженного разным дерьмом. И, знаете ли, ничего похожего на орудие убийства — это весьма определённо.

Я ткнул в бумаги, лежавшие у меня на столе, — они и поведали мне об этом.

— Мусор валяется по всему тому массиву, — сказала она. — По всему Бещелю хватает мусора, он мог подобрать его где угодно. «Он»… Может, и они.

— Подобрали, запихали и бросили, а с мусором — и фургон.

Корви сидела в очень напряжённой позе, ожидая что-то от меня услышать. Всё, что сотворил тот хлам, так это поелозил по мёртвой женщине и покрыл её ржавчиной, словно она тоже была старым железом.

Глава 4

Обе наводки оказались ложными. Помощница из адвокатской конторы бросила работу, не удосужившись об этом сообщить. Мы нашли её в Бьяциалике, на востоке Бещеля. Она крайне огорчилась, что заставила нас похлопотать. «Я никогда не вручаю уведомлений, — твердила она. — Только не таким работодателям. И никогда ничего подобного не случалось». Корви без труда разыскала Розин Губастую. Та занималась своим обычным делом.

«Ничуть не похожа на Фулану, босс». Корви показала мне файл jpeg, для которого Розин с удовольствием позировала. Нам не удалось ни установить источник этой ложной информации, доставленной с такой убедительностью, ни понять, почему кто-то мог принять одну женщину за другую. Поступили и иные сведения, я отрядил людей для их проверки. На своём рабочем телефоне я обнаружил несколько новых сообщений вкупе с пустышками.

Шёл дождь. Распечатка Фуланы на киоске у моей входной двери размякла и пошла полосами. Кто-то приладил глянцевую листовку о кон-

церте балканского техно, та закрыла верхнюю часть её лица. Клубная ночь вырастала над её подбородком и губами. Я отцепил этот новый плакат. Не выбросил — лишь передвинул его так, что Фулана снова стала видна, её закрытые глаза оказались рядом с ним. Диск-жокей Радич и «Команда Тигра». Хард-бит. Других фотографий Фуланы я не видел, хотя Корви заверяла меня, что их развесили в разных частях города.

Разумеется, следы Хуруща обнаружились по всему фургону, но на Фулане, если не считать нескольких волосков, никаких его частиц больше не было. И то сказать: как будто эти избавляющиеся от игромании типы стали бы лгать. Мы попытались узнать у него имена всех, кому он когда-нибудь одалживал фургон. Нескольких человек он упомянул, но настаивал, что машину угнал незнакомец. В первый понедельник после того, как мы нашли тело, мне позвонили.

— Борлу, — снова назвался я после долгой паузы, и моё имя вернулось ко мне, повторенное.

— Инспектор Борлу.

— Чем могу помочь?

— Не знаю. Несколько дней назад я надеялся, что вы сможете мне помочь. Пытался вам дозвониться. Скорее, это я могу вам помочь.

Звонивший говорил с иностранным акцентом.

— Что? Простите, вынужден просить вас говорить громче — линия очень плохая.

Слышны были статические помехи, и голос абонента звучал так, словно был записан на старинном аппарате. Я не мог сказать, была ли это задержка на линии или ему самому всякий раз требовалось так много времени, чтобы ответить. Он говорил на хорошем, но странном бещельском, напичканном архаизмами.

— Кто вы? — спросил я. — Чего вы хотите?

— У меня для вас есть информация.

— Вы говорили по нашей линии оповещения?

— Я не могу. Такая точка.

Он звонил из-за границы. Отчётливо проявляла себя обратная связь устаревших бещельских АТС.

— Откуда у вас мой номер?

— Борлу, заткнитесь.

Я опять пожалел, что у меня нет АОНа, и выпрямился в кресле.

— Из Гугла. Ваше имя указано в документах. Вы возглавляете расследование по той девушке. Миновать секретарей совсем не трудно. Вы хотите, чтобы я вам помог, или нет?

Я на всякий случай огляделся, но со мной ни-

кого не было.

— Откуда вы звоните?

Я раздвинул шторы на окне, словно мог увидеть кого-то, кто наблюдал за мной с улицы. Конечно, я никого не увидел.

— Да бросьте, Борлу. Вы и сами знаете, откуда я звоню.

Я делал записи. Я знал, что это за акцент. Он звонил из Уль-Комы.

— Вы знаете, откуда я звоню, а поэтому, пожалуйста, не трудитесь спрашивать, как меня зовут.

— Разговаривая со мной, вы не совершаете ничего противозаконного.

— Вы не знаете, что я собираюсь вам рассказать. *Вы не знаете, что я собираюсь вам рассказать.* Это… — Он прервался, и я слышал, как он бормотал что-то, прикрыв рукой трубку. — Слушайте, Борлу, я не знаю, как вы смотрите на подобные вещи, но я считаю, что это безумная наглость — то, что я говорю с вами из другой страны.

— Я далёк от политики. Послушайте, если вы предпочитаете… — Последнюю фразу я начал на иллитанском, на языке Уль-Комы.

— Превосходно, — перебил он меня на своём старомодном бещельском с иллитанским ак-

центом. — Так или иначе, а чёртов язык один и тот же.

Я записал эти его слова.

— А теперь заткнитесь. Хотите услышать мою информацию?

— Конечно.

Я старался придумать способ отследить этот звонок. На моей линии не было нужного оборудования, и могло потребоваться несколько часов, чтобы пройти в обратном направлении, через БещТел, даже если бы я смог связаться с ними, пока он со мной говорит.

— Та женщина, которую вы… Она умерла. Верно? Мертва. Я её знал.

— Мне очень жаль… — Я сказал это только после того, как он долгие секунды ничего не говорил.

— Я знал её… Давно с ней познакомился. Хочу помочь вам, Борлу, но не потому, что вы коп. Святой Свет! Я не признаю ваших полномочий. Но если Марью… если её убили, то кое-кому, о ком я забочусь, может грозить опасность. В том числе и тому, о ком я забочусь больше всего, то есть мне самому. И она заслуживает… Итак — вот всё, что я знаю. Её звали Марьей. Она проходила под этим именем. Я познакомился с ней здесь. Здесь

— в Уль-Коме. Я говорю вам, что могу, но много я никогда и не знал. Не моё это дело. Она была иностранкой. Я знал её из-за политики. Она была серьёзной — преданной, понимаете? Только не тому о чём я сначала подумал. Много знала, не тратила времени даром.

— Послушайте, — сказал я.

— Это всё, что я могу вам рассказать. Она жила здесь.

— Она была в Бещеле.

— Бросьте. — Он рассердился. — Оставьте это. Не официально. Она не могла. Даже если она была в Бещеле, жила она здесь. Обратите внимание на ячейки, на радикалов. Кто-нибудь скажет, кто она такая. Она бывала повсеместно. Во всём подполье. Должно быть, по обе стороны. Она хотела везде побывать, потому что ей нужно было всё знать. И ей это удалось. Вот и всё.

— Откуда вы узнали, что её убили?

Я слышал его свистящее дыхание.

— Борлу, если вы всерьёз это спрашиваете, значит, вы глупы и я зря теряю время. Я узнал её на фотографии, Борлу. Вы что, думаете, я стал бы помогать вам, если бы не был уверен, что узнал? Если бы не думал, что это важно? Откуда, по-вашему, я узнал, что она убита? Да просто видел

ваш чёртов плакат.

Он положил трубку. Я же некоторое время прижимал свою к уху, как будто он мог вернуться.

«Я видел ваш плакат». Заглянув в свой блокнот, я обнаружил, что, помимо подробностей, которые он мне сообщил, там написано «дерьмо/дерьмо/дерьмо».

Задерживаться у себя в кабинете я не стал ни на минуту. «Как здоровье, Тьядор? — спросил Гадлем. — Вид у вас неважный». Уверен, что так и было. У киоска на тротуаре я выпил крепкий кофе *ай тёрко* — по-турецки. Это было ошибкой: я взбудоражился ещё сильнее.

По дороге домой мне было трудно — что, возможно, для такого дня не удивительно — соблюдать границы, видеть и не-видеть лишь то, что следовало. Меня окружали люди, находившиеся не в моём городе, медленно шедшие через районы, многолюдные у них, но пустынные в Бещеле. Я сосредоточивался на камнях, которые на самом деле были вокруг меня, — соборах, барах, кирпичных завитушках здания, некогда бывшего школой, — на всём том, среди чего я рос. Остальное я игнорировал — или пытался игнорировать.

В тот вечер я набрал номер Сариски, историка.

Славно было бы заняться с ней сексом, но иногда она любила поговорить о делах, которыми я занимался, и выказывала недюжинную сообразительность. Я набирал её номер дважды, но дважды отсоединялся, прежде чем она успевала ответить. Мне не хотелось вовлекать её в это. Нарушать конфиденциальность, сообщая ей о проводимых расследованиях, замаскированных под гипотезу, — это одно. Впутывать её в брешь — совсем другое.

Я постоянно возвращался к тому «дерьму/дерьму/дерьму». В конце концов пришёл домой с двумя бутылками вина и принялся медленно их приканчивать, смягчая выпитое оливками, сыром и колбасой. Я сделал ещё несколько бесполезных записей, причём придал некоторым форму тайной диаграммы, как будто мог нарисовать выход, но ситуация — головоломка — была ясна. Я мог стать жертвой бессмысленного и трудоёмкого обмана, но это представлялось маловероятным. Куда более вероятным было то, что человек, позвонивший мне, говорил правду.

В таком случае я получил основательную наводку, подробную информацию о Фулане-Марье. Мне сказали, куда направляться и кого искать, чтобы разузнать больше. В чём моя работа и со-

стояла. Но если бы выяснилось, что я действовал в соответствии с этой информацией, то никакой осуждающий приговор не смог бы устоять. И, что гораздо серьёзнее, следовать этой наводке было бы для меня много хуже противозаконного деяния, это стало бы противозаконным не только по бещельским законам — я оказался бы в Бреши.

Мой информатор не должен был видеть наших плакатов. Они висели не в его стране. Ему никогда не следовало рассказывать мне об этом. Он сделал меня соучастником. Его информация в Бещеле была чужеродной — один только факт пребывания её у меня в голове был нарушением. Я оказался замешан. Деваться некуда. Возможно, из-за опьянения я тогда не задумался, что у него не было необходимости рассказывать мне, как он получил свою информацию, и что у него должны были иметься причины, чтобы так поступить.

Кто не испытал бы соблазна сжечь или разорвать в клочки записи о том разговоре? Я не стал этого делать, но… допоздна просидел за кухонным столом, разложив их перед собой и время от времени покрывая крест-накрест словами «дерьмо/дерьмо». Я включил музыку: «Поезд немного задерживается», совместный проект, дуэт Вана

Моррисона[3] и Коирсы Яковой, бещельской Оум Калсум[4], как её называли, записанный во время его турне 1987 года. Выпил ещё и положил рядом со своими заметками фотографию Фуланы Деталь, Марьи, неизвестной иностранки, совершившей брешь.

Никто её не знал. Возможно, да поможет нам бог, здесь, в Бещеле, она вообще по-настоящему не была, хотя Покост был сплошной зоной. Её могли туда затащить.

Обнаружение её тела подростками могло быть брешью — да и всё расследование тоже. Не следует свидетельствовать против себя, выпячивая это. Может, лучше просто удалиться от следствия и предоставить ей плесневеть. Притворство, что я мог бы так поступить, было эскапизмом на минуту. В конце концов я выполню свою работу, хотя это означает нарушение кодекса, гораздо более основательного экзистенциального протокола, чем любой другой, за поддержание которых мне платили.

---

[3] Примечания: 3

Ван Моррисон (р. 1945) — североирландский автор-исполнитель, известный своей уникальной «рычащей» манерой и гибридом фолк-музыки с американскими стилями.

[4] Примечания: 4

Оум Калсум (1898–1975) — египетская певица, автор песен и актриса.

В детстве мы играли в Брешь. Игра эта никогда мне особо не нравилась, но, когда приходила моя очередь, я переползал через прочерченные мелом линии, преследуемый друзьями, которые делали страшные лица и искривляли руки, словно когти. Или, наоборот, сам кого-то преследовал. В неё, наряду с вытягиванием из земли палочек и камешков и объявлением их магической бещельской золотой жилой, а также в помесь пятнашек и пряток, которая называлась у нас «гоночной охотой», мы играли постоянно.

Не существует религии настолько ужасной, чтобы у неё не оказалось приверженцев. В Бещеле есть секта, поклоняющаяся Бреши. Она скандальна, но не вполне удивительна, если учесть вовлечённые в это дело силы. Закона против этой конгрегации нет, но природа её верований заставляет всех нервничать. О ней снимают малопристойные телепрограммы.

В три часа ночи я, пьяный и очень бодрый, смотрел на улицы Бещеля, более того — на зону штриховки. Слышал собачий лай, а раз или два донёсся вой какого-то костлявого, пресмыкающегося уличного волка. По всему столу разложены были бумаги — обе стороны ещё не оконченного спора, как будто он имел место, этот спор. Лицо

Фуланы-Марьи, равно как незаконные заметки «дерьмо/дерьмо/дерьмо», покрывали кольца, оставленные основанием рюмки.

Бессонница для меня не редкость. Сариска и Бищайя привыкли, сонно переходя из спальни в ванную, обнаруживать меня за кухонным столом, где я читал и изжёвывал слишком много резинки (я не хотел снова начинать курить). Или смотрел на ночной город и на другой город, конечно же, не-видя его, но озарённый его светом.

Как-то раз Сариска подняла меня на смех. «Посмотри на себя, — сказала она, причём не без любви в голосе. — Сидишь тут, как сова. Меланхоличная горгулья. Приторный чудик. Знаешь ли, только оттого, что сейчас ночь, никакого внутреннего видения у тебя не появится. Хотя бы потому, что в некоторых домах горит свет». Но особо дразнить меня именно тогда она не собиралась, а мне требовалось всё внутреннее видение, которого я мог достичь, даже ложное, так что я продолжил смотреть в окно.

Над облаками летели самолёты. Шпили собора освещались стеклянными небоскрёбами. Изогнутая и украшенная полумесяцами неоновая архитектура по ту сторону границы. Я попробовал подключиться к сети, чтобы кое-что посмотреть,

но возможность соединения была только по коммутируемой линии, а это так нудно, что я оставил попытки.

«Подробности позже». Кажется, я действительно сказал это вслух. Я сделал ещё несколько записей. В конце концов я позвонил по прямой линии на работу Корви.

— Лизбьет. Я вот что подумал.

Инстинкт, как всегда, когда я лгу, побуждал меня говорить слишком много и слишком быстро. Я заставил себя говорить как бы нехотя. Ведь она была далеко не глупа.

— Уже поздно. Я оставляю вам это сообщение просто потому, что завтра, вероятно, не появлюсь в офисе. Мы ничуть не продвинулись с уличным избиением, так что, вполне очевидно, это не то, что мы думали, — кто-нибудь уже узнал бы её. Мы развесили её фотографии во всех участках, если это уличная девица вне своего обычного участка, то нам, возможно, повезёт. Но я, пока эта версия разрабатывается, хотел бы тем временем проверить ещё пару направлений.

— Я вот думаю, — продолжил я. — Раз она не в своём районе, то ситуация странная, мы не можем получить никакого сигнала. Я разговаривал с одним знакомым из группы борьбы с дисси-

дентами, и он рассказал, насколько скрытны те, за кем он наблюдает. Это всё нацисты, красные, унифы и так далее. В общем, это заставило меня задуматься о том, что за люди скрывают свою личность, и, пока у нас есть время, мне хотелось бы немного поискать в этом направлении. Я имею в виду — погодите, я просто просматриваю кое-какие записи… Что ж, начать можно было бы и с унифов. Поговорите с кем-нибудь из отдела Кука. Посмотрите, нельзя ли выяснить там что-то об адресах, филиалах — я в этом плохо разбираюсь. Спросите, как связаться с офисом Шенвоя. Скажете ему, что работаете со мной. Обойдите, кого сможете, покажите им фотографии, посмотрите, не узнает ли кто её. Нет нужды говорить, что они будут вести себя с вами странно — им совсем не надо, чтобы вы к ним являлись. Но посмотрите, что там удастся сделать. Держитесь на связи, я буду на мобильном. Повторяю, в офисе завтра не появлюсь. Ладно. Завтра поговорим. Ну, пока.

«Экий ужас». По-моему, это я тоже сказал вслух.

Покончив с этим, я набрал номер Таскин Керуш из нашей администрации. Я постарался записать её прямой телефон, когда она помогала мне справиться с бюрократическими препона-

ми, возникшими три или четыре дела назад. Поддерживал с ней связь. Со своей работой она справлялась отлично.

— Таскин, это Тьядор Борлу. Не могли бы вы позвонить мне на мобильный, завтра или когда будет возможность, и дать знать, что мне пришлось бы предпринять, если бы понадобилось передать какое-то дело Комитету по надзору? Если бы я захотел спихнуть какое-то дело в Брешь. Гипотетически. — Я сморщился и рассмеялся. — Никому об этом ни слова, хорошо? Спасибо, Таск. Просто дайте мне знать, что нужно делать и нет ли у вас каких-то инсайдерских предложений — вы ведь знаете там все входы и выходы. Спасибо.

Вопросов о том, что говорил мне мой ужасный информатор, было не много. Фразы я скопировал и подчеркнул.

один и тот же язык
признавать полномочия — нет
обе стороны города

Это объясняло, почему он мне позвонил, почему преступление, состоявшее в том, что именно он видел, или же в том, что он вообще это видел, не удержало его, как произошло бы с большинством. В основном он поступил так из-за боязни того, что подразумевала для него смерть Марьи-Фуланы.

Сказанное им означало, что его соучастники по заговору в Бещеле с огромной вероятностью могли видеть Марью и что сама она не признавала границ. И если какая-нибудь группа смутьянов в Бещеле замешана в этом конкретном виде преступления и в нарушении табу, то это как раз мой информатор и его товарищи. Они явно были унификационистами.

Сариска насмехалась надо мной у меня в воображении, когда я опять уставился на освещённый ночной город, причём на этот раз я смотрел и видел его соседа. Это было незаконно, но я это делал. Кто же не поступает так время от времени? Там были газовые комнаты, видеть которые мне не полагалось — аэростаты, с которых свисали рекламные плакаты, прикреплённые к металлическим рамам. По крайней мере один прохожий на улице — я мог судить по покрою одежды, цветам, походке — находился не в Бещеле, но я всё равно за ним наблюдал.

Я повернулся к железнодорожным путям в нескольких метрах от моего окна и стал ждать, когда прибудет поздний поезд — знал, что в конце концов это случится. Заглянул в его проносящиеся освещённые окна и в глаза некоторым пассажирам, очень немногие из которых даже

бросили на меня ответный взгляд и испугались. Но они быстро исчезли над соединёнными рядами крыш: это преступление было кратким и случилось не по их воле. Они, вероятно, недолго чувствовали за собой вину. Вероятно, и не запомнили этого взгляда. Мне всегда хотелось жить там, где можно смотреть на иностранные поезда.

Глава 5

Если кто не знает, иллитанский и бещельский языки звучат очень по-разному. Их письменность, разумеется, основана на разных алфавитах. У бещельского и алфавит бещельский: тридцать четыре буквы, слева направо, все звуки передаются фонетически чётко, согласные, гласные и полугласные украшены диакритическими значками — часто можно услышать, что он похож на кириллицу, хотя такое сравнение раздражает гражданина Бещеля, правдиво оно или нет. Для иллитанского письма используется латиница. С недавних пор.

Если обратиться к путевым заметкам позапрошлого столетия и более ранним, то в них постоянно упоминаются странная и прекрасная иллитанская каллиграфия, следующая справа налево, — и его резкая фонетика. Каждый когда-нибудь слышал цитату из путевых заметок Стерна: «В Стране Алфавитов Арабский перехватил взгляд леди Санскрит (несмотря на запреты Мухаммеда, он был пьян, иначе его бы остановил её возраст). Девять месяцев спустя на свет явился ребёнок, от которого отреклись. Этот диковатый

младенец и есть Иллитанский, не лишённый красоты гермафродит. В его формах есть что-то от обоих его родителей, но голос у него от тех, кто его воспитал, — от птиц».

Та письменность была утрачена в 1923 году, скоропостижно, во время кульминации реформ Я Ильсы: это Ататюрк подражал ему, а не наоборот, как обычно утверждают. Даже в Уль-Коме никто теперь не может читать исконное иллитанское письмо, кроме архивистов и активистов.

Во всяком случае, как в первоначальной, так и в более поздней письменной форме иллитанский ничем не напоминает бещельский. Несхоже и их звучание. Но эти различия не так глубоки, как представляется. Несмотря на тщательную культурную дифференциацию, очертаниями своих грамматик и перекличкой между фонемами, если не самими базовыми звуками, эти языки тесно связаны между собой — в конце концов, у них один общий предок. Говорить об этом представляется едва ли не крамолой. И тем не менее.

Тёмные века Бещеля крайне темны. Где-то между двумя тысячами и семнадцатью сотнями лет назад здесь, в этом изгибе береговой линии, был основан город. В центре до сих пор сохранились развалины, оставшиеся от тех времён, когда он

был портом, скрытым в нескольких километрах вверх по реке, чтобы защититься от береговых пиратов. Основание нашего города относится, конечно, к тому же времени, что и основание другого. В настоящее время руины огорожены, а в некоторых местах древние фундаменты включены в субстанцию города. Есть и более древние руины, например, мозаичные остатки в Йожеф-парке. Мы считаем, что эти романские развалины предшествовали Бещелю. Возможно, мы воздвигли Бещель на их костях.

Может, Бещель, а может, и не Бещель построили мы в те времена, пока другие на тех же, возможно, костях возводили Уль-Кому. Может быть, тогда это было чем-то единым, позже расколовшимся на руинах, а может, предок нашего Бещеля ещё не повстречался и не сплёлся необратимо со своим соседом. Я не изучал теорию Кливажа, но если бы даже изучал, то всё равно бы не знал.

— Босс. — Мне позвонила Лизбьет Корви. — Босс, вы угодили в точку Как вы узнали? Увидимся на Будапештстращ, шестьдесят восемь.

Я всё ещё был одет по-домашнему, хотя уже миновал полдень. На моём кухонном столе образовался странный пейзаж из документов.

Имевшиеся у меня книги по политике и истории подпирались пакетом молока, образуя Вавилонскую башню. Ноутбук надлежало держать вдали от беспорядка, но я этим никогда не утруждался. Смахнул со своих заметок какао. Мне улыбался чернолицый персонаж, изображённый на коробке с французским шоколадным напитком.

— Вы о чём говорите? Что это за адрес?

— Это в Бундалии, — сказала она.

Промышленный пригород к северо-западу от Фуникулёрного парка, на берегу реки.

— А вы что, шутите — «о чём вы»? Я сделала, как вы сказали, — поспрашивала там и сям, выяснила, какие там основные группы, кто что думает друг о друге, всё такое. Всё утро ушло на разъезды да на расспросы. Нагнала на них страху. Не сказала бы, что эти негодяи выказывают большое уважение к человеку в форме. И не сказала бы, что особо на это надеялась, просто решила: а что ещё, чёрт возьми, мы должны делать? Во всяком случае, шевелюсь, пытаюсь разобраться в политике и всем таком прочем, и один парень в какой-то из этих — думаю, вы бы, может, сказали «лож» — начинает кое-что мне выдавать. Сначала не хотел признаваться, но я-то почуяла. Вы чёртов гений, босс. На Будапештстращ, шестьдесят

восемь, — штаб-квартира унификационистов.

Её священный ужас близился к подозрению. Она смотрела бы на меня ещё более тяжёлым взглядом, если бы увидела бумаги на столе, которые я перебирал, когда она позвонила. Несколько книг были раскрыты на указателях, показывавших, какие сведения имеются в них об унификационизме. Упоминаний о Будапештстращ мне и в самом деле ни разу не попадалось.

Согласно типичному политическому клише, унификационисты разделялись по многим осям. Некоторые группы были незаконными, сестринские организации, существовавшие как в Бещеле, так и в Уль-Коме. Запрещённые группы на разных отрезках своей истории оправдывали применение насилия ради установления единства городов, предначертанного им Богом, судьбой, историей или людьми. Некоторые из них, в высшей степени неуклюже, преследовали интеллектуалов-националистов — швыряя кирпичи в окна и дерьмо в двери. Их обвиняли в тайной пропаганде среди беженцев и новых иммигрантов, чей опыт видения и не-видения был ограничен, идеи о пребывании их в одном конкретном городе. Активисты хотели использовать в своих целях такие неопределённые слои

населения.

Эти экстремисты подвергались устной критике других, стремившихся сохранить свободу передвижения и собраний, какими бы ни были их тайные мысли и какие бы нити ни связывали их. Были и другие подразделения, расходившиеся во взглядах на то, что будет представлять собой объединённый город, каков будет его язык, как он будет называться. Даже за этими легальными группками непрерывно следили, их регулярно проверяли власти соответствующего города. «Швейцарский сыр, — сказал Шенвой, когда я позвонил ему в то утро. — Среди унифов, наверное, больше информаторов и кротов, чем даже среди Истинных граждан, наци или других психов. Я бы не стал о них беспокоиться — они и шагу не сделают без благословения кого-нибудь из органов безопасности».

Кроме того, унифы должны были знать, хотя надеялись никогда не увидеть доказательств этого, что любое их действие станет известным Бреши. Это означало, что во время своего визита я тоже окажусь в кругозоре Бреши, если только этого ещё не случилось.

Как всегда, встал вопрос, как проехать через город. Мне следовало взять такси, поскольку

Корви ждала, но нет, добираться пришлось двумя трамваями, с пересадкой на площади Венселас. Покачиваясь под резными и заводными фигурами бещельских бюргеров на городских фасадах, не обращая внимания, не-видя более яркие фронтоны где-то ещё, в инородных частях.

Будапештстращ на всей её протяжённости покрывали заплаты зимнего буддлея, вспененного из старых зданий. В Бещеле это традиционный городской сорняк, но в Уль-Коме к нему относятся иначе: стригут, когда он вторгается, так что на Будапештстращ, являющейся бещельской частью заштрихованной области, все кусты, в это время не цветущие, неопрятно торчали возле одного, двух или трёх местных зданий, а затем, уже на краю Бещеля, обрывались резкой вертикальной плоскостью.

Здания в Бещеле были из кирпича и штукатурки, каждое венчалось глазеющим на меня домашним даром, маленьким гротескным человечком, и опоясывалось этим сорняком. Несколько десятилетий назад эти дома не были в таком упадке, из них доносилось больше шума, а улицы заполнялись молодыми служащими в тёмных костюмах и вызванными на дом мастерами. За самыми северными строениями находились

промышленные дворы, а за ними скрывалась излучина реки, где доки некогда были оживлёнными до суеты и где до сих пор простиралось кладбище их железных скелетов.

В прежние времена район Уль-Комы, разделяющий это пространство, был тихим. Ныне он стал шумнее: соседи вступили в экономическую противофазу. Когда речной промысел Бещеля пошёл на убыль, бизнес Уль-Комы возрос, и теперь иностранцев, ходивших по стёртому заштрихованному булыжнику, стало больше, чем бещельских жителей. Когда-то рушившиеся трущобы Уль-Комы, зазубренные и облезло барочные — не то чтобы я их видел, я их старательно не-видел, но они всё-таки слегка незаконно отмечались, и мне помнились стили по фотографиям, — были реконструированы, среди них появились площадки для галерей и уль-комских новостроек.

Я посматривал на номера местных зданий. Они росли неуверенно, чередуясь с иностранными пространствами. В Бещеле было безлюдно, но не в области по ту сторону границы, и мне приходилось не-видеть, увёртываясь от множества проворных молодых мужчин и женщин, преуспевающих в бизнесе. Их голоса звучали для меня приглушённо — этакий случайный шум. Ради

такого звукопоглощения от жителей Бещеля требовались многие годы стараний. Когда я дошёл до мрачно окрашенного фасада, у которого ждала меня Корви вместе с несчастно выглядевшим человеком, мы оказались в почти пустынной части Бещеля, окружённые оживлённой неслышной толпой.

— Приветствую, босс. Это Полл Дродин.

Дродин был высоким и худым человеком лет сорока. У него было несколько колец в ушах, одет в кожаную куртку со множеством загадочных и незаслуженных знаков принадлежности к различным военным и прочим организациям и необычайно красивые, хотя и грязные брюки. Он курил, глядя на меня с несчастным видом.

Он не был арестован. Корви его не задержала. Я кивнул, приветствуя её, затем медленно повернулся на 180 градусов и осмотрел здания вокруг нас. Я, конечно, фокусировал взгляд только на тех, что находились в Бещеле.

— Брешь? — спросил я.

Дродин выглядел испуганным. Такой же, по правде говоря, была и Корви, хотя она это скрывала. Не дождавшись от Дродина ответа, я задал следующий вопрос:

— Как по-вашему, власти за нами наблюдают?

— Да, нет, наблюдают.

В его голосе звучала обида. Я уверен, что он в самом деле обижался.

— Конечно. Конечно. Вы спрашиваете меня, где они?

Это более или менее бессмысленный вопрос, но такой, что его нельзя запретить ни в Бещеле, ни в Уль-Коме. Дродин смотрел только мне в глаза.

— Видите то здание через дорогу? В котором когда-то была спичечная фабрика?

Остатки почти столетней стенной росписи в струпьях краски: саламандра, улыбающаяся сквозь корону из языков пламени.

— Видите, как что-то там движется. Что-то, знаете, вроде бы появляется и исчезает, чего обычно не бывает.

— Значит, вы видите, как они показываются?

Ему опять стало не по себе.

— Думаете, они проявляют себя именно там?

— Нет, нет, но процесс ликвидации…

— Дродин, ступайте к себе, — сказала Корви. — Мы будем через минуту.

Она кивнула ему на дверь, и он вошёл.

— Что за хрень, босс?

— Какие проблемы?

— Вся эта чушь про Брешь. — Она понизила

голос на слове «Брешь». — Что вы делаете?

Я ничего не сказал.

— Я пытаюсь установить здесь рупор власти, и говорить в него буду я, а не Брешь, босс. Мне такого дерьма на горизонте не надо. Откуда, чёрт возьми, вы берёте эту жуткую дрянь?

Не дождавшись ответа, она покачала головой и провела меня в здание.

Фронт солидарности Бещкома не предпринимал особых усилий, чтобы украсить свой офис. Там имелись две комнаты, две с половиной при более точном подсчёте, полные шкафов и полок, забитых папками и книгами. В одном углу участок стены был от всего освобождён и очищен, как видно, для фона, и на него, а также на стоявший там пустой стул была нацелена веб-камера.

— Трансляция, — сказал Дродин. Он видел, куда я смотрю. — По сети.

Он принялся сообщать мне веб-адрес, но я покачал головой.

— Все остальные разбежались, как только я вошла, — сказала Корви.

Дродин сел за свой стол в задней комнате. Там имелись ещё два стула. Он их не предлагал, но мы с Корви всё равно уселись. Стол его покрывал завал из книг, окружавший грязный компью-

тер. На стене висела крупномасштабная карта Бещеля и Уль-Комы. Чтобы избежать судебного преследования, линии и оттенки разделения там имелись — сплошные районы, альтернативные и заштрихованные, — но линии были демонстративно тонкими, а различия обозначались в оттенках серого. Некоторое время мы сидели, глядя друг на друга.

— Послушайте, — сказал Дродин. — Я знаю… Вы понимаете, я не привык к… Я вам, ребята, не нравлюсь, и это нормально, это понятно.

Мы помалкивали. Он возился с какими-то вещицами на столе.

— И я не стукач.

— Господи, Дродин, — сказала Корви, — если вам требуется отпущение грехов, обратитесь к священнику.

Но он продолжал:

— Это лишь… Если это как-то связано с тем, в чём она участвовала, то вы все будете считать, что это имеет какое-то отношение к нам, может, это даже и связано с нами, но я никому не дам повода ополчаться на нас. Вы понимаете? Понимаете?

— Ладно, хватит, — сказала Корви. — Уймитесь с этим дерьмом.

Она осмотрела комнату.

— Я знаю, вы полагаете себя умным, но если серьёзно, то как много проступков, по-вашему, я вижу прямо сейчас? Ваша карта, для начала, — вы считаете, она выполнена осторожно, но прокурору, отличающемуся особым патриотизмом, не составит труда истолковать её таким образом, чтобы вы остались за решёткой. Что ещё? Хотите, чтобы я пробежалась по вашим книгам? Сколько их здесь из списка запрещённых? Хотите, чтобы я просмотрела ваши документы? На вашем здании мигает неоновая вывеска: «Оскорбление бещельского суверенитета второй степени».

— Как в клубных районах Уль-Комы, — подхватил я. — Неон Уль-Комы. Вам он нравится, Дродин? Предпочитаете его местной разновидности?

— Так что благодарим вас за помощь, господин Дродин, но давайте не будем обманываться относительно того, почему вы это делаете.

— Вы не понимаете, — пробормотал он. — Мне надо защищать своих людей. Там что-то странное. Странная какая-то дрянь происходит.

— Ладно, — сказала Корви. — Что бы ни было. Давайте вашу историю, Дродин.

Она достала фотографию Фуланы и положила перед ним.

— Расскажите моему боссу то, что начали рассказывать мне.

— Да, — сказал он. — Это она.

Мы с Корви подались вперёд. Идеальная синхронность.

— Как её имя? — спросил я.

— Она сказала, что её зовут Бьела Мар. — Дродин пожал плечами. — Это её слова. Понимаю, но что мне добавить?

Это был явный псевдоним, причём элегантно каламбурный. Бьела — бещельское имя, как мужское, так и женское; Мар в качестве фамилии звучит не очень правдоподобно. Вместе их фонемы приблизительно воспроизводят фразу «бье лай маар», дословно «рыбка только для наживки», рыбацкая поговорка со значением «ничего примечательного».

— В этом нет ничего необычного. Многие наши контакты и члены проходят под никами.

— Noms de unification[5], — сказал я. Непонятно было, понял ли он. — Расскажите нам о Бьеле.

Бьела, Фулана, Марья — имена накапливались.

— Она была здесь, не знаю, года три назад? Чуть меньше? С тех пор я её не видел. Она явно была

---

[5] Примечания: 5
Имена объединения *(фр.)*.

иностранкой.

— Из Уль-Комы?

— Нет. По-иллитански разговаривала хорошо, но не бегло. Владела бещельским и иллитанским — ну, основами. Никогда не слышал, чтобы она говорила на каком-нибудь другом языке — не хотела сообщать, откуда она родом. По акценту я бы сказал, что она американка или, может, англичанка. Не знаю, чем она занималась. Это не… это вроде как грубо — выспрашивать слишком много о людях такого рода деятельности.

— Значит, что, она приходила на заседания? Была организатором?

Корви повернулась ко мне и сказала, не понижая голоса:

— Даже не знаю, что именно делают эти уроды, босс. Даже не знаю, о чём спрашивать.

Дродин наблюдал за ней, унылый, но не более, чем был с тех пор, как мы приехали.

— Она появилась здесь, как я сказал, пару лет назад. Хотела воспользоваться нашей библиотекой. У нас есть старые брошюры и книги о… ну, о городах, многое такое, чего в других местах не хранят.

— Надо посмотреть, босс, — сказала Корви. — Проверить, нет ли чего неуместного.

— Чёрт возьми, я же оказываю содействие, разве нет? Желаете застукать меня на запрещённых книгах? Там нет ничего класса один, а те книги класса два, которыми мы располагаем, всё равно вполне доступны в Сети.

— Хорошо, хорошо, — сказал я, делая ему знак продолжать.

— Ну, явилась она, и мы много разговаривали. Долго она здесь не пробыла. Вроде как пару недель. Не спрашивайте меня, чем она ещё занималась и всё такое, потому что я не знаю. Знаю только, что всякий раз она приходила в неурочное время и просматривала книги или говорила со мной о нашей истории, об истории городов, о том, что происходит, о наших кампаниях, о такого рода вещах.

— О каких кампаниях?

— Наши братья и сёстры сидят в тюрьмах. Здесь и в Уль-Коме. Ни за что, кроме своих убеждений. Международная Амнистия на нашей стороне, вы это знаете. Беседы с контактами. Образование. Помощь новым репатриантам. Демонстрации.

Демонстрации унификационистов в Бещеле — мероприятия мелкие, капризные и опасные. Заранее известно, что местные националисты выйдут избивать их, кричать на участников

марша как на предателей, и вообще особого сочувствия к ним не испытывают даже самые аполитичные местные. Почти так же плохо было и в Уль-Коме, если не считать того, что там им в первую очередь и собраться вряд ли бы позволили.

Это, должно быть, вызывало у них гнев, хотя, безусловно, спасало унифов Уль-Комы от побоев.

— Как она выглядела? Хорошо одевалась? Какой она была?

— Да, хорошо. Красиво. Почти шикарно, понимаете? Очень здесь выделялась. — Он даже рассмеялся над собой. — И при этом была умна. Мне она сначала очень понравилась, понимаете? Я был просто сам не свой. Поначалу.

Его паузы были адресованными нам просьбами подгонять его, чтобы ничто в этом разговоре не было им произнесено по собственной воле.

— Но? Что случилось?

— Мы поругались. Собственно, я поругался с ней только потому, что она доводила некоторых других товарищей, понимаете? Войду в библиотеку, спущусь, появлюсь ещё где-нибудь — и то один, то другой непременно на неё кричит. Сама-то она никогда ни на кого не кричала, спокойно так разговаривала и сводила их с ума, так что в

конце концов мне пришлось сказать ей, чтобы она уходила. Она была… она была опасна.

Он опять замолчал. Мы с Корви переглянулись.

— Нет, я не преувеличиваю, — сказал он. — Это ведь она вас сюда привела, верно? Говорю же вам, она опасна.

Он взял фотографию и стал её разглядывать. По лицу у него прошли жалость, гнев, неприязнь, страх. Страх, несомненно. Он встал и начал ходить вокруг стола — смех, слишком тесное пространство, чтобы расхаживать, но он пытался.

— Понимаете, проблема была в том…

Он подошёл к своему маленькому окну, выглянул, снова повернулся к нам, силуэтом вырисовываясь на фоне линии горизонта — Бещеля, Уль-Комы или обоих, сказать я не мог.

— Она расспрашивала о самых прибабахнутых подпольных россказнях. Её интересовали бабкины сказки, слухи, городские мифы, вообще всякое безумие. Я об этом особо не думал, потому что такого дерьма у нас хватает, а она была явно умнее, чем наши простофили, вот я и решил, что она просто нащупывает свой путь, разузнает, что к чему.

— Разве вам не было любопытно?

— Конечно, было. Молодая иностранка, умная, таинственная? Ослепительная? — В его интонации прозвучала насмешка над самим собой. Он кивнул. — Конечно, было. Мне все, кто сюда является, любопытны. Некоторые рассказывают всю подноготную, другие помалкивают. Но я не возглавлял бы этот филиал, если бы пытался что-то из них выкачивать. Здесь есть одна женщина, намного старше меня… Вижу её на протяжении пятнадцати лет. Не знаю ни её настоящего имени, ни вообще чего-нибудь о ней. Ладно, плохой пример, потому что она, я уверен, из ваших, агент, но вы меня поняли. Я ни о чём ни у кого не спрашиваю.

— Чем же она в таком случае занималась? Бьела Мар? Почему вы её выставили?

— Послушайте, дело вот в чём. Вникая в это…

Я почувствовал, что Корви напряглась, словно собираясь перебить его, пришпорить его, чтобы поторапливался, и я коснулся её руки — мол, нет, подождите, — чтобы он сам поразмыслил о том, что говорит. Он смотрел не на нас, но на свою провокационную карту.

— Понимаете, вникая в это, сильно рискуешь… ну, понимаете, переходя черту, жди серьёзных неприятностей. Вроде вашего здесь появления,

для начала. Или позвонить куда-то не туда — и наши братья в Уль-Коме окажутся в дерьме, копы к ним явятся. Или — или бывает и хуже. Ей нельзя было оставаться, она ополчила бы на нас Брешь. Или ещё что-нибудь. Она входила в… Нет, ни во что она не входила, она была просто одержима. Оркини.

Он внимательно смотрел на меня, так что я лишь сузил глаза. Хотя был удивлён.

По тому, как Корви не шелохнулась, было ясно: что такое Оркини, ей неведомо. Подробный разговор о нём прямо здесь мог бы ей повредить, но, пока я колебался, он уже объяснял. Это была сказка. Вот что он сказал:

— Оркини — это третий город. Он находится между двумя другими. В диссенсусах, спорных зонах, местах, которые в Бещеле считают принадлежащими Уль-Коме, а в Уль-Коме — Бещелю. Когда старая коммуна раскололась, то раскололась не на две, а на три части. Оркини — город тайный. Он всем заправляет.

Если раскол вообще имел место. Это было в истории тенью, областью неизвестного — летописи с обеих сторон стёрлись, исчезли на целое столетие. Случиться могло что угодно. С этого исторически краткого и совершенно непрозрачного

момента наступили хаос в нашей материальной истории, анархия в хронологии, несогласованные остатки, восторгавшие и ужасавшие исследователей. Всё, что мы знаем, это кочевники в степях, затем подобные чёрным ящикам века городского наваждения — некие события, а ещё имелись фильмы, рассказы и игры, основанные на предположениях (все они заставляли цензоров хоть немного да нервничать) об этом двойном рождении, — а затем история возвращается, и — вот вам Бещель, вот вам Уль-Кома. Было ли это расколом или объединением?

Словно тайна была недостаточной, словно двух заштрихованных стран им не хватало, барды измыслили этот третий, якобы существующий Оркини. На верхних этажах, в игнорируемых городских домах в римском стиле, в самых первых саманных жилищах, занимая сложно соединённые и разрозненные пространства, выделенные ему при расколе или объединении племён, устроился крошечный третий город Оркини, затаившись между двумя более дерзновенными городами-государствами. Сообщество мнимых повелителей, возможно, изгнанных, в большинстве историй интригующих, подтасовывающих факты, правящих с искусной и абсолютной

хваткой. Оркини был тем местом, где жили иллюминаты. И прочее в том же духе.

Несколько десятилетий назад не было бы никакой необходимости в разъяснениях — рассказы об Оркини были тогда обычным детским чтением, наряду с бедствиями «Короля Шавиля и морского чудовища, приплывшего в гавань». Гарри Поттер и могучие рейнджеры сейчас более популярны, и те старинные сказки знают всё меньше детей. Это хорошо.

— Вы хотите сказать — что? — перебил его я. — Что Бьела была собирательницей фольклора? Занималась старинными сказками?

Он пожал плечами. Смотреть на меня он избегал. Я попробовал ещё раз, чтобы разговорить его, заставить сказать, что он подразумевает. Он только пожимал плечами.

— Зачем бы ей говорить об этом с вами? — спросил я. — Зачем вообще она здесь была?

— Я не знаю. У нас есть материалы на эту тему. Им много лет. Понимаете? В Уль-Коме они, знаете ли, тоже есть, сказки об Оркини. Мы не просто храним документы, понимаете, не только о том, чем непосредственно занимаемся. Понимаете? Мы знаем нашу историю, поддерживаем все виды…

Он помолчал.

— Я осознал, что её интересуем не мы, понимаете?

Как всякие диссиденты, они были невротическими архивистами. Можно было соглашаться с ними или не соглашаться, не проявлять интереса к их взглядам на историю или преклоняться перед ними, но никто не мог бы сказать, что они не подкрепляют их примечаниями и исследованиями. В их библиотеке, должно быть, имелось — в оборонительных целях — полное собрание всего, что содержало хотя бы намёки на размывание городских границ. Она явилась к ним — это нетрудно было понять — в поисках информации не о городском единстве, но об Оркини. Какова же была их досада, когда они осознали, что странные её поиски были не причудами, но самой сутью исследования. Когда осознали, что её не очень-то заботит их собственный проект.

— Значит, она зря отнимала время?

— Да нет, говорю же, она была опасна. По-настоящему. Из-за неё у нас возникли бы проблемы. Да и всё равно она говорила, что не собирается здесь задерживаться.

Он неопределённо пожал плечами.

— Почему она была опасна? — Я подался к нему

— Дродин, она что, совершала бреши?

Он поднял руки.

— Боже, нет, я так не думаю. Если да, то я ни черта об этом не знаю. Чёрт возьми, вы знаете, как за нами наблюдают? — Он ткнул рукой в сторону улицы. — Ваши сотрудники в этом районе на полупостоянном патрулировании. Копы из Уль-Комы наблюдать за нами, ясное дело, не могут, но они следят за нашими братьями и сёстрами. И ещё, ко всему прочему, за нами наблюдают оттуда… сами знаете. Брешь.

После этого мы все на какое-то время притихли. Все чувствовали себя под наблюдением.

— Вы это видели?

— Конечно, нет. На кого я похож? Кто же это видит? Но мы знаем, что они там. Наблюдают. Любой предлог, и… нас нет. Вы знаете… — Он потряс головой, а когда снова посмотрел на меня, то во взгляде у него был гнев и, возможно, ненависть. — Знаете, скольких моих друзей забрали? Которых я больше никогда не видел? Мы осторожнее, чем кто-либо!

Это было правдой. Политическая ирония. Тем, кто был наиболее предан идее прорыва границы между Бещелем и Уль-Комой, приходилось её наиболее тщательным образом соблюдать. Если

бы я или кто-то из моих друзей на мгновение потерпели неудачу с не-видением (а у кого такого не бывало? кому иной раз не удавалось не-видеть?), то до тех пор, пока это не афишировалось и не поощрялось, никакая опасность нам не угрожала. Случись мне на секунду-другую задержать взгляд на какой-нибудь привлекательной прохожей в Уль-Коме, молча полюбоваться линией горизонта обоих городов разом, испытать раздражение из-за шума уль-комского поезда, меня бы никто не забрал.

Однако здесь, в этом здании, не только мои коллеги, но и силы Бреши всегда были исполнены гнева, и, как у ветхозаветного бога, у них на это были и могущество, и право. Это ужасное нечто могло появиться и заставить унификациониста исчезнуть даже за соматическое нарушение, испуганный прыжок из-под не туда свернувшего уль-комского автомобиля. Если бы Бьела, Фулана, совершала бреши, то принесла бы это с собой. Значит, похоже, Дродина заставляло бояться именно это подозрение.

— Просто что-то такое было. — Он посмотрел в окно на два города сразу. — Может, она бы… из-за неё на нас в конце концов обрушилась бы Брешь. Или ещё что-нибудь.

— Погодите, — сказала Корви. — Вы сказали, что она уехала…

— Она говорила, что уезжает. В Уль-Кому. Официально.

Я перестал делать заметки. Глянул на Корви, а та — на меня.

— Больше я её не видел. Кто-то слышал, что она уехала и ей не позволяют сюда вернуться. — Он пожал плечами. — Не знаю, правда ли это, а если да, то не знаю почему. Это было просто вопросом времени… Она ковырялась в опасной дряни, и у меня из-за этого возникло дурное предчувствие.

— Но это ещё не всё, верно? — спросил я. — Что ещё?

Он уставился на меня.

— Я не знаю. Она была проблемой, она внушала страх, слишком много всего… просто что-то такое в ней было. Когда она всё говорила и говорила обо всей этой ерунде, то мурашки по спине бегали. Она всех заставляла нервничать.

Он снова выглянул в окно. Потряс головой.

— Мне жаль, что она умерла, — сказал он. — Жаль, что кто-то её убил. Но я не очень-то этому удивляюсь.

Этот дух намёков и таинственности был прилипчив, каким бы циничным или равнодушным

вы себя ни полагали. Когда мы вышли, я заметил, как Корви окинула взглядом обшарпанные фасады складов. Возможно, слегка задержавшись на магазине, который, как она должна была понимать, находился в Уль-Коме. Она чувствовала, что за ней наблюдают. Мы оба это чувствовали — и были правы — и суетились.

Когда мы отъехали, я повёз Корви — провокация, я признаю, хотя и направленная не против неё, но, в некотором роде, против Вселенной, — на обед в маленький бещельский Уль-Кома-город, что к югу от парка. Из-за особенностей расцветки и оформления витрин магазинов и очертаний фасадов посетители Бещеля, видя его, всегда думают, что смотрят на Уль-Кому, и поспешно и демонстративно отводят взгляд (насколько иностранцы вообще способны достигнуть не-видения). Но при более тщательном рассмотрении и опыте в дизайне зданий заметен некий стеснённый китч, приземистая самопародия. Видно, что кое-где они отделаны так называемым бещельским синим, одним из цветов, незаконных в Уль-Коме. Эти свойства имеют сугубо местный характер.

Эти несколько улиц — с названиями-полукровками: иллитанские существительные и

бещельские суффиксы, Юлсайнстращ, Лилигистращ и так далее — были центром культурного мира для небольшой общины уль-комских эмигрантов, проживающих в Бещеле. Они приехали по разным причинам — из-за политических преследований, в поисках экономической выгоды (и как же патриархи, прошедшие через немалые тяготы эмиграции по этой причине, должны сейчас об этом сожалеть!), по прихоти, в поисках романтики. Большинство из них теперь второго и третьего поколения, в возрасте сорока и ниже, и говорят они по-иллитански у себя дома, но по-бещельски без акцента на улицах. Может быть, уль-комское влияние сказывается в их одежде. В разное время местные задиры и кто похуже швыряли им камни в окна и били их на улицах.

Именно сюда тоскующие уль-комские изгнанники приходят ради своей выпечки, своих леденцовых горошин, своего ладана. Ароматы в бещельском Уль-Кома-городе сбивают с толку. Инстинкт побуждает не-обонять их, думать о них как о занесённых через границу, столь же неуважительных, как дождь. «Дождь и дым живут в обоих городах», — гласит пословица. В Уль-Коме есть сходная, но одной из субстанций там выступает «туман». Иногда можно услышать это и о

других погодных условиях — или даже о мусоре, сточных водах и, из уст храбрецов, о голубях или волках. Но ароматы эти пребывают в Бещеле.

Очень редко молодые улькомане, не знающие района своего города, с которым штрихован Уль-Кома-город, совершают ошибку, спрашивая направление у этнического улькоманина, живущего в Бещеле, принимая его за соотечественника. Такая ошибка быстро обнаруживается — наибольшую тревогу вызывает как раз демонстративное не-видение, — и Брешь, как правило, бывает милосердна.

— Босс, — сказала Корви.

Мы сидели в угловом кафе, Кон-уль-Кай, которое я часто посещал. Перед тем я выдал ей целое представление — поприветствовал хозяина, обратившись к нему по имени, как, несомненно, поступали и многие другие бещельские завсегдатаи. Вероятно, он меня презирал.

— Какого чёрта мы сюда припёрлись?

— Смелее, — сказал я. — Уль-комская еда. Не отказывайтесь. Вы же знаете, что она вам понравится.

Я предложил ей чечевицу с корицей, густой сладкий чай. Она отказалась.

— Мы здесь, — сказал я, — потому что я пытаюсь

впитать эту атмосферу. Уловить дух Уль-Комы. Чёрт.

Вы сообразительны, Корви, я не говорю вам ничего такого, чего вы не знаете. Помогите мне вот с этим.

Я стал загибать пальцы.

— Она была здесь, эта девушка. Эта Фулана, Бьела. — Я чуть было не сказал «Марья». — Она была здесь — когда? — три года назад. Вращалась среди изворотливых местных политиканов, но искала что-то другое, с чем они не могли ей помочь. Что-то такое, что даже они полагали бесчестным. Она уезжает.

Я выдержал паузу.

— Собиралась в Уль-Кому.

Я выругался, и Корви тоже.

— Она что-то исследует, — сказал я. — Потом уезжает.

— Мы так думаем.

— Да, мы так думаем. Потом вдруг снова оказывается здесь.

— Мёртвой.

— Мёртвой.

— Чёрт.

Корви наклонилась, взяла и стала задумчиво поглощать одно из моих пирожных, потом вдруг

застыла с полным ртом. Долгое время никто из нас ничего не говорил.

— Так и есть, — сказала наконец Корви. — Это чёртова брешь, верно?

— … Похоже, что это могло быть брешью, думаю — да, думаю, так и было.

— Если не в ту сторону, то чтобы вернуться. Туда, где её и уделали. Или посмертно. Где её выбросили.

— Или что-то ещё, — сказал я. — Ещё что-то.

— Если только она не пересекла границу законным образом или не пробыла здесь всё это время. Лишь потому, что Дродин её не видел…

Я вспомнил о телефонном звонке. Сделал скептическое лицо: дескать, ну, может быть.

— Может, и так. Он казался очень уверенным. В любом случае это подозрительно.

— Ну…

— Хорошо. Значит, это брешь: договорились.

— Чушь это всё.

— Нет, послушайте, — сказал я. — Это означает, что она не будет нашей проблемой. Или, по крайней мере… если мы сможем убедить Комитет по надзору. Может быть, мне удастся это запустить.

Она нахмурилась.

— Чёрта с два, дождётесь от них. Я слышала,

они получают…

— Нам придётся представить свои доказательства. Пока что косвенные, но, может, их будет достаточно, чтобы делу дали ход.

— Судя по тому, что я слышала, нет. — Она отвела взгляд, снова посмотрела на меня. — Вы уверены, что хотите этого, босс?

— Чёрт, да! Да, чёрт возьми. Послушайте. Я понял. Похвально, что вы хотите оставить это дело за собой, но послушайте. Если есть шанс, что мы правы… вы не можете расследовать брешь. Этой Бьеле-Фулане, убитой иностранке, нужен кто-то, кто бы о ней позаботился. — Выдерживая паузу, я заставил Корви посмотреть на меня. — Мы здесь не лучшие, Корви. Она заслуживает большего, чем в наших силах. Никто не сможет провести это расследование так, как Брешь. Господи, кому удавалось добиться, чтобы Брешь действовала от его имени? Вынюхивая убийцу?

— Не многим.

— То-то и оно. Значит, если удастся, надо передать это дело. Комитет знает, что каждый будет пытаться передать всё; вот почему нас заставляют прыгать через обручи.

Она посмотрела на меня с сомнением, а я продолжал:

— У нас нет доказательств, и мы не знаем подробностей, так что давайте постараемся за пару дней украсить верхушку вишенкой. Или докажем себе, что мы не правы. Взгляните на её досье, которым мы сейчас располагаем. В нём, чтоб его, данных хватает. Два-три года назад она исчезает из Бещеля, теперь её обнаруживают здесь мёртвой. Может, Дродин прав, она была в Уль-Коме. Открыто. Я хочу, чтобы вы поработали с телефоном, связались кое с кем и здесь и там. Сами видите, что мы имеем: иностранка, исследовательница и так далее. Выясните, кто она. Ничего не бойтесь, намекайте, что это касается Бреши.

Вернувшись, я прошёл мимо стола Таскин.

— Борлу! Получили мой звонок?

— Госпожа Керуш, ваши усердные поиски моего общества становятся неубедительными.

— Я получила ваше сообщение и начала действовать. Нет, Борлу, пока не обязуйтесь умыкнуть меня с собой, вы непременно будете разочарованы. Возможно, вам придётся подождать некоторое время, чтобы поговорить с Комитетом.

— Как это сработает?

— Когда вы в последний раз этим занимались? Много лет назад? Слушайте, я уверена, вы дума-

ете, что владеете самым зрелищным броском… Не смотрите на меня так, что у вас за вид спорта? Бокс? Знаю, вы думаете, они должны будут вызвать вас… — здесь голос у неё стал серьёзным, — сразу же, я имею в виду, только этого не случится. Вам придётся ждать своей очереди, а это может занять несколько дней.

— Я думал…

— Когда-то так и было. Но они бросили то, что делали раньше. Сейчас ведь сложное время, а это больше касается нас, чем их. Ни одной группе представителей это не в жилу, но, честно говоря, на данный момент ваша проблема не в Уль-Коме. С тех пор, как люди Сьедра вступили в коалицию, вопя о национальной слабости, в правительстве боятся показать, что слишком охотно вызывают Брешь, поэтому спешить они не будут. Они получили общественные запросы о лагерях беженцев и ни в коем случае не откажутся как следует с ними проваландаться.

— Боже, вы шутите! Они всё ещё возятся с теми бедолагами?

Кто-то должен был довести это до конца и отправить беженцев или в один город, или в другой, но в таком случае без иммиграционного обучения им было бы почти невозможно не совершать

брешей. Границы у нас на замке. Там, где отчаянные пришельцы тыкались в заштрихованные участки побережья, действовало неписаное соглашение, что они находятся в том городе, с чьим пограничным контролем столкнулись, и потому их первым делом заключали в прибрежные лагеря. Как же удручены были те, кто в погоне за уль-комской мечтой оседал в Бещеле!

— Выжимают из этого всё, что можно, — сказала Таскин. — Есть у них и другие занятия. Задницы лизать. Ни от деловых встреч не будут отказываться, ни ещё много от чего, как это было раньше.

— Блудят за доллар янки.

— Не порицайте. Если они заманят сюда доллар янки, меня это устроит. Но ради вас они спешить не станут, кто бы там ни умер. А что, кто-то умер?

Корви не потребовалось много времени, чтобы найти то, что я ей поручал. К исходу следующего дня она явилась ко мне в кабинет с папкой.

— Только что получила это по факсу из Уль-Комы, — сказала она. — Шла по следу. Совсем не трудно, когда знаешь, с чего начинать. Мы оказались правы.

Перед нами была она, наша жертва, — её досье,

её фотография, наша посмертная маска, а потом вдруг захватывающие дух прижизненные снимки, монохромные и нечёткие после передачи по факсу изображения, на которых, однако, наша мёртвая женщина улыбалась, курила сигарету и что-то произносила, застыв с открытым ртом. Наши поспешные заметки, подробности о ней, с оценками, а теперь и другие, красными чернилами, не колеблемые никакими вопросительными знаками, факты; а под разными вымышленными именами значилось и настоящее.

Глава 6

— Махалия Джири.

Вокруг стола (старинного, стоит ли вообще спрашивать?) располагались сорок два человека и я. Сорок два человека сидели, положив перед собой папки. Я стоял. По углам помещения репортёры передавали на свои станции двухминутные сообщения. На столе видны были микрофоны, рядом сидели переводчики.

— Махалия Джири. Ей было двадцать четыре. Американка. Всё это моя помощница установила, констебль Корви собрала всю эту информацию, дамы и господа. Все эти сведения напечатаны в газетах, куда я их разослал.

Не все здесь это читали. Газеты у некоторых не были открыты.

— Американка? — переспросил кто-то.

Из двадцати одного бещельского представителя я узнавал не всех. Некоторых. Женщину средних лет, с тяжёлыми, полосатыми, как скунс, волосами, похожую на академика из научно-популярного фильма, Шуру Катринью, министра без портфеля, уважаемую, но миновавшую пору своего расцвета. Михеля Бурича от социал-де-

мократов, официальной оппозиции, молодого, способного, достаточно честолюбивого, чтобы возглавлять более чем один комитет — под его началом были безопасность, торговля, искусство. Майора Йоржа Сьедра, лидера национального блока, самой правой группировки, в противоречивой коалиции с которой работал премьер-министр Гаярдищ, несмотря на репутацию Сьедра не только как хулигана, но и как малокомпетентного человека. Явида Ньисему, заместителя Гаярдища по делам культуры и председателя комитета. Другие лица были знакомы, и при усилии можно было припомнить ещё несколько имён. Из уль-комских же их коллег я не узнавал ни одного. Внешней политике я не уделял особого внимания.

Большинство улькоман просматривали подготовленные мной пакеты с документами. Трое были в наушниках, но многие владели бещельский достаточно свободно, чтобы, по крайней мере, понимать меня. Странно было не не-видеть этих людей в официальной уль-комской одежде — мужчин в рубашках без воротников и тёмных пиджаках без лацканов, нескольких женщин в спиральных полунакидках таких расцветок, которые в Бещеле сочли бы контрабандой. Но в

то время я пребывал не в Бещеле.

Комитет по надзору собирается в гигантском барочном колизее с бетонными заплатами в центре Старого города Бещеля и Старого города Уль-Комы. Это одно из очень немногих мест, которые в обоих городах называются одинаково: Связующий зал. Потому что это, в строгом смысле слова, не штрихованное здание и не стаккато сплошного-альтернативного, когда один этаж или комната находится в Бещеле, а этаж или комната по соседству принадлежит Уль-Коме: снаружи оно расположено в обоих городах, а внутренне по большей части находится в обоих или ни в одном. Все мы — по двадцати одному депутату от каждого государства, их помощники и я — собрались у стыка, междоузлия, одной своего рода границы, построенной над другой.

У меня было ощущение, что там присутствует и нечто иное: причина этого собрания. Возможно, некоторые люди в комнате чувствовали себя под наблюдением.

Пока они возились со своими бумагами, то есть те из них, кто этим занимался, я ещё раз поблагодарил их за то, что согласились меня увидеть. Маленький политический реверанс. Эти заседания Комитета по надзору были регулярными,

но мне пришлось прождать несколько дней, чтобы туда попасть. Несмотря на предостережение Таскин, я попытался созвать внеочередное заседание, чтобы как можно быстрее снять с себя ответственность за Махалию Джири (кому хотелось думать о том, что её убийца разгуливает на свободе? Имелась превосходная возможность разобраться с этим), но без наличия эпохального кризиса, гражданской войны или катастрофы устроить это было невозможно.

Как насчёт совещания в сокращённом формате? Отсутствие нескольких человек, конечно, не вызовет… Но нет, быстро известили меня, это совершенно неприемлемо. Таскин предупреждала меня и была права, а я с каждым днём становился всё более нетерпеливым. Таскин дала мне свой лучший контакт, доверенного секретаря одного министра в комитете, который объяснил, что Бещельская Торгово-промышленная палата проводит очередную из своих всё более регулярных ярмарок с иностранным бизнесом, а это исключает участие Бурича, имевшего некоторый успех в надзоре за такими событиями, Ньисему и даже Сьедра. Это, конечно, было делом священным. Что Катринья проводит встречи с дипломатами. Что у Хуриана, комиссара уль-

комской биржи, не терпящая переноса встреча с уль-комским министром здравоохранения, и так далее и что специального заседания не будет. Убийство молодой женщины должно оставаться недорасследованным ещё несколько дней, пока не состоится собрание, на котором между необходимыми вопросами о вынесении судебного решения по любому случаю отсутствия консенсуса, об управлении общими ресурсами — некоторыми из больших линий электросети, канализации и отвода сточных вод, наиболее сложными из штрихованных зданий — мне предоставят двадцатиминутную щёлку, чтобы я мог изложить своё дело.

Возможно, кто-то знал об этом подробнее, но специфика махинаций Комитета по надзору никогда меня не интересовала. Раньше, задолго до этого, я дважды представлял им доклады. Тогда Комитет выглядел, конечно, иначе. Оба раза бещельская и уль-комская стороны едва не ощетинивались друг на друга: отношения были хуже. Даже когда мы были невоюющими сторонниками противоборствующих в конфликтах стран, например, во время Второй мировой войны — для Уль-Комы это не было звёздным часом, — приходилось созывать Комитет по надзору. Какими

же неудобными, наверное, были те заседания. Он не созывался, однако, как помнится мне из школьных уроков, во время двух кратких и разорительных открытых войн друг против друга. В любом случае сейчас предполагалось, что наши две страны, говоря высокопарно, осуществляют некое сближение.

Ни одно из предыдущих дел, которые я представлял, не было настолько срочным. Первое было связано с контрабандным нарушением, как и большинство таких обращений. Банда в западном Бещеле начала продавать наркотики, выделенные из уль-комских лекарств. Они подбирали коробки на окраине города, рядом с окончанием восточно-западной оси пересечения железнодорожных линий, которые разделяют Уль-Кому на четыре квадранта. Уль-комские соучастники сбрасывали эти коробки с поездов. На севере Бещеля есть короткий отрезок, где штрихованы сами пути, они служат и в качестве уль-комских путей; а мили железных дорог, ведущих из обоих городов-государств на север и соединяющих нас с северными соседями через разрез в горах, тоже общие вплоть до наших границ, где они становятся единой линией как в экзистенциальной законности, так и в простой

вещественности металла: до самых национальных окраин этот путь был двумя юридическими железными дорогами. В разных местах коробки с медикаментами сбрасывались в Уль-Коме и оставались там, в кустарнике покинутой уль-комской полосы отчуждения; но подбирались они в Бещеле, а это было брешью.

Мы никогда не видели, как наши преступники забирали их, но когда представили доказательства того, что это единственный возможный источник, комитет согласился и вызвал Брешь. Торговля наркотиками прекратилась: поставщики исчезли с улиц.

Второе дело касалось человека, который убил свою жену, а когда мы его накрыли, то он, отупев от ужаса, совершил брешь — вошёл в магазин в Бещеле, переоделся и вышел в Уль-Коме. Его случайно не задержали в тот же миг, но мы быстро поняли, что случилось. При такой его чрезмерной лиминальности ни мы, ни наши уль-комские коллеги не желали к нему прикасаться, хотя и мы, и они знали, в каком доме в Уль-Коме он прячется. Его забрала Брешь, и он тоже исчез.

Этот запрос я делал впервые за долгое время. Я представил доказательства. Обращался, соблюдая вежливость, в той же мере к уль-комским

членам, как и к бещельским. А также к наблюдающей силе, которая, конечно, должна была незаметно присматривать.

— Она проживала в Уль-Коме, а не в Бещеле. Выяснили это, когда поняли, что нашли именно её. Корви выяснила, я имею в виду. Жила там более двух лет. Писала диссертацию.

— Что она изучала? — спросил Бурич.

— Она была археологом. Ранняя история. Прикреплена к раскопкам. Обо всём этом есть в ваших папках.

Маленькая рябь, по-разному повторившаяся среди бещельцев и улькоман.

— Вот таким образом она попала туда, даже при блокаде.

Для образовательных и культурных связей имелись некоторые лазейки и исключения. В Уль-Коме постоянно ведутся раскопки, исследовательские проекты там непрерывны, их земля намного богаче, чем наша, необычными артефактами времён, предшествовавших Кливажу. Авторы книг и участники конференций спорят, является ли этот перевес случайным совпадением или доказательством специфичности Уль-Комы. Уль-комские националисты, конечно, настаивают на последнем. Махалия Джири была связана

с долгосрочными раскопками в Бол-Йеане, на западе Уль-Комы, площадке столь же важной, как Теночтитлан и Саттон-Ху[6] которая активно разрабатывалась с момента её открытия почти сто лет назад.

Для моих соотечественников, занимающихся историей, было бы чудесно, будь эта область штрихованной, но, хотя парк, на краю которого она находится, отчасти таков и штриховка подходит довольно близко к тщательно распаханной земле, полной сокровищ, а тонкая полоска сплошного Бещеля даже разделяет секции Уль-Комы, находящиеся на этой территории, сами раскопки не штрихованы. Некоторые бещельцы готовы утверждать, что однобокость — вещь хорошая, что, располагай мы вполовину таким богатым пластом исторического щебня, как Уль-Кома, — чем-нибудь вроде множества

[6] Примечания: 6

Теночтитлан — город-государство, находившийся на месте современного города Мехико. Основан примерно в 1325 году на острове посреди солёного озера Тескоко, разрушен в 1521 году испанскими конкистадорами под руководством Эрнана Кортеса. *Саттон-Ху* — курганный некрополь в английском графстве Саффолк, где в 1938–1939 гг. были сделаны, возможно, самые значительные археологические находки в истории Великобритании.

смешанных фигурок шила-на-гиг[7], остатков часовых механизмов, мозаичных осколков, наконечников топоров и загадочных обрывков пергамента, освящённых слухами о нарушениях физических законов и невероятных эффектах, — мы бы его просто продали. Уль-Кома, по крайней мере, с её приторным ханжеством по отношению к истории — явной компенсацией вины за темпы перемен, за вульгарную энергию многих сторон её развития в последнее время, — с её государственными архивистами и ограничениями на экспорт, сохраняла своё прошлое несколько защищённым.

— Бол-Йеаном занимается группа археологов из Университета принца Уэльского в Канаде, к которой была причислена и Джири. Её руководительница живёт в Уль-Коме наездами на протяжении нескольких лет — Изабель Нэнси. Их там живёт целая куча. Иногда они организуют конференции. Через каждые несколько лет проводят их даже в Бещеле — нечто вроде утешительного приза для наших земель, несохра-

[7] Примечания: 7

Шила-на-гиг — скульптурные изображения обнажённых женщин, обычно с увеличенной вульвой. Обнаруживаются на церквях, замках, нормандских башнях и других строениях эпохи Средневековья на территории всей Западной Европы.

нивших остатков прошлого. Последняя крупная конференция состоялась некоторое время назад, когда был обнаружен последний выброс артефактов. Я уверен, все это помнят.

Та находка освещалась в международной прессе. Коллекция тут же получила какое-то название, но я его вспомнить не мог. Она включала в себя астролябию и какую-то штуковину с зубчатой передачей, замысловатое устройство, столь же безумно специфичное и анахроничное, как Антикитерский механизм[8], к которому было приковано так много мечтаний и спекуляций и назначение которого, похоже, никто не был в состоянии восстановить.

— Так что за история с этой девушкой?

Вопрос задал улькоманин, толстяк лет пятидесяти, в рубашке, оттенки которой поставили бы под вопрос её законность в Бещеле.

— Она базировалась там, в Уль-Коме, несколько месяцев, занимаясь своими исследованиями, — сказал я. — Сначала, ещё до приезда в Уль-Кому, она побывала в Бещеле на конференции около трёх лет назад. Возможно, вы помните, здесь

---

[8] Примечания: 8

Антикитерский механизм — механическое устройство, обнаруженное в 1902 году на затонувшем древнем судне недалеко от греческого острова Антикитера и датируемое приблизительно 100 годом до н. э.

состоялась большая выставка артефактов и материалов, одолженных в Уль-Коме, и на протяжении целой недели или двух проводились совещания и тому подобное. Тогда много народу приехало отовсюду — учёные из Европы, Северной Америки, из Уль-Комы и всё такое.

— Конечно, помним, — сказал Ньисему. — Многие из нас в этом участвовали.

Разумеется. Были подготовлены стенды различных государственных комитетов и неправительственных организаций; участие в конференции приняли министры правительства и оппозиция. Премьер-министр выступал с приветственной речью, Ньисему официально открыл экспозицию в музее, и для всех серьёзных политиков присутствовать там было необходимо.

— В общем, она там была. Возможно, вы её даже заметили, она вызвала некоторый шум, по-видимому, была обвинена в неуважении, выступила на презентации с какой-то ужасной речью об Оркини. Её едва не выгнали.

На лицах у некоторых — у Бурича и Катриньи наверняка, у Ньисему предположительно — отобразилось, что это им о чём-то напоминает. По крайней мере, один участник с уль-комской стороны, похоже, тоже что-то припомнил.

— Итак, она успокаивается, кажется, заканчивает работу на степень магистра, начинает докторскую, получает доступ в Уль-Кому, на этот раз чтобы принять участие в этих раскопках, заняться своими исследованиями — сюда она больше никогда не возвращалась, не думаю, не после того происшествия, и, честно говоря, меня удивляет, как она попала туда, — и находилась там с тех пор всё время, если не считать каникул. В студенческом лагере вблизи раскопок. Исчезла она пару недель назад и обнаружилась в Бещеле. В жилом массиве «деревня Покост», который, как вы помните, для Бещеля является сплошным, а для Уль-Комы, следовательно, чужеродным, и она была мертва. Это всё в папке, господин конгрессмен.

— Но вы не показали самого факта бреши, не так ли? Не вполне.

Йорж Сьедр проговорил это мягче, чем можно было бы ожидать от военного. Сидевшие напротив него несколько уль-комских конгрессменов зашептались по-иллитански — его замечание побудило их обменяться соображениями. Бурич рядом с ним закатил глаза — и понял, что я это заметил.

— Вы должны меня простить, господин совет-

ник, — сказал я в конце концов. — Я не знаю, что на это сказать. Эта молодая женщина жила в Уль-Коме. Официально, я имею в виду, у нас есть записи. Она исчезает. Её обнаруживают мёртвой в Бещеле. Я нахмурился. — Я не уверен… Что ещё вы могли бы предложить в качестве доказательства?

— Но ваше доказательство косвенное. Я имею в виду, проверяли ли вы в Министерстве иностранных дел? Выяснили, к примеру, не выезжала ли мисс Джири из Уль-Комы на какое-нибудь мероприятие в Будапеште или ещё где-нибудь? Может, она так и поступила, а потом приехала в Бещель? Вы не отчитываетесь почти за две недели, инспектор Борлу.

Я уставился на него.

— Как я уже сказал, она не вернулась бы в Бещель после своего маленького представления…

Напустив на себя едва ли сочувственное выражение, он меня перебил:

— Брешь — это… чуждая сила.

Некоторые бещельские и уль-комские члены комитета выглядели потрясёнными.

— Мы все знаем, что это так, — продолжал Сьедр, — независимо от того, вежливо это признать или нет. Брешь — это, говорю ещё раз,

чуждая сила, и мы передаём ей свой суверенитет на собственный страх и риск. Мы просто умываем руки в любых сложных ситуациях, передавая их решение — извините, если кого обижу, но… — тени, которую мы не контролируем. Просто чтобы облегчить себе жизнь.

— Вы шутите, советник? — спросил кто-то.

— С меня достаточно, — начал Бурич.

— Не все из нас умасливают врагов, — сказал Сьедр.

— Председатель! — вскричал Бурич. — Вы позволите эту клевету? Это возмутительно…

Я наблюдал дух новой беспартийной демократии, о которой доводилось читать.

— Конечно, когда вмешательство Бреши необходимо, я полностью поддерживаю её вызов, — сказал Сьедр. — Но моя партия уже немало времени утверждает, что мы должны прекратить… механически уступать Бреши значительные полномочия. Что вы в самом деле расследовали, инспектор? Вы говорили с её родителями? С её друзьями? Что мы в действительности знаем об этой несчастной молодой женщине?

Мне надо было к этому подготовиться. Такого я не ожидал.

Мне приходилось видеть Брешь до этого, очень

кратко. Кому не приходилось? Я видел, как она берёт под контроль. Большинство брешей явны и непосредственны. Брешь вмешивается. Я не привык к поиску разрешений, вызовам, всем этим тайным путям. Мы вырастаем, слыша «доверяй Бреши», не-видь и не упоминай об уль-комских карманниках или грабителях, даже если заметишь их за работой оттуда, где находишься, в Бещеле, — этого тебе не полагается, потому что брешь является худшим преступлением, нежели то, что совершают они.

Впервые я увидел Брешь, когда мне было четырнадцать. Причина была самой распространённой — дорожно-транспортное происшествие. Занесло маленький коробчатый уль-комский фургон — это случилось более тридцати лет назад, когда транспортные средства на дорогах Уль-Комы были намного менее впечатляющими, чем сейчас. Он ехал по штрихованной дороге, и добрая треть автомобилей в той зоне были бещельскими.

Если бы фургон выровнялся, бещельские водители отреагировали бы на такую вторгшуюся иностранную помеху, одну из неизбежных трудностей жизни в заштрихованных городах, вполне традиционно. Когда улькоманин натыкается на бещельца, причём каждый из них находится в

своём собственном городе; когда уль-комская собака подбегает и обнюхивает бещельского прохожего; когда окно, разбитое в Уль-Коме, оставляет стёкла на пути бещельских пешеходов, — во всех подобных случаях бещельцы или, в противоположных обстоятельствах, улькомане изо всех сил избегают иностранных затруднений, не признавая их. Касаются их, если вынуждены, хотя это не лучший выход. Такое вежливое стоическое не-видение является формой обращения с протубцами — так по-бещельски называют протуберанцы из другого города. Есть и иллитанский термин, но я его не знаю. Исключение составляет только мусор, когда достаточно состарится. Лежащий на штрихованном тротуаре или занесённый ветром из другой зоны, где был выброшен, сначала он выступает как протубец, но когда выцветет, когда иллитанские или бещельские его признаки сделаются невидимы, покрытые грязью и отбелённые солнцем, когда он смешается с другим мусором, в том числе из другого города, то станет просто мусором, переносимым через границы, как туман, дождь и дым.

Водитель фургона, который я видел, так и не совладал с управлением. Он проскрежетал по диагонали через асфальт — не знаю, что это за

улица в Уль-Коме, а в Бещеле это Кюнигстращ — и врезался в стену бещельского бутика и в пешехода, разглядывавшего там витрину. Бещелец умер; уль-комский водитель получил тяжёлое ранение. Люди в обоих городах закричали. Я не видел столкновения, но моя мать видела и схватила меня за руку так сильно, что я завопил от боли, прежде чем даже успел отметить шум.

Первые годы бещельского (и предположительно уль-комского) ребёнка проходят в интенсивном изучении ролей. Мы очень быстро усваиваем стили одежды, допустимые цвета, манеры ходить и держаться. Ещё до достижения нами восьми или около того лет можно быть уверенным, что большинство не станет совершать брешей ни по ошибке, ни преднамеренно, хотя, конечно, разрешение выдаётся детям каждый раз, как они оказываются на улице.

Я был старше означенного возраста, когда поднял голову и увидел кровавый итог аварии, связанной с нарушением границы, и помню, как вспоминал о тех запретах, понимая, что они были чепухой. В тот миг, когда я, моя мать и все, оказавшиеся там, не могли не видеть уль-комского крушения, всё то старательное не-видение, которому я недавно обучился, было отброшено.

Не прошло и нескольких секунд, как появилась Брешь. Очертания, фигуры, некоторые из которых, возможно, были там и раньше, но тем не менее словно бы вырастали из просветов в дыме от аварии, двигаясь слишком быстро, чтобы их можно было ясно видеть, перемещаясь с полномочиями и властью столь абсолютными, что в течение нескольких секунд они взяли под контроль всю зону вторжения. Эти силы были почти невозможными, казались почти невозможными, чтобы их различить. По краям кризисной зоны бещельские и, я всё ещё был не в состоянии невидеть, уль-комские полицейские расталкивали любопытных по своим городам, обносили зону полицейской лентой, теснили посторонних, блокируя область, в которой представители Бреши, чьи быстрые действия всё ещё были видны, хотя я, ребёнок, так боялся их видеть, организовывали, прижигали, восстанавливали.

Вот в таких редких ситуациях и можно было увидеть представителей Бреши, выполнявших своё дело. При несчастных случаях, катастрофах, проникающих через границы. Во время землетрясения 1926 года и Великого пожара. Когда-то случился пожар и неподалёку, говоря гросстопично, от моей квартиры. Он распространился в

одном доме, но в доме, находившемся не в Бещеле и для меня невидимом. Так что я смотрел репортаж о нём, транслировавшийся из Уль-Комы, по своему местному телевидению, меж тем как окна моей гостиной освещались его трепещущим красным заревом. При гибели уль-комского зеваки от шальной пули, выпущенной при ограблении в Бещеле. Трудно было связать подобные кризисы с этакой бюрократией.

Я переступил с ноги на ногу и оглядел комнату, ни на что не обращая внимания. Брешь должна отчитываться за свои действия перед теми специалистами, которые её вызывают, но многие из нас не воспринимают это как ограничение.

— Вы говорили с её коллегами? — спросил Сьедр. — Как далеко вы продвинулись с этим делом?

— Нет, я с ними не говорил. Мой констебль, конечно, должна была проверить нашу информацию.

— А с её родителями вы говорили? Вы, кажется, совсем не прочь избавиться от этого расследования.

Я выждал несколько секунд, прежде чем заговорить, перекрывая бормотание по обе стороны стола:

— Корви им сообщила. Они летят сюда. Майор, я не уверен, что вы понимаете, в каком мы положении. Да, я был бы не прочь избавиться от этого дела. А разве вы не хотите увидеть убийцу Махалии Джири найденным?

— Ладно, достаточно. — Явид Ньисему постучал пальцами по столу, изображая нечто вроде галопа. — Инспектор, вы взяли недопустимый тон. У представителей есть озабоченность, как разумная, так и растущая, что мы слишком быстро уступаем дела Бреши в ситуациях, где на самом деле мы могли бы от этого отказаться, и что поступать так опасно и, возможно, даже сопряжено с предательством.

Он подождал, пока наконец его требование не стало ясным, а я произвёл шум, который можно было бы принять за извинение.

— Однако, — продолжал он, — вы, майор, тоже могли бы подумать над тем, чтобы поменьше спорить и выставлять себя в смешном свете. Ради бога, молодая женщина исчезает в Уль-Коме и обнаруживается мёртвой в Бещеле. Я с трудом могу представить себе более чёткое дело. Конечно, мы одобрим передачу его Бреши.

Он резанул воздух руками, а Сьедр начал что-то ворчать.

Катринья кивнула. «Голос разума», — сказал Бурич. Улькомане наблюдали эти внутренние свары и раньше. Великолепие нашей демократии. Несомненно, они переносили сюда свои дрязги.

— Думаю, это всё, инспектор, — сказал он, перекрывая повысившего голос майора. — Мы получили вашу заявку. Спасибо. Вас проводят к выходу. Услышите о нашем решении в ближайшее время.

Коридоры Связующего зала выдержаны в стиле, который, должно быть, эволюционировал на протяжении многих веков существования здания и своей центральной роли в жизни и политике Бещеля и Уль-Комы: они античные и высокие, но какие-то расплывчатые, не поддающиеся определению. Картины маслом хорошо исполнены, но у них словно нет предшественников, они бескровно общи. Персонал, бещельский и уль-комский, приходит и уходит через эти промежуточные коридоры. Зал воспринимается не совместным, но пустым.

Несколько артефактов эпохи Предтечи, заключённых в охраняемые и оборудованные сигнализацией стеклянные сосуды-колокола и через равные промежутки расставленных в

этих коридорах, выглядят совсем по-другому. Они специфичны, но непонятны. Я рассматривал некоторые, направляясь к выходу: Венера с отвисшей грудью и позвонками, торчащими, как зубцы шестерёнки; грубая металлическая оса, обесцвеченная; базальтовый куб. Под каждым из них имелась надпись, предлагавшая догадки.

Вмешательство Сьедра было неубедительным — складывалось впечатление, что он решил настоять на своём, как только на стол ляжет очередное ходатайство, а, на его несчастье, оно оказалось моим и касалось дела, с которым трудно было спорить, — и его мотивация представлялась сомнительной. Если бы я был политиком, то ни за что не стал бы следовать его примеру. Но для его осторожности были основания.

Полномочия Бреши почти безграничны. Это пугает. Брешь ограничивается исключительно тем, что её полномочия в высшей степени определяются обстоятельствами. Настойчивое требование, чтобы эти обстоятельства строго контролировались полицией, является необходимой мерой предосторожности для обоих городов.

Вот что объясняет эту тайную систему сдержек и противовесов между Бещелем, Уль-Комой и Брешью. В ситуациях, отличных от острых и

бесспорных брешей — преступлений, аварий или стихийных бедствий (химических утечек, взрывов газа, нападений психически больных, совершаемых через муниципальные границы), — комитет исследовал все возможности привлечения, которые, в конце концов, сводились ко всем случаям, когда Бещель и Уль-Кома лишали себя всяких полномочий.

Даже после неотложных мер, возражать против которых не мог бы никто здравомыслящий, представители двух городов в комитете внимательно изучали постфактум те оправдательные причины, на основании которых они уполномочили Брешь вмешаться. Формально они могли оспорить любую из них: поступить так было бы абсурдно, но комитет не желал подрывать свою власть, не совершая этих важных действий.

Два города нуждаются в Бреши. А что есть Брешь без целостности городов?

Корви ждала меня.

— Итак? — Она протянула мне кофе. — Что они сказали?

— Ну, это ходатайство пройдёт. Но они всё-таки заставили меня попрыгать через обручи.

Мы направлялись к полицейской машине. Все улицы вокруг Связующего зала были штри-

хованными, и мы, не-видя, пробирались через группу улькоман к тому месту, где Корви припарковалась.

— Сьедра знаете?

— Этого фашистского прыща? Конечно.

— Пытался прикинуться, что не позволит передать это дело в ведение Бреши. Выглядело причудливо.

— В нацблоке Брешь ненавидят?

— Странно её ненавидеть. Как ненавидеть воздух или ещё что-нибудь вроде этого. Притом он наци, а если нет Бреши, то нет и Бещеля. Родины нет.

— Всё запутано, да, — сказала она, — потому что, хоть мы в них и нуждаемся, но эта самая нужда свидетельствует о нашей зависимости. Так или иначе, наци делятся на сторонников баланса власти народа и триумфаторов. Может, он триумфатор? Они считают, что Брешь защищает Уль-Кому, и это единственное, что мешает Бещелю одержать верх.

— Хотят одержать верх? Они живут в мире грёз, если думают, что Бещель победит.

Корви взглянула на меня. Мы оба знали, что это правда.

— Во всяком случае, это спорно. С его стороны

это, думаю, было позёрством.

— Он чёртов идиот. Я имею в виду, что он, уже будучи фашистом, просто не очень умён. Когда мы получим согласие?

— Думаю, через день-другой. Они будут голосовать по всем ходатайствам, представленным им сегодня. По-моему.

Я не знал, как это организовано на самом деле.

— А тем временем чем займёмся? — Её вопрос прозвучал отрывисто.

— Ну, у вас хватает всего другого, с чем надо разбираться, я так понимаю? Это ведь не единственное ваше дело.

Она сидела за рулём. Мы проезжали мимо Связующего зала, его огромного входа, похожего на рукотворную пещеру. Это здание значительно больше собора, больше римского цирка. Оно открыто с восточной и западной сторон. На уровне земли и на протяжении первых сводчатых пятидесяти футов или около того над ним зал является полузакрытой магистралью, размеченной колоннами, где транспортные потоки разделяются стенами и регулируются контрольно-пропускными пунктами.

Пешеходы и машины двигались туда и обратно. Легковые автомобили и фургоны въезжали в него

рядом с нами, чтобы ждать в крайней восточной точке, где проверялись паспорта и документы и автомобилистам давали разрешение покинуть Бещель, а иногда и отказывали в нём. Постоянный поток. Ещё несколько метров, через узкий проезд внутреннего контрольно-пропускного пункта под дугой зала, следовало ещё одно ожидание у западных ворот здания, чтобы въехать в Уль-Кому. Обратный процесс происходил на других полосах.

Затем автомобили с проштампованными разрешениями на пересечение появлялись со стороны, противоположной той, в какой исчезли, и въезжали в иностранный город. Часто они поворачивали назад, на заштрихованные улицы в Старом городе Бещеля или в Старом городе Уль-Комы, оказываясь в том же пространстве, что занимали несколькими минутами раньше, но в новой юридической сфере.

Если кому-то требовалось попасть в дом, физически расположенный рядом с его собственным, но находящийся в соседнем городе, то дорога, охраняемая непреклонной властью, была совсем другой. Вот что редко удаётся понять иностранцам. Житель Бещеля не может пройти несколько шагов в стоящий рядом альтернативный дом, не

совершив бреши.

Но стоило человеку пройти через Связующий зал, и он мог покинуть Бещель, а в конце зала вернуться (телесно) точно туда, где только что был, но оказаться в другой стране, туристом, удивляющимся посетителем, выйти на улицу, которая разделяла широту и долготу его собственного адреса, на улицу, где он никогда не бывал раньше, архитектуру которой он всегда не-видел, к уль-комскому дому, стоящему рядом и разделённому целым городом с его собственным, теперь невидимым там, оставленным по ту сторону Бреши, у себя дома.

Связующий зал подобен горловине песочных часов, точке входа и выхода, пуповине между городами. Всё здание образует воронку, позволяя посетителям из одного города попасть в другой, а из другого в первый.

Есть места незаштрихованные, но где Бещель прерывается тонкой частью Уль-Комы. В детстве мы усердно не-видел и Уль-Кому, поскольку наши родители и учителя безжалостно нас на это натаскивали. Нарочитость, с которой мы и наши уль-комские современники привыкли не-замечать друг друга, находясь гросстопично рядом, весьма впечатляет. Мы имели обыкновение

бросать камни через альтернативные участки, пробегать долгий кружный путь в Бещеле и поднимать их снова, споря, поступили ли мы недолжным образом. Брешь, конечно, никогда не проявлялась. Мы проделывали то же самое с местными ящерицами. Они всегда оказывались мертвы, когда мы их подбирали, и мы говорили друг другу, что их убило небольшое путешествие по Уль-Коме, хотя с таким же успехом убить их могло приземление.

— Больше не будет нашей проблемой, — сказал я, наблюдая, как несколько уль-комских туристов появляются в Бещеле. — Махалия, я имею в виду Бьела. Фулана Деталь.

Глава 7

Полёт в Бещель с Восточного побережья США включает в себя хотя бы одну пересадку, и это лучший вариант. Всем известно, что это сложная поездка. Есть прямые рейсы в Бещель из Будапешта, из Скопье и из Афин — для американцев, вероятно, лучший. Формально добраться до Уль-Комы им было бы труднее из-за блокады, но требовалось лишь пересечь границу Канады, и тогда можно лететь прямо. Международных рейсов в Нью-Вольф («Новым Волком» прозвали растущую уль-комскую экономику) было намного больше.

Джири прибывали в бещельский Гальвик в десять утра. Я давно уже велел Корви известить их по телефону о смерти дочери. Сказал ей, что сам буду сопровождать их на опознание тела, но она сможет присоединиться ко мне, если захочет. Она захотела.

На случай, если самолёт прибудет рано, мы ждали в бещельском аэропорту. Пили плохой кофе, купленный в аналоге «Старбакса» в терминале. Корви снова расспрашивала меня насчёт работы Комитета по надзору.

Я спросил, приходилось ли ей когда-нибудь выезжать из Бещеля.

— Конечно, — сказала она. — Я была в Румынии. И в Болгарии.

— А в Турции?

— Нет. А вы?

— Бывал. И в Лондоне. В Москве. Однажды, давно, в Париже и в Берлине. В Западном Берлине, так он тогда назывался. Это было до объединения.

— В Берлине? — переспросила она.

Аэропорт был едва заполнен: в основном возвращающиеся бещельцы плюс немногочисленные туристы и восточноевропейские коммивояжёры. Туристам трудно ездить в Бещель или в Уль-Кому — где ещё отдыхающим устраивают экзамены, прежде чем пустить их к себе? — но всё же я, хотя там не был, видел фильм о новом уль-комском аэропорте, в шестнадцати или семнадцати милях к юго-востоку, по ту сторону пролива Булкья от Лестова, где был значительно больший трафик, чем у нас, хотя требования к их посетителям не менее строги, чем наши. Когда сколько-то лет назад его стали перестраивать, то за полгода лихорадочной работы он из несколько меньшего превратился в

гораздо больший, чем наш аэропорт. Сверху его терминалы объединялись в полумесяцы зеркального стекла, разработанные Фостером или кем-то наподобие.

Группу иностранных ортодоксальных евреев встречали, судя по одежде, их гораздо менее набожные местные родственники. Толстый сотрудник службы безопасности опустил свой автомат, чтобы почесать подбородок. Присутствовали один или двое устрашающе одетых исполнительных директоров с недавно прибывших «золотых» рейсов, наши новые высокотехнологичные, даже американские, друзья, искавшие водителей с плакатами для членов правления компаний «Сиэр и Кор», «Шаднер», «ВерТех», те руководители, что не прилетели на своих самолётах или не были доставлены вертолётом на собственные вертолётные площадки. Корви увидела, что я читаю надписи на их карточках.

— Какого хрена кто-то станет сюда инвестировать? — сказала она. — Думаете, они хотя бы помнят, что соглашались на это? Правительство на этих пикниках явно подсовывает им рогипнол.

— Типичные для Бещеля пораженческие разговоры, констебль. Вот они-то и тащат нашу страну

вниз. Представители Бурич, Ньисему и Сьедр выполняют именно ту работу, которую мы им доверили.

Бурич и Ньисему — это ещё понятно, необычайным было то, что организацией торговых ярмарок занимался и Сьедр. Это даже приносило некоторую пользу. Тот факт, что, как показывали эти иностранные гости, имелись хотя бы небольшие успехи, в силу этого делался даже ещё более замечательным.

— Верно, — сказала она. — Серьёзно, посмотрите на этих ребят, когда они выходят, — клянусь, у них в глазах паника. А эти машины, что перевозят их по городу, к туристическим местам, к участкам штриховки и всему такому? «Осмотр достопримечательностей». Верно. Бедолаги пытаются найти выход.

Я показал ей на табло: самолёт приземлился.

— Значит, вы поговорили с руководительницей Махалии? — спросил я. — Я пару раз пытался ей позвонить, но вызов не проходит, а её мобильный мне не дают.

— Не очень долго, — сказала Корви. — Я застала её в их центре — ну, при раскопках в Уль-Коме есть что-то вроде научно-исследовательского центра. Профессор Нэнси, она из больших шишек,

у неё целая куча аспирантов. В общем, позвонила ей, убедилась, что Махалия была её подопечной, что какое-то время её никто не видел, и так далее, и так далее. Сказала ей, что у нас были основания полагать — точка, точка, точка. Переслала фотографию. Она была очень шокирована.

— Да?

— Точно. Она… всё повторяла, какой замечательной аспиранткой была Махалия, твердила, что поверить в это не может, спрашивала, что случилось, и так далее. Так вы были в Берлине. Значит, вы говорите по-немецки?

— Говорил когда-то, — сказал я. — Ein bißchen[9].

— Зачем вы туда ездили?

— Молодой был. Там проводилась конференция. «Полиция в разделённых городах». У них были занятия по Будапешту, Иерусалиму и Берлину, а ещё по Бещелю и Уль-Коме.

— Какая хрень!

— Знаю, знаю. Именно так мы тогда и говорили. Совсем не по делу.

— Разделённые города? Удивляюсь, как это вас в академии отпустили.

---

[9] Примечания: 9
Немножко *(нем.)*.

— Понимаю, я и сам чувствовал, что моя дармовщинка чуть ли не испаряется под порывом патриотизма других. Мой руководитель сказал, что это не просто непонимание нашего статуса, но оскорбление Бещеля. Недалеко от истины, я полагаю. Но это была субсидированная загранпоездка, зачем мне было отказываться? Мне пришлось его убедить. Во всяком случае, там я впервые повстречался с улькоманами, которым, как видно, тоже удалось преодолеть свой гнев. Особенно запомнилась одна из них, с которой мы познакомились на дискотеке для участников конференции. Мы тогда внесли свою лепту в разрядку международной напряжённости, под песенку «Девяносто девять воздушных шариков».

Корви фыркнула, но пассажиры начали проходить в зал, и мы напустили на лица такие выражения, чтобы при появлении Джири выглядеть уважительно.

Сотрудник иммиграционной службы, сопровождавший их, увидел нас и мягко кивнул им в нашу сторону. Их можно было узнать по фотографиям, которые переслали нам американские коллеги, но я в любом случае понял бы, что это они. У них было выражение, которое я видел

только у лишившихся детей родителей: от усталости и горя лица у них выглядели глинистыми, какими-то комковатыми. Они проследовали в зал такой шаркающей походкой, словно им было на пятнадцать-двадцать лет больше, чем на самом деле.

— Мистер и миссис Джири? — обратился я к ним, упражняясь в английском.

— Ах, — сказала женщина, протягивая руку. — Ах да, вы, вас, вы господин Корви, это…

— Нет, мэм. Я инспектор Тьядор Борлу из ОООП Бещеля. — Я пожал руку ей, руку её мужу. — Это Лизбьет Корви, констебль. Мистер и миссис Джири, я, мы очень глубоко сожалеем о вашей утрате.

Оба они кивнули, заморгав, как животные, и открыв рты, но ничего не сказали. Горе заставило их выглядеть глупо. Это было жестоко.

— Могу я отвезти вас в ваш отель?

— Нет, благодарю вас, инспектор, — сказал мистер Джири.

Я взглянул на Корви, но она вроде не упустила ничего из того, что прозвучало, — понятливости ей было не занимать.

— Мы бы хотели… мы бы хотели исполнить то, ради чего приехали. — Миссис Джири теребила

свою сумку. — Мы бы хотели её увидеть.

— Конечно. Пожалуйста. — Я повёл их к машине.

— А профессора Нэнси мы увидим? — спросил мистер Джири, когда Корви тронулась с места. — И тех, с кем Мэй дружила?

— Нет, мистер Джири, — сказал я. — Боюсь, мы не можем этого сделать. В Бещеле их нет. Они в Уль-Коме.

— Ты же знаешь это, Майкл, знаешь, как оно здесь устроено, — сказала его жена.

— Да-да, — сказал он мне, как если бы услышал эти слова от меня. — Да, простите, позвольте мне… Я просто хочу поговорить с её друзьями.

— Это можно устроить, мистер Джири, миссис Джири, — сказал я. — Посмотрим, нельзя ли им позвонить. И…

Я думал о пропусках через Связующий зал.

— Нам придётся решить вопрос о сопровождении вас в Уль-Кому. После того как уладим дела здесь.

Миссис Джири смотрела на мужа. Тот не сводил взгляда с улиц и снующего вокруг транспорта. Некоторые эстакады, к которым мы приближались, находились в Уль-Коме, но я был уверен, что он не воздержится от того, чтобы их разглядывать.

Ему было бы всё равно, даже знай он, что это не положено. По дороге открывался ещё и незаконный, связанный с брешью вид на блестящую уль-комскую Зону быстрого развития, заполненную ужасными, но огромными произведениями публичного искусства.

На обоих супругах были значки посетителей в бещельских цветах, но у них, как у редких получателей сострадательных виз, не было никакой туристической подготовки, никакого представления о местной пограничной политике. Из-за своей утраты они лишились всякой чувствительности. Опасность брешей с их стороны была весьма высока. Нам требовалось защитить их от совершения бездумных действий, которые в лучшем случае могли бы привести к их депортации. До официальной передачи ситуации в ведение Бреши мы должны были исполнять обязанности нянек: не отходить от Джири ни на шаг, пока они бодрствуют.

Корви на меня не смотрела. Нам придётся соблюдать осторожность. Будь Джири обычными туристами, они должны были бы пройти обязательное обучение и успешно сдать далеко не формальный экзамен на въезд, как теорию, так и практическую, связанную с ролевыми играми

часть, чтобы претендовать на визу. Они бы знали, хотя бы в общих чертах, основные опознавательные элементы архитектуры, одежды, алфавита и манер, знали бы незаконные цвета и жесты, обязательные детали — и, в зависимости от своего бещельского преподавателя, предполагаемые различия национальных физиогномик, — отличающие Бещель, Уль-Кому и их граждан. Хоть мало-мальски представляли бы себе, что такое Брешь. Не то чтобы мы, местные, знали о ней намного больше, важно то, что они бы знали достаточно, чтобы избежать очевидных брешей со своей стороны.

После двухнедельного — или сколько там он длится? — курса никто не думал, что посетители впитали в себя глубокий, почти безусловный инстинкт различения наших границ, каким обладают бещельцы и улькомане, усвоили реальные зачатки не-видения. Но мы всё-таки настаивали на том, чтобы они вели себя так, словно это с ними произошло. Мы, равно как и власти Уль-Комы, ожидали соблюдения строгого публичного этикета, отсутствия всякого взаимодействия с соседним заштрихованным городом-государством, да и вообще явного обращения на него внимания.

Поскольку санкции за брешь серьёзны — от этого зависят два города, — сам факт бреши не должен подлежать сколько-нибудь обоснованному сомнению. Мы все подозреваем, что, в то время как у нас есть долгий опыт его не-видения, в Старом гетто Бещеля туристы тайком замечают уль-комский застеклённый мост Ял-Иран, который в буквальной топологии примыкает к нему. Глядя на струящиеся ленты воздушных шаров бещельского парада Ветреного дня, они, вне сомнения, не могут, как это можем мы, незамечать устремлённых к небу каплевидных башен в уль-комском дворцовом районе, которые рядом, хотя отстоят на целую страну. Пока они не указывают на них пальцами и не восклицают — вот почему, за редкими исключениями, иностранцам до восемнадцати лет взъезд не разрешается, — все, кого это затрагивает, могут склоняться к возможному отсутствию бреши. Именно такой сдержанности учит предвизовая подготовка, а не строгому не-видению местных жителей, и большинству обучаемых хватает ума это понять. Когда это возможно, мы все, включая Брешь, гарантируем посетителям презумпцию невиновности.

В зеркале машины я заметил, что мистер Джири

смотрит на проходящий грузовик. Я его не-видел, потому что он был в Уль-Коме.

Время от времени они с женой что-то бормотали друг другу — мне не хватало то ли знания английского, то ли слуха, чтобы разобрать их слова. В основном же они сидели молча, каждый наедине со своим горем, выглядывая из окон по обе стороны автомобиля.

Шукмана в лаборатории не было. Зная себя, он понимал, каким покажется тем, кто приехал взглянуть на умершую. Я бы не хотел столкнуться с ним при таких обстоятельствах. Хамзиник провёл нас в помещение хранения. Её родители одновременно застонали, войдя и увидев очертания под простынёй. Хамзиник с безмолвной почтительностью ждал, пока они готовились, и, когда её мать кивнула, открыл лицо Махалии. Они снова застонали и уставились на неё, а после долгих секунд мать коснулась её лица.

— О да, да, это она, сказал мистер Джири и заплакал. — Это она, да, это моя дочь.

Как будто мы просили от него официального опознания, чего мы и не думали делать. Они сами захотели её видеть. Я кивнул, словно его слова чем-то нам помогли, и взглянул на Хамзиника, который опустил простыню на место и принял

занятой вид, пока мы вели родителей Махалии к выходу.

— Я очень этого хочу — поехать в Уль-Кому, — сказал мистер Джири.

Я привык слышать у иностранцев этот лёгкий нажим на глагол «ехать»: им казалось странным употреблять его.

— Прошу меня простить, я знаю, вероятно, это будет… будет трудно организовать, но я хочу увидеть, где она…

— Конечно, — сказал я.

— Конечно, — сказала Корви.

Она поспевала за нами со своим разумным запасом английского и время от времени вставляла словечко. Мы обедали с Джири в «Королеве Гзезилле», достаточно комфортабельном отеле, с которым у бещельской полиции имелась давняя договорённость. Его сотрудники были опытными в оказании услуг сопровождения, едва ли не равнозначных тайному лишению свободы, необходимому для неквалифицированных посетителей.

К нам присоединился Джеймс Такер, сотрудник среднего звена посольства США, ему было лет двадцать восемь или двадцать девять. Иногда он обращался к Корви на отличном бещельском. Ок-

на столовой смотрели на северную оконечность острова Густав. Мимо проходили речные суда (в обоих городах). Джири ковырялись в своей перченой рыбе.

— Мы подозревали, что вам захочется побывать на месте работы вашей дочери, — сказал я. — Мы обсуждаем с мистером Такером и его коллегами в Уль-Коме, какие нужны документы, чтобы провести вас через Связующий зал. Думаю, день-два, и всё будет готово.

В Уль-Коме, конечно, не посольство: угрюмый Отдел интересов США.

— И… вы говорили, теперь это, это в ведении Бреши? — спросила миссис Джири. — Говорите, это дело не станут расследовать в Уль-Коме, но передадут этой Бреши, да? — Она смотрела на меня с огромным недоверием. — Ну а когда мы с ними поговорим?

Я глянул на Такера.

— Этого не будет, — сказал я. — Брешь не такая, как мы.

Миссис Джири не сводила с меня глаз.

— Мы… *полищай*, да? — спросила она.

Я сказал «мы», подразумевая и её саму.

— Ну, среди прочего, и это тоже. Она… они не такие, как полиция в Бещеле или в Уль-Коме.

— Я не…

— Инспектор Борлу, я буду счастлив объяснить им это, — сказал Такер.

Он медлил. Ему хотелось, чтобы я ушёл. Любое объяснение в моём присутствии должно быть воздержанно вежливым; наедине же с другими американцами он мог бы подчеркнуть, как смехотворны и затруднительны эти города, как жаль ему и его коллегам, что преступление, совершённое в Бещеле, отягощается дополнительными сложностями, и так далее. Мог бы позлословить. Противостояние такой чужеродной силе, как Брешь, сбивало с толку.

— Не знаю, как много вам известно о Бреши, мистер и миссис Джири, но она… она не похожа на другие силы. Имеете ли вы какое-то представление об её… возможностях? Брешь — это… Она обладает уникальными силами. И она, ну, крайне секретна. У нас, у посольства, нет контактов ни с одним… представителем Бреши. Понимаю, как странно это должно звучать, но… Могу вас заверить, что репутация Бреши в преследовании преступников, э-э, весьма впечатляет. Они беспощадны. Нас известят об их продвижении и о любых действиях, которые они предпримут против кого бы то ни было, кого найдут виновным.

— Означает ли это?.. — начал мистер Джири. — У них здесь есть смертная казнь, верно?

— И в Уль-Коме? — добавила его жена.

Конечно, — сказал Такер. — Но на самом деле вопрос не в этом. Мистер и миссис Джири, наши друзья в Бещеле и власти Уль-Комы собираются вызвать Брешь, чтобы передать в её ведение дело об убийстве вашей дочери, поэтому бещельские и уль-комские законы вроде как утрачивают значение. А санкции, имеющиеся у Бреши, совершенно безграничны.

— Вызвать? — переспросила миссис Джири.

— Существуют протоколы, — сказал я. — Надо их соблюдать. Прежде чем Брешь выразит готовность позаботиться об этом деле.

— А что насчёт суда? — спросил мистер Джири.

— Он будет закрытым. Брешь… её суды, — предварительно я попробовал в уме «решения» и «действия», — являются секретными.

— Мы не будем давать показания? Мы ничего не увидим?

Мистер Джири был ошеломлён. Всё это надлежало объяснить им ранее, но, ясное дело… Миссис Джири трясла головой — сердито, но, в отличие от своего мужа, без удивления.

— Боюсь, что нет, — сказал Такер. — Ситуация

здесь уникальна. Но я могу едва ли не с полной гарантией заявить вам, что тот, кто это сделал, будет не только пойман, но и привлечён к… э-э… очень суровой ответственности.

Кто-то мог бы, наверное, пожалеть убийцу Махалии Джири. Только не я.

— Но это…

— Понимаю, миссис Джири, мне искренне жаль. Такого нет больше нигде в мире. Уль-Кома, Бещель и Брешь… Эти обстоятельства уникальны.

Мистер Джири закивал:

— О боже. Вы знаете, это… это всё то, чем она, Махалия, занималась. Город, город, другой город. Бещель (он произнёс это как «Беззель») и Уль-Кома. И Ор-Кинет.

Последнего я не понял.

— Ор-ки-ни, — сказала миссис Джири. — Не Оркинет, милый, а Оркини.

Такер изобразил на лице непонимание.

— Что вы имеете в виду, миссис Джири? — спросил я.

Она порылась у себя в сумке. Корви потихоньку вытащила блокнот.

— Ну, всё такое, чем занималась Махалия, — сказала миссис Джири. — То, что она изучала.

Она хотела написать об этом диссертацию.

На лице у мистера Джири появилась полуулыбка-полугримаса, снисходительная, горделивая и озадаченная.

— Она очень хорошо продвигалась. И немного нам об этом рассказала. Впечатление такое, что Оркини — это что-то вроде Бреши.

— С тех самых пор, как впервые сюда приехала, — сказал мистер Джири. — Она хотела заниматься именно этим.

— Верно, сначала она приехала сюда. Я имею в виду… сюда — в Бещель, правильно? Сначала она приехала сюда, но потом сказала, что ей надо поехать в Уль-Кому. Я буду честна с вами, инспектор, мне казалось, что это вроде как один и тот же город. Понимаю, что это не так. Ей пришлось получить специальное разрешение, чтобы попасть туда, но поскольку она аспирантка, была аспиранткой, то там и осталась, чтобы выполнить свою работу.

— Оркини… это такая народная сказка, — сказал я Такеру.

Мать Махалии кивнула, а отец отвёл взгляд.

— На самом деле это не похоже на Брешь, миссис Джири. Брешь — реальная сила. Но Оркини — это…

Я замялся.

— Третий город, — по-бещельски пояснила Корви Такеру.

Он всё ещё пребывал в недоумении. Когда он так и не выразил понимания, она добавила:

— Тайный. Такая волшебная сказка. Между двумя другими.

Он покачал головой — а, мол, — и у него пропал интерес.

— Она любила этот город, — сказала миссис Джири. Вид у неё был тоскующий. — Я имею в виду, извините, я имею в виду Уль-Кому. Мы, должно быть, рядом с тем местом, где она жила?

Грубо физически, гросстопично, если использовать термин, уникальный для Бещеля и Уль-Комы и ненужный где-либо ещё, так оно и было. Ни я, ни Корви не ответили: вопрос был сложный.

— Она изучала это годами, с тех пор как прочла какую-то книгу об этих городах. Преподаватели всегда, по-моему, были довольны её успехами.

— А вам нравились её преподаватели? — спросил я.

— Ну, я-то с ними знакома не была. Но она показывала мне кое-что из того, чем там занимаются, показывала сайт по этой программе и раскопки, где она работала.

— Вы имеете в виду профессора Нэнси?

— Это её руководительница, да. Махалии она очень нравилась.

— Им хорошо работалось вместе?

Когда я задал этот вопрос, Корви подняла на меня взгляд.

— Ой, я и не знаю! — Миссис Джири даже рассмеялась. — Махалия вроде как постоянно с ней спорила. Казалось, они во многом не согласны, но когда я спросила: «Ну и к чему это приводит?» — она сказала, что всё хорошо. Сказала, что им нравятся разногласия. Что таким образом она больше узнает.

— Вы были в курсе работ вашей дочери? — спросил я. — Читали её статьи? Она вам рассказывала о своих уль-комских друзьях?

Корви заёрзала, а миссис Джири помотала головой.

— Нет, — сказала она.

— Инспектор… — сказал Такер.

— Всё это просто не могло мне… не могло меня по-настоящему заинтересовать, мистер Борлу. То есть, конечно, с тех пор как она сюда уехала, статьи об Уль-Коме привлекали моё внимание больше, чем раньше, и я их обязательно читала. Но пока Махалия была счастлива, я… мы были

счастливы. Понимаете, это же счастье, когда добиваешься успехов в своём деле.

— Инспектор, когда, по-вашему, мы сможем получить документы о транзите в Уль-Кому? — спросил Такер.

— Скоро, надеюсь. И она была? Счастлива?

— О, думаю, она… — начала миссис Джири. — Понимаете, всегда случаются какие-то драмы.

— Да, — вставил её муж.

— В общем… — сказала миссис Джири.

— Слушаю? — произнёс я.

— Ну, в общем, не то чтобы… только вот недавно у неё было что-то вроде стресса, вот. Я сказала ей, что надо бы приехать домой, отдохнуть — понимаю, приехав домой, вряд ли можно по-настоящему отдохнуть, но, сами знаете. Но она сказала, что вот-вот добьётся настоящих успехов, чего-то вроде прорыва в своей работе.

— И кое-кто из-за этого возбухает, — сказал мистер Джири.

— Милый…

— Так и есть. Она нам говорила.

Корви посмотрела на меня в недоумении.

— Мистер и миссис Джири…

Пока Такер говорил это, я быстро объяснил Корви по-бещельски:

— Не «бухает», не пьянствует. «Возбухает» — значит, злится.

— Кто возбухал? — спросил я у них. — Её преподаватели?

— Нет, — сказал мистер Джири. — Чёрт возьми, кто, по-вашему, это сделал?

— Джон, тише, тише…

— Чёрт возьми, кто такие эти типы в Лишь-Коме? — возмутился мистер Джири. — Вы даже не спросили нас, кто, по-нашему, это сделал. Даже не спросили нас. Думаете, мы не знаем?

— Что она сказала? — спросил я.

Такер уже был на ногах и помахивал рукой: мол, успокойтесь вы все.

— Какой-то мерзавец на конференции говорил ей, что её работа — сплошное предательство. Кто-то охотился на неё, с тех пор как она впервые здесь побывала.

— Джон, перестань, ты всё запутываешь. В тот первый раз, когда ей это сказали, она была здесь, здесь-здесь, здесь в Бещеле, а не в Уль-Коме, и он был не из Лишь-Комы, а из других, здешних, из националистов или Истинных граждан, что-то такое, вспомни…

— Погодите, о чём вы? Лишь-Кома? И — кто-то что-то сказал ей, когда она была в Бещеле?

Когда?

— Постойте, босс, это… — быстро проговорила Корви по-бещельски.

— Думаю, нам всем надо сделать передышку, — сказал Такер.

Он успокаивал супругов, словно кто-то их обидел, а я извинился, как будто этим обидчиком я сам и был. Они знали, что им положено оставаться у себя в отеле. Внизу у нас были размещены двое сотрудников для соблюдения этого правила. Мы сказали Джири, что сообщим им, как только получим известия об их проездных документах, и что вернёмся на следующий день. На тот случай, если им что-то понадобится, какая-либо информация, я оставил им свои телефоны.

— Его найдут, — сказала им Корви на прощание. — Брешь возьмёт того, кто это совершил. Обещаю вам.

Когда же мы вышли, она мне пояснила:

— Между прочим, Лишь-Кома — это как Истинные граждане, только в Уль-Коме. Судя по всему, такие же милые, как наши, но гораздо более скрытные. И, к счастью, не наша головная боль.

Более радикальные в своей любви к Бещелю, чем даже Национальный блок Сьедра, Истинные граждане маршировали в самочинной форме и

произносили пугающие речи. Они были легальны, но не в полной мере. Нам не удалось доказать их ответственность за нападения на бещельский Уль-Кома-город, посольство Уль-Комы, мечети, синагоги и книжные магазины левого толка, на наше маленькое иммигрантское население. Мы — я, конечно, имею в виду *полищай* — далеко не раз находили виновных и обнаруживали, что они были членами ИГ, но сама организация дезавуировала эти нападения, просто открещивалась от них, и ещё ни один суд не объявлял её под запретом.

— А Махалия раздражала обе стороны.

— Это её отец так говорит. Он не знает…

— Нам точно известно, что давным-давно ей удалось вывести из себя здешних унификационистов. А потом она сделала то же самое с тамошними наци?

Есть хоть какие-нибудь экстремисты, кого она не разъярила?

Мы поехали.

— Знаете, — сказал я, — то заседание Комитета по надзору… это довольно странно. Кое-кто там говорил такое…

— Сьедр?

— Сьедр, само собой, среди прочих, и кое-что из

их речей до меня не очень-то доходило. Может, стоило бы тщательней следить за политикой? Может, так и сделаю.

Немного помолчав, я добавил:

— Может, наведём кое-какие справки?

— Какого хрена, босс? — Корви крутанулась на сиденье. Вид у неё был не злой, но недоумённый. — Зачем вам даже и этих было так поджаривать? Шишкари через день-другой призовут чёртову Брешь, и тогда горе тому, кто уделал Махалию. Понимаете? Даже если мы найдём сейчас какие-то нити, это дело вот-вот у нас заберут, это всего лишь вопрос времени.

— Да, — сказал я и слегка повернул руль, чтобы не столкнуться с уль-комским такси, изо всех сил его не-видя. — Так-то оно так. Но всё-таки. Впечатляет, когда кто-то способен обозлить стольких психов. Которые и друг другу в глотки готовы вцепиться. Бещельских наци, уль-комских наци, антинаци…

— Пусть этим Брешь занимается. Вы были правы. Она заслуживает Бреши, босс, это же ваши слова. Им это по силам.

— Она её точно заслуживает. И она её полу-

чит. — Я дал знак ехать дальше. — Avanti[10]. Но пока что, пусть ненадолго, она получит нас.

[10] Примечания: 10
Вперёд *(ит.)*.

Глава 8

То ли комиссар Гадлем обладал сверхъестественным чутьём на время, то ли установил какую-то хитроумную программу, чтобы обманывать свою систему, но всякий раз, когда я входил в офис, в верхней части моего почтового ящика неизменно пребывали какие-нибудь его послания.

«Чудесно, — говорилось в последнем. — Как я понял, мистер и миссис Дж. препровождены в отель. Не очень хотел бы, чтобы вы на несколько дней увязли в бумажной работе (уверен, и вы согласитесь), так что, пожалуйста, вежливо сопровождайте их только до завершения формальностей. Работа сделана».

Какой бы информацией мы ни располагали, мне придётся её сдать, когда наступит время. Нет смысла делать работу для себя, говорил Гадлем, тратя своё время за счёт отряда, так что убери-ка ногу с педали газа. Мои записи были неразборчивы для всех остальных, а через час становились такими же и для меня самого, хотя я старательно их хранил и протоколировал — это моя обычная методика. Я несколько раз перечитал послание

Гадлема, выкатывая глаза. Возможно, что-то бормотал при этом вслух.

Сколько-то времени я выискивал номера телефонов — как в Сети, так и через реальных живых операторов, отвечавших на том конце линии, — после чего сделал вызов, и тот закурлыкал, пробегая через различные международные АТС.

— Офисы Бол-Йеана.

До этого я звонил дважды, но попадал в какую-то автоматизированную систему: впервые кто-то действительно снял трубку. Он хорошо говорил по-иллитански, но с североамериканским акцентом, так что я сказал по-английски:

— Добрый день, я пытаюсь связаться с профессором Нэнси. Я оставлял сообщение на её голосовой почте, но…

— Будьте любезны, представьтесь.

— Это инспектор Тьядор Борлу из Бещельского Отряда особо опасных преступлений.

— Вот как! — Голос у него сделался совсем другим. — Речь идёт о Махалии, не так ли? Инспектор, я… Подождите, я постараюсь разыскать Иззи.

Долгая пауза с каким-то полым гудением.

— Это Изабель Нэнси. — Встревоженный голос, я бы решил, что американки, если бы не знал, что

она из Торонто. Совсем не похожий на тот, что записан в её голосовой почте.

— Профессор Нэнси, это Тьядор Борлу из Бещельской *полищай*, ОООП. Вы, по-моему, говорили с моей коллегой, сотрудницей Корви? До вас, наверно, не дошли мои сообщения?

— Да, инспектор, я… Пожалуйста, примите мои извинения. Я собиралась вам перезвонить, но это было так, всё это, мне очень жаль… — Она говорила то на английском, то на хорошем бещельском.

— Понимаю, профессор. Я тоже сожалею о том, что случилось с мисс Джири. Должно быть, это очень плохое время для вас и всех ваших коллег.

— Я, мы, мы все в шоке здесь, инспектор. Просто потрясены. Не знаю, что вам и сказать. Махалия была замечательной молодой женщиной и…

— Конечно.

— Где вы сейчас? Вы… это местный звонок? Не хотели бы встретиться?

— Боюсь, что звонок международный, профессор; я всё ещё в Бещеле.

— Ясно. Так… чем я могу помочь вам, инспектор? Есть ли проблемы? Я имею в виду, любые проблемы, за исключением всего, всего этого, я имею в виду… — Я слышал её дыхание. — Жду со

дня на день родителей Махалии.

— Да, я, сказать по правде, только что от них. Здешнее посольство готовит им документы, и скоро они должны к вам приехать. Нет, я потому звоню, что хотел бы побольше узнать о Махалии и о том, чем она занималась.

— Простите, инспектор Борлу, но я была под таким впечатлением от… этого преступления… я думала, не следует ли вам призвать здесь Брешь?..

Успокоившись, она теперь говорила только по-бещельски, так что, какого чёрта, я отказался от своего английского, который был не лучше, чем её бещельский.

— Да. Комитет по надзору… извините, профессор, я не знаю, насколько вы разбираетесь в том, как решаются такие вопросы. Но — да, ответственность за это будет передана. Вы понимаете, что это означает?

— Думаю, да.

— Хорошо. Я лишь занимаюсь кое-какой завершающей работой. Мне интересно, вот и всё. Мы здесь слышим о Махалии прелюбопытные вещи. Хочется узнать кое-что о её работе. Не могли бы вы мне помочь? Вы были её руководительницей? Не найдётся у вас несколько минут, чтобы пого-

ворить со мной об этом?

— Конечно, инспектор, вы ведь так долго ждали. Не понимаю только, что именно…

— Хотелось бы узнать, над чем она работала. И об истории её взаимоотношений с вами и с вашей программой. А ещё расскажите мне о Бол-Йеане. Как я понимаю, она изучала Оркини.

— Что? — Изабель Нэнси была потрясена. — Оркини? Абсолютно нет. Это же археологическое отделение.

— Простите, у меня сложилось впечатление… Что значит «археологическое»?

— Я имею в виду, что если бы она изучала Оркини, а для этого могли бы быть веские причины, то писала бы диссертацию по фольклору, антропологии или, может, по сравнительной литературе. Безусловно, границы дисциплин становятся расплывчатыми. К тому же Махалия была из тех молодых археологов, которых больше интересуют Фуко и Бодрийяр, нежели Гордон Чайлд или мастерки[11]. — В голосе её звучала не злость, но печальное веселье. — Но мы не приняли бы её, не

[11] Примечания: 11

Мишель Поль Фуко (1926–1984) — французский философ, теоретик культуры и историк. *Жан Бодрийяр* (1841–1931) — социальный антрополог, археолог и публицист. *Вир Гордон Чайлд (Чайльд)* (1892–1957) — один из ведущих археологов XX века, основоположник антропологического неоэволюционизма.

будь тема её диссертации связана с подлинной археологией.

— И что же это было?

— Бол-Йеан — это давние раскопки, инспектор.

— Расскажите, прошу вас.

— Уверена, вы в курсе всех споров вокруг ранних артефактов в этом регионе, инспектор. Бол-Йеан открывает предметы, возраст которых составляет добрую пару тысячелетий. Какой бы теории вы ни придерживались касательно Кливажа, теории раскола или конвергенции, то, что мы ищем, ему предшествует, предшествует Уль-Коме и Бещелю. Это корневые вещи.

— Необычно, должно быть.

— Конечно. А ещё крайне необъяснимо. Мы почти ничего не знаем о культуре, которая всё это произвела, понимаете?

— Полагаю, да. Отсюда и весь интерес, верно?

— Ну… да. Это, а ещё и вид предметов, которые здесь имеются. Махалия как раз и пыталась растолковать то, что в заглавии её работы именуется «герменевтикой идентичности», на основе наборов приспособлений и так далее.

— Не уверен, что понимаю.

— Она проделала хорошую работу. Цель диссертации состоит в том, чтобы никто, включая

руководительницу, не понимал, что он делает, после первых двух лет. Шучу, вы понимаете. То, чем она занималась, должно было бы иметь последствия для теории двух городов. Их истоки, знаете ли. Она играла, держа свои карты закрытыми, поэтому я из месяца в месяц не была уверена, где именно она стоит в отношении означенного вопроса, но у неё оставалась ещё пара лет, чтобы составить своё мнение. Или просто прийти к каким-то выводам.

— Значит, она помогала разобраться с этими раскопками.

— Совершенно верно. Как и большинство наших аспирантов-исследователей. Кто-то — для основного исследования, кто-то — для частичного обеспечения своей стипендии, кто-то — немного того, немного другого, а кто-то — просто чтобы нас подоить. Махалии платили совсем немного, но ей в награду за работу в основном требовалось иметь доступ к артефактам.

— Понимаю. Мне очень жаль, профессор, у меня сложилось впечатление, что она работала над Оркини…

— Раньше её это занимало. Она сначала приехала на конференцию в Бещеле, несколько лет назад.

— Да, я что-то такое слышал.

— Верно. В общем, это вызвало кое-какой шум, потому что тогда она была очень увлечена Оркини, полностью, была немного боуденисткой, и доклад, который она представила, был воспринят не очень хорошо. Вызвал кое-какие упрёки. Её мужество меня восхитило, но в итоге она просто получила взбучку ни за что. Когда она подала заявление на написание диссертации — если честно, я крайне удивилась, что под моим руководством, — мне пришлось убедиться, понятно ли ей, что будет и что не будет… приемлемо. Но… То есть я не знаю, что она читала в свободное время, но то, что она писала в развитие своей диссертации, это было, это было прекрасно.

— Прекрасно? — переспросил я. — Вы же вроде…

Она замялась.

— Ну… Честно говоря, я бывала немного, немножко разочарована. Она была умна. Знаю, она была умна, потому что, понимаете ли, на семинарах и так далее она была потрясающа. И работала — усерднее некуда. Мы бы сказали, «грызла гранит», — эти слова она произнесла по-английски, — из библиотеки не выходила. Но её главы были…

— Не хороши?

— Прекрасны. Да, они были хороши. Степень она получила бы без проблем, но работа её мир бы не потрясла. Довольно тусклая, понимаете? А с учётом того количества часов, что она на неё потратила, её работа была ещё и жидковатой. Ссылки и так далее. Но я поговорила с ней об этом, и она заверила, что продолжит, понимаете? Работать над ней.

— Мог бы я её увидеть?

— Да, конечно. То есть я так полагаю. Не знаю. Надо разобраться с вопросами этики. У меня на руках те главы, что она мне дала, но они в значительной мере не завершены, она хотела работать над ними дальше. Если бы она закончила, то без проблем, был бы доступ общественности, но в таком виде… Имею ли право я передавать их вам? Ей, наверное, следовало опубликовать некоторые из них в качестве статей в журналах — те, что закончены, — но она не успела. Мы говорили и об этом; она сказала, что собирается что-то с этим сделать.

— Кто такие боуденисты, профессор?

— А! — Она рассмеялась. — Простите. Это источник всего ажиотажа вокруг Оркини. Бедный Дэвид не поблагодарил бы меня за использование

такого термина. Это те, кого вдохновляет раннее творчество Дэвида Боудена. Вы знакомы с его произведениями?

— …Нет.

— Он написал книгу, много лет назад. «Между городом и городом». Никакой струнки не затрагивает? То была огромная вещь для поздних хиппи. Впервые за поколение кто-то воспринял Оркини всерьёз. Думаю, неудивительно, что вы ещё не видели этой книги, она до сих пор вне закона. В Бещеле и в Уль-Коме. Не найти даже в университетских библиотеках. В некотором смысле это было блестящее произведение: он проделал несколько фантастических архивных исследований, увидел некоторые аналогии и связи, которые… ну, всё-таки просто замечательно. Но при всём при том — бред и околесица.

— Как так?

— Потому что он поверил в это! Тщательно проверил все эти ссылки, нашёл новые, сложил их вместе в нечто вроде урбанистического мифа, который потом переосмыслил как запретную тайну. Он… Ладно, здесь мне надо быть немного осторожной, инспектор, потому что, честно говоря, я никогда по-настоящему, вправду, не думала, что он в это верит — всегда считала это

какой-то игрой, — но книга утверждала, что он таки в это поверил. Он приехал в Уль-Кому, откуда отправился в Бещель, умудрился, не знаю как, перебраться между ними — законно, уверяю вас — несколько раз и стал утверждать, что нашёл следы самого Оркини. И пошёл ещё дальше, заявил, что Оркини не просто располагается где-то в промежутках, существующих между Комой и Бещелем с тех пор, как их основания то ли сближаются, то ли разделяются (не припомню, какой точки зрения он придерживался по вопросу Кливажа), заявил, что тот по-прежнему и здесь, и там.

— Оркини?

— Именно. Тайная колония. Город между городами, обитатели которого живут у всех на виду.

— Что? На виду? Каким образом?

— Невидимые, как улькомане для бещельцев, и наоборот. Прохаживаются по улицам, никем не замечаемые, но сами видящие оба города. По ту сторону Бреши. И кто знает, чем они занимаются? Строят секретные планы. Не сомневаюсь, на сайтах о теории заговоров до сих пор об этом спорят. Дэвид сказал, что собирается войти в него и исчезнуть.

— Ну и ну!

— Именно, что «ну и ну». «Ну и ну» — это верно. Дурной славой обросло. Поищите в Гугле, увидите. Во всяком случае, когда мы впервые увидели Махалию, до перестройки сознания ей было очень далеко. Мне понравилось, что она такая пылкая и что, боуденистка она или нет, такая красивая и умная. Это было как шутка, понимаете? Я даже подумала, не знает ли она об этом, не шутит ли сама.

— Но больше она этим не занималась?

— Ни один учёный с репутацией не станет руководителем боудениста. Я ей строго об этом сказала, когда она поступила, но она даже засмеялась. Сказала, что всё это оставила позади. Я уже говорила, как удивилась, что она пришла ко мне. Мои работы не столь авангардны, как её.

— То есть разные Фуко и Жижеки[12] не по вам?

— Я их, конечно, уважаю, но…

— А нет ли какого-нибудь иного, как бы сказать, теоретического направления, которого она могла бы придерживаться?

— Да, но она мне сказала, что ей нужен доступ к реальным объектам. Я придерживаюсь

---

[12] Примечания: 12

Славой Жижек (р. 1949) — словенский культуролог и социальный философ фрейдо-марксистского толка.

школы артефактов. Мои более философски ориентированные коллеги… ну, многим из них я не доверила бы счистить грязь с амфоры.

Я рассмеялся.

— Поэтому я думаю, что это имело для неё смысл; ей правда очень хотелось научиться этой стороне дела. Я была удивлена, но и польщена. Понимаете ли вы, что эти образцы уникальны, инспектор?

— Думаю, да. Я, конечно, знаю все эти слухи.

— Вы имеете в виду их магические силы? Хотелось бы, хотелось бы. Но даже без них эти находки несравненны. Здешняя материальная культура вообще не имеет никакого смысла. Нигде в мире нет больше такого места, где можно выкапывать нечто такое, что выглядит как мешанина среза поздней античности с по-настоящему красивыми и сложными изделиями бронзового века и так далее, вплоть до предметов откровенного неолита. Стратиграфия, похоже, вылетает при этом в трубу. Эти раскопки используют как свидетельства против матрицы Харриса — ошибочно, но причину понять можно. Потому-то эти раскопки популярны у молодых археологов. И сколько бы ни твердили, что они не более того, что собой представляют, в сумасбродных исследователях

это до сих пор не убивает желания на них взглянуть. Тем не менее я могла допустить мысль, что Махалия попыталась бы пойти к Дэйву, но знала, что с ним бы ей не особенно повезло.

— Дэйв? Боуден? Он жив? Преподаёт?

— Конечно, жив. Но даже когда Махалия была всецело этим увлечена, ей не удалось бы заполучить его себе в руководители. Я готова держать пари, что она наверняка говорила с ним, когда начала прощупывать, что к чему. И я готова держать пари, что он её окоротил. Он давным-давно со всем таким покончил. Это бич его жизни. Спросите у него сами. Порыв юности, превзойти который он так никогда и не смог. Всё, что он опубликовал впоследствии, не стоит и выеденного яйца — на протяжении всей дальнейшей карьеры его имя связывалось только с Оркини. Он и сам вам это скажет, если вы у него спросите.

— Может, и спрошу. Вы с ним знакомы?

— Он ведь коллега. Археология периода до Кливажа — не столь уж обширное поле деятельности. Он тоже работает в Университете принца Уэльского, по крайней мере на полставки. Живёт здесь, в Уль-Коме.

Сама она жила по нескольку месяцев в году в уль-комской квартире, в университетском рай-

оне, где Университет принца Уэльского и другие канадские институты извлекали преимущества из того факта, что США по причинам, назвать которые теперь затруднялись даже большинство их правых, бойкотировали Уль-Кому. Вместо них именно Канада с энтузиазмом устанавливала связи, научные и экономические, с уль-комскими учреждениями.

Бещель, разумеется, был другом и Канады и США, но весь совместный энтузиазм, с которым обе страны внедрялись в наши неуверенные рынки, был карликовым по сравнению с тем рвением, с которым Канада поддерживала то, что у них называлось экономикой Нового Волка. Мы же для них были, может, уличной дворняжкой или тощей крысой. Большинство паразитов являются интерстициальными. Очень трудно доказать, что робкие ящерицы, в холодную погоду прячущиеся в трещинах бещельских стен, могут жить только в Бещеле, как это часто утверждают; конечно, они умрут, если их экспортировать в Уль-Кому даже более мягко, чем детскими руками, но такую же тенденцию они имеют и в бещельской неволе. Голуби, мыши, волки, летучие мыши живут в обоих городах, являясь заштрихованными животными. Но по традиции, о которой пред-

почитают помалкивать, большинство волков — слабых, костлявых тварей, давно адаптированных к городской канализации, — повсеместно, хотя и невразумительно, считаются бещельскими. Лишь тех немногих из них, что отмечены приличным размером и не слишком поганой шкурой, по такому же принципу относят к числу уль-комских. Многие граждане Бещеля избегают нарушать эту — совершенно излишнюю и измышленную — строгую границу, никогда не упоминая о волках.

Как-то раз я отпугнул парочку этих зверей, когда они рылись среди мусора во дворе моего дома. Чем-то в них швырнул. Они были необычайно шерстисты, и несколько моих соседей были так потрясены, словно я совершил брешь.

Большинство улькоманистов, как охарактеризовала себя Нэнси, жили, как и она, на два дома — в её голосе слышалась вина, когда она объясняла это, вновь и вновь отмечая, что, должно быть, из-за какой-то исторической причуды более плодородные места для археологических раскопок расположены в районах сплошной Уль-Комы или со значительно преобладающей уль-комской штриховкой. Университет принца Уэльского имел взаимные договорённости с несколькими

ми уль-комскими академиями. Большую часть каждого года Дэвид Боуден жил в Уль-Коме, а на меньшую — возвращался в Канаду. Сейчас он находился в Уль-Коме. Аспирантов у него, сказала она, мало, да и учебная нагрузка невелика, но я всё-таки не смог дозвониться ему по тому номеру, что она мне дала.

Пошарив в Сети, нетрудно было убедиться в правдивости большей части того, что сказала мне Изабель Нэнси. Я нашёл страницу, где в числе прочих значилось название диссертации Махалии. Её имя из списка пока не исключили, равно как не отдали дань её памяти, что, я не сомневался, вскоре произойдёт. Нашёл список публикаций как Нэнси, так и Дэвида Боудена. Его список включал в себя книгу 1975 года, о которой упоминала Нэнси, две статьи примерно того же времени, ещё одну статью десятью годами позже, затем главным образом журнальные публикации, некоторые из которых впоследствии были изданы под одной обложкой.

Я нашёл fracturedcity.org, основной сайт фанатов допплурбанологии, одержимых Уль-Комой и Бещелем. Подход сайта, соединявший два города в единый объект изучения, должен был бы возмутить благовоспитанное мнение в обоих городах,

но, судя по комментариям на форуме, доступ к нему был вполне обыденным, хотя и слегка незаконным делом для граждан обоих. Последовательность ссылок оттуда — у многих серверов были адреса. uq и. bz, что свидетельствовало о наглости участников, об их уверенности в снисходительности или некомпетентности наших и уль-комских цензоров, — позволила мне выйти на несколько абзацев, скопированных из книги «Между городом и городом». Там говорилось именно то, что изложила мне Нэнси.

Звонок телефона заставил меня вздрогнуть. Я осознал, что уже темно, больше семи.

— Борлу, — сказал я, откидываясь на спинку стула.

— Инспектор? Чёрт, сэр, у нас тут такое дело! Это Кещория.

Агим Кещория был одним из наших сотрудников, размещённых в отеле, чтобы присматривать за родителями Махалии. Я протёр глаза и пробежал взглядом по своей электронной почте, проверяя, не пропустил ли входящих сообщений. В трубке, помимо голоса Кещории, различался шум: явный переполох.

— Сэр, мистер Джири… самоволка, сэр! Он, чтоб его… совершил брешь.

— Что?

— Он выбрался из номера, сэр.

Позади него раздавался голос женщины: та кричала.

— Чёрт, что случилось?

— Не знаю, каким макаром он проскользнул мимо нас, сэр, просто не знаю. Но он пропадал недолго.

— Откуда известно? Как вы его забрали?

Он опять выругался.

— Не мы, сэр! Брешь его забрала. Я звоню из машины, сэр, мы едем в аэропорт. Брешь, это… сопровождает нас. Где-то. Они сказали нам, что делать. Это миссис Джири, вы, наверно, слышите. Он должен улететь. Прямо сейчас.

Корви уехала и не отвечала на звонки. Я взял из гаража отряда машину без опознавательных знаков, но погнал её с истерически завывающими сиренами, игнорируя ПДД. Ко мне применялись только бещельские правила и, следовательно, только их я имел полномочия игнорировать, но дорожное движение — это компромиссная область, где Комитет по надзору обеспечивает близкое сходство между правилами Бещеля и Уль-Комы. Хотя культуры движения не идентичны, ради пешеходов и машин, которым, не-видя,

приходится ладить с большим количеством зарубежного трафика, транспорт в обоих городах движется в сопоставимых скоростях и сопоставимыми способами. Мы все учимся тактично избегать и соседских, и своих собственных транспортных средств, наделённых чрезвычайными полномочиями.

Вылетов на протяжении пары часов не было, но супруги Джири будут изолированы, а Брешь каким-то тайным способом проследит, чтобы они поднялись в самолёт, а затем и в воздух. Наше посольство в США уже будет проинформировано, равно как и представители в Уль-Коме, и в обеих наших системах их имена будут помечены фразой «в визе отказать». Как только они выедут, обратной дороги им не будет. Я пробежал через аэропорт Бещель к офису *полищай*, показал свой значок.

— Где Джири?

— В камере, сэр.

Не зная заранее, что увижу, я уже прокручивал в уме фразы типа «да вы знаете, что произошло с этими людьми, что бы там они ни сделали, они только что потеряли дочь», и так далее, но этого не потребовалось. Им предоставили еду и питьё, обращались мягко. Кещория был с ними

в маленькой комнате. Он что-то бормотал на своих начатках английского, обращаясь к миссис Джири.

Она посмотрела на меня глазами, полными слёз. Её муж, как показалось мне на мгновение, спал на койке. Увидев, насколько он неподвижен, я понял, что это не просто сон.

— Инспектор, — сказал Кещория.

— Что с ним случилось?

— Он… Это Брешь, сэр. Наверно, всё будет в порядке, скоро проснётся. Не знаю. Не знаю, что за хрень они с ним сотворили.

— Вы отравили моего мужа… — сказала миссис Джири.

— Миссис Джири, пожалуйста.

Кещория встал, приблизился ко мне и понизил голос, хотя говорил уже по-бещельски:

— Мы ничего не знали об этом, сэр. Снаружи раздался небольшой шум, потом кто-то вошёл в вестибюль, где мы сидели.

Миссис Джири плакала, разговаривая со своим не приходящим в сознание мужем.

— Джири вроде как кренится в дверях и теряет сознание. Охранники отеля идут к ним, просто смотрят на эту расплывчатую картину у порога, там кто-то за спиной у Джири маячит, останавли-

ваются и ждут. Слышу этот голос: «Вы знаете, что я представляю. Мистер Джири совершил брешь. Выдворите его». — Кещория беспомощно покачал головой. — Потом, а я до сих пор ничего толком не вижу, тот, кто это говорил, его уже нет.

— Как?..

— Инспектор, я ни хрена не знаю. Я… Я понесу за это ответственность, сэр. Должно быть, Джири прокрался мимо нас.

Я смерил его взглядом.

— А ты хотел получить пирожок? Конечно, это твоя ответственность. Что он сделал?

— Не знаю. Я и рта не раскрыл, как люди Бреши исчезли.

— Как насчёт?.. — Я кивнул на миссис Джири.

— Её не депортируют: она ничего не сделала. — Он говорил шёпотом. — Но когда я сообщил ей, что нам придётся забрать её мужа, она сказала, что поедет с ним. Не хочет оставлять его одного.

— Инспектор Борлу. — Миссис Джири старалась, чтобы голос звучал ровно. — Если вы говорите обо мне, вам следует говорить со мной. Вы видите, что сделали с моим мужем?

— Миссис Джири, мне ужасно жаль.

— Ещё бы…

— Миссис Джири, это сделал не я. И не Кещория.

Никто из моих сотрудников не имеет к этому отношения. Вы понимаете?

— Брешь? Брешь, Брешь…

— Миссис Джири, ваш муж только что совершил нечто очень серьёзное. Очень серьёзное.

Она была спокойна, если не считать тяжких вздохов.

— Вы меня понимаете? Не случилась ли какая-то ошибка? Разве не ясно мы объяснили систему сдержек и противовесов между Бещелем и Уль-Комой? Вы понимаете, что эта депортация не имеет никакого отношения к нам, что мы совершенно ничего не в силах с этим поделать и что ему, послушайте меня, ему невероятно повезло? В том, что дело ограничилось лишь этим?

Она ничего не сказала.

— В машине у меня сложилось впечатление, что ваш муж не совсем ясно представляет себе, как оно здесь устроено, так что скажите, миссис Джири, не пошло ли что-то не так? Неужели он не понял наших… советов? Как мои люди не увидели, что он уходит? Куда он направлялся?

Вид у неё был такой, словно она может расплакаться, потом она взглянула на своего лежавшего навзничь мужа, и её поза изменилась. Она выпрямилась и что-то сказала ему, чего я не расслышал.

Миссис Джири посмотрела на меня.

— Он служил в BBC, — сказала она. — Думаете, перед вами просто толстый старик? — Она прикоснулась к нему. — Вы никогда не спрашивали нас, кто мог бы это сделать, инспектор. Я не знаю, как это понимать, просто не знаю. Как сказал мой муж, вы что же, думаете, мы не знаем, кто это сделал?

Она стискивала в руках лист бумаги, сворачивала его, разворачивала, не глядя, убрала его в боковой карман сумки, вынула снова.

— Думаете, наша дочь не разговаривала с нами? Лишь-Кома, Истинные граждане, Национальный блок… Махалия боялась, инспектор. Мы ещё не выяснили, кто именно это сделал, и мы не знаем почему, но вы спрашиваете, куда он собирался? Он собирался выяснить. Я говорила ему, что ничего не получится — он не говорит на местном языке, не читает на нём, — но у него имелись адреса, которые мы нашли в Интернете, и разговорник, так что же, я должна была велеть ему не ходить? Не ходить? Я горжусь им. Эти люди ненавидели Махалию многие годы, с тех пор как она впервые сюда приехала.

— Вы распечатали адреса из Интернета?

— Сюда — я имею в виду, в Бещель. Когда она

была на конференции. Затем то же самое с другими, в Уль-Коме. Скажете, нет никакой связи? Она знала, что нажила врагов, она сказала нам, что нажила их. Когда она заинтересовалась Оркини, то у неё появились враги. Стала исследовать глубже — врагов стало больше. Все они ненавидели её за то, что она делала. За то, что знала.

— Кто её ненавидел?

— Все они.

— Что она знала?

Она покачала головой и понурилась.

— Муж собирался это расследовать.

Чтобы не попасться на глаза моим сотрудникам, он вылез через окно ванной на первом этаже. Несколько шагов по дороге могли бы быть простым нарушением правил, которые мы для него установили, но он ошибочно перешёл из области штриховки в область альтернативную, ступил во двор, существовавший только в Уль-Коме, и Бреши, которая, должно быть, наблюдала за ним всё время, пришлось его забрать. Я надеялся, что ему не причинили чрезмерных повреждений. Если же да, то я уверен, что никакой врач по возвращении домой не смог бы определить причину его травмы. Что я мог сказать?

— Мне очень жаль, что так случилось, миссис

Джири. Вашему мужу не следовало пытаться уклониться от Бреши. Я… Мы с вами на одной стороне.

Она внимательно на меня посмотрела.

— Тогда отпустите нас, — шепнула она после паузы. — Давайте! Мы можем вернуться в город. У нас есть деньги. Мы… мой муж сходит с ума. Ему надо вести поиски. Он просто вернётся. Мы приедем через Венгрию, через Турцию или Армению — есть способы, которыми мы сможем сюда проникнуть, вы же знаете… Мы хотим выяснить, кто это сделал…

— Миссис Джири, за нами сейчас наблюдает Брешь. Прямо сейчас. — Я медленно поднял ладони и развёл их в стороны. — Вы и десяти метров не одолеете. Что, по-вашему, вы можете сделать? Вы не говорите ни по-бещельски, ни по-иллитански. Я… Позвольте мне, миссис Джири. Позвольте мне для вас поработать.

Когда мистера Джири погрузили в самолёт, он был по-прежнему без сознания. Миссис Джири смотрела на меня с упрёком и надеждой, и я попытался ещё раз объяснить ей, что я ничего не могу сделать, что мистер Джири сделал это сам.

Других пассажиров было немного. Я гадал, где находится Брешь. Наша компетенция закончит-

ся, как только будут закрыты двери самолёта. Миссис Джири мягко поддерживала голову мужа, когда он раскачивался на носилках, в которых мы его несли. Когда чету Джири усаживали на их места, я показал свой значок кому-то из персонала.

— Будьте с ними помягче.

— Депортированные?

— Да. Серьёзно.

Он задрал брови, но кивнул.

Я прошёл туда, где посадили Джири. Миссис Джири не сводила с меня взгляда. Я присел на корточки.

— Миссис Джири. Пожалуйста, передайте своему мужу мои извинения. Он не должен был делать того, что сделал, но я его понимаю. — Я замялся. — Знаете… если бы он знал Бещель лучше, то смог бы, наверное, избежать попадания в Уль-Кому, а тогда Брешь его бы не остановила.

Она просто смотрела.

— Позвольте, я возьму это у вас. — Я встал, взял у неё сумку и положил на полку у неё над головой. — Конечно, как только мы узнаем, что происходит, получим какие-либо наводки, вообще любую информацию, я вам сообщу.

Она так ничего и не говорила. Губы у неё шевелились: она пыталась решить, то ли умолять

меня, то ли в чём-то обвинить. Я поклонился на старомодный манер и вышел из самолёта, оставив их обоих.

Вернувшись в здание аэропорта, я достал лист бумаги, который вытащил из бокового кармана сумки, и взглянул на него. Название организации «Истинные граждане», скопированное из Интернета. Той самой, которая, как, должно быть, сказала ему его дочь, её ненавидела и в которую мистер Джири направлялся со своими альтернативными расследованиями. Адрес.

Глава 9

Корви ворчала, но в голосе у неё было больше покорности, чем пыла.

— Что всё это значит, босс? — повторяла она. — Разве Брешь не вызовут с минуты на минуту?

— Да. Действительно, тянут время. Уже всё должно быть готово, не знаю, из-за чего эта задержка.

— Так что за хреновина, сэр? Почему мы так с этим спешим? В ближайшее время за убийцей Махалии будет охотиться Брешь.

Я вёл машину.

— Чёрт. Вы что же, не хотите передавать дело?

— Очень даже хочу.

Итак…

— Я просто хочу сначала кое-что проверить, раз уж нам выпала эта нежданная отсрочка.

Она перестала на меня глазеть, когда мы подъехали к штаб-квартире Истинных граждан. Перед этим я кое-куда позвонил, чтобы проверить адрес: он совпал с тем, что был записан у миссис Джири. Попытался связаться с Шенвоем, моим знакомым, работавшим под прикрытием, но не смог, и полагался на то, что знал и что успел

быстро прочесть об ИГ. Корви встала рядом со мной, и я видел, что она держит руку на рукоятке пистолета.

Металлическая дверь, заблокированные окна, но сам дом был — или когда-то был — жилым, а остальная часть улицы таковой и оставалась. Я подумал, не было ли попыток закрыть ИГ по обвинению в несоблюдении зон. Улица с её кажущимися случайными различиями между террасированными и отдельно стоящими зданиями выглядела заштрихованной, но это был сплошной Бещель, изменение стилей — лишь архитектурная причуда, хотя прямо за углом находилась заштрихованная область.

Я слышал, что, по утверждению либералов, это не просто ирония, что близость Уль-Комы даёт ИГ возможность запугивать противника. Конечно, как бы улькомане ни не-видели их, в физической близости они должны были на некотором уровне отмечать фигуры в военизированной форме, участки, проникнутые духом первенства Бещеля. Это, пожалуй, можно было бы счесть чуть ли не брешью, хотя, конечно, неполной.

Пока мы приближались, они толклись у входа, развалившись, покуривали, выпивали и громко смеялись. Их усилия контролировать улицу были

столь неприкрытыми, что с тем же успехом они могли бы мочиться мускусом. Среди них была только одна женщина. Все не сводили с нас глаз. Они перекинулись какими-то словами, и большинство из них неторопливо прошли в здание, оставив нескольких у двери. Те разглядывали нас, затянутые в кожу и деним, а один, несмотря на холод, красовался в майке-борцовке, достойной его телосложения. Культурист, несколько человек с короткой стрижкой, а один имитировал старинную стрижку бещельских аристократов, этакий вычурный маллет[13]. Он опирался на бейсбольную биту — спортивный снаряд не бещельский, но как раз впору для того, чтобы его нельзя было задержать за «хранение оружия с намерением». Кто-то из них обратился вполголоса к обладателю стрижки, быстро забормотал в сотовый телефон, защёлкнул его. Прохожих было немного. Все, конечно, бещельцы, так что могли разглядывать и нас, и команду ИГ, что они и делали, хотя в большинстве своём чуть позже отворачивались.

— Готова? — спросил я.

— Да ну вас, босс, — пробормотала в ответ Ко-

[13] Примечания: 13

Маллет — тип причёски (стрижки), при котором волосы подстрижены коротко спереди и по бокам, а сзади остаются длинными.

рви.

Держатель биты покачал ею, словно от нечего делать.

В нескольких метрах от комитета по приёму я громко сказал по рации:

— У штаб-квартиры ИГ, Гьедарстращ, четыре-одиннадцать, как и планировалось. Связь через час. Код тревоги. Поддержка наготове.

Я быстро отключил рацию, прежде чем оператор мог бы отозваться: «Что вы такое несёте, Борлу?»

— Вам помочь, офицер? — спросил здоровяк.

Один из его приятелей оглядел Корви с ног до головы и непристойно причмокнул.

— Да, мы собираемся войти и задать несколько вопросов.

— Я так не думаю.

Маллет улыбался, но слова эти произнёс Атлет.

— Знаете, мы серьёзно.

— Не так шустро. — Это сказал тип, который звонил, коротко, «под замшу», подстриженный блондин, проталкиваясь перед своим крупным знакомцем. — Ордер на вход и обыск имеется? Нет? Тогда вы внутрь не попадёте.

Я переступил с ноги на ногу.

— Если вам нечего скрывать, зачем держать

нас снаружи? — спросила Корви. — У нас к вам несколько вопросов…

Культурист и Маллет рассмеялись.

— Пожалуйста, — сказал Маллет, тряся головой. — Пожалуйста. С кем, по-вашему, вы говорите?

Коротко остриженный тип жестом велел ему замолчать.

— Решим всё здесь, — сказал он.

— Что вы знаете о Бьеле Мар? — спросил я.

На их лицах не отразилось узнавания.

— О Махалии Джири.

На этот раз имя им было знакомо. Телефонист поперхнулся; Маллет зашептался со здоровяком.

— Джири, — сказал Культурист. — Мы читаем газеты.

Он пожал плечами в духе que sera[14].

— Да. Урок об опасности определённого поведения?

— То есть?

Я по-компанейски прислонился к дверному косяку, заставив Маллета попятиться на шаг-другой. Он снова пробормотал что-то своему другу. Я

---

[14] Примечания: 14

«Que Sera, Sera» — «Чему быть, того не миновать» *(исп.)*, популярная песня Джея Ливингстона и Рэя Эванса (1956), представлена в фильме Альфреда Хичкока «Он слишком много знал».

не расслышал, что именно.

— Никто не поощряет нападений, но мисс Джири, — человек с телефоном произнёс её имя с преувеличенным американским акцентом и встал между нами и всеми остальными, — имела среди патриотов определённую репутацию. Правда, мы о ней какое-то время ничего не слышали. Надеялись, что она смогла каким-то образом прозреть. Кажется, нет. — Он пожал плечами. — Если оклеветать Бещель, он вернётся и укусит.

— Что за клевета? — спросила Корви. — Что вам о ней известно?

— Да ладно, офицер! Взгляните, чем она занималась! Она не была другом Бещеля.

— Точно, — сказал Блондин. — Унифка. Или, того хуже, шпионка.

Мы с Корви переглянулись.

— Так кто же? — спросил я. — К чему вы больше склоняетесь?

— Она не была… — сказала Корви.

Мы оба замялись.

Они оставались в дверях и даже не препирались больше с нами. Маллет, казалось, намеревался что-то возразить в ответ на мои провокации, но Культурист сказал: «Оставь, Кащос», — и тот замолчал и только смотрел на нас из-за спины

здоровяка, а другой заспорил с ними вполголоса, и они отошли ещё на несколько шагов, но по-прежнему смотрели на меня. Я попытался позвонить Шенвою, но тот не был рядом со своим защищённым от прослушивания телефоном. Мне пришло в голову, что он мог (я ведь не знал, какое у него задание) даже находиться в доме, рядом с которым я стоял.

— Инспектор Борлу, — раздался голос позади нас.

За нашей машиной остановился элегантный чёрный автомобиль, и кто-то шёл к нам, оставив дверцу водителя открытой. Слегка за пятьдесят, осанистый, я бы сказал, с острым, морщинистым лицом. На нём был приличный тёмный костюм без галстука. Остававшиеся волосы были седыми и коротко остриженными.

— Инспектор, — снова сказал он. — Вам пора уходить.

Я задрал бровь.

— Конечно, конечно, — сказал я. — Только, простите… кто, ради всего святого, вы такой?

— Харкад Гощ. Адвокат Истинных граждан Бещеля.

У нескольких человек бандитской внешности при этом сделался испуганный вид.

— Потрясающе, — прошептала Корви.

Я демонстративно осмотрел Гоща: он производил впечатление высокооплачиваемого.

— Просто проезжали мимо? — спросил я. — Или вам позвонили?

Я подмигнул Телефонисту, который пожал плечами. Довольно дружелюбно.

— Полагаю, у вас нет прямой линии с этими ослами, так через кого к вам обратились? Замолвили словечко Сьедру? Кто вам звонил?

Он поднял бровь.

— Позвольте мне угадать, зачем вы здесь, инспектор.

— Минутку, Гощ… Откуда вы знаете, кто я?

— Позвольте мне угадать — вы здесь задаёте вопросы о Махалии Джири.

— Совершенно верно. Никто из ваших парней не кажется слишком удручённым её смертью. И, однако, они плачевно невежественны насчёт её занятий: упорствуют в заблуждении, что она была унификационисткой, чему унифы очень сильно посмеялись бы. Никогда не слышали об Оркини? И, позвольте мне повторить, откуда вы знаете моё имя?

— Инспектор, вы действительно собираетесь терять время? Оркини? Как бы Джири ни хо-

телось это раскручивать, какой бы глупой ни намеревалась прикинуться, какие бы тупые сноски ни собиралась вставлять в свои статьи, всё, чем она занималась, было направлено на подрыв Бещеля. Этот народ не игрушка, инспектор. Понимаете меня? Либо Джири была глупа, транжиря время на бабкины сказки, которые умудряются быть одновременно бессмысленными и оскорбительными, либо она была не глупа, и вся эта работа о тайном бессилии Бещеля была предпринята совсем для других целей. В конце концов, Уль-Кома, кажется, была для неё более благоприятна?

— Вы что, шутите? Куда вы клоните? Что Махалия делала вид, что занимается Оркини? Она была врагом Бещеля? Уль-комской шпионкой?..

Гощ подошёл ко мне ближе. Подал знак ИГам, которые попятились в своё укреплённое здание и наполовину закрыли дверь, выжидая и наблюдая.

— Инспектор, у вас нет ордера. Ступайте. Если вы собираетесь настаивать на своём, позвольте мне, повинуясь своему долгу, изложить следующее: продолжите применять этот подход, и я буду жаловаться вашему начальству о притеснении, вспомним, абсолютно законной организации

ИГБ.

Я выжидал. Он хотел сказать что-то ещё.

— И спросите себя, что вы заключили бы о ком-то, кто приезжает сюда в Бещель; начинает исследования по теме, долго и справедливо игнорируемой серьёзными учёными и основывающейся на бесполезности и слабости Бещеля; наживает, что неудивительно, врагов на каждом шагу, уезжает, а затем едет прямиком в Уль-Кому. После чего так или иначе, о чём вы, кажется, не знаете, потихоньку подбирается к тому, что всегда было совершенно неубедительной ареной для исследований. Она не занималась Оркини в течение многих лет — с тем же успехом могла бы признать, что всё это было обманом, ради бога! Она работает на едва ли не самых спорных проуль-комских раскопках прошлого века. Думаю ли я, что есть основания считать её мотивы, инспектор, подозрительными? Да, я так думаю.

Корви смотрела на него с открытым ртом.

— Чёрт, босс, вы были правы, — сказала она, не понижая голоса. — Они помешанные.

Он посмотрел на неё холодно.

— Откуда бы вам всё это знать, господин Гощ? — спросил я. — Об её работе?

— Об её исследованиях? Пожалуйста. Здесь

даже не надо рыться в газетах, ведь темы диссертаций и материалы конференций не являются государственными секретами, Борлу. Есть такая вещь, Интернет называется. Вам стоило бы попробовать.

— И…

— Просто ступайте, — сказал он. — Передавайте привет Гадлему. Вам нужна работа, инспектор? Нет, это не угроза, это вопрос. Нужна ли вам работа? Хотели бы сохранить ту, что у вас есть? Вы это серьёзно, инспектор Откуда Вы Знаете Моё Имя?

Он рассмеялся.

— Вы что же, думаете, что это там, — он ткнул пальнём в сторону здания, — сходятся все концы?

— Вот уж нет, — сказал я. — Вам кое-кто позвонил.

— Теперь идите.

— Какую газету вы читали? — спросил я, повысив голос.

По-прежнему глядя на Гоща, я повернул голову, показывая, что обращаюсь к тем, кто стоял в дверном проёме.

— Здоровяк? Стриженый?

— Ну всё, хватит, — сказал стриженный «под замшу» тип.

Культурист ляпнул:

— Чего?

— Ты сказал, что прочёл о ней в газете. В какой именно? Насколько я знаю, настоящего её имени ещё никто не упоминал. Когда я смотрел газеты, она по-прежнему была Фуланой Деталь. Видимо, читаю не лучшую прессу. Так что мне лучше читать?

Бормотание, смех.

— Я подбираю по крохе здесь и там.

Гощ не велел ему замолчать.

— Кто знает, где я об этом слышал?

Из этого мало что можно было извлечь. Информация просачивается быстро, в том числе из предположительно закрытых комитетов, и, возможно, её имя вышло наружу и даже было где-то опубликовано, хотя я этого не видел, — а если не вышло, то выйдет в ближайшее время.

— А что вам лучше читать? «Глас копья», конечно! — Он помахал экземпляром газеты ИГ.

— Что ж, всё это очень интересно, — сказал я. — Вы все так хорошо информированы. Думаю, мне, замороченному бедолаге, будет облегчением сбыть это с рук. Наверное, мне это просто не по силам. Как вы говорите, у меня нет правильных бумаг, чтобы задавать правильные вопросы.

Конечно, представителям Бреши никаких документов не требуется. Они могут спросить всё, что угодно, у кого захотят.

Это заставило их замолчать. Я смотрел на них — на Культуриста, Маллета, Телефониста и адвоката — ещё несколько секунд, прежде чем двинулся, сопровождаемый Корви.

— Что за мерзкая куча уродов!

— Да ладно, — сказал я. — Мы просто удили рыбку. Чуточку нагло. Хотя я и не ожидал, что меня отшлёпают, как шкодливого мальчишку.

— Что это было?.. Откуда он знал, кто вы? И вся эта чушь с угрозами в ваш адрес…

— Не знаю. Может, это всерьёз. Может, он смог бы осложнить мне жизнь, если бы стал копать. Но скоро это перестанет быть моей проблемой.

— По-моему, я об этом слышала, — сказала она. — О связях, я хочу сказать. Все знают, ИГ — это уличные бойцы Блока националистов, поэтому он должен знать Сьедра. Как вы сказали, здесь, наверно, сработала цепочка: они звонят Сьедру, а тот звонит этому.

Я ничего не сказал.

— Наверняка. Может, и о Махалии они тоже слышали от него. Но настолько ли Сьедр глуп, чтобы скармливать нас ИГ?

— Ваши же слова — туп, как дерево.

— Ну да, да, но зачем ему?

— Он задира.

— Точно. Все они такие — так политика и устроена. Так что, может, да, именно это и происходит: он бахвалится, чтобы вас отпугнуть.

— От чего отпугнуть?

— Напугать, я хотела сказать. Не «от» чего-то, а просто. Они прирождённые бандиты, эти ребятки.

— Кто знает? Может, у него есть что таить, а может, и нет. Признаюсь, мне по душе мысль о том, что Брешь будет охотиться за ним и его прихвостнями. Когда наконец последует вызов.

— Да. Я просто подумала, что вы, кажется… Мы до сих пор что-то ищем, я прикинула, уж не хотите ли вы… Не ожидала выжать из этого что-то ещё. В смысле — мы же просто ждём. Комитета…

— Ждём, — сказал я. — Что ж. Знаете… Хорошо будет сплавить это дело, Махалии нужна именно Брешь. Но пока мы его ещё не сплавили. Чем больше мы сможем им передать, тем лучше, по-моему…

Это было спорным утверждением.

Глубокий вдох, выдох. Прежде чем мы вернулись в штаб-квартиру, я остановился и купил нам

кофе в каком-то новом заведении. Американский кофе, к отвращению Корви.

— Я думала, вам нравится *ай тёрко*, — сказала она, принюхиваясь.

— Да, мне нравится *ай тёрко*, но ещё сильнее мне наплевать, какой именно вливать в себя кофе.

Глава 10

На следующий день я прибыл на службу рано утром, но не успел ни сориентироваться, ни к чему-либо подготовиться.

— Тьяд, тебя требует *эль жеф*, — сказала Цура из-за стола дежурного, не успел я войти.

— Чёрт, — сказал я. — Уже пришёл?

Я прикрылся ладонью и прошептал:

— Отвернись, отвернись, Цура. Когда я прибыл, ты выходила в туалет. Ты меня не видела.

— Да ладно, Тьяд.

Она махнула на меня рукой и прикрыла глаза. Но на моём столе лежала записка. «НЕМЕДЛЕННО ко мне». Я воздел очи горе. Хитро. Пришли он это сообщение на электронную или голосовую почту, я мог бы утверждать, что ничего не знал о нём в течение нескольких часов. Теперь мне не отвертеться.

— Сэр?

Я постучал и просунул голову в дверь. При этом я обдумывал способы объяснить свой визит к Истинным гражданам. Я надеялся, что Корви не окажется слишком лояльной или честной и свалит вину на меня, если сама получила за это

выволочку.

— Я вам нужен?

Гадлем взглянул на меня поверх края чашки, жестом указал мне войти и сесть.

— Слышал о Джири, — сказал он. — Что случилось?

— Да, сэр. Это… это была оплошность.

Я не пытался с ними связаться. Я не знал, поняла ли миссис Джири, куда пропала её бумага.

— По-моему, они просто, знаете ли, обезумели, вот и сделали глупость…

— Глупость с кучей предварительного планирования. Самая организованная спонтанная глупость, о которой мне когда-либо приходилось слышать. Они собираются подавать жалобу? Ждать ли мне нахлобучки из американского посольства?

— Не знаю. Было бы несколько дерзко, если бы они подали. Им не на что сослаться.

Они совершили брешь. Это печально и просто. Он кивнул, вздохнул и протянул мне два сжатых кулака.

— Хорошая новость или плохая? — спросил он.

— Э-э… плохая.

— Нет, сначала вы получите хорошую новость. — Он потряс левой рукой, театрально

раскрыл ладонь и заговорил так, словно оглашал приговор: — Хорошая новость состоит в том, что у меня для вас имеется чрезвычайно интригующее дело.

Я ждал.

— Плохая новость. — Он раскрыл правую руку и ударил ею об стол с неподдельной злостью. — Плохая новость, инспектор Борлу, состоит в том, что это то же самое дело, над которым вы уже работаете.

— … Сэр? Я не понимаю…

— Что ж, нет так нет, инспектор, а кто среди нас понимает? Кому из нас, бедных смертных, такое понимание дано? Вы по-прежнему занимаетесь этим делом.

Он развернул письмо и покрутил передо мной. Я увидел штампы и тиснёные символы над текстом.

— Весточка от Комитета по надзору. Их официальный ответ. Вы помните, та маленькая формальность? Они не передают дело Махалии Джири. Они отказываются вызывать Брешь.

Я с силой откинулся на спинку стула.

— Что? Что? Какого чёрта?..

Он монотонно проговорил:

— Ньисему от лица комитета ставит нас в из-

вестность, что они рассмотрели представленные доказательства и пришли к выводу, что нет достаточных улик, чтобы предположить, будто имела место какая-либо брешь.

— Чушь! — Я уже стоял. — Вы видели моё досье, сэр, знаете, что именно я им передал, знаете, что нет никакого способа объявить это не брешью. Что они сказали? Каковы их доводы? Они сделали разбивку голосования? Кто подписал письмо?

— Они не обязаны излагать какие-либо доводы.

Он покачал головой, с отвращением глядя на бумагу, которую держал кончиками пальцев, как пинцетом.

— Будь оно проклято! Кто-то пытается… Сэр, это смешно. Нам надо вызвать Брешь. Они единственные, кто сможет… Как я буду расследовать это дерьмо? Я бещельский полицейский, вот и всё. Здесь происходит чёрт знает что.

— Ладно, Борлу. Как я уже сказал, они не обязаны излагать какие-либо доводы, но, несомненно, предвидя нечто подобное нашему вежливому удивлению, они всё-таки включили примечание и вложение. В соответствии с этим властным письмецом вопрос не в вашей презентации. Так что утешайтесь тем, что, каким бы неуклюжим

вы ни были, вы их более или менее убедили, что дело связано с брешью. А произошло, объясняют они, вот что: как часть их «рутинного расследования», — озвученные им кавычки походили на птичьи когти, — всплыла дополнительная информация. Из проруби.

Гадлем порылся среди хлама у себя на столе и бросил что-то мне. Это оказалась видеокассета. Он указал на видеомагнитофон в углу кабинета.

Появилось изображение, скудное, сепийных оттенков, крапчатое от помех. Звука не было. Над показаниями даты и времени через экран по диагонали сновали автомобили в постоянном, но не слишком сильном трафике, между колоннами и стенами зданий.

— И что это я смотрю?

Я разобрал время и дату: немного за полночь, пару недель назад. Накануне обнаружения тела Махалии Джири.

— Что это такое?

Несколько автомобилей ускорились, понеслись огромными рывками. Гадлем размахивал рукой в плохо темперированной игре, дирижируя быстро перематывающимся изображением с помощью пульта, как будто это был полицейский жезл. Он проскочил через несколько минут записи.

— Где это? Картинка — дерьмо.

— Намного меньшее дерьмо, чем если бы была нашей, вот в чём дело, — сказал он. — Вот мы где. В глубокой ночи. Где мы, Борлу? Детектируйте, детектив. Смотрите вправо.

Проехал красный автомобиль, автомобиль серый, старый грузовик, затем — «Привет! Voila!» — вскричал Гадлем — грязно-белый фургон. Он прополз от правого нижнего к левому верхнему углу картинки, к какому-то туннелю, остановился, возможно, на невидимый сигнал светофора, и выехал за экран и с глаз долой.

Я ждал объяснений.

— Обратите внимание на пятна, — сказал он. Он перематывал вперёд, снова пуская машинки в пляс. — Они нам кое-что подсказали. Через час с мелочью. Привет!

Он нажал на воспроизведение, и появилась одна, две, три другие машины, затем белый фургон — должно быть, тот же самый, — двигаясь в обратном направлении, назад, откуда приехал. На этот раз угол наклона маленькой камеры позволил захватить его передние номерные знаки.

Он проехал слишком быстро, я не успел их разглядеть. Я стал нажимать на кнопки, встроенные в видеомагнитофон, сначала отбросив

фургон назад, в поле зрения, затем проведя его на несколько метров вперёд и остановив. Это вам не *DVD*, приостановленная запись представляла собой мешанину призрачных линий и потрескиваний, запинающийся фургон на самом деле не остановился, но подрагивал, как какой-нибудь озабоченный электрон между двумя точками пространства. Я не мог чётко прочитать номер на пластине, но в большинстве мест то, что я видел, казалось одной из пары возможностей — *vye* или *bye*, *zsec* или *kho*, 7 или 1 и так далее. Я достал записную книжку и перелистал её.

— Идёт по следу, — бормотал Гадлем. — На что-то напал. У него что-то есть, дамы и господа.

Назад через страницы и дни. Я остановился.

— Какая-то лампочка, я вижу её, она старается включиться, осветить всю ситуацию…

— Чёрт, — сказал я.

— Воистину чёрт.

— Это он. Это фургон Хуруща.

— Да, это, как вы говорите, фургон Микаэла Хуруща.

Автомобиль, в который было уложено тело Махалии и из которого оно было выброшено. Я посмотрел на время на изображении. В фургоне на экране почти наверняка находилась мёртвая

Махалия.

— Господи, — сказал я. — Кто это нашёл? Что это такое?

Гадлем вздохнул и потёр глаза.

— Подождите, подождите.

Я поднял руку. Посмотрел на письмо из Комитета по надзору, которым Гадлем обмахивался, как веером.

— Это угол Связующего зала, — сказал я. — Чёрт возьми. Это Связующий зал. А это фургон Хуруща, который едет из Бещеля в Уль-Кому и возвращается снова. Законно.

— Браво, — сказал Гадлем, как усталый ведущий игрового шоу. — Браво, браво, чтоб вам, браво!

В рамках, сообщили нам — и к чему, сказал я Гадлему, мы ещё вернёмся, — рутинных расследований, проводимых в связи с любым вызовом Бреши, были изучены записи камер видеонаблюдения за ту ночь, о которой шла речь. Это было неубедительно. Дело настолько явно представлялось связанным с брешью, что ни у кого не было оснований так усердно корпеть над многими часами записей. Кроме того, старые камеры с бещельской стороны Связующего зала не дали бы достаточно чётких картинок для идентификации

машины — эти записи были извне, из системы видеонаблюдения какого-нибудь банка, где их реквизировал некий следователь.

С помощью фотографий, предоставленных инспектором Борлу и его командой, услышали мы, было установлено, что один из автомобилей, проходивших через официальный контрольно-пропускной пункт в Связующем зале, из Бещеля в Уль-Кому и обратно, был тем, в котором вывезли тело умершей. Соответственно, несмотря на то что было совершено чудовищное преступление, которое надлежит расследовать в срочном порядке, перенос тела от места убийства, по-видимому, случившегося в Уль-Коме, на место выброса в Бещеле не был, по сути, сопряжён с брешью. Переезд из города в город был законным. Соответственно, не имелось оснований для вызова Бреши. Никакой бреши проделано не было.

Это такой род юридической ситуации, на который иностранцы реагируют с понятным недоумением. Контрабанда, настаивают они, к примеру. Контрабанда является брешью, да? По самой своей сути, да? Однако нет.

Брешь располагает полномочиями, которые трудно представить, но её вызов происходит при совершенно точных обстоятельствах. Это

не сам переход из одного города в другой, даже не переход с контрабандой — это способ перехода. Бросьте кошку, кокаин или оружие из бещельского окна через заштрихованный двор в уль-комский сад, чтобы это подобрал ваш сообщник, — вот это и есть брешь, и Брешь заберёт вас, и это всё равно останется брешью, бросай вы хлеб или перья. Украсть ядерное оружие и тайно пронести его с собой через Связующий зал, когда переходите, но переходите именно через саму эту границу? В этом официальном контрольно-пропускном пункте, где города встречаются друг с другом? При этом совершается множество преступлений, но они не являются брешью.

Сама по себе контрабанда не есть брешь, хотя большинство брешей проделываются в целях контрабанды. Однако самые сметливые деятели всегда стремятся к правильному пересечению, они глубоко уважают границы городов, поэтому, будучи пойманными, они сталкиваются только с законами того или иного города или обоих городов, но не с силой Бреши. Возможно, Брешь учитывает подробности этих преступлений, коль скоро совершена брешь, все правонарушения в Уль-Коме, Бещеле или обоих, но если так, то лишь потому, что преступления эти являются

функциями бреши, единственного нарушения, караемого Брешью, экзистенциального неуважения к границам Уль-Комы и Бещеля.

Угон фургона и выброс трупа в Бещеле были незаконны. Ужасное убийство в Уль-Коме — тоже. Но то, что мы полагали особой трансгрессивной связью между этими событиями, никогда не имело места. Весь проезд представлялся скрупулёзно законным, осуществлённым через официальные каналы, и все документы были на месте. Даже если разрешения были подделаны, пересечение границ в Связующем зале превращало это в вопрос о незаконном въезде, а не о бреши. Такое преступление могло произойти в любой стране. Бреши не было.

— Это чушь собачья. — Я расхаживал взад и вперёд между столом Гадлема и застывшей на экране машиной, перевозившей жертву. — Это чушь. Нас обвели вокруг пальца.

— Это чушь, говорит он мне, — поведал Гадлем миру. — Он говорит, что нас надули.

— Нас надули, сэр. Нам нужна Брешь. Как, чёрт возьми, мы справимся с этим сами? Кто-то где-то пытается не дать делу сдвинуться с мёртвой точки.

— Нас обвели вокруг пальца, говорит он мне,

и, надо заметить, он говорит это так, как будто я с ним не соглашаюсь. Чего я никак за собой не усматриваю.

— Серьёзно, что…

— На самом деле можно сказать, что я согласен с ним в пугающей степени. Конечно, нас обвели вокруг пальца, Борлу. Перестаньте вертеться, как ошпаренная собака. Что вы хотите мне сказать? Да, да, да, это чушь, да, кто-то нас подставил. Что вы хотите, чтобы я сделал?

— Что-нибудь! Должен же быть какой-то выход. Мы могли бы обратиться…

— Послушайте, Тьядор. — Он сложил пальцы горсткой. — Мы оба понимаем, что здесь произошло. Мы оба злимся, что дело по-прежнему остаётся у вас. По разным причинам, возможно, но…

Он отмахнулся от продолжения.

— Но вот проблема, которой вы не учитываете. Хотя, да, мы оба можем согласиться, что от внезапного обнаружения этих кадров дурно пахнет и что нами, похоже, как бумажкой на ниточке, играет какой-то злобный котёнок из правительства, да, да, да, но, Борлу, каким бы образом они ни вышли на эти доказательства, это решение правильное.

— Пограничников опросили?

— Да, и это ни черта не дало, но вы что, думаете, они ведут учёт всех, кого пропускают? Всё, что им было нужно, это увидеть что-нибудь, отдалённо напоминающее пропуск. С этим не поспоришь.

Он махнул рукой в сторону телевизора. Он был прав. Я помотал головой.

— Как показывает эта запись, — сказал он, — фургон бреши не делал, а следовательно, говорить о какой-либо апелляции не приходится. Мы не можем вызвать Брешь. Только не по этому делу. Честно говоря, нам и не следовало бы это делать.

— И что же теперь?

— Теперь вот что: вы продолжаете это расследование. Вы его начали, вы его и заканчивайте.

— Но это…

— … в Уль-Коме, да, я знаю. Туда вы и отправитесь.

— Что?

— Это стало международным расследованием. Уль-комские полицейские не прикасались к этому делу, пока оно выглядело связанным с Брешью, но теперь это их расследование убийства — на основе вроде бы убедительных доказательств, что оно произошло на их земле. Вам предстоит испытать все радости международного сотрудни-

чества. Они просили нашей помощи. На месте. Вы едете в Уль-Кому в качестве гостя уль-комской *милиции*, где будете консультировать сотрудников их Бригады убийств. Никто не знает о ходе расследования лучше, чем вы.

— Это смешно. Я могу просто отправить им отчёт…

— Борлу, не дуйтесь. Это пересекло наши границы. Что такое отчёт? Им нужно нечто большее, чем бумажки. Это дело уже оказалось более запутанным, чем танец червя, а занимаетесь им вы. Оно требует сотрудничества. Просто поезжайте, всё им о нём расскажите. Осмотрите чёртовы достопримечательности. Когда там кого-нибудь найдут, мы собираемся выдвинуть обвинения против них и здесь, за угон, выброс тела и так далее. Разве вы не знаете, что наступила захватывающая новая эра трансграничной полиции?

Это был лозунг из буклета, который мы получили, когда в последний раз обновляли компьютерное оборудование.

— Просто шансы, что мы найдём убийцу, крайне понизились. Нам требовалась Брешь.

— Он мне это говорит! Я согласен. Так поезжайте и повысьте шансы.

— Как долго мне придётся отсутствовать?

— Связывайтесь со мной каждые несколько дней. Посмотрим, как оно пойдёт. Если растянется более чем на пару недель, подумаем, что делать дальше, — достаточно плохо уже и то, что я лишаюсь вас на ближайшие дни.

— Так не лишайтесь.

Он посмотрел на меня насмешливо: мол, а какой у меня выбор?

— Я хотел бы, чтобы со мной отправилась Корви.

Он издал непристойный звук.

— Ещё бы! Но не надо глупостей.

Я провёл рукой по волосам.

— Комиссар, мне нужна её помощь. Если что, она об этом деле знает больше, чем я. Не отрывалась от него с самого начала. Если я беру это за границу…

— Борлу, вы ничего никуда не берёте, вы — гость. Наших соседей. Хотите разгуливать со своим собственным Ватсоном? Больше никого не хотели бы от меня получить? Массажистку? Актуария? Вбейте себе в голову: там вы сами будете ассистентом. Господи, плохо уже и то, что вы её насильно завербовали, не говоря обо всём остальном. На каком основании, скажите, пожалуйста? Вместо того чтобы переживать о

том, что вы потеряли, предлагаю вам помнить о том хорошем, что у вас было.

— Это…

— Да, да. Не надо мне повторять. Знаете, что такое чушь, инспектор? — Он наставил на меня пульт дистанционного управления, словно мог меня остановить или перемотать назад. — Чушь — это то, что старший офицер бещельского ОООП вместе с подчинённой, которую он втихую себе присвоил как личную собственность, затевает несанкционированную, ненужную и бесполезную стычку с группой головорезов, у которых имеются друзья в высших эшелонах власти.

— … Верно. Значит, вы слышали об этом. От адвоката?

— О каком таком адвокате вы толкуете? Это не кто иной, как представитель Сьедр был так любезен, что позвонил мне сегодня утром.

— Сьедр позвонил вам самолично? Чёрт. Извините, сэр. Я удивлён. Что, говорил, чтобы я оставил их в покое? Я думал, его игра отчасти состоит в том, чтобы никогда открыто не показывать, что он связан с ИГ. Отсюда и вызов того адвоката, который по виду чуть ли не из лиги крутых парней.

— Борлу, я знаю одно: Сьедр только что услы-

шал о вчерашней встрече, был ошеломлён, узнав, что его там упоминали, и позвонил в немалом расстройстве, угрожая различными санкциями против вас за клевету, если его имя снова всплывёт в каком-нибудь таком контексте, и так далее. Я не знаю и знать не хочу, что привело вас в этот конкретный тупик, мало полезный для следствия, но вы, Борлу, можете сопоставить некоторые факты. Именно тем же утром, всего через несколько часов после вашего сказочно плодотворного публичного спора с патриотами, выскочила вот эта запись и был отменён вызов Бреши. И — нет, я понятия не имею, что это может означать, но это интересное совпадение, не правда ли?

— Не спрашивайте меня, Борлу, — сказала Таскин, когда я ей позвонил. — Я не знаю. Только что обнаружила. Кроме сплетен, у меня ничего нет. Ньисему не рад тому, что случилось, Бурич злится, Катринья в замешательстве, Сьедр в восторге. Таковы слухи. Кто и чего допустил утечку, кто кому ставит палки в колёса, ничего этого у меня нет. Прошу простить.

Я попросил её держать ушки на макушке. У меня была пара дней на подготовку. Гадлем передал мои данные в соответствующие департаменты

в Бещеле, а также коллеге в Уль-Коме, которому предстояло со мной работать. «И отвечайте на сообщения, чёрт бы вас побрал», — сказал он. Пропуск и ориентировку мне организуют. Я отправился домой, осмотрел одежду, водрузил на кровать свой старый чемодан, взял и положил книги.

Одна была новой. Я заказывал её в Интернете по ссылке на fracturedcity.org, а получил по почте этим утром, заплатив дополнительно за ускоренную доставку.

Мой экземпляр книги «Между городом и городом» был старым и потёртым, полностью укомплектованным, но с погнутой обложкой и со страницами, запятнанными и снабжёнными комментариями руками, по меньшей мере, двух человек. Несмотря на эти недостатки, я заплатил за него умопомрачительную цену из-за незаконности этой книги в Бещеле. То, что моё имя оказалось в списке дилера, особого риска не представляло. Мне не составило труда убедиться, что статус книги объяснялся, по крайней мере, в Бещеле, скорее слегка сбивающим с толку пережитком, нежели каким-то актуальным подстрекательством. Большинство незаконных книг в городе были таковыми лишь отчасти: санкции

по этому поводу применялись редко, даже цензоры мало об этом заботились.

Она была опубликована давно исчезнувшим издательством хиппи-анархистов, но, судя по тону первых страниц, была гораздо суше, чем можно было предположить по её цветастой, наркоманской обложке. Печать болталась по страницам то вверх, то вниз. Индекс отсутствовал, что заставило меня вздохнуть.

Лёжа на кровати, я позвонил двум женщинам, с которыми встречался, сообщил им, что уезжаю в Уль-Кому. Бищайя, журналистка, сказала: «Здорово, обязательно зайди в галерею Брунаи. Там сейчас выставка Кунеллиса. Купи мне открытку». Сариска, историк, выказала большее удивление и огорчение тем, что меня не будет сам не знаю как долго.

— Ты читала «Между городом и городом»? — спросил я.

— Когда была студенткой, конечно. У меня была поддельная обложка «Богатство народов». — В 1960-х и 70-х некоторые запрещённые книги можно было купить в суперобложках книг разрешённых. — А что?

— Как она тебе?

— В то время я думала, что она восхититель-

на. И что я несказанно храбрая, раз её читаю. Впоследствии — что она смехотворна. Ты что, переживаешь наконец юность, Тьядор?

— Может быть. Никто меня не понимает. Я не просил меня рожать.

Особых воспоминаний о книге у неё не было.

— Ушам своим не верю, — сказала Корви, когда я позвонил ей, чтобы обо всём рассказать. Она повторяла это снова и снова.

— Понимаю. То же самое и я говорил Гадлему.

— Они выводят меня из игры?

— Не думаю, что это «они». Но, к сожалению, да, вы не сможете со мной поехать.

— Так, значит? Меня просто выбросили?

— Мне очень жаль.

— Сукин сын этот Гадлем!.. Вопрос в том, — сказала она через минуту, в течение которой мы ничего не говорили, только слушали молчание и дыхание друг друга, словно влюблённые подростки, — кто раздобыл эту запись. Нет, вопрос в том, как они её нашли. С чего? Сколько там чёртовых часов записи, сколько камер? С каких пор у них появилось время продираться через всё это дерьмо? Почему именно на этот раз?

— Мне не надо уезжать немедленно. Я вот как раз думаю… Ориентировку я получу послезав-

тра…

— Ну и?

— В общем…

— Что?

— Простите, я сейчас думал обо всём этом. Об этой записи, что свалилась нам как снег на голову. Хотите, предпримем последнее маленькое расследование? Потребуются пара телефонных звонков и визит-другой. В частности, мне надо разобраться кое с чем, прежде чем будет готова моя виза и всё такое… Я думал об этом фургоне, шныряющем в чужие края. Смотрите, можно попасть в переплёт.

Последнее я сказал в шутку, как будто это было чем-то соблазнительным.

— Вы, конечно, теперь не в деле, так что действовать придётся несанкционированно.

Это было не так. Она вне опасности — я мог загладить всё, что бы она ни сделала. В переплёт мог попасть только я сам, но никак не она.

— Чёрт, тогда я согласна, — сказала она. — Если те, кто выдаёт санкции, готовы тебя удушить, то только и остаётся, что действовать несанкционированно!

Глава 11

— Да? — Микаэл Хурущ пристальнее вгляделся в меня из-за двери своего обшарпанного офиса. — Инспектор, это вы? Что… Я вас слушаю?

— Господин Хурущ. Небольшое дельце.

— Пожалуйста, впустите нас, сэр, — сказала Корви.

Он открыл дверь шире, чтобы увидеть и её, вздохнул и дал нам войти.

— Чем я могу вам помочь? — Он сжимал и разжимал руки.

— Как управляетесь без своего фургона? — спросила Корви.

— Это как шило в заднице, но мне помогает один друг.

— Мило с его стороны.

— Правда же? — воскликнул Хурущ.

— Когда вы получили визу ЛКВ для своего фургона, мистер Хурущ? — спросил я.

— Я, что, что? — заволновался он. — Я не получал, у меня нет…

— Интересно, зачем вы так увиливаете, — сказал я. Его ответ подтверждал наше предположение. — Вы не настолько глупы, чтобы огульно это

отрицать, потому что, эй, переезды зафиксированы на записи. Но тогда о чём мы спрашиваем? И почему бы вам просто не ответить? Что такого в этом вопросе?

— Не могли бы мы увидеть ваш пропуск, господин Хурущ?

Он несколько секунд смотрел на Корви.

— Его здесь нет. Он у меня дома. Или…

— Так увидим мы его или нет? — спросил я. — Вы лжёте. Это был последний ваш маленький шанс, любезно предоставленный нами, а вы, надо же, смахнули его со стола. Нет у вас вашего пропуска. Это виза ЛКВ, любого квалифицированного водителя, для многократного въезда в Уль-Кому и выезда из неё. Верно? И её у вас нет, потому что она была украдена. Украдена, когда угнали ваш фургон. Она, собственно, была в фургоне, когда его угнали, вместе с вашей старинной уличной картой.

— Послушайте, — сказал он, — я уже говорил вам, меня там не было и у меня нет уличной карты, у меня GPS на телефоне. Я ничего не знаю…

— Неправда, но правда, что ваше алиби подтверждается. Поймите, никто здесь не думает, что вы совершили это убийство или хотя бы выбросили труп. Это не то, из-за чего мы расстроены.

— Нас беспокоит то, — сказала Корви, — что вы никогда не говорили нам о пропуске. Вопрос в том, кто его взял и что вы за это получили.

Краска схлынула у него с лица.

— О боже, — сказал он. Рот у него несколько раз дёрнулся, и он тяжело опустился на стул. — Господи, погодите. Я ничего ни с чем не делал. Ничего не получал…

Запись камеры видеонаблюдения я просмотрел неоднократно. В проезде фургона по охраняемому официальному маршруту через Связующий зал не было никаких заминок. Не помышляя о бреши, ускользании по заштрихованной улице или замене номеров, чтобы соответствовать какому-нибудь поддельному разрешению, водитель должен был показать пограничникам документы, которые не вызвали бы у них ни малейшего сомнения. Только один конкретный вид пропуска мог обеспечить столь быстрый и ничем не осложнённый путь.

— Оказание услуги? — спросил я. — Предложение, от которого вы не могли отказаться? Шантаж? Оставили документы в бардачке. Им же лучше, если вы ничего не знаете.

— Иначе почему бы вы не говорили нам, что потеряли свои документы? — сказала Корви.

— Один-единственный шанс, — сказал я. — Итак. Каков ответ?

— О боже, послушайте. — Хурущ тоскливо огляделся по сторонам. — Пожалуйста, выслушайте меня. Я знаю, мне надо было забрать бумаги из фургона. Обычно я так и делаю, клянусь вам, клянусь. Должно быть, забыл на этот раз, а тут фургон как раз и угнали.

— Поэтому вы ничего не говорили нам о краже? — спросил я. — Вы не сообщали нам об угоне фургона, потому что знали, что в конце концов придётся сказать и о бумагах, а поэтому вы просто надеялись, что вся ситуация сама собой рассосётся.

— О боже.

Автомобили, прибывшие из Уль-Комы, как правило, легко определить по их правам проезда, по их номерным знакам, стикерам на окнах и современному дизайну — так же, как бещельские автомобили в Уль-Коме сразу бросаются в глаза своими пропусками и устаревшими, для наших соседей, линиями обводки. Автомобильные пропуска, в частности, многократные визы ЛКВ, не являются ни дешёвыми, ни достающимися без усилий, а будучи выданы, ограждаются различными условиями и правилами. Одним из них

является то, что виза для конкретного транспортного средства никогда не остаётся без присмотра в этом самом транспортном средстве. Нет смысла делать контрабанду легче, чем она есть. Однако нередко случается такой недосмотр или преступление, когда визу оставляют в бардачке или под сиденьем. Хурущ знал, что ему грозит как минимум крупный штраф и бессрочное лишение любого права на проезд в Уль-Кому.

— Кому вы дали свой фургон, Микаэл?

— Богом клянусь, инспектор, никому. Я не знаю, кто его угнал. Серьёзно, не знаю.

— Хотите сказать, это полное совпадение? Что кто-то, кому надо было забрать тело из Уль-Комы, просто случайно угнал фургон, в котором всё ещё лежали пропускные документы, дожидаясь, когда попадут ему в руки? Как удобно.

— Жизнью клянусь, инспектор, я не знаю. Может, тот, кто угнал фургон, нашёл документы и продал их кому-то ещё…

— Они нашли кого-то, кто нуждался в междугородном транспорте, в ту же ночь, как его угнали? Это самые удачливые угонщики всех времён.

Хурущ обмяк.

— Пожалуйста, — сказал он. — Пройдитесь по моим банковским счетам. Проверьте мой бумаж-

ник. Никто мне ни хрена не платил. С тех пор как фургон угнали, я ничего не могу провернуть, никакого бизнеса вообще. Не знаю, что и делать…

— Я сейчас расплачусь, — сказала Корви.

Он посмотрел на неё с затравленным выражением.

— Жизнью клянусь, — сказал он.

— Мы просмотрели ваше досье, Микаэл, — сказал я. — Я не имею в виду ваше полицейское досье — его мы проверяли в прошлый раз. Я имею в виду ваше досье у пограничников Бещеля. Через несколько месяцев после того, как впервые получили пропуск, вы подверглись случайной проверке. Несколько лет назад. Мы видели отметку «Первое предупреждение» по ряду факторов, но самым крупным нарушением пока что было то, что вы оставили документы в машине. В то время у вас был легковой автомобиль, не так ли? Вы оставили документы в бардачке. Как вам удалось в тот раз выкрутиться? Удивляюсь, что ваш пропуск не отменили там и тогда.

— Первое правонарушение, — сказал он. — Я их умолял. Один из парней, которые нашли пропуск, сказал, что поговорит со своим приятелем, чтобы отмену заменили на официальное предупреждение.

— Вы давали ему взятку?

— Конечно. Сколько-то. Не помню, сколько именно.

— Почему не помните? Я хочу сказать, в первый раз вы вот так его и получили, верно? Что же тогда беспокоиться?

Долгое молчание. Вообще-то автомобильные пропуска ЛКВ ориентированы на предприятия, в которых занято несколько больше работников, чем в худосочном бизнесе Хуруща, но и мелкие торговцы частенько подкрепляют свои запросы несколькими долларами — бещмарки вряд ли приведут в действие бещельских посредников или оформляющих бумаги клерков в уль-комском посольстве.

— Иногда, — сказал он безнадёжно, — мне бывает нужна помощь при погрузке. Мой племянник сдал на права, пара приятелей, они могли ездить, помогали мне управиться. Точно трудно сказать.

— Инспектор?

Корви обращалась ко мне не в первый раз, осознал я.

— Инспектор?

Она глянула на Хуруща — мол, что мы делаем?

— Прошу прощения, — сказал я ей. — Просто задумался.

Я жестом пригласил её отойти в угол помещения, ткнув пальцем в Хуруща и велев ему тем самым оставаться на месте.

— Я собираюсь его привлечь, — тихо сказал я, — но что-то… Посмотрите на него. Пытаюсь кое в чём разобраться. Слушайте, мне надо, чтобы вы кое за чем сгоняли. Как можно быстрее, потому что завтра мне придётся поехать по этой чёртовой ориентировке, поэтому, думаю, ночь сегодня будет долгая. Не против? Мне нужен список всех фургонов, угнанных в ту ночь в Бещеле, и я хочу знать, что происходило в каждом конкретном случае.

— Всех?..

— Не паникуйте. Это всего транспорта будет много, но вынесите за скобки всё, кроме фургонов примерно этого размера, и это только за одну ночь. Раздобудьте мне всё, что можно, по каждому из них. Включая все связанные с ними документы, хорошо? Как можно быстрее.

— Что вы собираетесь делать?

— Посмотрю, удастся ли мне добиться от этого слизняка правды.

Корви, применив лесть, дар убеждения и компьютерную грамотность, раздобыла информацию в течение нескольких часов. Только вуду

позволяет проделать это так быстро, ускоряя официальные каналы.

Первую пару часов, пока она этим занималась, я сидел с Хурущем в камере и спрашивал его на разные лады, в нескольких формулировках: «Кто взял ваш фургон?» и «Кто взял ваш пропуск?». Он скулил и требовал адвоката, которого я пообещал ему в ближайшее время. Дважды он пытался разозлиться, но в основном просто повторял, что ничего не знает и что не сообщил об угоне фургона и краже документов, потому что боялся неприятностей, которые это ему принесёт. «Тем более что меня уже об этом предупреждали, понимаете?»

По окончании рабочего дня мы с Корви засели у меня в кабинете, чтобы разобраться со списком. Ночь, как я снова её предупредил, будет долгой.

— За что задержан Хурущ?

— На данном этапе — за неправильное хранение пропусков и недонесение о преступлении. В зависимости от того, что мы сегодня найдём, я мог бы добавить заговор с целью убийства, но у меня такое чувство…

— Не думаете ли вы, что он в чём-то замешан?

— Едва ли он криминальный гений, верно?

— Я, босс, не говорю, что он что-то планировал.

Или хотя бы что-то знал. Конкретное. Но не думаете ли вы, что он знал, кто взял его фургон? Или что с ним собираются что-то сделать?

Я помотал головой.

— Вы его не видели. — Я вытащил из кармана кассету с его допросом. — Послушайте, если время будет.

Она уселась за мой компьютер, заполняя различные электронные таблицы имеющейся у неё информацией. Преобразовала мои невнятные, смутные идеи в диаграммы и графики. «Это называется добычей данных». Последние слова она произнесла по-английски.

— Кто из нас стукач? — спросил я.

Она не ответила. Только щёлкала по клавишам, пила густой кофе, «сваренный чертовски правильно», да вполголоса честила моё программное обеспечение.

— Вот, значит, что мы имеем.

Было уже больше двух. Я смотрел из окна кабинета на бещельскую ночь. Корви разгладила бумаги, которые распечатала. За окном слышались слабые крики и затихающее бормотание позднего трафика. Я поёрзал в кресле — содовая с кофеином настойчиво просились наружу.

— Общее количество фургонов, угнанных в

ту ночь, тринадцать. — Она вела по строчкам пальцем. — Три из них впоследствии оказались сожжёнными или подвергнутыми той или иной форме вандализма.

— Беспечные ездоки?

— Беспечные, да. Стало быть, десять.

— Как скоро заявили об их угоне?

— Все, кроме трёх, считая нашего обаяшку в камере, сообщили об угоне к исходу следующего дня.

— Хорошо. Теперь где тот лист, где значится… Сколько из этих фургонов имеют пропуск в Уль-Кому?

Она перетасовала страницы.

— Три.

— Звучит внушительно — три из тринадцати?

— Так среди фургонов их и будет намного больше, чем среди автомобилей в целом, из-за всего этого экспорта-импорта.

— Тем не менее. Какова статистика по городам?

— Чего, фургонов с пропусками? Не могу найти, — сказала она, пощёлкав по клавишам и поглазев на экран. — Должен быть способ это узнать, я уверена, только не пойму, какой.

— Ладно, будет время, и это выясним. Но держу

пари, что это меньше, чем три из тринадцати.

— Можно бы… Процент и впрямь высокий.

— Хорошо, попробуйте вот что. Из этих трёх с пропусками, которые угнали, у скольких владельцев имелись ранее предупреждения о нарушении правил?

Она просмотрела бумаги и подняла взгляд на меня.

— У всех троих. Чёрт. Всех троих предупреждали о неправильном хранении. Чёрт.

— Верно. Это всё-таки кажется маловероятным, да? С точки зрения статистики. Что случилось с двумя другими?

— Они были… Подождите. Принадлежат Гордже Федеру и Салье Анн Махмуд. Фургоны обнаружились на следующее утро. Брошенные.

— Что-нибудь забрали?

— Немного побиты, пропали несколько кассет, немного мелочи у Федера и iPod у Махмуд.

— Давай-ка посмотрим на время — нет способа доказать, какой из них был угнан первым, не так ли? А известно ли нам, сохранились ли у двоих других их пропуска?

— Не приходило в голову, но это мы сможем узнать завтра.

— Выясните, если можно. Но я готов поспорить,

что да. Откуда угнали их фургоны?

— С Юславьси, Бров-проща, а у Хуруща — с Машлина.

— Где их нашли?

— Фургон Ферера на… Бров-проще. Боже. Фургон Махмуд — на Машлине. Чёрт. Сразу за поворотом с Проспекстращ.

— Это примерно в четырёх улицах от конторы Хуруща.

— Чёрт. — Она откинулась на спинку стула. — Объясните, что к чему, босс.

— Из трёх фургонов с визами, что были угнаны в ту ночь, у всех есть предупреждения за то, что документы не были изъяты из бардачков.

— Угонщик знал?

— Кто-то охотился за визой. Кто-то, имеющий доступ к пограничным досье. Им нужен был автомобиль, на котором можно проехать через Связующий зал. Они точно знали, у кого есть запись о том, что они не утруждают себя забирать документы. Посмотри на эти позиции. — Я нацарапал грубую карту Бещеля. — Фургон Федера угнан первым, но господин Федер молодец — он и его сотрудники усвоили урок, и теперь он забирает документы с собой. Когда наши преступники это понимают, они используют его,

чтобы подъехать сюда, к месту, где паркует свой фургон Махмуд. Они быстро его вскрывают, но госпожа Махмуд теперь тоже хранит свой пропуск в офисе, так что, сделав и этот угон похожим на ограбление, они бросают её фургон возле следующего в списке и двигаются дальше.

— А следующий — это фургон Хуруща.

— И он остался верен прежней склонности и не забрал документов. Так что они получили, что им было надо, и поехали в Связующий зал, а затем в Уль-Кому.

Я умолк.

— Что же это за хрень?

— Это… выглядит хитроумным, вот что это такое. Сделано кем-то очень посвящённым. Не знаю только, во что именно. Кем-то, у кого есть доступ к досье о задержаниях.

— Что же нам-то делать? Нам какого хрена делать? — вопросила она снова, после того как я слишком долго молчал.

— Не знаю.

— Надо кому-то сообщить…

— Кому? Что сообщить? У нас ничего нет.

— Вы что… — Она чуть было не сказала «шутите?», но ей хватило ума, чтобы понять мою правоту.

— Этих взаимосвязей достаточно, может быть, для нас, но это не доказательства, понимаете, этого мало, чтобы чего-то добиться. Так или иначе… что бы это ни было… кто бы ни…

— У них есть доступ к вещам, которые… — начала Корви.

— Мы должны быть осторожны, — сказал я.

Она встретилась со мной взглядом. Последовал ещё один ряд долгих мгновений, в течение которых никто из нас ничего не говорил. Мы медленно осматривали комнату. Не знаю, что мы искали, но подозреваю, что в этот миг она внезапно почувствовала, что за ней охотятся, на неё смотрят и её слушают — такой уж у неё был вид.

— Так что же нам делать? — произнесла Корви.

Мне стало не по себе от того, какая тревога прозвучала в её голосе.

— Думаю, то же, что и делали. Расследовать. — Я пожал плечами. — Нам надо распутать преступление.

— Мы не знаем, с кем безопасно об этом говорить, босс. Больше не знаем.

— Да. — Вдруг оказалось, что мне сказать нечего. — Так что, может, ни с кем и не надо говорить. Кроме меня.

— Меня убирают из этого дела. Что я могу?..

— Просто отвечать на звонки. Если возникнет что-то, что я смогу вам поручить, я позвоню.

— Куда это ведёт?

В тот миг этот вопрос ничего не означал. Он был задан просто для того, чтобы заполнить почти абсолютную тишину в офисе, перекрыть имевшиеся там шумы, звучавшие зловеще и подозрительно, — каждое тиканье и скрип пластика представлялись мгновенной обратной связью электронного уха, каждый негромкий стук в здании — перемещением внезапно проникшего в него злоумышленника.

— Чего бы я действительно хотела, — сказала она, — так это вызвать Брешь. Чтоб им всем, просто здорово было бы натравить на них Брешь. Здорово было бы, если бы это была не наша проблема.

Да. Понятие Бреши требовало отмщения кому бы то ни было, что бы это ни подразумевало.

— Она что-то обнаружила. Махалия.

Мысль о Бреши всегда представлялась правильной. Но я вдруг вспомнил лицо миссис Джири. Брешь вела наблюдение между городами. Никто из нас не знал того, что знала она.

— Да. Может быть.

— Нет?

— Конечно, просто… мы не можем. Так что… придётся нам сосредоточиться на этом самим.

— Нам? Нам двоим, босс? Никто из нас не знает, что за хрень происходит вокруг.

К концу последней фразы Корви перешла на шёпот. Брешь была за пределами нашего контроля или кругозора. Какой бы ситуация ни была, что бы ни случилось с Махалией Джири, расследовали это только мы вдвоём, поскольку могли доверять лишь друг другу, и скоро она останется одна, и я тоже буду один, к тому же в чужом городе.

Часть вторая
УЛЬ-КОМА

Глава 12

Внутренние дороги Связующего зала представали мне из окон полицейской машины. Двигались мы не быстро, сирена была отключена, но с какой-то смутной помпезностью вспыхивала наша мигалка, и бетон вокруг рассыпчато высвечивался синим. Я видел, как поглядывает на меня водитель. Это был констебль Дьегещтан, и раньше я с ним не встречался. Корви я не сумел заполучить даже в качестве эскорта.

До этого мы проехали по низкой эстакаде через бещельский Старый город, попали в окраинные извивы Связующего зала и наконец спустились в его квадрант трафика. Мимо отрезков фасада, где кариатиды выглядели хотя бы в какой-то мере подобно фигурам из бещельской истории, под него, туда, где они сменялись уль-комскими, в сам зал, где широкая дорога, освещённая окнами и серыми фонарями, окаймлялась на бещельской стороне длинными цепочками пешеходов, желавших войти на день. Вдали, за красными задними фарами, светили тонированные фары уль-комских автомобилей, более золотистые, чем у нас.

— Бывали раньше в Уль-Коме, сэр?

— Недолго.

Когда показались пограничные ворота, Дьегещтан заговорил со мной снова:

— У них и раньше так было?

Он был молод.

— Более или менее.

Сидя в автомобиле *полищай*, мы двигались по официальному проезду, за тёмными импортированными «Мерседесами», которые, вероятно, везли политиков или бизнесменов, выехавших в командировку. Вдали тянулись урчащие двигателями очереди более заурядных путешественников в машинах подешевле, фарцовщиков и посетителей.

— Инспектор Тьядор Борлу. — Пограничник смотрел в мои бумаги.

— Верно.

Он тщательно прошёлся по всему, что там было написано. Если бы я был туристом или торговцем, желавшим въехать на день, прохождение, вполне возможно, было бы быстрее, а вопросы — более поверхностными. Для официального посетителя такой распущенности не предусматривалось. Ироническая ухмылка повседневной бюрократии.

— Оба едете?

— Там всё сказано, сержант. Только я. Это мой водитель. Констебль подвезёт меня и сразу вернётся. Собственно, если посмотрите, то, думаю, сможете увидеть тех, кто встречает меня в Уль-Коме.

Тамошнее сближение предоставляло нам уникальную возможность посмотреть через простую физическую границу и заглянуть в соседний город. Позади, по ту сторону ничейного пространства и за обращённым к нам тыльной частью уль-комским контрольно-пропускным пунктом, небольшая группа офицеров *милиции* стояла вокруг официального автомобиля, чья мигалка вспыхивала так же помпезно, как наша, но другими цветами, снабжённая более современным механизмом — она по-настоящему включалась-выключалась, а не затемнялась крутящейся шторкой, как лампа в наших мигалках. Уль-комские полицейские огни — красный и более тёмный синий, чем кобальтовый в Бещеле. Их машины — угольно-чёрные обтекаемые «Рено». Я помню времена, когда они ездили на уродливых маленьких «Ядайи» местного производства, ещё более коробчатых, чем наши.

Пограничник повернулся и взглянул на них.

— Нам пора, — сказал я ему.

Сотрудники *милицьи* находились слишком далеко, чтобы можно было различить какие-то подробности. Но они чего-то ждали. Пограничник, разумеется, продолжал отнимать время — мол, может, ты и *полищай*, но специальной подготовки не получил, а вот мы следим за границами, — но в конце концов, не ища предлогов поступить иначе, несколько язвительно отсалютовал и жестом указал нам ехать, когда поднялись ворота. После Бещеля сама дорога сотню метров или около того ничейного пространства ощущалась под шинами иначе, а затем через вторые ворота мы попали на другую сторону, где навстречу нам двинулись одетые в форму *милицьонеры*.

Раздался скрежет. Автомобиль, который мы видели застывшим в ожидании, рванулся по внезапной крутой кривой, обогнул приближающихся офицеров и отрывисто и резко вякнул сиреной. Из него появился человек, надел форменную фуражку. Он был немного моложе меня, коренастый и мускулистый, двигался с властной быстротой. На нём была официальная серая форма с эмблемой ранга. Я попытался вспомнить, что она значит. Пограничники в удивлении

застыли.

— Достаточно, — крикнул он, отсылая их взмахом руки. — Теперь дело за мной. Инспектор Борлу?

Он говорил по-иллитански. Мы с Дьегещтаном вылезли из машины. Он не обратил внимания на констебля.

— Инспектор Тьядор Борлу, Бещельский ОООП, верно?

Крепко пожал мне руку. Указал на свою машину, в которой ждал его собственный водитель.

— Прошу вас. Я — старший детектив Куссим Дхатт. Вы получили моё сообщение, инспектор? Добро пожаловать в Уль-Кому.

Связующий зал разрастался несколько столетий — мешанина архитектуры, определяемой Комитетом по надзору в его различных исторических воплощениях. Он занимал значительный кусок земли в обоих городах. Внутри у него была сложная структура — коридоры могли поначалу быть почти сплошными, бещельскими или уль-комскими, становиться всё более заштрихованными дальше, с комнатами в одном или другом городе вдоль них, а также со множеством странных комнат и областей, которые не принадлежали ни одному городу, ни обоим, которые

были только в Связующем зале и единственным правительством в которых был Комитет по надзору и его органы. Надписи и диаграммы на стенах здания представляли собой красивые, но запутанные цветные сетки.

Однако на первом уровне, где широкая дорога вдавалась в первый ряд ворот и проволоки, где бещельский граничный патруль махал прибывавшим, требуя вставать в раздельные очереди — пешеходы, ручные тележки, гужевые прицепы, приземистые бещельские машины, фургоны, подразделения по различным видам пропусков, и все двигались с разной скоростью, а ворота поднимались и опускались, пребывая в какой-либо фазе, — ситуация была проще. Имел место неофициальный, но древний рынок, где Связующий зал выходит в Бещель, в пределах видимости ворот. Незаконные, но допускаемые уличные разносчики расхаживали вдоль ожидающих автомобилей с жареными орехами и бумажными игрушками.

За бещельскими воротами, под основной массой Связующего зала, простиралась ничейная земля. Асфальт оставался неокрашенным: эта магистраль не была ни бещельской, ни уль-комской, так какую же систему дорожной разметки здесь использовать? Далее, ближе к другому концу

зала, находился второй ряд ворот, который, как мы, с бещельской стороны, не могли не заметить, содержался лучше, чем наш, с вооружёнными уль-комскими пограничниками, большинство из которых смотрели не на нас, но на свои очереди визитёров в Бещель, умело ими управляемые. Уль-комские пограничники не являются отдельной силовой структурой, как в Бещеле: это *милицьи*, то есть полиция, как и *полищай*.

Проездное помещение Связующего зала больше, чем колизей, но в нём нет ничего сложного — пустота, окружённая старинными стенами. С порога Бещеля можно видеть толпы и ползущие автомобили в дневном свете, просачивающемся из Уль-Комы, с той стороны. Можно видеть головы уль-комских посетителей или возвращающихся соотечественников, края уль-комской колючей проволоки за серединой зала, за этим пустым перегоном между контрольно-пропускными пунктами. Через огромные ворота можно различить саму архитектуру Уль-Комы в сотнях метров отсюда. Многие напрягают зрение, глядя через этот переход.

По дороге туда водитель удивлённо задрал брови, когда я велел ему ехать к бещельскому входу кружным путём, по маршруту, который

привёл нас на Карнстращ. В Бещеле это ничем не примечательная торговая улица в Старом городе, но она заштрихована, с некоторым перевесом Уль-Комы, большинство зданий принадлежит нашему соседу, и в Уль-Коме её топольгангером является исторический, известный проспект Уль-Майдин, в который выходит Связующий зал. Мы как будто случайно ехали мимо выхода Связующего зала в Уль-Кому.

Я, по крайней мере внешне, не-видел этого, когда мы свернули на Карнстращ, но, конечно, гросстопично рядом с нами присутствовали очереди возле уль-комского входа, и бещельцы со значками посетителей один за другим возникали в том же физическом пространстве, где они, возможно, шли часом ранее, но теперь в изумлении осматривали архитектуру Уль-Комы, видеть которую раньше было бы брешью.

Рядом с выходом в Уль-Кому находится Храм Неизбежного Света. Я много раз видел его фотографии и, хотя послушно не-видел его, когда мы проезжали мимо, знал о его роскошных зубцах и чуть было не сказал Дьегещтану, что мне не терпится увидеть его в ближайшее время. Теперь свет, заграничный свет, поглотил меня, когда мы на большой скорости выехали из Связующе-

го зала. Я смотрел во все стороны. Через заднее окно автомобиля Дхатта я уставился на храм. Удивительная и долгожданная неожиданность: я оказался в том же городе, что и он.

— Впервые в Уль-Коме?

— Нет, но давно не был.

Прошло много лет с тех пор, как я впервые проходил тесты: моя пропускная отметка давно истекла, да и сам паспорт, в котором она стояла, сделался недействительным. На этот раз я прошёл ускоренную ориентировку, двухдневную. В ней участвовали только я и различные преподаватели, улькомане из их бещельского посольства. Погружение в иллитанский язык, чтение различных документов по уль-комской истории и политической географии, ключевым вопросам местного права. Главным образом, как и наши эквиваленты, этот курс был нацелен на то, чтобы помочь бещельским гражданам справиться с потенциально травматическим фактом действительного пребывания в Уль-Коме, не-видя все свои знакомые окрестности, в которых мы находились всю остальную жизнь, и видя те здания рядом с нами, что десятилетиями старались не замечать.

— Педагогика акклиматизации значительно

продвинулась с появлением компьютеров, — сказала преподавательница, молодая женщина, постоянно нахваливавшая мой иллитанский. — У нас теперь есть гораздо более утончённые методы работы, мы сотрудничаем с неврологами и всё такое прочее.

Мне предписали ускоренный курс, потому что я *полищай*. Обычные путешественники проходили традиционную подготовку, на которую требовалось значительно больше времени.

Меня усаживали в так называемый уль-комский тренажёр, кабинку с экранами вместо внутренних стен, на которые проецировались слайды и видео Бещеля с ярко освещёнными бещельскими зданиями, а их уль-комские соседи подавались с минимальным освещением и фокусом. На протяжении многих секунд, снова и снова, визуальное ударение реверсировалось для одних и тех же перспектив: Бещель отступал на задний план, а Уль-Кома представала в полном блеске.

Как можно было не думать об историях, на которых все мы выросли и на которых, несомненно, выросли и улькомане? Улькоманин и бещелька, познакомившиеся посреди Связующего зала, возвращаются к себе домой и осознают, что живут,

гросстопично, дверь в дверь, всю жизнь сохраняя верность и одиночество, поднимаясь в одно и то же время, ходя по заштрихованным улицам близко друг к другу, словно пара, но оставаясь при этом каждый в своём городе, никогда не проделывая брешей, никогда вполне друг друга не касаясь, ни слова не произнося через границу. Передавались из уст в уста и сказки об отступниках, совершавших брешь и избегавших Бреши, чтобы жить между городами, не изгнанниками, но странниками, уклоняясь от справедливости и возмездия с помощью непревзойдённой незаметности. Роман Паланика «Дневник странника» был запрещён в Бещеле и, я уверен, в Уль-Коме, но, как и большинство, я бегло ознакомился с пиратским изданием.

Я прошёл тесты, со всей возможной быстротой указывая курсором на уль-комский храм, уль-комского гражданина, уль-комский грузовик доставки овощей. Это был слегка вызывающий материал, разработанный специально для того, чтобы уличить меня, если я случайно увижу Бещель. В этом не было ничего общего с теми занятиями, которые я посещал в первый раз. Не так давно эквивалентные тесты включали вопрос об отличиях национального характера улькоман

и предложение определить, кто на различных фотографиях со стереотипной физиономией является улькоманином, бещельцем или «другим» — евреем, мусульманином, русским, греком, кем угодно, в зависимости от этнической озабоченности времени.

— Видели храм? — спросил Дхатт. — А вот там когда-то был колледж. Это многоквартирные дома.

Он тыкал пальцем в здания, встречавшиеся нам на пути, велев своему шофёру, которому меня не представил, проехать разными маршрутами.

— Странно? — спросил он меня. — Представляю, как это должно быть необычно.

Да. Я смотрел на то, что показывал мне Дхатт. Не-видя их, конечно, я, однако, не мог не осознавать всех знакомых мест, мимо которых гросстопично проезжал, улиц, по которым регулярно ходил и которые теперь отстояли от меня на целый город, кафе, завсегдатаем которых я был, но в другой стране. Теперь они находились для меня на заднем плане, вряд ли присутствуя больше, чем Уль-Кома, когда я был дома. Я затаил дыхание. Бещель был невидим. Я забыл, на что он похож, пытался и не мог себе представить. Видел только Уль-Кому.

Был день, так что свет лился с пасмурного холодного неба, он не был всполохами неона, виденными мною в столь многих программах о соседней стране, которую, по явному убеждению производителей, нам было проще визуализировать в её яркой ночи. Но и этот пепельный дневной свет выхватывал всё больше и больше живых красок, чем в старом Бещеле. Старый город Уль-Комы был, по крайней мере, наполовину преобразован в финансовый район, и причудливые линии деревянных крыш сочетались с зеркальной сталью. Местные уличные торговцы, носившие платья и заплатанные рубашки и брюки, продавали рис и мясо на шампурах элегантным мужчинам и женщинам (мимо них мои невзрачные соотечественники, которых я старался не-видеть, шли своей дорогой к более тихим местам в Бещеле) в дверных проёмах из стеклоблоков.

После мягкого осуждения со стороны ЮНЕСКО, покачивания пальцем, связанного с некоторыми европейскими инвестициями, в Уль-Коме недавно приняли законы зонирования, чтобы остановить архитектурный вандализм, вызванный временем бума. Некоторые из самых уродливых последних построек даже снесли, но

всё же традиционные барочные завитки достопримечательностей Уль-Комы выглядели едва ли не жалко рядом с гигантскими молодыми соседями. Как и все жители Бещеля, я привык делать покупки в иностранных тенях иностранного преуспевания.

Повсюду звучал иллитанский — в беглых комментариях Дхатта, от продавцов, таксистов и сыплющих оскорблениями местных шофёров. Я осознал, как много брани я не-слышал на заштрихованных дорогах, находясь дома. У каждого города в мире имеется своя дорожная грамматика, и, хотя мы ещё не достигли сплошных уль-комских областей, а стало быть, у этих улиц были те же размеры и очертания, как у тех, которые я знал, это чувствовалось в крутых поворотах, выполнять которые здесь было сложнее. Находиться, видя и не-видя, в Уль-Коме было странно ровно в той мере, как я ожидал. Мы ехали по узким переулкам, в Бещеле менее загруженным транспортом (пустынным там, хотя очень оживлённым в Уль-Коме) или предназначенным только для пешеходов. Наш клаксон не смолкал.

— Отель? — спросил Дхатт. — Наверное, желаете принять душ да перекусить, не так ли? Куда же тогда? Я знаю, у вас должно быть некоторое

представление. Вы хорошо говорите по-иллитански, Борлу. Лучше, чем я по-бещельски.

Он рассмеялся. Я достал записную книжку.

— У меня есть кое-какие мысли. Места, куда я хотел бы попасть. Вы получили досье, что я посылал?

— Конечно, Борлу. Обширное, не так ли? Вот о чём вы думаете? Я ничего не утаю от вас из того, что мы успели, но, — он поднял руки, притворно сдаваясь, — правда состоит в том, что рассказать я могу совсем не много. Мы полагали, что будет вызвана Брешь. Почему вы не передали им это дело? Любите всё делать сами? — Смех. — Во всяком случае, мне поручили заниматься всем этим только пару дней назад, так что не ожидайте слишком многого. Но сейчас мы в деле.

— Есть уже какие-нибудь соображения о том, где её убили?

— Не так много. Имеется только запись камеры видеонаблюдения, где этот фургон проезжает через Связующий зал; не знаем, куда он потом направился. Никаких намёков. Во всяком случае, вещи…

Можно было бы ожидать, что гостящий бещельский фургон запомнится в Уль-Коме, как уль-комский — в Бещеле. Правда же такова, что

каждый, кто не заметил знака на лобовом стекле, предположит, что такой иностранный транспорт едет не в его городе, и соответственно не станет его замечать. Потенциальные свидетели, как правило, не будут знать, что были чему-то свидетелями.

— Это главное, что я хочу установить.

— Совершенно верно. Тьядор или, может, лучше Тьяд? Что предпочитаете?

— И я хотел бы поговорить с её руководительницей, с её друзьями. Сможете свозить меня в Бол-Йеан?

— Дхатт, Кусс — меня что угодно устраивает. Слушайте, просто чтобы снять этот вопрос и во избежание путаницы, я знаю, ваш комиссар говорил вам об этом, — он со смаком произнёс иностранное слово, — но пока вы здесь, это улькомское расследование и у вас нет полицейских полномочий. Не поймите меня неправильно, мы всецело признательны вам за сотрудничество, и мы разберёмся, что именно будем делать вместе, но офицером здесь должен быть я. Вы же, я полагаю, консультант.

— Разумеется.

— Я, простите, знаю, что подслащённая дрянь — всё равно дрянь. Мне велено — вы ещё не об-

щались с моим боссом? Полковником Муази? — в общем, он непременно хотел, чтобы мы всё уяснили, прежде чем разговаривать. Само собой, вы почётный гость уль-комской *милиции*.

— Я не ограничен… Мне можно передвигаться?

— У вас же есть разрешение, печать и всё такое.

Однократная поездка, на месяц, может быть продлена.

— Конечно, если вам надо, если захотите, возьмите денёк-другой как турист, но только вы строго турист, когда сами по себе. Договорились? А лучше бы вы этого не делали. Чёрт, я имею в виду, что никто не собирается вас останавливать, но все мы знаем, что без гида передвигаться труднее; вы можете без умысла совершить брешь, и что тогда?

— Так. Что вы будете делать дальше?

— Ладно, слушайте. — Дхатт повернулся на сиденье, чтобы смотреть на меня. — Скоро мы будем в отеле. В общем, так: как я и пытаюсь вам сказать, всё становится… Думаю, вы пока не слышали об ещё одной… Нет, мы даже не знаем, было ли там что-нибудь, сами только-только учуяли. Понимаете, всё может осложниться.

— Что? О чём вы говорите?

— Мы на месте, сэр, — сказал водитель.

Я осмотрелся, но остался в машине. Мы остановились возле отеля «Хилтон» в Асьяне, сразу на выезде из уль-комского Старого города. Он воздвигся на краю сплошной улицы низких современных бетонных уль-комских жилых домов, на углу площади с бещельскими кирпичными террасами и уль-комскими поддельными пагодами. Между ними располагался уродливый фонтан. Я никогда сюда не ходил: здания и тротуары по краям были заштрихованы, но сама центральная площадь целиком принадлежит Уль-Коме.

— Мы ещё не знаем наверняка. Само собой, мы были на раскопках, разговаривали с Из Нэнси, со всеми преподавателями Джири, всеми её однокашниками и прочее. Никто ничего не знал, они просто думали, что она куда-то смоталась на пару дней. Затем услышали, что произошло. В общем, дело в том, что после того, как мы поговорили с кучей аспирантов, один из них нам позвонил. Это было только вчера. Насчёт лучшей подруги Джири — мы видели её в тот день, когда приезжали, чтобы сказать им, это ещё одна аспирантка, Иоланда Родригез. Она была в полном шоке. Мы от неё почти ничего не добились. Всё время па-

дала в обморок. Она сказала, что ей надо идти, я сказал, не нужна ли ей помощь, бла-бла, она — у неё кто-то есть, чтобы о ней позаботиться. Местный парень, сказал другой аспирант. Стоит попробовать улькоманина, и…

Он протянул руку и открыл дверь. Я не вылезал.

— Значит, она позвонила?

— Да нет же, о чём я и толкую, парнишка, который звонил, не захотел назваться, но он звонил, чтобы сказать о Родригез. Похоже — и он говорил, что не уверен, может быть, ничего, и так далее, и так далее. В общем, так. Какое-то время её никто не видел. Родригез. Никто не может ей дозвониться.

— Она исчезла?

— Святой Свет, Тьяд, это мелодраматично. Может, она просто больна, может, отключила телефон. Я не говорю, что мы не будем её искать, но давайте пока без паники, идёт? Мы не знаем, исчезла ли она…

— Да нет, знаем. Что бы ни случилось, с ней всё-таки что-то случилось, раз никто не может её найти. Это довольно определённо. Она исчезла.

Дхатт взглянул на меня в зеркало, а затем на своего водителя.

— Хорошо, инспектор, — сказал он. — Иоланда Родригез исчезла.

Глава 13

— Каково там, босс?

На линии между отелем и Бещелем была задержка, и мы с Корви запинались, стараясь не перекрывать друг друга.

— Слишком рано говорить. Странно здесь находиться.

— Видели её комнату?

— Ничего полезного. Просто студенческие завалы, с кучей других в здании, которое снимает университет.

— Никаких её вещей?

— Пара дешёвых эстампов, несколько книг, где полно нацарапанных на полях заметок, ни одна из которых не представляет интереса. Немного одежды. Компьютер, на котором либо стоит система шифровки действительно промышленного уровня, либо не содержится вообще ничего по теме. И по этому поводу должен сказать, что, по-моему, уль-комские чудики превосходят наших. Много писем типа «Привет, мамочка, я тебя люблю», несколько эссе. Она, вероятно, пользовалась прокси-серверами и подчищающими онлайновыми сеансами, потому что в кэше у неё

ничегошеньки интересного.

— Вы и понятия не имеете, о чём говорите, да, босс?

— Ни малейшего. Попросил технарей записать всё это для меня фонетически. — Возможно, однажды у нас закончатся шутки типа «Я ничего не смыслю в Интернете». — С тех пор как приехала в Уль-Кому, она не обновляла свой MySpace на эту тему.

— Значит, не вычислили её?

— К несчастью, нет, оказалось не по силам.

Её комната и впрямь была поразительно безликой и неинформативной. По контрасту, расположенная этажом выше комната Иоланды, в которую мы тоже заглядывали, была забита хипповыми безделушками, романами и *DVD*-дисками, умеренно цветастой обувью. Её компьютер пропал.

Я тщательно обследовал комнату Махалии, часто обращаясь к фотографиям, где она была запечатлена в момент прихода *милицьи*, до того как книги и кое-какие мелочи снабдили ярлыками и исследовали. Комната была оцеплена, офицеры не подпускали к ней аспирантов, но когда я выглянул из двери поверх небольшой кучи венков, то увидел однокашников Махалии,

сгрудившихся в обоих концах коридора, молодых людей с маленькими значками посетителей, осмотрительно прикреплёнными к одежде. Они перешёптывались. Я заметил, что некоторые плачут.

Мы не нашли ни записных книжек, ни дневников. Дхатт удовлетворил мою просьбу предоставить мне копии учебников Махалии, подробные комментарии которых представлялись её излюбленным методом обучения. Они лежали у меня на столе: тот, кто их фотокопировал, спешил, из-за чего и печатный, и рукописный текст рыскали. Разговаривая с Корви, я прочёл несколько убористых строк телеграфного спора Махалии с самой собой в «Народной истории Уль-Комы».

— А что там у вас за напарник? — спросила Корви. — Ваш уль-комский я?

— По правде сказать, это я — его ты.

Не лучшая из возможных фраз, но Корви рассмеялась.

— Какой у них офис?

— Похож на наш, но лучше оборудован. У меня забрали пистолет.

На самом деле их полицейский участок сильно отличался от нашего. Он и впрямь лучше оборудован, но при этом он большой, открытой

планировки, в нём полно интерактивных досок и кабинок, поверх бортов которых обсуждают вопросы и спорят соседствующие офицеры. Хотя я уверен, что местных *милицьонеров* проинформировали о моём приезде, в кильватере у меня остались волны беззастенчивого любопытства, когда я проследовал за Дхаттом мимо его кабинета — у него достаточно высокий ранг, чтобы получить маленькую комнату, — в кабинет его босса. Полковник Муази приветствовал скучными словами о том, какой это добрый признак изменения отношений между нашими странами, вестник будущего сотрудничества, пообещал любую помощь, какая только потребуется, и заставил Меня сдать оружие. Это не было согласовано заранее, и я пытался спорить, но быстро уступил, предпочтя не портить отношения на столь ранней стадии.

Когда мы вышли, последовала ещё одна порция не очень дружелюбных взглядов со всех концов комнаты. «Дхатт», — окликнули его по пути, довольно язвительно. «Ерошу перья, да?» — спросил я, а Дхатт сказал: «До чего обидчивы! Вы же бещелец, чего вы ожидали?»

— Вот козлы! — сказала Корви. — Неужели правда?

— Нет действительной в Уль-Коме лицензии, нахожусь здесь в роли консультанта и так далее.

Я порылся в прикроватной тумбочке. Там не было даже гидеоновской Библии. Не знаю, из-за того ли, что Уль-Кома является государством светским, или из-за лоббирования её отделённых от государства, но почитаемых тамплиеров Света.

— Козлища. Значит, сообщить нечего?

— Я дам знать.

Я заглянул в список кодовых фраз, который мы вместе составили, но ни одна из них — «Скучаю по бещельским пельменям = я в беде», «Работаю над теорией = знаю, кто это сделал» — даже отдалённо не была уместна. «Чертовски глупо себя чувствую», — сказала она, когда мы их придумывали. «Согласен, — ответил я. — Я тоже. И тем не менее». Тем не менее мы не могли предположить, что наши разговоры не будут прослушиваться какой бы то ни было силой, которая перехитрила нас в Бещеле. Что более глупо и наивно предполагать — наличие заговора или его отсутствие?

— Погода здесь такая же, как дома, — сказал я.

Она рассмеялась. Мы условились, что эта штампованная острота будет означать «сообщить не о чем».

— Что дальше? — спросила она.

— Собираемся в Бол-Йеан.

— Что, прямо сейчас?

— Нет. К сожалению. Хотел поехать пораньше сегодня, но у них что-то там не состыковалось, а теперь уже поздно.

До этого, приняв душ, перекусив, побродив по невзрачному маленькому номеру, прикидывая, удастся ли мне опознать подслушивающее устройство, если его увижу, я трижды набирал номер, который оставил мне Дхатт, прежде чем до него дозвонился.

«Тьядор, — сказал он. — Простите, вы пытались звонить? Я выходил, пришлось здесь кое-что увязывать. Что я могу для вас сделать?»

«Просто время уходит. Я хотел уточнить насчёт раскопок…»

«Чёрт, да! Слушайте, Тьядор, сегодня не получится».

«Разве вы не сказали, чтобы нас там ждали?»

«Я сказал, что мы, может быть, приедем. В общем, сейчас они будут рады разойтись по домам, а мы поедем туда первым делом с утра».

«Что насчёт, как там её, Родригез?»

«Я всё ещё не убеждён, что она на самом деле… нет, так непозволительно говорить, верно? Я не уверен, что факт её отсутствия подозрителен,

как вам это? Едва ли это длится очень долго. Но если завтра она по-прежнему не появится и не будет отвечать на электронную почту, сообщения или что угодно, то это будет выглядеть хуже, я признаю. К делу присоединится отдел розыска пропавших без вести».

Значит…

«Значит, смотрите. У меня не будет возможности приехать сегодня вечером. Вы справитесь?.. У вас есть чем заняться, верно? Жаль, что так получается. Я здесь ношусь с кучей всего, с копиями наших заметок и той информацией, что вы хотели, о Бол-Йеане, университетских городках и всем таком прочем. У вас есть компьютер? Можете выходить в Интернет?»

«… Да».

Ведомственный ноутбук, Ethernet-подключение в отеле стоимостью в десять динаров за ночь.

«Вот и хорошо. И я уверен, что у них там есть видео по заказу. Так что одиноко вам не будет». Он рассмеялся.

Какое-то время я читал «Между городом и городом», но остановился. Утомительным было сочетание текстуальных и исторических мелочей с претенциозными оборотами типа «из чего

следует». Посмотрел уль-комское телевидение. У них вроде бы шло больше художественных фильмов, чем у нас, и показывали больше шумных игровых шоу, причём все они находились в одном или двух щелчках переключателя каналов от дикторов новостей, перечислявших успехи президента Уль-Мака и пакетов Новых реформ: визиты в Китай и Турцию, торговые миссии в Европе, похвалы от некоторых членов МВФ, невзирая на недовольство Вашингтона. Улькомане были одержимы экономикой. Кто мог их за это винить?

«Почему бы и нет, Корви?» Я взял карту и убедился, что все мои документы, полицейский значок, паспорт и виза, лежат во внутреннем кармане. Приколол на лацкан значок посетителя и вышел на холод.

В ночи царствовал неон. Всё вокруг меня было в его узлах и завитушках, затенявших слабые огни моего далёкого дома. Со всех сторон доносилось щебетание на иллитанском. Ночью в этом городе оживлённее, чем в Бещеле: теперь я мог смотреть на занятые бизнесом фигуры в темноте, которые до сих пор были невидимыми тенями. Я мог видеть бездомных, ночевавших на боковых улочках, к которым нам в Бещеле пришлось при-

выкнуть как к протубам, чтобы прокладывать свои незрячие пути мимо них.

Я пересёк мост Вахид, где слева от меня проходили поезда. Смотрел на реку, которая называлась здесь Шах-Эйн. Вода — штрихуется ли она сама с собой? Если бы я был в Бещеле, как эти невидимые прохожие, я бы глядел на реку Колинин. От «Хилтона» до Бол-Йеана далеко, час по дороге Пан-Йи. Я сознавал, что пересекаю хорошо мне знакомые бещельские улицы, улицы в основном совсем другого характера, чем их уль-комские топольгангеры. Я не-видел их, но знал, что переулки, идущие от уль-комской улицы Модрасс, были только в Бещеле, а мужчины, украдкой входившие и выходившие из них, были клиентами самых дешёвых бещельских проституток, которые, если бы я не не-видел их, возможно, оформились бы как облачённые в мини-юбки фантомы в бещельской темноте. Где располагались бордели Уль-Комы, возле каких бещельских районов? Однажды, в начале своей карьеры, я патрулировал музыкальный фестиваль в заштрихованном парке, на котором и участники, и зрители так улетели, что начался повальный общественный блуд. Мы с моим тогдашним напарником не могли не позабавиться

уль-комскими прохожими, которых старались не замечать в их повторении парка, изящно переступавшими через совокупляющиеся пары, которые они усердно не-видели.

Я подумал, не поехать ли на метро, чего никогда не Делал дома (в Бещеле ничего подобного не было), но хорошо было пройтись пешком. Я проверял свой иллитанский на подслушанных разговорах; видел группы улькоман, не-видевших меня из-за моей одежды и манеры держаться, а при втором взгляде замечавших значок посетителя и начинавших меня видеть. У игровых залов, оглашаемых шумом, стояли группы молодых улькоман. Я смотрел на газовые комнаты и видел их — маленькие вертикально ориентированные дирижабли в решётчатой скорлупе: некогда городские «вороньи гнёзда» для защиты от нападения, затем, на протяжении многих десятилетий, архитектурная ностальгия, китч, а в наши дни их использовали для подвешивания рекламных объявлений.

Раздалась сирена, которую я тут же стал не-слышать, бещельской полицейской машины, проехавшей мимо. Вместо неё я сосредоточился на местных жителях, двигавшихся быстро и равнодушно, чтобы убраться с её пути: это был

худший вид протуба. Я давно обозначил Бол-Йеан на своей уличной карте. До приезда в Уль-Кому обдумывал путешествие к его топольгангеру, физически соответствующей области Бещеля, чтобы случайно глянуть на эти невидимые раскопки, но не стал рисковать. Я даже не съездил к их краям, где руины и парк чуть-чуть пробирались в сам Бещель. Не впечатляет, говорили люди, как и почти все наши археологические площадки: подавляющее большинство крупных остатков находилось на территории Уль-Комы.

Миновав старое уль-комское здание, хотя и европейского стиля, я — заранее спланировав этот маршрут — посмотрел вниз по склону вдоль улицы Тян-Ульма, услышал вдали (из-за границы, прежде чем сообразил не-слышать) звонок трамвая, пересекавшего улицу в Бещеле в полумиле передо мной, в стране, где я родился, и увидел насыпь в конце этой улицы, под полумесяцем парковой зоны, и руины Бол-Йеана.

Их окружали временные заборы, но я стоял выше и мог смотреть поверх этих заграждений. Повышающийся и понижающийся ландшафт, поросший деревьями и цветами, кое-где выглядел более диким, кое-где — ухоженнее. В северной части парка, где располагались собственно ру-

ины, то, что сначала представлялось пустырём, оказалось кустарником, перемежаемым старыми камнями павших храмов, где покрытые холстом переходы связывали шатры и сборные офисные здания, в некоторых из которых ещё горел свет. Было понятно, что здесь ведут раскопки: большая часть земляных работ скрыта и защищена жёсткими тентами. Фонари испещряли землю, сияя на зимней умирающей траве. Некоторые были сломаны и не испускали ничего, кроме избыточных теней. Я видел ходившие фигуры. Охранники, сторожившие эти забытые, а затем вспомненные воспоминания.

Местами к парку и самой площадке вплоть до щебня и кустарника подходили тыльные стороны зданий, почти все находились в Уль-Коме (некоторые нет), и казалось, они борются против неё, против истории. Раскопкам Бол-Йеана оставалось около года, прежде чем непреодолимый рост города их задушит: деньги сокрушат границы из ДСП и гофрированного железа, и с официальным выражением сожаления и ссылками на необходимость в Уль-Коме, перемежаясь с Бещелем, вырастет ещё один деловой квартал.

Я проследил на карте расстояние и маршрут между Бол-Йеаном и офисами Уль-комского

университета, используемыми отделением археологии Университета принца Уэльского.

— Эй!

Это был офицер *милиции*, державший руку на рукоятке пистолета. Его напарник стоял в шаге сзади.

— Что вы делаете? — Они пристально смотрели на меня. — Эй.

Офицер сзади указал на мой значок посетителя.

— Что вы делаете?

— Меня интересует археология.

— Чёрта лысого! Кто вы?

Он щёлкнул пальцами, требуя документы. Несколько не-видящих бещельских пешеходов переходили на другую сторону улицы, вероятно, не осознавая этой сцены. Мало что более тревожно, чем неприятности в ближнем зарубежье. Было поздно, но некоторые улькомане находились достаточно близко, чтобы услышать наш обмен репликами, и не стали притворяться, что не слышат. Несколько человек остановились посмотреть.

— Я… — Я дал им свои документы.

— Тье Аддер Борло.

— Более или менее.

— Полицейский? — Они уставились на меня в полном замешательстве.

— Я здесь помогаю *милицьи* в международном расследовании. Предлагаю связаться со старшим детективом Дхаттом из Бригады убийств.

— Чёрт.

Они посовещались вполголоса, чтобы я не слышал. Один передал что-то по рации. Было слишком темно, чтобы снять Бол-Йеан на камеру моего дешёвого мобильника. До меня донёсся аромат какой-то чрезвычайно пахучей уличной еды. Он становился всё более главным кандидатом на запах Уль-Комы.

— Всё в порядке, инспектор Борлу. — Один из них вернул мне документы.

— Сожалеем об этом, — сказал его коллега.

Они выглядели обеспокоенными и ждали.

— Всё нормально. Я всё равно возвращаюсь в отель, офицеры.

— Мы сопроводим вас, инспектор.

Удержать их было невозможно.

Дхатт, явившийся за мной на следующее утро, не говорил ничего, кроме любезностей, когда вошёл в столовую, где нашёл меня пробующим «Традиционный уль-комский чай», который был приправлен сладкими сливками и какими-то

неприятными специями. Он спросил, как мне понравился номер. Только когда я сел в машину и он рванул прочь от бордюра быстрее и неистовее, чем даже накануне его сотрудник, он наконец сказал:

— Зря вы так прошлой ночью.

Сотрудники и аспиранты уль-комской археологической программы Университета принца Уэльского размещались в основном в Бол-Йеане. Я прибыл на раскопки уже во второй раз менее чем за двенадцать часов.

— Я не назначал встреч, — сказал Дхатт. — Поговорил с профессором Рошамбо, руководителем проекта. Он знает, что мы снова приезжаем, но остальных я решил застать врасплох.

Ночью мне удалось всё осмотреть издалека, но вблизи стены загораживали площадку от наблюдателей. *Милищья* размещалась на постах снаружи, а охранники находились внутри. Значок Дхатта позволил нам пройти в маленький комплекс временных офисов. У меня имелся список сотрудников и аспирантов. Сначала мы зашли в офис Бернара Рошамбо. Это был жилистый мужчина лет на пятнадцать старше меня, который говорил по-иллитански с сильным квебекским акцентом.

— Мы все опустошены, — сказал он нам. — Я не знал этой девушки, понимаете? Только видел в общей комнате. Знал по репутации.

Его офис был переносным домиком, на временных полках стояли папки и книги, фотографии его самого на разных площадках раскопок. Мы слышали, как снаружи ходят и переговариваются молодые люди.

— Разумеется, мы окажем вам любую посильную помощь. Сам я многих аспирантов не знаю, не очень хорошо. У меня сейчас трое аспирантов. Один находится в Канаде, двое других, я думаю, вон там. — Он указал в направлении главного раскопа. — Их я знаю.

— А как насчёт Родригез?

Он посмотрел на меня, давая понять, что сбит с толку.

— Иоланды? Одной из аспиранток? Её вы видели?

— Она не входит в мою тройку, инспектор. Боюсь, что я не так уж много могу вам сказать. Есть ли у нас… Она что, пропала?

— Да. Что вы о ней знаете?

— О боже мой. Пропала? Я ничего о ней не знаю. Махалию Джири я, конечно, знал по репутации, но мы с ней буквально словом не перекинулись,

разве что когда я приветствовал новую группу аспирантов несколько месяцев назад.

— Гораздо раньше, — сказал Дхатт.

Рошамбо уставился на него.

— Вы правы — за временем не уследишь. В самом деле? Я могу вам сказать о ней только то, что вы уже знаете. Её руководительница, вот кто может реально вам помочь. Вы встречались с Изабель?

Он велел секретарше распечатать список сотрудников и аспирантов. Я не сказал ему, что такой список у нас уже есть. Когда Дхатт не предложил его мне, я взял сам. Судя по именам и в соответствии с законом, двое из археологов, перечисленных там, были улькомане.

— У него есть алиби в отношении Джири, — сказал Дхатт, когда мы вышли. — Он один из очень немногих, у кого оно есть. За большинство, знаете ли, никто не может поручиться: это было поздно ночью, так что, по крайней мере, насчёт алиби все они пролетают. Он говорил по телефону с коллегой из другого часового пояса примерно в то время, когда её убили. Мы это проверили.

Мы искали офис Изабель Нэнси, когда кто-то окликнул меня по имени. Опрятный человек слегка за шестьдесят, с седой бородой и в очках,

торопился к нам между временными домиками.

— Инспектор Борлу? — Он посмотрел на Дхатта, но, увидев уль-комские знаки отличия, снова обернулся ко мне. — Я слышал, вы можете приехать. Рад, что мы с вами пересеклись. Меня зовут Дэвид Боуден.

— Здравствуйте, профессор Боуден. — Я пожал ему руку. — Как раз с удовольствием читаю вашу книгу.

Он был ошарашен. Помотал головой.

— Я так понимаю, вы имеете в виду мою первую книгу. Никто никогда не говорит о второй. — Он отпустил мою руку. — За это вас арестуют, инспектор.

Дхатт смотрел на меня с удивлением.

— Где ваш офис, профессор? Я старший детектив Дхатт. Хотел бы поговорить с вами.

— У меня его нет, старший детектив Дхатт. Я бываю здесь только раз в неделю. И я не профессор. Обычный доктор. Можно просто Дэвид.

— Как долго вы пробудете здесь сегодня утром, доктор? — спросил я. — Мы сможем перемолвиться с вами словечком?

— Я… конечно, если вы хотите, инспектор, но, как я уже сказал, у меня нет офиса. Обычно я встречаюсь с аспирантами у себя на квартире.

Он дал мне карточку, а когда Дхатт задрал бровь, вручил такую же и ему.

— Там мой номер. Я подожду, если хотите, мы, вероятно, сможем найти место, чтобы поговорить.

— Значит, вы приехали не для того, чтобы с нами встретиться? — спросил я.

— Нет, это случайность. При обычных обстоятельствах я бы сегодня вообще не приехал, но вчера не явилась моя аспирантка, и я подумал, что найду её здесь.

— Ваша аспирантка? — спросил Дхатт.

— Да, мне доверили только одну. — Он улыбнулся. — Вот потому и офиса нет.

— И кого же вы ищете?

— Её зовут Иоланда, старший детектив. Иоланда Родригез.

Он пришёл в ужас, когда мы сказали ему, что она недоступна. Попытался что-то сказать:

— Она пропала? После того, что случилось с Махалией, теперь Иоланда? Боже мой, офицеры, вы…

— Мы с этим разбираемся, — сказал Дхатт. — Не делайте поспешных выводов.

Боуден выглядел потрясённым. Схожие реакции мы наблюдали и у его коллег. Мы поочерёдно

обошли четырёх учёных, которых смогли найти на месте, в том числе Тау'ти, старшего из двух ульканан, молчаливого молодого человека. Только Изабель Нэнси, высокая, хорошо одетая женщина с двумя парами очков разных диоптрий на цепочке на шее, знала, что Иоланда исчезла.

— Рада познакомиться с вами, инспектор, старший детектив.

Она пожала нам руки. Я читал её заявление. Она утверждала, что была дома, когда убили Махалию, но не могла этого доказать.

— Всё, чем смогу помочь, — всё время повторяла она.

— Расскажите нам о Махалии. Как я понимаю, её хорошо здесь знали, пускай и не ваш шеф.

— Теперь уже не так хорошо, — сказала Нэнси. — Может, когда-то. Так Рошамбо говорит, что не знал её? Это немного… неискренне. Она взъерошила кое-кому перья.

— На конференции, — сказал я. — Там, в Бещеле.

— Верно. На юге. И он там был. Большинство из нас были. Я, Дэвид, Марк, Азина. Во всяком случае, она вызывала удивление не на одном заседании, задавая вопросы о диссенсусах, о Бреши, о такого рода вещах. Ничего явно незаконного, но звучало

это несколько вульгарно, можно сказать, подобное можно ожидать от Голливуда или чего-то такого, а не от частично закрытых слушаний уль-комских материалов, исследований эры до Кливажа или даже бещельских исследований. Видно было, что воротилы, которые приехали, чтобы открыть слушания, провести соответствующие церемонии и ещё много чего сделать, немного настораживаются. Потом наконец она начала нести этот бред об Оркини. И вот итог: Дэвид, конечно, обижен; университет смущён; её саму чуть не выгоняют — там было несколько бещельских представителей, которые подняли из-за этого большой шум.

— Но не выгнали? — спросил Дхатт.

— Думаю, просто решили, что она слишком молода. Но кто-то, должно быть, сделал ей выговор, потому что она приутихла. Помню, я подумала, что уль-комские коллеги, которые тоже возмущались, должны были очень симпатизировать бещельским представителям, выведенным из себя. Когда я узнала, что она возвращается для написания у нас диссертации, то удивилась, что её впустили при таких её сомнительных взглядах, но она их переросла. Я уже сделала заявление обо всём этом. Но скажите, есть ли у вас соображения,

что случилось с Иоландой?

Мы с Дхаттом переглянулись.

— Мы даже не уверены, что с ней вообще что-то случилось, — сказал Дхатт. — Мы это проверяем.

— Наверное, ничего, — говорила она снова и снова. — Но я обычно здесь её вижу, а теперь прошло уже порядочно времени. Именно это заставляет меня… Кажется, я упоминала, что Махалия исчезла незадолго до того, как её… нашли.

— Они с Махалией были знакомы? — спросил я.

— Они были лучшими подругами.

— Кто-нибудь может что-то знать?

— Она встречалась с местным парнем. Иоланда, я имею в виду Есть такой слух. Но я не могу вам сказать, с кем.

— Это разрешено? — спросил я.

— Они взрослые, инспектор, старший детектив Дхатт. Молодые люди, да, но взрослые, и мы не можем их остановить. Мы, да, сообщаем им об опасностях и трудностях жизни, не говоря уже о любви, в Уль-Коме, но что они делают, пока находятся здесь…

Она пожала плечами.

Дхатт постукивал ногой, пока я с ней общался.

— Я хотел бы поговорить с ними, — сказал он.

Некоторые читали статьи в крошечной временной библиотеке. Несколько человек, когда Нэнси наконец проводила нас к месту главного раскопа, стояли, сидели и работали в глубокой яме с отвесными краями. Они смотрели вверх из-под прожилок, образуемых землёй разных оттенков. Эта тёмная линия — следы древнего огня? А чем была вон та, белая?

По краям большого шатра рос дикого вида кустарник, чертополох и всякие сорняки торчали среди разбросанных обломков архитектурных сооружений. Раскоп был размером почти с футбольное поле и разделялся на участки растянутой бечевой. Его основание имело разную глубину и плоское дно. На полу из утоптанной земли валялись разнородные образцы, странный непоследовательный улов: разбитые кувшины, обожжённые и необожжённые статуэтки, машинки, покрытые ярью-медянкой. Аспиранты смотрели на нас с тех участков, где находились, каждый на разной тщательно вымеренной глубине, через бечёвочные границы, сжимая в руках заострённые мастерки и мягкие щётки. Пара парней и одна девушка были готами, гораздо реже встречающимися в Уль-Коме, чем в Бещеле или у себя дома. Они, должно быть, привлекали

много внимания. Они мило улыбались нам с Дхаттом из-под подведённых век, покрытых ещё и грязью веков.

— Вот видите, — сказала Нэнси.

Мы стояли поодаль от раскопок. Я смотрел на множество меток в слоистой почве.

— Понимаете, каково здесь?

Под землёй можно было увидеть что угодно.

Она говорила достаточно тихо, чтобы её аспиранты, хоть и слышали, что мы разговариваем, не могли разобрать о чём.

— Мы никогда не находили письменных свидетельств из эпохи, предшествовавшей Кливажу, кроме нескольких поэтических фрагментов, недостаточных, чтобы составить о ней хоть какое-то представление. Слышали ли вы о галлимофрианах? Долгое время, когда материалы эпохи до Кливажа впервые были извлечены на поверхность, после того как ошибка археолога была скрепя сердце исключена, — она рассмеялась, — бытовало народное объяснение того, что обнаруживается. Гипотетическая цивилизация, возникшая до Уль-Комы и Бещеля, представители которой систематически выкапывали все артефакты в регионе, от тысячелетней давности до безделушек своих бабушек, смешивали их все

и снова погребали или выбрасывали.

Нэнси заметила, что я на неё смотрю.

— Их не существовало, — успокоила она меня. — С этим теперь согласились. Во всяком случае, большинство из нас. Это не смесь. Это остатки материальной культуры. Только мы до сих пор не очень её понимаем. Нам надо научиться прекратить искать последовательность и придерживаться её, а вместо этого просто смотреть.

Предметы, между которыми должны были пролегать эпохи, принадлежали одному времени. Никакая другая культура в регионе не создала таких скудных, соблазнительно расплывчатых упоминаний о тех, кто жил здесь до Кливажа, этих удивительных людях, ведунах и ведьмах из сказок, чьими чарами были заряжены выброшенные ими вещи, кто использовал астролябии, за которые не было бы стыдно Арзакелу[15] или Средним векам, кто оставил после себя горшки из обожжённой глины, каменные топоры, подобные тем, какие, возможно, изготовлял мой плосколобый далёкий-далёкий предок, шестерни, замысловато отлитых игрушечных насекомых

[15] Примечания: 15

Арзакел (Аль-Заркали) был выдающимся математиком астрономом, достигшим наивысших результатов в Кордове в XI столетии.

— и чьи руины лежат в основании городов и испещряют Уль-Кому, а иногда и Бещель.

— Это старший детектив Дхатт из *милицьи* и инспектор Борлу из *полищай*, — обратилась Нэнси к аспирантам в яме. — Инспектор Борлу участвует здесь в расследовании… того, что случилось с Махалией.

У некоторых из них перехватило дыхание.

Дхатт вычёркивал их имена, и я следовал его примеру, когда аспиранты один за другим проходили в общую комнату, чтобы поговорить с нами. Всех их опрашивали раньше, но они являлись послушно, как ягнята, и отвечали на вопросы, от которых их, должно быть, тошнило.

— Я обрадовалась, когда поняла, что вы здесь из-за Махалии, — сказала девушка-гот. — Это звучит ужасно. Но я думала, вы нашли Иоланду и что-то произошло.

Её звали Ребеккой Смит-Дэвис, и здесь она была первый год, занималась реконструкцией горшков. Она еле сдерживала слёзы, говоря о своих подругах, погибшей и пропавшей.

— Я думала, вы нашли её, и это было… Знаете, она была…

— Мы даже не уверены, что Родригез пропала, — сказал Дхатт.

— Вы так говорите. Но понимаете… С Махалией и всем прочим. — Она покачала головой. — Обе они занимались чем-то странным.

— Оркини? — спросил я.

— Да. И кое-чем ещё. Но главное — да, Оркини. Но Иоланда больше в это углубилась, чем Махалия. Говорили, что Махалия занималась этим раньше, когда только начинала, но сейчас, по-моему, это её не очень интересовало.

У нескольких аспирантов, в отличие от их учителей, было алиби на ночь смерти Махалии, поскольку они молоды и поздно разошлись с вечеринки. В какой-то неопределимый момент Дхатт начинал считать Иоланду официально пропавшей без вести, и его вопросы становились всё более точными, а записи занимали всё больше времени. Это не принесло нам особой пользы. Никто не был уверен, когда видел её в последний раз, только в том, что её не видно несколько дней.

— У вас есть соображения о том, что могло случиться с Махалией? — спрашивал Дхатт у всех аспирантов.

Отрицание следовало за отрицанием.

— Я в заговорах не участвую, — сказал один парень. — То, что произошло… было невероятно

ужасным. Но, знаете, мысль о том, что есть какая-то большая тайна…

Он покачал головой. Вздохнул.

— Махалия была… она ни во что не ставила людей, и то, что с ней случилось, произошло потому, что она пошла не в ту часть Уль-Комы, не с тем человеком.

Дхатт делал записи.

— Нет, — сказала одна девушка. — Никто её не знал. Допустим, думаешь, что знаешь, но потом осознаёшь, что она занимается всевозможными тайнами, о которых ты понятия не имеешь. Я её немного боялась. Она мне нравилась, да, но была вроде как слишком напористой. И умной. Может, она с кем-то встречалась. С каким-то местным психом. Вот что с ней было… Она влезала в странные вещи. Я всегда видела её в библиотеке — нам выдали вроде как читательские билеты для здешней университетской библиотеки, да? — и она всё время делала в своих книгах такие небольшие заметки.

Она сымитировала движения убористого письма и покачала головой, приглашая нас согласиться с тем, как это странно.

— Странные вещи? — уточнил Дхатт.

— Ну, понимаете, всякое слышишь.

— Она кого-то довела, да. — Эта молодая женщина говорила громко и быстро. — Кого-то из психов. Слышали, как она впервые приезжала в города? В Бещель? Она чуть не влезла в драку. Вроде как с учёными и вроде как с политиками. На археологической конференции. Это трудно сделать. Удивительно, что ей вообще разрешили куда-то въехать.

— Оркини.

— Оркини? — переспросил Дхатт.

— Да.

Этот последний говоривший был худым и застенчивым пареньком в грязной футболке, украшенной, по-видимому, каким-то персонажем из телешоу для Детей. Его звали Роберт. Он смотрел на нас с печалью. Отчаянно моргал. По-иллитански говорил неважно.

— Вы не против, если я поговорю с ним по-английски? — спросил я у Дхатта.

— Нет, — сказал он.

Кто-то просунул в дверь голову и уставился на нас.

— Продолжайте, — сказал мне Дхатт. — Я на минутку.

Он вышел, прикрыв за собой дверь.

— Кто это был? — спросил я у парня.

— Доктор Уль-Хуан, — сказал тот. Ещё один уль-комский учёный на раскопках. — Вы найдёте того, кто это сделал?

Я бы ответил набором обычных бессмысленных прописных истин, но для этого он выглядел слишком страдающим. Он посмотрел на меня и прикусил губу.

— Пожалуйста, — сказал он.

— Что вы имели в виду, говоря об Оркини? — спросил я в конце концов.

— Я имею в виду… — Он покачал головой. — Не знаю. Просто всё думаю об этом, понимаете? И из-за этого нервничаю. Знаю, это глупо, но Махалия раньше занималась этим вплотную, а Иоланда всё больше и больше в это погружалась, мы из-за этого дразнили её, выводили из себя, понимаете? А потом обе исчезают…

Он опустил глаза и прикрыл их рукой, как будто у него не было сил моргать.

— Это я сообщил об Иоланде, — сказал он. — Когда не смог её найти. Не знаю. Просто это заставляет задуматься.

Больше сказать ему было нечего.

— Кое-что у нас есть, — сказал Дхатт.

Он указал мне путь вдоль проходов между офисами, обратно из Бол-Йеана. Посмотрел на

кучу заметок, которые сделал, отобрал из них визитные карточки и номера телефонов на клочках бумаги.

— Пока не знаю, что именно, но кое-что есть. Может быть. Чёрт.

— От Уль-Хуана ничего? — спросил я.

— Что? Нет. — Он глянул на меня мельком. — Подтвердил большую часть того, что сказала Нэнси.

— Знаете, что интересного в том, чего мы не получили? — спросил я.

— А? Не понимаю, — сказал Дхатт.

Мы приблизились к воротам.

— Серьёзно, Борлу, — сказал он. — Что вы имеете в виду?

— Это была группа ребят из Канады, верно…

— Большинство. Один немец, один янки.

— Значит, все англоевроамериканцы. Давайте не будем обманывать себя, это может показаться несколько грубым, но мы оба знаем, чем приезжие больше всего зачарованы в Бещеле и Уль-Коме. Вы заметили, о чём ни один из них не упомянул, ни в каком контексте?

— Что вы… — Дхатт остановился. — Брешь.

— Никто из них не упомянул о Бреши. Вроде как они нервничали. Вы знаете так же хорошо, как и

я, что обычно это первое и единственное, о чём иностранцы хотят узнать. Конечно, эта группа несколько более сроднилась, чем большинство их соотечественников, но всё же.

Мы помахали охранникам, открывшим ворота, и вышли. Дхатт осторожно кивал.

— Если кто-то, о ком мы знаем, что он просто исчез без единого чёртова следа и на таком вот пустынном месте, то это первая возможность, которую мы рассмотрим, правильно? Как бы сильно нас это ни отталкивало? — продолжал я. — Не говоря уже о том, что людям, которых надо найти, намного тяжелее, чем нам, не совершать брешь каждую минуту.

— Господа офицеры!

Это был охранник, спортивного вида молодой человек с причёской «могикан», как у Дэвида Бекхэма в середине карьеры. Он был моложе, чем большинство его коллег.

— Господа, прошу вас!

Он затрусил к нам.

— Я просто хотел бы знать, — сказал он. — Вы расследуете убийство Махалии Джири, правильно? Я хотел бы знать… Я хотел бы знать, удалось ли вам что-то. Не нашлось ли чего. Могли ли они уйти?

— Зачем? — спросил наконец Дхатт. — Кто вы такой?

— Я никто, никто. Я просто… Это грустно, это ужасно, и все мы, я и все остальные, охранники, мы чувствуем себя плохо, мы хотим знать, не скрылся ли тот, кто бы это ни сделал…

— Меня зовут Борлу, — сказал я. — А вас?

— Меня — Айкам. Цуех.

— Вы были её другом?

— Я, конечно, немного. Не совсем, но, понимаете, я её знал. Мы здоровались. Я просто хочу знать, не нашли ли вы что-нибудь.

— Если и нашли, Айкам, мы не можем вам рассказывать, — сказал Дхатт.

— Не теперь, — сказал я. — Сначала надо кое над чем поработать. Сами понимаете. Но, может, мы зададим вам несколько вопросов?

На миг он показался встревоженным.

— Я ничего не знаю. Но, конечно, я думаю. Я волновался, не смогли ли они выбраться из города, мимо *милицьи*. Нет ли возможности справиться с таким делом. Есть?

Я велел ему написать его телефонный номер в моей записной книжке, прежде чем он вернулся на своё место. Мы с Дхаттом смотрели ему вслед.

— Охранников опрашивали? — поинтересо-

вался я.

— Конечно. Ничего особо интересного. Они охранники, но эти раскопки находятся под эгидой министерства, поэтому проверки немного более жёсткие, чем обычно. У большинства из них было алиби на ночь смерти Махалии.

— А у него?

— Я проверю, но не помню, чтобы его имя было помечено красным, значит, наверное, было.

Айкам Цуех повернулся в воротах и увидел, что мы на него смотрим. Нерешительно поднял руку в знак прощания.

Глава 14

Пока мы с Дхаттом сидели в кофейне — точнее, в чайной, ведь это Уль-Кома, — его агрессивная энергия несколько поутихла. Он по-прежнему барабанил пальцами по краю стола в таком сложном ритме, что я не смог бы его воспроизвести, но больше не прятал от меня глаза и не ёрзал на стуле. Он слушал и делал серьёзные предложения насчёт того, как нам продолжать расследование. Поворачивал голову, следя за моими записями. Принимал сообщения из своего центра. Пока мы там сидели, он предпринимал благородные усилия, направленные, по правде говоря, на то, чтобы скрыть свою ко мне неприязнь.

— Нам надо бы прямо сейчас составить протокол о допросе, — вот всё, что он сказал, когда мы только Уселись.

А я в ответ, отчасти извиняющимся тоном, пробормотал:

— У семи нянек…

В чайной не пожелали взять у Дхатта деньги: он и не предлагал их слишком усердно. «Для *милиции* скидка», — сказала подавальщица. Все места были заняты. Дхатт не сводил глаз со столика

у окна, пока сидевший там человек не заметил этого внимания и не поднялся, и тогда мы сели. Оттуда открывался вид на станцию метро. Среди многочисленных плакатов на стене рядом был тот, который я сначала видел, а потом стал не-видеть: я не был уверен, что это не тот плакат, который я распорядился напечатать для установления личности Махалии. Не знал, имею ли право, не стала ли теперь эта стена для меня альтернативной, полностью находящейся в Бещеле, или она заштрихована и являет собой лоскутное одеяло с информацией из разных городов.

У появлявшихся из-под земли улькоман перехватывало дух от холода, и они ёжились в своих шерстяных пальто. В Бещеле, я знал это, — хотя и пытался не-видеть бещельцев, которые, несомненно, сходили с надземной станции Янделус, случайно расположенной в нескольких десятках метров от станции уль-комской подземки, — народ ходил в меховых одеяниях. Среди уль-комских лиц встречались те, что я принимал за азиатские или арабские, было даже несколько африканцев. Много больше, чем в Бещеле.

— Открытые двери?

— Вряд ли, — сказал Дхатт. — Уль-Кома нуждается в людях, но все, кого вы видите, были

тщательно проверены, прошли испытания, знают, что почём. У некоторых из них есть дети. Уль-комские негритята!

Он рассмеялся, довольный.

— У нас их больше, чем у вас, но не потому, что мы слабы.

Он был прав. Кому хотелось переезжать в Бещель?

— А как насчёт тех, что не сводят концы с концами?

— Ну, у нас есть лагеря, как и у вас, здесь и там, по окраинам. ООН не в восторге. Международная Амнистия тоже. Может, вам и об условиях рассказать? Курить хотите?

В нескольких метрах от входа в кафе стоял табачный киоск. Я не осознавал, что не свожу с него глаз.

— Да не то чтобы очень. А вообще-то да. Из любопытства. По-моему, никогда не курил уль-комских сигарет.

— Погодите.

— Нет, не вставайте. Я больше не курю: бросил.

— Да ладно, считайте это этнографией, вы же не у себя дома… Извините, всё, прекратил. Сам ненавижу тех, кто так поступает.

— Как — так?

— Всучивают курево тем, кто бросил. К тому же сам я вообще не курю. — Он рассмеялся и сделал глоток. — Тогда бы вы, самое меньшее, чертовски сокрушались по поводу своего успеха в бросании. Мне же надо возмущать вас просто так, вообще. Вредный маленький негодяй, вот я кто.

Он снова рассмеялся.

— Послушайте, я сожалею о том, что, знаете ли, вот так вломился…

— Просто я думаю, что нам нужны протоколы. Не хочу, чтобы вы подумали…

— Спасибо.

— Ладно, не беспокойтесь, — сказал он. — Как насчёт того, чтобы я обработал следующего?

Я смотрел на Уль-Кому. При такой сильной облачности не должно быть так холодно.

— Вы сказали, у того парня, Цуеха, есть алиби?

— Да. Я попросил проверить. Большинство охранников женаты, и за них поручатся их жёны, что, ясное дело, ничего не стоит, но ни у кого из них мы не обнаружили связей с Джири, разве что кивали друг другу в коридоре. А этот, Цуех, в ту ночь был в городе вместе с кучей аспирантов. Он достаточно молод, чтобы с ними брататься.

— Удобно. И необычно.

— Конечно. Но он ни к чему не имеет отноше-

ния. Парнишке девятнадцать. Расскажите мне о фургоне.

Я изложил всё снова.

— Свет, мне что, придётся поехать вместе с вами? — спросил он. — Похоже, мы ищем кого-то в Бещеле.

— Кто-то в Бещеле перегнал фургон через границу. Но мы знаем, что Джири убили в Уль-Коме. Значит, если только не случилось так, что кто-то убил её, поспешил в Бещель, угнал фургон, помчался обратно, схватил её, опять помчался обратно, чтобы выбросить тело — а почему, могли бы мы добавить, они выбросили тело именно там, где выбросили? — нам представляется трансграничный телефонный звонок, за которым следует услуга. Стало быть, подозреваемых двое.

— Или имела место брешь.

Я переменил позу.

— Да, — сказал я. — Или брешь. Но из того, что нам известно, следует, что кто-то предпринял немалые усилия, чтобы избежать бреши. И дать нам об этом знать.

— Пресловутая запись. Забавно, как это она всплыла…

Я посмотрел на него, но он, похоже, не насмехался.

— Правда же?

— Да ладно, Тьядор, чему здесь удивляться? Кто бы это ни сделал, он достаточно умён, чтобы не мараться о границы, он позвонил кому-то на вашей стороне, и теперь хрен какая Брешь явится за ним. Это было бы нечестно. Значит, у них есть какие-то помощнички в Связующем зале, в дорожной службе или ещё где-то, и они шепнули им, в какое время пересекут границу. Бещельские бюрократы — они ведь небезупречны.

— Едва ли.

— Значит, к этому склоняетесь. Понимаю, тогда не всё так грустно.

При таком раскладе заговор был бы менее значительным, чем некоторые другие маячившие возможности. Кому-то известно, какие надо искать фургоны. Кто-то покорпел над кучей видеозаписей. Что ещё? В этот студёный, но приятный день, когда холод смягчал уль-комские краски до уровня оттенков повседневности, видеть на каждом углу Оркини было трудно и представлялось нелепым.

— Давайте вернёмся, — сказал он. — Охотясь за этим чёртовым водителем фургона, мы ничего не добьёмся. Надеюсь, этим занимаются ваши люди. У нас ничего нет, кроме описания фургона,

а кто в Уль-Коме признается в том, что видел, хотя бы предположительно, бещельский фургон, неизвестно, имевший или не имевший разрешение там находиться? Итак, давайте вернёмся к исходной точке. Когда вы сдвинулись с места? Когда она перестала быть неизвестным трупом? С чего это началось?

Я смотрел на него. Внимательно смотрел на него и обдумывал порядок событий. У меня в номере лежали записи, сделанные со слов супругов Джири. Адрес её электронной почты и номер телефона имелись у меня в записной книжке. У них не было тела дочери, и они не могли вернуться, чтобы его забрать. Махалия Джири лежала в морозильной камере, ожидая. Меня, можно сказать.

— С телефонного звонка.

— Да? От стукача?

— … Вроде того. По его наводке я вышел на Дродина.

Я видел, что он помнит досье, а там это описано не так.

— Что такое вы… На кого?

— Что ж, в этом-то и дело. — Я взял долгую паузу. Наконец посмотрел на стол и стал чертить какие-то фигуры в пролитом чае. — Я не уверен,

что… Звонок был отсюда.

— Из Уль-Комы?

Я кивнул.

— Что за чёрт? От кого?

— Не знаю.

— Почему он позвонил?

— Увидел наши плакаты. Да. Наши плакаты в Бещеле.

Дхатт наклонился ко мне.

— Чёрта лысого он увидел. Кто?

— Вы понимаете, что ставите меня…

— Конечно, понимаю. — Он был полон решимости, говорил быстро. — Конечно, понимаю, но выкладывайте, вы полицейский, не думаете же вы, что я стану вас подставлять? Между нами. Кто это был?

Это не мелочь. Если я соучастник бреши, теперь он становился соучастником соучастника. Не похоже, чтобы он нервничал по этому поводу.

— По-моему, это был кто-то из унифов. Знаете, унификационисты?

— Он так и сказал?

— Нет, но дело в том, что он говорил и как он это говорил. Во всяком случае, я знаю, что он совершенно этого не хотел, но именно это вывело меня на правильный путь… Что?

Дхатт откинулся на стуле. Он быстрее барабанил пальцами и не смотрел на меня.

— Чёрт, это кое-что. Не могу поверить, что вы не упомянули об этом раньше.

— Постойте, Дхатт…

— Хорошо, я вижу — вижу, что это даёт нам некоторое преимущество.

— Я понятия не имею, кто это был.

— Время у нас ещё есть, может, мы сумеем это представить и объяснить, что вы просто немного опоздали…

— Что представить? У нас ничего нет.

— У нас есть некий мерзавец-униф, который кое-что знает, вот что у нас есть. Пойдём.

Он стоял, позвякивая ключами от машины.

— Куда?

— Расследовать, чёрт возьми!

— Само, чёрт возьми, собой, — сказал Дхатт.

Включив сирену, он нёсся по улицам Уль-Комы.

Поворачивал, выкрикивая оскорбления в адрес разбегавшихся уль-комских прохожих, без слов огибая бещельских пешеходов и автомобили, с бесстрастной тревогой проскакивая мимо иностранных машин с чрезвычайными правами. Если бы мы столкнулись с одной из них, случи-

лась бы бюрократическая катастрофа. Брешь сейчас была совсем некстати.

— Яри, это Дхатт, — прокричал он в мобильник. — Есть какие-нибудь сведения о том, где в данный момент унифы? Отлично, спасибо.

Он захлопнул телефон.

— Похоже, по крайней мере, некоторые. Я, конечно, знал, что вы говорили с бещельскими унифами. Читал отчёт. Но какой же я дурень! — Он постучал себя по лбу основанием ладони. — Не пришло в голову пойти и поговорить с нашими доморощенными козликами. Хотя, конечно, эти мерзавцы, мерзавцы, что хуже любых других — а у нас есть своя доля мерзавцев, Тьяд, — все друг с другом общаются. Я знаю, где они тусуются.

— Это туда мы едем?

— Ненавижу этих сволочей. Надеюсь… Разумеется, в своё время я встречал отличных бещельцев. Ничего не имею против вашего города и надеюсь когда-нибудь туда съездить, и это здорово, что теперь мы так хорошо ладим, знаете ли, лучше, чем раньше, — какой смысл был во всём этом дерьме? Но я улькоманин, и чтоб я провалился, если захочу быть кем-то иным. Вы можете себе представить объединение?

Он рассмеялся.

— Чёртова катастрофа! В единстве сила, моя уль-комская задница. Знаю, говорят, что животные от скрещивания становятся сильнее, но что, если мы унаследуем, чёрт возьми, уль-комское чувство времени и бещельский оптимизм?

Он меня рассмешил. Мы проехали между древними, крапчатыми от возраста придорожными каменными столбами. Я узнал их по фотографиям, слишком поздно вспомнив, что должен был видеть только один, на восточной стороне дороги, — он стоял в Уль-Коме, а другой в Бещеле. Во всяком случае, так считало большинство: они были для городов одним из спорных местоположений. Бещельские здания, которые мне не удавалось полностью не-видеть, были, я заметил, степенны и аккуратны, но в Уль-Коме это район упадка. Мы проехали мимо каналов, и несколько секунд я не мог понять, в каком городе они находятся, и не в обоих ли сразу. У заросшего сорняками двора, где из-под давно неподвижного «Ситроена» торчала крапива, словно держа его на воздушной подушке, Дхатт резко затормозил и вышел даже прежде, чем я расстегнул свой ремень безопасности.

— Было время, — сказал Дхатт, — когда мы просто заперли бы всех этих негодяев.

Он направлялся к ветхой двери.

В Уль-Коме нет легальных унификационистов. И нет в Уль-Коме легальных социалистических, фашистских и религиозных партий. Со времени Серебряного Обновления под руководством генерала Ильзы, произошедшего почти столетие назад, в Уль-Коме существует только Народная национальная партия. Во многих старинных учреждениях и офисах по-прежнему вывешены портреты Я Ильзы, часто над «братьями Ильзы» Ататюрком и Тито. Как правило, между этими двумя в старых офисах всегда имелся выцветший прямоугольник, откуда когда-то сиял лик бывшего брата Мао.

Но на дворе двадцать первый век, и президент Уль-Мак, чей портрет можно видеть там, где менеджеры наиболее подобострастны, как и президент Умбир до него, провозгласил, разумеется, не отрицание, но развитие Национального пути, конец ограничительного мышления, гласностройку, согласно ужасному неологизму уль-комских интеллектуалов. Наряду с торгующими *CD* и *DVD* магазинами, новыми фирмами, занимающимися программным обеспечением, галереями, уль-комскими финансовыми рынками, играющими на повышение, переоценкой

динара, появилась так называемая Новая политика, хвалёная открытость инакомыслию, до той поры опасному. Не сказать, чтобы радикальные группы, не говоря уже о партиях, были легализованы, но их идеи иногда признавались. Пока они проявляли сдержанность на митингах и прозелитизм, их поощряли. Так можно было слышать.

Дхатт заколотил по двери.

— Открывайте! Это притон унифов, — пояснил он мне. — Они постоянно висят на телефоне, болтают с вашими в Бещеле — таковы их занятия, верно?

— Каков их статус?

— Они вам скажут: мы просто друзья, собрались, чтобы поболтать. У них нет ни членских билетов, ни чего-либо, они не глупы. Чтобы отследить кое-какую контрабанду, нам и чёртова ищейка не понадобится, но я приехал сюда не ради этого.

— А ради чего?

Я озирался, разглядывая дряхлые уль-комские фасады, где граффити на иллитанском требовали, чтобы такой-то и такой-то убирался куда подальше, и сообщали, что такой-то и такой-то сосёт член. Брешь, должно быть, вела наблюдение.

Он невозмутимо посмотрел на меня.

— Кто бы вам тогда ни звонил, он сделал это отсюда. Или же часто здесь бывает. С большой долей гарантии. Хочу поинтересоваться, что знают наши приятели-подстрекатели. Открывайте.

Последнее было обращено к двери.

— Не обманывайтесь насчёт всех их причитании типа «кто мы?» — их хлебом не корми, а дай исказить любую цитату, работающую против унификации, а цитату «за» превознести. Открывайте.

На этот раз дверь повиновалась, и в щели показалась маленькая молодая женщина, виски у которой были выбриты и украшены татуировкой: рыба и несколько букв очень старого алфавита.

— Кто?.. Что вам надо?

Возможно, они отправили её к двери, надеясь, что её крохотность устыдит любого, заставив воздержаться от того, что Дхатт сделал дальше, а именно: пихнуть дверь так сильно, что открывшая её женщина засеменила назад по пещерообразной прихожей.

— Эй вы, все, кто здесь! — гаркнул он, шагая по коридору мимо растрёпанной женщины-панка.

После мгновений смятения, когда, должно быть, на ум к ним явилась мысль о попытке удрать, но была преодолена, пятеро человек,

находившихся в доме, собрались на кухне, где сидели, не глядя на нас, на шатких стульях, куда усадил их Дхатт. Дхатт стоял во главе стола, нависая над ними.

— Хорошо, — сказал он. — Дело вот в чём. Кто-то сделал телефонный звонок, который мой уважаемый коллега очень хорошо помнит, и мы очень хотим выяснить, кто оказал по телефону такую ценную помощь. Не буду терять времени, притворяясь, будто верю, что кто-то из вас признается, поэтому мы будем ходить вокруг стола, а каждый из вас будет говорить: «Инспектор, мне есть что вам сообщить».

Они уставились на него. Он усмехнулся и махнул Рукой: начинайте, мол. Они молчали, и он ударил того, кто сидел к нему ближе, за чем последовали крики его товарищей, крик боли самого ударенного и возглас Удивления, вырвавшийся у меня. Когда тот человек медленно поднял голову, его лоб украшал увеличивающийся синяк.

— «Инспектор, мне есть что вам сообщить», — сказал Дхатт. — Нам просто придётся ходить вокруг, пока мы не найдём своего человечка.

Он взглянул на меня — забыл проверить мою реакцию.

— Так оно бывает с копами.

Он изготовился к ещё одному удару по лицу того же человека. Я помотал головой и слегка приподнял руки, а унификационисты разнообразно постанывали. Человек, которому угрожал Дхатт, попытался встать, но тот другой рукой схватил его за плечо и толкнул обратно на стул.

— Йохан, да скажи ты! — крикнула девушка-панк.

— Инспектор, мне есть что вам сообщить.

Это пошло вокруг стола: «Инспектор, мне есть что вам сообщить»; «Инспектор, мне есть что вам сообщить».

Один мужчина робко предположил, что это, возможно, провокация, но Дхатт задрал бровь, глядя на него, и ударил его друга снова. Не так сильно, но на этот раз у того потекла кровь.

— Святой, чтоб ему, Свет!

Взбудораженный, я переминался с ноги на ногу у двери. Дхатт заставил их сказать эту фразу снова и назвать свои имена.

— Ну что? — обратился он ко мне.

Это, конечно, не была ни одна из двух женщин. Что до мужчин, то у одного голос был пронзителен и отмечен иллитанским акцентом из той части города, предположил я, с которой я не знаком. Звонившим мог быть любой из двух

оставшихся. Особенно у одного —, не у того, кому угрожал Дхатт, но у парнишки помоложе, по имени, как он сказал, Дахар Джарис, в потрёпанной джинсовой куртке с надписью по-английски NoMeansNo[16] на спине, из-за чего я заподозрил, что это название группы, а не лозунг, — голос прозвучал знакомо. Если бы я услышал именно те слова, которые употреблял мой собеседник, или если бы он говорил с той же давно умершей грамматикой и фонетикой, убедиться было бы проще. Дхатт увидел, на кого я смотрю, и вопросительно указал на него. Я помотал головой.

— Скажи ещё раз, — велел ему Дхатт.

— Нет, — сказал я.

Джарис бессмысленно лепетал, пробираясь через ту фразу.

— Кто-нибудь знает старый иллитанский или бещельский? Корневой? — спросил я.

Они переглянулись.

— Знаю, знаю, — сказал я. — Это не иллитанский, не бещельский и так далее. Кто-нибудь из вас на нём говорит?

— Все мы говорим, — сказал мужчина постарше. Он не утёр кровь с губы. — Мы живём в городе,

---

[16] Примечания: 16

«Нет значит нет» — известная канадская экспериментальная панк-группа.

а это язык нашего города.

— Полегче, — сказал Дхатт. — За такое я могу и привлечь. Это он, верно?

Он снова указал на Джариса.

— Оставьте его, — сказал я.

— Кто знал Махалию Джири? — спросил Дхатт. — Бьелу Мар?

— Марью, — сказал я. — Что-то такое.

Дхатт искал в кармане её фотографию.

— Но это ни один из них, — сказал я из дверного проёма, пятясь из помещения. — Оставьте его. Среди них его нет. Пойдём. Пойдём.

Он приблизился, насмешливо меня разглядывая.

— Хм? — прошептал он. Я мелко помотал головой. — Объяснитесь, Тьядор.

В конце концов он поджал губы и снова повернулся к унификационистам.

— Соблюдайте осторожность, — сказал он и вышел.

Они смотрели ему вслед, пять испуганных и сбитых с толку лиц, с одного из которых, окровавленного, падали капли. Моё собственное лицо, подозреваю, было искажённым из-за усилий ничего не показывать.

— Вы меня запутали, Борлу. — Обратно он ехал

гораздо медленнее, чем туда. — Не могу разобраться, что такое только что произошло. Вы отказались от того, что было нашим лучшим ключом. Единственное объяснение состоит в том, что вы беспокоитесь о соучастии. Потому что, конечно, если вы приняли отсюда звонок и последовали ему, если воспользовались этой информацией, то это, да, брешь. Но, Борлу, никто это и в грош не поставит. Это всего лишь крошечная брешь, и вы не хуже меня понимаете, что это спустят нам с рук, если мы раскроем нечто большее.

— Не знаю, как оно в Уль-Коме, — сказал я. — В Бещеле брешь есть брешь.

— Чушь. Что вообще вы имеете в виду? Значит, в этом всё дело? В этом? — Он замедлил ход позади бещельского трамвая; мы качнулись, переваливая через иностранные рельсы на заштрихованной дороге. — Чёрт, Тьядор, мы можем это уладить, можем что-то придумать, если это то, что вас беспокоит, это не проблема.

— Дело не в этом.

— Чертовски на это надеюсь. Правда. Что ещё вас донимает? Слушайте, вам не придётся свидетельствовать против самого себя или что-то ещё…

— Дело не в этом. Никто из них тогда мне не

звонил. Я даже не уверен, что звонок вообще был из-за границы. Отсюда. Я ничего не знаю наверняка. Может, то было ошибочное соединение.

— Точно.

Подбросив меня к отелю, он не вышел из машины.

— Мне надо заняться бумагами, — сказал он. — Уверен, вам тоже. Уделим этому пару часов. Нам надо ещё раз поговорить с профессором Нэнси, а ещё я хочу перекинуться словечком с Боуденом. Одобряете? Если мы поедем туда и зададим несколько вопросов, сочтёте ли вы эти методы приемлемыми?

После пары попыток я дозвонился Корви. Сначала мы старались придерживаться нашего дурацкого кода, но долго это не продлилось.

— Простите, босс, я неплохо справляюсь с такой хренью, но нет никакого способа выковырять из *милиции* личные файлы Дхатта. Это вызовет чёртов международный инцидент. Что вообще вы хотите?

— Я просто хочу узнать его послужной список.

— Вы ему доверяете?

— Как сказать? Они здесь придерживаются методов старой школы.

— Да?

— Допросы с применением силы.

— Я скажу Ностину, ему понравится, он добьётся обмена. Вы вроде разволновались, босс.

— Просто сделайте мне одолжение, посмотрите, можно ли что-нибудь раздобыть, ладно?

Дав отбой, я взял в руки книгу «Между городом и городом» и положил её снова.

Глава 15

— С фургоном по-прежнему не везёт? — спросил я.

— Не можем найти записей с ним ни на одной камере, — сказал Дхатт. — Никаких свидетелей. Как только он проехал через Связующий зал с вашей стороны, сразу обратился в призрак.

Мы оба понимали, что при такой конструкции и бещельских номерных знаках любой в Уль-Коме, кто бы его увидел, вероятнее всего, решил бы, что он в другом месте, и быстро стал бы не-видеть, не заметив пропуска.

Когда Дхатт показал мне на карте, как близко от станции до дома Боудена, я предложил отправиться туда общественным транспортом. Я ездил на метро в Париже, Москве и Лондоне. Уль-комский метрополитен был грубее прочих — эффективным и на определённый вкус впечатляющим, но совершенно безжалостным в своём бетоне. Где-то чуть более десяти лет назад его обновили, по крайней мере, все станции во внутренних зонах. Каждая была предоставлена тому или иному художнику или дизайнеру, которым сказали — с преувеличением, но не столь

сильным, как можно было бы подумать, — что деньги значения не имеют.

В итоге получилось нечто бессвязное, иногда великолепное, пёстрое до легкомысленности. Ближайшая к моему отелю станция представлялась любительской имитацией модерна. Поезда были чистыми, быстрыми, полными и на некоторых линиях — на этой, например, — без машинистов. Станция Уль-Ю, в нескольких шагах от приятного, скучноватого района, где жил Боуден, была лоскутным одеялом конструктивистских синий и красок Кандинского. Собственно говоря, её оформлял художник из Бещеля.

— Боуден знает, что мы приедем?

Дхатт поднял руку, давая мне знак подождать. Мы поднялись до уровня улицы, и он прижимал к уху мобильник, слушая сообщение.

— Да, — сказал он чуть погодя, закрывая телефон. — Он нас ждёт.

Квартира Дэвида Боудена занимала весь второй этаж худосочного здания. Он загромоздил её предметами искусства, разного рода черепками, древностями из двух городов и, на мой невежественный взгляд, их предтечи. Над ним, сообщил он нам, жила медсестра с сыном, а под ним — врач, родом из Бангладеш, переехавший в

Уль-Кому даже раньше него.

— Двое эмигрантов в одном здании, — заметил я.

— Это не вполне совпадение, — сказал он. — Было и так, что наверху, прежде чем умерла, проживала экс-пантера.

Мы уставились на него.

— Из «Чёрных пантер», выехала после убийства Фреда Хэмптона. Выбор у неё состоял из Китая, Кубы и Уль-Комы. Когда я сюда переехал, координатор из вашего правительства сообщал, какая квартира выделена, её брали, и побейте меня, если во всех зданиях, где нас размещали, не было полно иностранцев. Что ж, мы могли вместе стенать обо всём, по чему скучали у себя на родине. Вы слышали о мармайте? Нет? Тогда вы, очевидно, никогда не встречали британского шпиона в изгнании.

Он, ни о чём не спрашивая, налил мне и Дхатту по бокалу красного вина. Говорили мы по-иллитански.

— Это было много лет назад, сами понимаете. В Уль-Коме тогда царила нищета. Надо было думать об эффективности. В каждом из этих зданий всегда проживал один улькоманин. Одному человеку гораздо проще присматривать за

несколькими иностранными визитёрами, если все они собраны в одном месте.

Дхатт встретился с ним взглядом. «Отвали, эти откровения меня не пугают», — говорило выражение его лица. Боуден несколько застенчиво улыбнулся.

— Разве это не было слегка оскорбительно? — спросил я. — Чтобы за почётными гостями, симпатико, вот так следили?

— Может, для некоторых так и было, — сказал Боуден. — Уль-комские Филби, настоящие путешественники, были, вероятно, огорчены. С другой стороны, они же, скорее всего, смирились бы с чем угодно. Я никогда особо не возражал против слежки. Они были правы, не доверяя мне.

Он отпил из своего бокала.

— Как вы продвигаетесь с «Между…», инспектор?

Стены, выкрашенные в бежевые и коричневые тона, нуждались в ремонте и были завешаны полками с книгами и произведениями народных промыслов в уль-комском и бещельском стилях, а также старинными картами обоих городов. На всех поверхностях размещались статуэтки, черепки глиняной посуды, крошечные вещицы, на вид заводные. Гостиная была невелика и так

заполнена разными безделушками, что в ней было тесно.

— Вы были здесь, когда убили Махалию? — спросил Дхатт.

— Алиби у меня нет, если вы это имеете в виду. Моя соседка могла слышать, как я здесь слонялся, спросите у неё, я не знаю.

— Как долго вы здесь живёте? — спросил я.

Дхатт поджал губы, не глядя на меня.

— Господи, годы и годы.

— А почему здесь?

— Не понял.

— Насколько я могу судить, у вас, по крайней мере, столько же бещельского материала, сколько местного. — Я указал на одну из множества старинных бещельских икон или её копию. — Есть ли какая-то особая причина, что вы осели здесь, а не в Бещеле? Или где-нибудь ещё?

Боуден развёл руками, держа их ладонями к потолку.

— Я археолог. Не знаю, как много вам известно об этом материале. Большинство артефактов, на которые стоит посмотреть, включая те, что представляются нам сейчас изготовленными бещельскими мастерами, лежат в уль-комской почве. Именно так оно всегда и было. Эта ситуа-

ция всегда усугублялась идиотской готовностью Бещеля продать то немногое наследие, которое там можно выкопать, каждому, кто пожелает его купить. Уль-Кома же всегда была умнее в этом отношении.

— Даже в отношении таких раскопок, как Бол-Йеан?

— Вы имеете в виду, что они под иностранным руководством? Конечно. С формальной точки зрения канадцы ни в коей мере ими не владеют, у них просто есть некоторые права в части разработки и каталогизации. Плюс престиж, который они получают от их описания, и тёплое свечение славы. И денежки на музейные туры, конечно. Канадцы донельзя рады блокаде США, поверьте мне. Хотите увидеть очень яркий зелёный цвет? Скажите американскому археологу, что вы работаете в Уль-Коме. Вам приходилось видеть законы Уль-Комы об экспорте древностей? — Переплетя пальцы, он сомкнул ладони, словно захлопывая ловушку. — . Каждый, кто хочет работать по Уль-Коме или Бещелзо, не говоря уже об эпохе Предтечи, оседает здесь, если только это ему удаётся.

— Махалии была американским археологом… — начал Дхатт.

— Аспиранткой, — поправил Боуден. — После защиты диссертации ей было бы гораздо труднее здесь оставаться.

Я стоял, заглядывая в его кабинет.

— Можно мне?..

— Я… конечно.

Его смущала крошечность пространства. Там было даже ещё теснее из-за засилья античности, чем в гостиной. На столе можно было устраивать археологические раскопки: его покрывали слои бумаг, компьютерных кабелей, из-под них торчала карта улиц Уль-Комы, выпущенная несколько лет назад и сильно потрёпанная. Среди завала бумаг некоторые были начертаны очень странным и очень древним письмом, не иллитанским и не бещельским, существовавшим до Кливажа. Я ничего не мог на них прочитать.

— Что это?

— Ох… — Он закатил глаза. — Это доставили вчера утром. Я всё ещё получаю пустопорожнюю почту. После «Между…». Всякую всячину, которую собирают всякие чудаки и выдают за письменность Оркини. Предполагается, что я это для них расшифрую. Может, бедолаги действительно верят, что это что-то стоящее.

— А вы можете это расшифровать?

— Вы смеётесь? Нет. Это ничего не означает.

Он закрыл дверь.

— Об Иоланде известий нет? — спросил он. — Вот что действительно тревожит.

— Боюсь, что нет, — сказал Дхатт. — Этим делом занимаются в отделе пропавших без вести. Сотрудники там очень хорошие. Мы работаем в тесном контакте с ними.

— Вы непременно должны найти её, господа. Я… Это очень важно.

— У вас нет никаких соображений, кто мог иметь зуб на Иоланду?

— На Иоланду? Боже упаси, нет, она такая милая, ни на кого не могу подумать. Махалия была немного другой. Я имею в виду… Махалия была… то, что с ней случилось, совершенно ужасно. Ужасающе. Она была умной, очень умной, и упрямой, и смелой, и не только это… Я хочу сказать, я могу себе представить, чтобы Махалия кого-нибудь злила. Она это умела. Такой уж она была личностью, говорю это как комплимент. Но всегда было боязно, что в один прекрасный день Махалия обозлит не того человека.

— Кого бы она могла обозлить?

— Я не имею в виду чего-то конкретного, господин старший детектив, я понятия не имею.

Мы с Махалией мало соприкасались. Я её почти не знал.

— Кампус маленький, — сказал я. — Само собой, вы все друг друга знаете.

— Это так. Но, честно говоря, я её избегал. Мы долгое время не разговаривали. Общение началось не очень благоприятно. Но вот Иоланду я знаю. И она совсем не такая. Не так умна, может быть, но я не припомню никого, кому бы она не нравилась, и не представляю, с какой стати кому-то захотелось бы что-то с ней сделать. Все в ужасе. В том числе местные жители, которые там работают.

— По Махалии они бы тоже так сокрушались? — спросил я.

— Откровенно говоря, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них её знал.

— Один охранник, кажется, знал. Специально спрашивал нас о ней. О Махалии. Я подумал, что он, может, был её парнем или вроде того.

— Охранник? Решительно нет. Простите, это звучит как-то безапелляционно. Хочу сказать, что я был бы поражён. Зная то, что я знаю о Махалии, имеется в виду.

— А знаете вы, по вашим словам, немного.

— Так-то оно так. Но, понимаете, просто слы-

шишь, кто чем занимается, какие аспиранты что делают. Некоторые — Иоланда, например, — общаются с уль-комскими сотрудниками, но Махалия — никогда. Вы сообщите мне, если выясните что-нибудь об Иоланде? Вы должны её найти. Или даже если у вас просто возникнут предположения о том, где она, дайте, пожалуйста, знать, это ужасно.

— Вы руководитель Иоланды? — спросил я. — О чём её диссертация?

— О! — Он махнул рукой. — «Представление гендера и другого в артефактах эпохи Предтечи». Мне по-прежнему больше нравится термин «пре-Кливаж», но в английском языке он откочевал в биологию, так что «эпоха Предтечи» в последнее время стала термином предпочтительным.

— Вы сказали, она не умна?

— Такого я не говорил. Ума у неё вполне достаточно. Это прекрасно. Просто она… Таких, как Махалия, не так много в любой аспирантуре.

— Так почему же вы не были её руководителем?

Он уставился на меня так, словно я над ним насмехался.

— Из-за её ахинеи, инспектор, — сказал он наконец.

Он встал и повернулся спиной, вроде бы собираясь пройтись по комнате, но та была слишком мала.

— Да, мы познакомились при сложных обстоятельствах.

Он снова повернулся к нам лицом.

— Старший детектив Дхатт, инспектор Борлу. Знаете, сколько у меня аспирантов? Одна. Потому что никто другой не захотел её взять. Бедняжка. У меня нет офиса в Бол-Йеане. У меня нет должности, и я никогда её не получу. Знаете, каков мой официальный титул в Университете принца Уэльского? Я преподаватель-корреспондент. Не спрашивайте меня, что это значит. Вообще-то могу вам сказать, что это значит, — это значит: «Мы являемся ведущим учреждением в мире по исследованию Уль-Комы, Бещеля и эпохи Предтечи, и нам нужны все имена, которые мы можем получить, и мы даже можем соблазнить некоторых богатых чудаков своей программой с вашим именем, но мы не настолько глупы, чтобы дать вам настоящую работу».

— Это из-за книги?

— Из-за «Между городом и городом». Потому что я был восторженным до одури юнцом с небрежным руководителем и вкусом ко всему

таинственному. Не важно, что чуть позже вернёшься и скажешь: «Mea culpa, я напортачил, нет никакого Оркини, мои извинения». Не важно, что восемьдесят пять процентов того исследования до сих пор актуальны и по-прежнему используются. Слышите? Не важно, что ты ещё сделаешь когда бы то ни было. От этого никогда не уйти, как ни старайся.

— Так что когда, — продолжил он, — как это регулярно случается, кто-то приходит ко мне и говорит, что работа, которая всё мне изгадила, настолько велика, что она мечтала бы работать со мной — а это именно то, что сделала Махалия на конференции в Бещеле, где я впервые с ней встретился, — и что это такая пародия, что истина по-прежнему запрещена в обоих городах, и что она на моей стороне… Вы знаете, кстати, что она, впервые сюда приехав, не только привезла в Бещель контрабандный экземпляр «Между…», но и сказала мне, что собирается, боже упаси, поставить его на полку в историческом отделе университетской библиотеки? Чтобы люди там его нашли? Сообщила мне об этом с гордостью. Я велел ей немедленно от него избавиться, иначе напущу на неё *полищай*. В общем, когда она говорила мне всё это, я, да, впал в раздражение.

— Я очень часто сталкиваюсь с такими людьми на каждой конференции, в которой участвую, — добавил Боуден. — Говорю им: «Я был не прав», а они думают, что меня либо подкупили, либо я боюсь за свою жизнь. Или что меня заменили роботом или ещё что-то такое сделали.

— А Иоланда когда-либо говорила о Махалии? Разве не тяжело ей было, что вы испытывали такие чувства к её лучшей подруге…

— Какие такие чувства? Ничего не было, инспектор. Я сказал ей, что не буду её руководителем; она обвинила меня в трусости, капитуляции или ещё в чём-то, не помню; вот и всё. Как я понимаю, несколько лет, с тех пор как начала участвовать в программе, она об Оркини более или менее помалкивала. Я думал, вот и хорошо, она из этого выросла. Больше ничего не было. И я слышал, она была умной.

— У меня сложилось впечатление, что профессор Нэнси была ею немного разочарована.

— Может быть. Я не знаю. Она не стала бы первой, кто разочаровал своими писаниями, но репутация у неё всё ещё имелась.

— Иоланда не интересовалась материалами по Оркини? Она не поэтому занималась именно с вами?

Он вздохнул и снова сел. Его тусклые подъёмы-опускания были невыразительны.

— Не думаю. Я бы не стал её руководителем. И нет, не сразу… но она упомянула об этом недавно. Подняла вопрос о диссенсусах — что могло бы там жить, всё такое. Она знала мои чувства, поэтому пыталась говорить как бы чисто гипотетически. Звучит смешно, но мне, честно говоря, даже в голову не пришло, что это из-за влияния Махалии. Она заговаривала с ней об этом? Вы не знаете?

— Расскажите нам о диссенсусах, — сказал Дхатт. — Вам известно, где они находятся?

Боуден пожал плечами.

— Вы знаете, где расположены некоторые, старший детектив. Многие из них не составляют никакой тайны. Здесь, в нескольких шагах от заднего двора, стоит пустынное здание. Пять или около того метров в центре парка Нуисту? Диесенсусы. На них претендует Уль-Кома, на них же претендует Бещель. Они очень густо заштрихованы или лежат за границами обоих городов, а споры между тем продолжаются. В них просто не так уж много занимательного.

— Я хотел бы получить от вас список.

— Если угодно, но вы получите его быстрее через свой собственный департамент, а мой,

вероятно, устарел лет на двадцать. Они всё-таки время от времени обретают принадлежность, а новые появляются. И потом, вы, возможно, слышали о тайных.

— Я хотел бы получить список. Постойте, что значит тайные? Если никто не знает, что они спорные, как они могут существовать?

— Точно. Они тайно оспариваются, старший детектив Дхатт. Сталкиваясь с такой глупостью, надо настроиться на правильное мышление.

— Доктор Боуден… — сказал я. — У вас есть основания думать, что кто-то может иметь что-нибудь против вас?

— С чего бы это? — Он очень резко встревожился. — Что вы слышали?

— Ничего, только… — начал я и остановился. — Есть предположение, что кто-то преследует людей, которые занимались исследованиями Оркини.

Дхатт не попытался меня прервать.

— Возможно, вам следует быть осторожным…

— Что? Я не изучаю Оркини, не занимался этим долгие годы…

— Как вы сами говорите, когда-то вы и начали эти исследования, доктор… Боюсь, вы здесь старейшина, нравится вам это или нет. Получали ли

вы что-нибудь такое, что можно было бы истолковать как угрозу?

— Нет…

— Вас ограбили. — Это сказал Дхатт. — Несколько недель назад.

Мы оба посмотрели на него. Дхатта нисколько не стесняло моё удивление. У Боудена шевелились губы.

— Но это же была просто попытка кражи со взломом, — сказал он. — Ничего даже не забрали…

— Да, потому что их, должно быть, спугнули — так мы говорили в то время, — сказал Дхатт. — Может, они вообще не намеревались что-то брать.

Мы с Боуденом — я более скрытно — оглядели комнату, словно на свет могли вдруг выпрыгнуть какой-нибудь зловещий амулет, электронное ухо или раскрашенная угроза.

— Старший детектив, инспектор, это полный абсурд, Оркини на свете нет…

— Зато, — сказал Дхатт, — на свете есть немало психов.

— Некоторые из которых, — сказал я, — по неведомой причине интересуются кое-какими идеями, разрабатывавшимися вами, мисс Родри-

гез, мисс Джири…

— Не думаю, что кто-нибудь из них разрабатывал идеи…

— Всё равно, — сказал Дхатт. — Суть в том, что они привлекли чьё-то внимание. Нет, мы не уверены, по какой причине, ни даже в том, существует ли такая причина.

Боуден пялился на нас, совершенно ошеломлённый.

Глава 16

Дхатт велел своему подчинённому дополнить список, предоставленный Боуденом, и отправил офицеров на перечисленные в нём участки, в заброшенные здания, к клочкам обочины и маленьким отрезкам променада на берегу реки, приказав поскоблить камни и взять пробы по краям спорных, функционально заштрихованных лоскутов. В тот вечер я снова разговаривал с Корви — она пошутила насчёт надежды на безопасность линии, но сообщить друг другу что-то полезное мы не смогли.

Профессор Нэнси прислала в отель распечатку четырёх глав диссертации Махалии. Две из них были более или менее закончены, две схематичны. Довольно быстро я оставил их чтение, а вместо этого стал рассматривать фотокопии её комментариев в учебниках. Заметно было резкое несоответствие между степенным, несколько скучноватым тоном диссертации и восклицательными знаками и второпях нацарапанными междометиями этих пометок, где Махалия спорила и со своими прежними взглядами, и с основным текстом. Заметки на полях оказались

несравненно более интересными — в той степени, в которой из них можно было извлечь какой-то смысл. В конце концов я их отложил, вернувшись к книге Боудена.

Произведение, озаглавленное «Между городом и городом», было тенденциозным. Это бросалось в глаза. В Бещеле и в Уль-Коме существуют тайны, о которых все знают, не было необходимости воздвигать тайные тайны. Тем не менее те места, где излагались старинные истории, описывались мозаики и барельефы, рассматривались артефакты, были в некоторых случаях удивительными — красивыми и пугающими. Прочтения молодым Боуденом некоторых всё ещё не раскрытых тайн произведений эпохи Предтечи, или ripe-Кливажа, были изобретательны и даже убедительны. Он элегантно обосновывал утверждение, что непонятные механизмы, эвфемистически называемые на сленге «часами», были вовсе не механизмами, но сложно разделёнными на камеры ящиками, предназначенными исключительно для хранения шестерён, которые в них находились. Его прыжки к выводам («отсюда следует») были сумасшедшими, как он теперь признавал.

Паранойя, конечно, развилась бы у любого

посетителя этого города, где местные жители норовят то глазеть, то посматривать украдкой, где за ним наблюдала бы Брешь, промельки которой, выхваченные взглядом, были бы совсем не похожи на то, что он до этого пережил.

Позже, когда я уже спал, зазвонил мобильник. Мой бещельский телефон оповещал о том, что вызов международный. Кредит распухнет, но его оплачивало правительство.

— Борлу, — сказал я.

— Инспектор… — Иллитанский акцент.

— Кто это?

— Борлу, я не знаю, почему вы… Я не могу долго говорить. Я… спасибо вам.

— Джарис? — Я сел, опустив ноги на пол. Молодой униф. — Это…

— Мы ведь не какие-то там друзья, понимаете. — На этот раз он говорил не на старинном иллитанском, но на своём повседневном языке.

— С чего бы нам быть друзьями?

— Верно. Я не могу оставаться на линии.

— Хорошо.

— Вы могли бы сказать, что это был я, так же? Кто звонил вам в Бещель.

— Я не был уверен.

— Правильно. Того чёртова звонка никогда и

не было.

Я промолчал.

— Спасибо за вчерашнее, — сказал он. — За то, что не выдали. Я познакомился с Марьей, когда она сюда приехала.

Я не называл её этим именем, только раз, когда Дхатт допрашивал унифов.

— Она сказала мне, что знает наших братьев и сестёр за границей, что работала с ними. Но, знаете ли, она не была одной из нас.

— Знаю. Ты навёл меня на этот след в Бещеле…

— Молчите. Пожалуйста. Сначала я подумал, она с нами, но то, о чём она расспрашивала, это было… Она занималась чем-то таким, о чём вы даже не знаете.

Я не захотел опережать его.

— Оркини.

Должно быть, он истолковал моё молчание как благоговейный ужас.

— Плевать ей было на унификацию. Она всех подвергала опасности, чтобы пользоваться нашей библиотекой и списками контактов… Мне она в самом деле нравилась, но с ней было невыносимо. Её заботил только Оркини… Борлу, она таки нашла его. Эй, вы там? Понимаете? Она его нашла.

— Откуда ты знаешь?

— Она мне рассказала. Из остальных никто не знает. Когда мы поняли, насколько… она опасна, ей запретили ходить на собрания. Решили, что она типа шпионка или вроде того. Кем она вовсе не была.

— Ты продолжал с ней общаться.

Он ничего не сказал.

— Почему, если она была такой?..

— Я… она была…

— Почему ты позвонил мне? В Бещель?

— … Она заслуживала лучшего, чем поле гончара[17].

Я удивился, что он знает это выражение.

— Вы были вместе, Джарис? — спросил я.

— Я о ней почти ничего не знал. Никогда не спрашивал. Никогда не встречался с её подругами. Мы были осторожны. Но она рассказала мне об Оркини. Показала мне все свои заметки о нём. Она была… Слушайте, Борлу, вы мне не поверите, но она вступила в контакт. Есть такие места…

— Диссенсуеы?

---

[17] Примечания: 17

Поле гончара — выражение происходит из Евангелия от Матфея, 27:3–8, где описывается, как на деньги, возвращённые Иудой, первосвященники купили поле гончара, чтобы использовать его под кладбище для чужеземцев.

— Нет, молчите. Не спорные места, а такие, о которых каждый в Уль-Коме думает, что они в Бещеле, а каждый в Бещеле полагает, что они в Уль-Коме. Они же не здесь и не там. Они в Оркини. Она их нашла. Говорила мне, что помогает им.

— Каким образом? — Я заговорил наконец, потому что молчание длилось слишком долго.

— Я мало что знаю. Она их спасала. Им что-то нужно. Так она сказала. Что-то вроде этого. Но когда я однажды спросил у неё: «Откуда ты знаешь, что Оркини на нашей стороне?» — она только рассмеялась и сказала: «Ничего я не знаю, и они вовсе не за нас». Она многого мне не рассказывала. Я не хотел знать. Она вообще мало об этом говорила. Я думал, что она, может, пересекает границу через некоторые из таких мест, но…

— Когда ты видел её в последний раз?

— Не знаю. За несколько дней до того, как её… перед этим. Слушайте, Борлу, вот что вам надо знать. Она понимала, что попала в беду. Очень рассердилась и расстроилась, когда я сказал что-то об Оркини. В тот последний раз. Сказала, что я ничего не понимаю. Сказала что-то вроде того, что не знает, является ли то, чем она занимается, возвращением утраченного или преступлением.

— Что это значит?

— Не знаю. Она сказала, что Брешь — это ничто. Я был потрясён. Можете себе представить? Сказала, что каждый, кто знает правду об Оркини, в опасности. Сказала, что таких немного, но никто из тех, кто знает, даже не представляет себе, во что он вляпался, не сможет в такое поверить. Я ей: «Что, даже я?» А она: «Может быть — я, может, тебе уже слишком много рассказала».

— Что, по-твоему, это значит?

— Что вы знаете об Оркини, Борлу? Какого хрена кто-то думает, что трогать Оркини безопасно? Как, по-вашему, можно прятаться на протяжении многих веков? Благодаря хорошей игре? Свет! Я думаю, она как-то запуталась, работая на Оркини, вот что, по-моему, случилось, и они, по-моему, вроде паразитов, они говорили, что она им помогает, но она что-то обнаружила, а когда всё поняла, они её убили. — Он собрался. — Под конец она носила при себе нож, для защиты. От Оркини. — Горестный смех. — Они убили её, Борлу. И будут убивать всех, кто смог бы их обеспокоить. Каждого, кто когда-либо привлекал к ним внимание.

— Как насчёт тебя?

— Как, как! Мне крышка. С ней покончили, значит, и со мной тоже покончат. Плевать мне

на Уль-Кому, плевать на Бещель, плевать на Ор — чтоб его! — кини. Это моё прощальное слово. Слышите стук колёс? Сейчас этот телефон вылетит в долбаное окно, и *саёнара*. Этот звонок — мой прощальный подарок, ради неё.

Последние слова он произносил шёпотом. Поняв, что он отключился, я попытался ему перезвонить, но номер был заблокирован.

Я долго, секунда за секундой, тёр глаза, слишком долго. На бумаге с шапкой отеля стал царапать заметки, ни на одну из которых никогда даже не взгляну, просто так, пытаясь собраться с мыслями. Перечислил людей. Увидел часы и рассчитал время с учётом часового пояса. Набрал по телефону отеля междугородный номер.

— Миссис Джири?

— Кто это?

— Миссис Джири, это Тьядор Борлу. Из бещельской полиции.

Она ничего не сказала.

— Мы… Могу ли я спросить, как себя чувствует мистер Джири?

Я прошёл босиком к окну.

— С ним всё в порядке, — сказала она наконец. — Злится.

Она была очень осторожна. Не могла решить,

как ко мне относиться. Я слегка раздвинул тяжёлые шторы, выглянул наружу. Хотя была уже глубокая ночь, на улице виднелись несколько фигур, как всегда. Время от времени мимо проезжала машина. В столь поздний час труднее сказать, кто там местный житель, а кто иностранец, такой видимый днём: цвета одежд затемнялись в свете уличных фонарей, а ссутуленность вкупе с быстрой ночной ходьбой размывали язык тела.

— Я хотел ещё раз сказать, как сожалею о том, что случилось, и убедиться, что у вас всё в порядке.

— У вас есть что мне сообщить?

— Вы имеете в виду, поймали ли мы того, кто это сделал с вашей дочерью? Мне очень жаль, миссис Джири, пока нет. Но я хотел у вас спросить…

Я ждал, но она, хоть и не вешала трубку, ничего не говорила.

— Махалии когда-нибудь рассказывала вам, с кем она здесь виделась?

Она лишь издала какой-то звук. Выждав несколько секунд, я продолжил:

— Вы знаете Иоланду Родригез? И почему мистер Джири искал бещельских националистов? Когда совершил брешь? Ведь Махалия жила в

Уль-Коме.

Опять раздался этот звук, и я понял, что она плачет. Я открыл было рот, но мог только слушать её всхлипы. Слишком поздно, окончательно проснувшись, я осознал, что если наши с Корви подозрения верны, то звонить, возможно, следовало с другого телефона. Миссис Джири не разорвала соединения, так что через некоторое время я её окликнул.

— Почему вы спрашиваете об Иоланде? — заговорила наконец она. Голос у неё окреп. — Конечно, я с ней знакома, она подруга Махалии. Разве она?..

— Мы просто пытаемся её найти. Но…

— Боже, она что, пропала? Махалия рассказывала ей обо всём, как на исповеди. Что, из-за этого?.. Её тоже?..

— Пожалуйста, не надо, миссис Джири. Уверяю вас, что доказательств чего-то плохого нет, она могла просто на несколько дней уехать. Пожалуйста.

Она начала было снова, но взяла себя в руки.

— В полёте с нами почти не разговаривали, — сказала она. — Муж проснулся ближе к концу и понял, что случилось.

— Миссис Джири, Махалия здесь с кем-нибудь

встречалась? Что вы знаете? В Уль-Коме, я имею в виду?

Она вздохнула.

— Нет. Вы думаете: «Откуда её матери знать?» — но я бы знала. Она не рассказывала мне подробностей, но… — Она собралась. — Был там кто-то, с кем она проводила всё время, но он ей не настолько нравился, чтобы речь могла зайти о близких отношениях. Говорила, что это слишком сложно.

— Как его зовут?

— Неужели вы думаете, что я бы вам не сказала? Я не знаю. По-моему, она познакомилась с ним через политику.

— Вы упоминали Лишь-Кому.

— Ох, моя девочка всех их сводила с ума! — Она коротко рассмеялась. — Ранила и тех, и других, со всех сторон. И даже объединителей, так они называются? Майкл собирался всех их проверить. Найти их имена и адреса в Бещеле было легче. Мы ведь там и находились. Он собирался всех их проверить, одного за другим. Хотел их всех разыскать, потому что… кто-то из них это и сотворил.

Я пообещал ей сделать всё, чего она хотела, и, потирая лоб, уставился на силуэты Уль-Комы.

Позже, но слишком уж скоро меня разбудил

звонок Дхатта.

— Чёрт, вы всё ещё лежите? Поднимайтесь.

— Через сколько вы…

Было утро, не такое уж и раннее.

— Я внизу. Давайте поторапливайтесь. Кто-то прислал бомбу.

Глава 17

В Бол-Йеане, возле крошечного эрзаца почтового отделения, в расслабленных позах стояли спецы из уль-комской сапёрной команды, приземистые и неуклюжие в своей защитной одежде, жуя резинку и переговариваясь с несколькими испуганными и почтительными охранниками. Визоры у сапёров были подняты и под углом свисали надо лбами.

— Вы Дхатт? Крутая штука, старший детектив, — сказал один, глянув на знаки отличия Дхатта. — Можете войти.

Он посмотрел на меня и открыл дверь в комнату размером со шкаф.

— Кто её обнаружил? — спросил Дхатт.

— Охранник. Шустрый парень. Айкам Цуех. Что? Что? — Никто из нас ничего не говорил, так что он пожал плечами. — Сказал, что ему не нравится, какова эта штука на вид и на ощупь, вышел к *милицье* снаружи, попросил их посмотреть.

Стены были сплошь в ячейках, в углах лежали большие коричневые свёртки, открытые и закрытые, а на столах — пластиковые пакеты. На табурете посередине, в окружении обрывков

конвертов и обронённых писем с отпечатками подошв, был выставлен пакет с растопыренными углами, из которого высовывались электронные внутренности, словно проволочные тычинки из цветка.

— Это механизм, — сказал мужчина.

На его кевларовом жилете иллитанскими буквами было начертано имя: Таиро. Говорил он с Дхаттом, а не со мной, наводя маленькой лазерной указкой красную точку на то, о чём шла речь.

— Двухслойная оболочка из конвертов.

Световое пятнышко бегало по бумаге, не оставляя нетронутым ни одного места.

— Открываем первый, ничего. Внутри ещё один. Открываем его… — Он щёлкнул пальцами. Указал на провода. — Красиво сделано. Классика.

— Старомодно?

— Нет, просто без причуд. Но сделано красиво. Не только son et lumiere[18] — эту штуку сделали не затем, чтобы кого-то напугать, её сделали, чтобы кого-то грохнуть. И я вот что ещё скажу. Видите это? Очень направленно. Соединено с тегом.

---

[18] Примечания: 18
Звук и свет *(фр.)*.

В бумаге виднелись остатки тега — красной полоски на внутреннем конверте с надписью по-бещельски «Тяните здесь, чтобы открыть».

— Кто бы это ни сделал, весь взрыв пришёлся бы ему прямо в лицо и снёс бы его с ног. Но для других опасности почти никакой: если бы кто-нибудь стоял рядом, ему разве что понадобилось бы заново причесаться. Направленный взрыв.

— Эта штука разряжена? — спросил я у Таиро. — Можно мне её потрогать?

Тот посмотрел не на меня, но на Дхатта, который кивнул ему, поощряя к ответу.

— Отпечатки пальцев, — сказал Таиро, но пожал плечами.

Я взял с полки шариковую ручку и вынул из неё стержень, чтобы не оставить где-нибудь отметок. Аккуратно касаясь бумаги, разгладил внутренний конверт. Несмотря даже на задиры, оставленные сапёрами при открывании, легко можно было прочесть написанное на нём имя: Дэвид Боуден.

— Проверьте это, — сказал Таиро.

Он мягко порылся. Под пакетом, на внутренней стороне внешнего конверта, кто-то нацарапал по-иллитански: «Сердце волка». Я узнал эту строку, но не смог вспомнить источник. Таиро напел

её и ухмыльнулся.

— Это старая местная песня, — сказал Дхатт.

— Эта штука сделана не ради испуга, но и не для того, чтобы наносить увечья всем вокруг, — тихонько сказал мне Дхатт.

Мы сидели в офисе, который реквизировали. Напротив, вежливо стараясь нас не слышать, сидел Айкам Цуех.

— Это как выстрел наповал. Что за хрень?

— Внутри написано по-иллитански, а прислано из Бещеля, — сказал я.

Отпечатков пальцев с помощью порошка обнаружить не удалось. Надписи имелись на обоих конвертах: на внешнем значился адрес, а на внутреннем — имя Боудена, нацарапанное хаотическим почерком. Пакет был отправлен из бещельского почтового отделения, которое гросстопично находилось неподалёку от самих раскопок, хотя, конечно, доставлялся он долгим кружным путём через Связующий зал.

— Напустим на это наших технарей, — сказал Дхатт. — Посмотрим, можно ли проследить его путь в обратную сторону, только вот у нас нет ничего, что на кого-нибудь указывало бы. Может, ваши люди что-нибудь выяснят.

Шансы восстановить его путь в обратном на-

правлении через уль-комскую и бещельскую почтовые службы были близки к нулю.

— Послушайте. — Я удостоверился, что Айкам ничего не слышит. — Мы знаем, что Махалия обозлила в нашем городе каких-то махровых националистов. Понимаю, в Уль-Коме таких организаций быть, конечно, не может, но если из-за какого-то случайного сбоя они оказались и здесь, то разумно предположить, что она могла бы разозлить их тоже? Она была замешана в таких вещах, которые не могли их не раздражать. Знаете, подрыв мощи Уль-Комы, тайные группы, пористые границы, всё такое. Вы понимаете.

Он смотрел на меня безо всякого выражения.

— Верно, — сказал он наконец.

— Обе аспирантки с особым интересом к Оркини исчезли из поля зрения. А теперь мы получаем бомбу для мистера «Между городами».

Мы посмотрели друг на друга.

Через мгновение, теперь громче, я сказал:

— Отличная работа, Айкам. Вам и впрямь удалось кое-что стоящее.

— Айкам, вам раньше приходилось держать в руках бомбу? — спросил Дхатт.

— Как, сэр? Нет.

— А на государственной службе?

— Я ещё не служил, господин офицер.

— Так откуда же вы знаете, какова она на вес и на ощупь?

Он пожал плечами.

— Я не знал, не знаю, просто я… Что-то было не так. Слишком увесистый пакет.

— Готов поспорить, что сюда присылают по почте множество книг, — сказал я. — Может, ещё и компьютерные платы. Они довольно тяжёлые. Как вы поняли, что это нечто иное?

— … Он был по-другому тяжёлый. Он был твёрже. Под конвертами. Можно было почувствовать, что это не бумага, похоже на металл или что-то такое.

— Собственно, вы вообще обязаны проверять почту? — спросил я.

— Нет, но я был там, просто поэтому. Подумал, что мог бы её принести. Хотел так и сделать, а потом почувствовал, что этот пакет… с ним что-то не так.

— У вас хорошие инстинкты.

— Спасибо.

— Открыть его вы не думали?

— Нет! Он же не мне предназначался.

— Кому он был адресован?

— Никому.

На внешнем конверте имя получателя не значилось, только название раскопок.

— Это ещё одна причина, почему я обратил на него внимание, — мне это показалось странным.

Мы посовещались.

— Хорошо, Айкам, — сказал Дхатт. — Вы дали свой адрес другому офицеру на тот случай, если нам понадобится снова вас найти? Будете идти, пришлите, пожалуйста, сюда вашего босса и профессора Нэнси.

В дверях он замешкался.

— У вас уже есть какая-нибудь информация о Джири? Уже знаете, что случилось? Кто её убил?

Мы сказали, что пока нет.

Кай Буидзе, начальник охраны, мускулистый пятидесятилетний, как я понял, отставник, вошёл вместе с Изабель Нэнси. Она, а не Рошамбо, обещала нам помочь всем, чем сумеет. Сейчас она тёрла глаза.

— А где Боуден? — спросил я у Дхатта. — Он знает?

— Она позвонила ему, когда сапёры вскрыли внешний конверт и увидели его имя. — Он кивнул, указывая на Нэнси. — Услышала, как один из них его прочёл. Кто-то за ним поехал. Профессор Нэнси.

Она подняла глаза.

— Много почты получает здесь Боуден?

— Не очень. У него ведь даже нет офиса. Но всё же получает. Довольно много от иностранцев, иногда от будущих аспирантов, от тех, кто не знает, где он живёт, или предполагает, что он обосновался именно здесь.

— Вы её пересылаете?

— Нет, он приезжает проверять её каждые несколько дней. Большую часть выбрасывает.

— Кто-то и в самом деле… — тихонько сказал я Дхатту. Поколебался. — Пытается обогнать нас, знает, что мы делаем.

При всём том, что происходило, Боудену теперь могла понадобиться осторожность со всеми пакетами, адресованными к нему домой. Если бы наружная оболочка с её иностранным почтовым штемпелем была удалена, он мог бы даже принять конверт, на котором написано только его имя, за внутреннюю почту от кого-нибудь из коллег и оторвать полоску.

— Похоже, кто-то знал, что его предупредили, чтобы был осторожным.

Через некоторое время я спросил:

— Его сюда привезут?

Дхатт кивнул.

— Господин Буидзе, — сказал Дхатт. — У вас бывали раньше подобные проблемы?

— Таких не бывало. Конечно, кое-что мы получали, знаете ли, было у нас несколько писем от мудаков. Прошу прощения. — Он взглянул на невозмутимую Нэнси. — Но, понимаете ли, это были предупреждения типа «оставьте прошлое в покое», заявления, что мы предаём Уль-Кому, всякое такое дерьмо, от уфологов и наркоманов. Но чтобы по-настоящему… но чтобы вот такое? Бомбу?

Он помотал головой.

— Это неправда, — сказала Нэнси. — Это случалось и раньше. Не здесь. Но с ним. В Боудена целились и до этого.

— Кто именно? — спросил я.

— Доказать ничего не удалось, но он многих разозлил, когда вышла книга. Правых. Тех, кто посчитал его непочтительным.

— Националистов, — сказал Дхатт.

— Не помню даже, из какого это было города. Зуб на него имели обе стороны. Наверное, это единственный вопрос, по которому они соглашались. Но это было много лет назад.

— Кто-то о нём не забывает, — сказал я.

Мы с Дхаттом переглянулись, и он потянул

меня в сторону.

— Из Бещеля, — сказал он. — С маленьким проклятьем по-иллитански.

Он вскинул руки: мол, какие соображения?

— Как, бишь, они называются? — спросил я, немного помолчав. — Лишь-Кома.

— Что? Лишь-Кома? Письмо-то пришло из Бещеля.

— Может, от тамошнего агента.

— Шпион? Комский националист в Бещеле?

— Конечно. Не смотрите так — не так уж трудно в это поверить. Отправили его оттуда, чтобы замести следы.

Дхатт уклончиво покачал головой.

— Допустим… — сказал он. — Всё равно чертовски трудно такое организовать, и вы не…

— Боуден им никогда не нравился, — сказал я. — Может, они рассчитали так: если он получил намёк, что за ним охотятся, то будет настороже, но только не с пакетом из Бещеля.

— Я понял вашу мысль, — сказал он.

— Где собирается Лишь-Кома? — спросил я. — Их ведь так называют? Может, нам стоит нанести им визит…

— Вот это-то я всё время и пытаюсь вам втолковать, — сказал он. — Некуда здесь идти. Нет

ни «Лишь-Комы», ни чего-то наподобие. Не знаю, как с этим в Бещеле, но здесь…

— В Бещеле я точно знаю, где тусуются наши версии этих типов. Мы с моим констеблем недавно туда наведывались.

— Что ж, поздравляю, но здесь всё устроено не так. Здесь нет чёртовой банды с маленькими членскими билетами и домом, в котором они все живут, они не унифы и не рок-музыканты.

— Вы же не станете утверждать, что у вас нет ультранационалистов…

— Правильно, я этого и не утверждаю, у нас их много, я лишь говорю, что не знаю, кто они и где обитают, очень разумно с их стороны сохранять такое положение дел, а ещё я говорю, что Лишь-Кома — это просто выражение, которое придумал какой-то журналист.

— Как так получилось, что унификационисты собираются вместе, а эти нет? Или они не могут?

— Потому что унифы — это клоуны. Иной раз — клоуны опасные, не спорю, но тем не менее. А вот те, о ком вы сейчас говорите, — они серьёзны. Старые солдаты, такая вот штука. Я имею в виду, приходится… уважать это…

Неудивительно, что им не разрешили собираться публично. Они, с их жёстким национализмом,

могли бы критиковать Национальную народную партию в её же собственных выражениях, чего не позволяли правители. Унифы, напротив, были свободны — или как бы свободны — объединять местных жителей в отвращении к ним.

— Что вы можете о нём сказать? — спросил Дхатт, повысив голос, чтобы его слышали и другие, до тех пор за нами только наблюдавшие.

— Об Айкаме? — переспросил Буидзе. — Ничего. Хороший работник. Туп, как дерево. Ладно, послушайте, я бы сказал так вплоть до сегодняшнего дня, но, учитывая, что он только что сделал, сотрите эти мои слова. Совсем не так крепок, как выглядит. Сплошная романтика, а зубов нет, такого типа. Любит здешних детишек, балдеет, когда общается с умными иностранцами. Почему? Скажите, вы ведь не подозреваете его, детектив? Тот пакет пришёл из Бещеля. Как бы, чёрт возьми, он…

— Совершенно верно, — сказал Дхатт. — Никто здесь никого не обвиняет, и менее всего — недавнего героя. Это стандартные вопросы.

— Так вы говорите, Цуех водится с аспирантами?

В отличие от Таиро Буидзе не искал взглядом разрешения, чтобы ответить. Он посмотрел мне

в глаза и кивнул.

— С кем в особенности? С Махалией Джири?

— Джири? Чёрт, нет. Джири, наверное, даже не знала, как его зовут. Оставьте её. Айкам дружит с некоторыми из них, но с Джири он не дружил. Он тусуется с Джэкобс, Смит, Родригез, Браунинг…

— Просто он у нас спрашивал…

— Ему ужасно хочется узнать о продвижении в деле Джири, — сказал Дхатт.

— Да? — Буидзе пожал плечами. — Что ж, это и впрямь всех огорчило. Разумеется, он хочет об этом узнать.

— Меня вот какой вопрос занимает… — сказал я. — Это сложная площадка, и я замечаю, что, пусть даже в основном она сплошная, есть несколько мест, где она слегка заштрихована. И это должно быть кошмаром — видеть их. Господин Буидзе, когда мы говорили с аспирантами, никто не упомянул о Бреши. Совсем. Никак о ней не обмолвился. И это группа молодёжи из-за границы? Вы знаете, как сильно одержимы иностранцы этим предметом. Их подруга исчезла, а они даже не упоминают о самом известном жупеле Уль-Комы и Бещеля, который к тому же реален, но они о нём не говорят. Что не могло не заставить нас задаться вопросом: чего они

боятся?

Буидзе уставился на меня. Быстро глянул на Нэнси. Обвёл взглядом комнату. После долгой паузы он рассмеялся:

— Вы шутите. Ну ладно. Ну хорошо, господа офицеры. Да, они крепко боятся, но не того, что кто-то совершит брешь чёрт его знает откуда, чтобы задать им трёпку. Вы ведь так думаете? Они боятся, потому что не хотят, чтобы их поймали.

Он поднял руки, сдаваясь.

— Вы меня ущучили, господа офицеры. Здесь постоянно совершаются бреши, и мы не можем это прекратить. Эти козлики и козочки проделывают бреши всё время, будь оно проклято.

Он встретился с нами взглядом. Необоронительно. Он был совершенно прозаичен. Выглядел ли я столь же потрясённым, как Дхатт? У профессора Нэнси выражение лица было слегка смущённым.

— Вы, конечно, правы, — сказал Буидзе, — Нельзя избежать всех брешей, не в таком месте и не с такими, как эти, детками. Они не местные, и, по-моему, без разницы, сколько их обучать: они никогда не видели ничего подобного. Не говорите мне, что у вас не творится то же самое, Борлу. Думаете, они будут разыгрывать лояльность?

Думаете, бродя по этому городу, они действительно не-видят Бещель? Бросьте. Лучшее, на что любой из нас может надеяться, это то, что у них хватит здравого смысла не поднимать по этому поводу шум, но они, конечно, видят через границу. Нет, мы не можем это доказать, и именно поэтому Брешь сюда не является, если только они и впрямь не напортачат. Да, такое случалось. Но гораздо реже, чем вы думаете. И недолгое время.

Профессор Нэнси по-прежнему смотрела в стол.

— Думаете, хоть кто-то из иностранцев не совершает брешь? — спросил Буидзе и подался к нам, растопырив пальцы на столе. — Всё, чего мы можем от них добиться, это немного вежливости, верно? А когда вы получаете кучу молодых людей, собранных вместе, они готовы это отбросить. Может, это не просто взгляды. Всегда ли вы делаете то, что вам велят? Но это умные детки.

Кончиками пальцев он набросал на столе карту.

— Бол-Йеан заштрихован здесь и здесь, а парк — здесь и здесь. И, да, по краям вот в этом направлении он даже закрадывается в сплошной Бещель. Так что, когда этот народец выпьет или что ещё, не подначивают ли они друг друга пойти

и постоять в заштрихованном участке парка? А потом, кто знает, удерживаются ли они от этого, может, стоят там на месте, без единого слова, даже не двигаясь, и перебираются то в Бещель, то обратно? Не надо ни шагу ступать, чтобы это получилось: не надо, если находишься в штриховке. Всё вот здесь. — Он постучал себя по лбу. — Никто не может доказать такую хрень. Возможно, потом, в следующий раз, когда пустятся на такое, они наклоняются, берут что-нибудь на память и распрямляют спину в Уль-Коме с камнем из Бещеля или чем-то ещё. Если это тот город, в котором они были, когда его подняли, то он откуда? Кто знает? Кто сможет доказать? Пока они не афишируют этого, что можно сделать? Даже Брешь не может всё время следить за брешами. Чего уж там. Если бы за ними следили, то ни одного из этой иностранной ватаги здесь бы уже не было. Не так ли, профессор?

Он взглянул на неё не без теплоты. Та ничего не сказала, но посмотрела на меня в смущении.

— Никто из них не упомянул Брешь, господин старший детектив Дхатт, потому что все они чертовски виновны. — Буидзе улыбнулся. — Эй, не поймите меня неправильно: они всего лишь люди, и они мне нравятся. Но не делайте из этого

чего-то большего, чем оно есть.

Когда мы проводили их до дверей, Дхатту позвонили, что заставило его строчить заметки и бормотать. Я закрыл дверь.

— Это был один из сотрудников, которых мы отправили, чтобы доставить сюда Боудена. Тот пропал. Они добрались до его квартиры, но им никто не отвечает. Его там нет.

— Они говорили ему, что едут?

— Да, и сообщили о бомбе. Но он исчез.

Глава 18

— Я хочу вернуться и ещё раз поговорить с тем парнишкой, — сказал Дхатт.

— С унификационистом?

— Да, с Джарисом. Знаю, знаю, «это был не он». Верно. Вы говорили. Ладно, как бы то ни было, он что-то знает, и я хочу с ним поговорить.

— Вы его не найдёте.

— Что?

— Ему повезло. Он уехал.

Он отстал от меня на несколько ступенек и позвонил.

— Вы правы. Джариса нигде нет. Откуда вы это знали? Что за игру вы ведёте, чёрт возьми?

— Пойдёмте к вам в офис.

— Плевать на офис. Офис подождёт. Повторяю, как, чёрт возьми, вы узнали о Джарисе?

— Понимаете…

— Я начинаю немного пугаться ваших оккультных способностей, Борлу. Я не сидел сложа руки — как только услышал, что мне предстоит нянчиться с вами, посмотрел ваше досье, так что немного о вас знаю, знаю, что вас голыми руками не возьмёшь. Уверен, вы поступили так

же, а значит, знаете обо мне то же самое. — Мне следовало бы так сделать. — Так что я был настроен работать с детективом. Даже с каким-то крутым парнем. Никак не ожидал встретиться с таким угрюмым причитающим мудаком. Как, чёрт возьми, вы узнали о Джарисе и почему вы защищаете этого маленького засранца?

— Ладно вам. Он позвонил мне ночью из машины или, думаю, из поезда и сказал, что уезжает.

Он уставился на меня.

— Какого чёрта он вам звонил? И какого чёрта вы мне ничего не сказали? Мы вместе работаем, Борлу, или нет?

— Почему он позвонил мне? Может, не был в восторге от вашего стиля ведения допроса, Дхатт. Работаем ли мы вместе? Я вот подумал, что смысл моего пребывания здесь состоит в том, чтобы послушно отдать вам всё, что я наработал, а потом смотреть телевизор у себя в номере, пока вы ищете плохого парня. Когда ограбили Боудена? Когда вы хотели мне об этом рассказать? Я не заметил, чтобы вы торопились выплеснуть всю ту хрень, что узнали на раскопках от Уль-Хуана, а у него должна иметься отборная информация — он ведь чёртов правительственный крот? Ну, это не большое дело, такие есть на всех обществен-

ных работах. Я возражаю лишь против того, что сначала вы меня срезаете, а потом спрашиваете: «Как вы могли?»

Мы вперились друг в друга. После долгой паузы он повернулся и пошёл к обочине.

— Выпишите на Джариса ордер, — в спину ему сказал я. — Наложите запрет на его паспорт, оповестите аэропорты и вокзалы. Но он позвонил мне только потому, что был в пути, чтобы сказать мне, что, по его мнению, произошло. Его телефон к настоящему времени, вероятно, разбит о рельсы посреди перевала Кукунис, на полпути к Балканам.

— Так что же, по его мнению, произошло?

— Оркини.

Он повернулся, с отвращением отмахиваясь от этого слова.

— Чёрт, вы вообще собирались рассказать мне об этом? — вопросил он.

— Я ведь и рассказал, разве нет?

— Он просто сделал ноги. Разве вам это ни о чём не говорит? Чёртов побег виновного.

— Что, вы говорите о Махалии? Бросьте, какой у него мотив? — спросил я.

И вспомнил кое-что из того, что рассказывал мне Джарис. Она не была одной из них. Они её

выгнали. Я немного поколебался.

— Или вы имеете в виду Боудена? Зачем, чёрт возьми, и как, чёрт возьми, Джарис организовал бы нечто подобное?

— Не знаю ни того, ни другого, — сказал Дхатт. — Кто поймёт, что заставляет этих мудаков делать то, что они делают? Всегда найдётся какое-то чёртово оправдание, какая-нибудь заговорщическая хреновина.

— Не имеет смысла, — осторожно сказал я. — Это… Ладно, прежде всего это он позвонил мне отсюда.

— Я это понял. Чёрт, вы покрывали его…

— Я этого не знал. Не мог утверждать. Он сказал мне об этом, когда позвонил прошлой ночью. Подождите, подождите, Дхатт: прежде всего, зачем ему было мне звонить, если это он её убил?

Он уставился на меня. Через минуту повернулся и остановил такси. Открыл дверцу. Я смотрел. Такси стало косо поперёк дороги: уль-комские машины сигналили, проезжая мимо, бещельские же водители беззвучно огибали этот протуб, причём законопослушные не ругались даже шёпотом.

Дхатт стоял отчасти снаружи, отчасти внутри, а таксист пытался протестовать. Дхатт сказал что-то резкое и показал ему своё удостоверение.

— Не знаю зачем, — сказал он мне. — Это предстоит выяснить. Но, чёрт, это уже немного чересчур, верно? То, что он сбежал?

— Будь он в этом замешан, ему не было бы смысла привлекать моё внимание хоть к чему. А как бы он смог переправить её в Бещель?

— Позвонил своим тамошним друзьям, они и переправили…

Я пожал плечами: мол, может быть, но сомнительно.

— Как раз таки бещельские унифы дали нам первый ключик ко всему этому, парень по имени Дродин. Я слышал о ложных следах, но мы ничем таким не располагали, что можно было бы пустить по ложному следу. У них нет ни мозгов, ни связей, чтобы узнать, какой угонять фургон, — у тех, с кем я сталкивался.

Плюс в любом случае агентов *полищай* там больше, чем их самих. Если это были унифы, то какое-то их тайное ядро, которого мы до сих пор не видели.

— Я говорил с Джарисом… Он испуган, — продолжал я. — Не виновен: испуган и опечален. Думаю, он был ею увлечён.

— Ладно, — сказал через некоторое время Дхатт.

Посмотрел на меня, дал знак садиться в такси. Несколько секунд он оставался снаружи, отдавая по телефону распоряжения так тихо и быстро, что я ничего не мог разобрать.

— Ладно. Давайте сменим пластинку.

Когда такси тронулось, он стал медленно говорить:

— Кого колышет, что творится между Бещелем и Уль-Комой, правильно? Кого колышет, что говорит мне мой начальник или что говорит вам ваш? Вы полицейский. Я полицейский. Давайте это запомним. Мы работаем вместе, Борлу? В этом деле, которое с каждой минутой становится всё более хреновым, я буду доволен любой помощью, а как насчёт вас? Кстати, Уль-Хуан ни хрена не знает.

В заведении, куда он меня привёз, расположенном очень близко к его офису, не было так темно, как это было бы в бещельском полицейском баре. Атмосфера в нём была здоровее. И всё же я не стал бы заказывать там приём по случаю свадьбы. Время, если не ошибаюсь, шло рабочее, но помещение оказалось заполнено более чем наполовину. Вряд ли все посетители из местной *милиции*, но я узнал в лицо многих из конторы Дхатта. Они тоже меня узнали. Навстречу Дхатту

раздались приветствия, и я последовал за ним мимо шепотков и этих столь очаровательно откровенных Уль-комских взглядов.

— Одно несомненное убийство, а теперь два исчезновения, — сказал я, очень внимательно за ним наблюдая. — И обо всех известно, что они занимались именно этим.

— Нет никакого чёртова Оркини.

— Дхатт, я этого и не утверждаю. Вы сами говорили, что есть такие вещи, как культы и сумасшедшие.

— Серьёзно, хватит. Самый культовый сумасшедший, который нам попался, только что улизнул с места преступления, и это вы предоставили ему свободу передвижения.

— Сегодня утром мне следовало рассказать об этом первым делом, я прошу прощения.

— Вам следовало позвонить ещё ночью.

— Даже если бы мы смогли его найти, думаю, у нас нет достаточных улик, чтобы его задерживать. Но я прошу прощения.

Я протянул к нему руки с раскрытыми ладонями. Некоторое время я на него смотрел. Он с чем-то боролся.

— Я хочу решить эту проблему, — сказал он.

От посетителей доносилась приятная карта-

вость иллитанского языка. Я услышал клохтанье, когда двое или трое из них заметили мой значок гостя. Дхатт купил мне пиво. Уль-комское, приправленное всевозможными специями. До зимы оставалось несколько недель, но хотя в Уль-Коме было не холоднее, чем в Бещеле, мне так казалось.

— Что скажете? Если вы не будете хотя бы доверять мне…

— Дхатт, я уже рассказал вам такое, что… — Я понизил голос. — Никто не знает о том первом звонке. Я не знаю, что происходит. Ничего не понимаю. Ничего не решаю. По какой-то случайности меня используют, хотя причины всего этого известны мне не более, чем вам. Невесть с чего я стал хранилищем для кучи информации, но не знаю, что с ней делать. Надеюсь, что после этого будет некое *однако*, но не знаю этого, как и всего остального.

— Что же случилось, по мнению Джариса? Я таки выслежу этого гада.

Нет, не выследит.

— Мне следовало позвонить, но я мог бы… Он не наш парень. Вы знаете, Дхатт. Знаете. Как долго вы были офицером? Иногда вы просто знаете, не так ли?

Я постучал себя в грудь. Я был прав, ему это понравилось, он кивнул. Я изложил ему то, что говорил Джарис.

— Чушь собачья, — сказал он, когда я закончил.

— Может быть.

— Что вообще за хрень с этим Оркини? Это от него он бежал? Вы читаете ту книгу. Ту, плутовскую, что написал Боуден. На что она похожа?

— В ней очень много всего. Куча материала. Не знаю. Конечно, это смешно, как вы говорите. Тайные повелители за сценой, более могущественные, чем даже Брешь, кукловоды, скрытые города.

— Чушь.

— Да, но вся штука в том, что это чушь, в которую верит куча народу. И, — я снова показал ему раскрытые ладони, — происходит что-то большое, а мы понятия не имеем, что это такое.

— Может, просмотрю её после вас, — сказал Дхатт. — Кто, чтоб ему, знает хоть что-нибудь?

Последнюю фразу он произнёс осторожно.

— Куссим.

Двое коллег Дхатта, его или моего возраста, поднимали бокалы, обращаясь к нему и чуть ли не ко мне. В глазах у них было что-то такое, а

надвигались они, как любопытные животные.

— Куссим, у нас нет никакой возможности познакомиться с нашим гостем. Ты его прячешь.

— Юра, — сказал Дхатт. — Кай. Как делишки? Борлу, эти детективы скучают.

Он размахивал руками между ними и мной. Один из них задрал бровь, глядя на Дхатта.

— Я просто хотел узнать, как инспектору Борлу нравится Уль-Кома, — сказал тот, которого звали Каем.

Дхатт фыркнул и допил пиво.

— Чёрта лысого, — сказал он. Голос у него прозвучал так же весело, как и зло. — Вы хотите напиться и затеять с ним спор, а если ты, Юра, уже хорошо набрался, то, может, даже и драку. Хочешь всяких дурацких международных инцидентов. Может, встряхнёшь чёртову войну. Может, даже скажешь что-нибудь о своём отце.

— Его отец служил на уль-комском флоте, — пояснил он мне. — Заработал тиннитус[19] или ещё какую-то дрянь в идиотской перестрелке с бещельским буксиром над одним из спорных горшков с омарами или чем-то таким.

Я взглянул, но никто из наших собеседников

---

[19] Примечания: 19

Тиннитус — ощущение звона, шума в ушах при отсутствии какого-либо внешнего раздражителя.

не выглядел особо возмущённым. На лице у Кая видна была даже тень добродушия.

— Я избавлю вас от лишних хлопот, — сказал Дхатт. — Он как раз такой бещельский дрочила, как вы думаете, и можете растрезвонить об этом по всей конторе. Пойдём, Борлу.

Мы прошли через гараж участка, и он взял свою машину.

— Эй… — Он указал на рулевое колесо. — Мне даже не пришло в голову, что вы, может, хотите попробовать езду по уль-комским дорогам.

— Да нет, спасибо. Думаю, это собьёт меня с толку.

Вождение в Бещеле или Уль-Коме является достаточно сложным делом, даже когда находишься в своём родном городе, стараясь поладить и с местным, и с иностранным трафиком.

— Знаете, — сказал я. — Когда я впервые сел за руль… должно быть, здесь оно так же: видя все машины на дороге, надо научиться не-видеть те, что за границей, но не-видеть с такой быстротой, чтобы успеть убраться с их пути.

Дхатт кивнул.

— В общем, когда я подростком впервые сел за руль, надо было привыкнуть носиться, огибая все эти старые колымаги и прочее в Уль-Коме,

ослиные упряжки в некоторых районах и что там у вас было. Что не-видишь, но о чём знаешь… Теперь, спустя годы, большинство из того, что я не-вижу, обгоняет меня.

Дхатт рассмеялся. Чуть ли не смущённо.

— Дела идут то вверх, то вниз, — сказал он. — Через десять лет вы снова станете обгонять.

— Сомневаюсь.

— Да ладно, — сказал он. — Всё переменится, всегда так бывает. Это уже началось.

— Наши выставки? Пара крошечных инвестиций. Думаю, какое-то время вы будете вожаком стаи.

— Мы в блокаде!

— Кажется, вам из-за неё не так уж плохо. Вот нас Вашингтон любит, но в доказательство этого мы можем предъявить только кока-колу.

— Не возмущайтесь, — сказал Дхатт. — Вы канадскую колу пробовали? Всё это чушь времён холодной войны. Кого вообще колышет, с кем хотят играть американцы? Удачи вам с ними. «О, Канада…»

Дхатт пропел эту строчку, а потом сказал:

— Как там в вашем отеле с едой?

— Ничего. Паршиво. Не хуже, чем в любом другом отеле.

Он крутанул руль, свернув с уже знакомого мне маршрута.

— Милая? — сказал он в телефон. — Ты не могла бы сварганить ужин побольше? Спасибо, красавица. Хочу познакомить тебя со своим новым напарником.

Звали её Яллья. Прехорошенькая, намного моложе Дхатта, она, однако, встретила меня с большим достоинством. Она играла роль и наслаждалась этим, поджидая у дверей их квартиры, чтобы на уль-комский манер трижды расцеловать меня в знак приветствия.

По пути Дхатт посмотрел на меня и спросил: «Всё в порядке?» Быстро выяснилось, что он жил, говоря гросстопично, в пределах мили от моего дома. Из их гостиной я увидел, что окна Дхатта и Ялльи, как и мои, выходят на один и тот же участок зелёной земли тонко сбалансированной штриховки, который в Бещеле был рощей Майдлина, а в Уль-Коме — парком Квайдзо. Я сам часто гулял в Майдлине. Там есть места, где заштрихованы даже отдельные деревья и где уль-комские и бещельские дети карабкаются рядом, повинуясь шёпотным наказам своих родителей не-видеть друг друга. Дети подобны кулям с инфекцией. Из-за этого распространя-

лись заболевания. И здесь, и у меня на родине с эпидемиологией всегда было трудно.

— Как вам нравится Уль-Кома, инспектор?

— Тьядор. Очень нравится.

— Чепуха, он думает, что все мы бандиты и идиоты и наводнены тайными армиями из скрытых городов. — Смех Дхатта не был лишён язвительности. — Во всяком случае, возможностей осматривать достопримечательности у нас немного.

— А как движется дело?

— Нет никакого дела, — сказал он ей. — Есть ряд случайных и неправдоподобных происшествий, которые не имеют никакого смысла, если только не верить в самую страшную чушь изо всех возможных. А в основе всего этого — мёртвая девушка.

— Это правда? — спросила она у меня.

Еду вносили по частям. Она была не домашнего приготовления и вроде бы включала в себя множество полуфабрикатов и расфасованных продуктов, но была лучшего качества, чем я ел прежде, и более уль-комской, хотя это не безусловное благо. Небо над заштрихованным парком потемнело из-за наступающей ночи и влажных облаков.

— Вы скучаете по картошке, — сказала Яллья.

— Это у меня на лице написано?

— Вы ведь, кроме неё, ничего не едите? — Она думала, что ведёт себя игриво. — А такое для вас слишком остро?

— Кто-то следит за нами из парка.

— Как вы можете отсюда определить? — Она глянула поверх моего плеча. — Надеюсь, ради их же блага, что они в Уль-Коме.

Она была редактором финансового журнала и увлекалась, судя по книгам, которые я видел, и плакатам в ванной, японскими комиксами.

— Вы женаты, Тьядор?

Я пытался отвечать на вопросы Ялльи, хотя на деле они для этого поступали слишком быстро.

— Вы впервые в Уль-Коме?

— Нет, но давно не был.

— Значит, вы её не знаете.

— Нет. Когда-то я мог утверждать, что знаю Лондон.

— Вы хорошо попутешествовали! А теперь со всем этим путаетесь со странниками и брешедеями? — Такое направление разговора меня не порадовало. — Куссим говорит, что вы проводите время там, где выкапывают какое-то заколдованное старьё.

— Там так же, как и в большинстве мест, всё куда более бюрократично, чем представляется, какие бы причудливые истории ни плели.

— Это смешно. — И вдруг, совершенно внезапно, она приняла смиренный вид. — Мне не следует шутить по этому поводу. Это просто потому, что я почти ничего не знаю о той девушке, которая умерла.

— Ты никогда не спрашивала, — сказал Дхатт.

— Ну, это… У вас есть её фотография? — спросила Яллья.

Должно быть, я выглядел удивлённым, потому что Дхатт пожал плечами, глядя на меня. Я полез во внутренний карман пиджака, но вспомнил, когда его коснулся, что единственная фотография, которая у меня была, — уменьшенная копия фото, сделанного в Бещеле, вложенная в мой бумажник, — изображала Махалию мёртвой. Мне не хотелось её показывать.

— Простите, нет.

В непродолжительной тишине мне пришло в голову, что Махалия была лишь на несколько лет моложе Ялльи.

Я пробыл там дольше, чем ожидал. Она была хорошей хозяйкой, особенно когда я отвлёк её от прежних тем — она позволила мне перевести

разговор в другое русло. Я наблюдал, как они с Дхаттом исполняют неясно-склочные сценки. Это было так трогательно, что я отвлёкся от наших проблем. Созерцание Ялльи и Дхатта навело меня на мысли о Сариске и Бищайе. Мне вспомнилось странное рвение Айкама Цуеха.

Когда я собрался к себе, Дхатт вывел меня на улицу и направился к машине, но я сказал ему:

— Я доберусь сам.

— С вами всё в порядке? — спросил он. — Вы весь вечер были словно не в себе.

— Всё в порядке, извините. Мне очень жаль, я не хочу быть грубым; это очень любезно с вашей стороны. Правда, вечер был очень хорош, а Яллья… Вы счастливец. Я просто стараюсь всё обдумать. Слушайте, я вполне смогу добраться. Деньги у меня есть. Уль-комские. — Я показал ему свой бумажник. — Все документы при мне. Значок посетителя на месте. Знаю, вам неудобно, что я отправлюсь вот так, но я, серьёзно, хотел бы пройтись, мне надо немного побыть на воздухе. А вечер был прекрасный.

— Чёрт, о чём вы толкуете? Дождь ведь идёт.

— Я люблю дождь. И вообще это морось. Вот в Бещеле вы бы и дня не выдержали. В Бещеле у нас дожди что надо.

Старая шутка, но он улыбнулся и сдался.

— Ладно уж. Но нам надо решить эту задачку, знаете ли, мы не очень-то продвинулись.

— Верно.

— А ведь мы — лучшие умы, что имеются в наших городах, не так ли? Но Иоланда Родригез до сих пор не найдена, а теперь у нас пропал ещё и Боуден. Медалей нам за это не вручат. — Он огляделся. — Серьёзно, что происходит?

— Вы знаете всё, что знаю я, — сказал я.

— Меня донимает, — сказал он, — вовсе не то, что нет никакого способа осмыслить это дерьмо. А как раз то, что способ его осмыслить есть. Но я не хочу идти этим путём. Я не верю в…

Он отмахнулся от зловещих спрятанных городов. Посмотрел вдоль улицы. Она была сплошной, так что ни одно из освещённых окон вверху не являлось иностранным. Ещё не так уж поздно, и мы были не одни. Людские силуэты высвечивались фонарями дороги, перпендикулярной улице Дхатта, дороги, проходившей по большей части в Бещеле. На мгновение я подумал, что вон та чёрная фигура наблюдает за нами достаточно долго, чтобы это представляло собой брешь, но потом она двинулась дальше.

Когда я пустился в путь, поглядывая на раз-

мытые очертания города, то никуда конкретно не направлялся. Просто двигался на юг. В одиночестве шагая мимо тех, кто одинок не был, я тешил себя мыслью пойти туда, где жили Сариска, Бищайя или даже Корви. Они знали, что я в Уль-Коме. Я мог бы найти их и идти рядом с ними по улице, и мы были бы в нескольких сантиметрах, но не могли бы друг друга признать. Как в той старинной истории.

Не то чтобы я когда-то делал нечто подобное. Необходимость не-видеть знакомых или друзей — обстоятельство редкое и заведомо неудобное. На самом же деле я решился пройти мимо своего дома.

Отчасти я ожидал увидеть кого-нибудь из соседей, а никто, думаю, не знал, что я за границей, и поэтому следовало ожидать, что этот кто-то поприветствует меня, прежде чем заметит мой уль-комский значок посетителя и попытается поспешно загладить брешь. Свет у них горел, но все они были в помещении.

В Уль-Коме я находился на улице Иой. Она довольно равно заштрихована с Росидстращ, на которой я жил. В здании через две двери от моего дома располагался уль-комский ночной винный магазин, половина пешеходов вокруг

меня пребывала в Уль-Коме, так что гросстопично, физически близко, я мог остановиться у своей двери и не-видеть её, но в то же время, конечно, не совсем, испытывая чувство, название которого мне неведомо. Я медленно приблизился, не сводя глаз с фасадов Уль-Комы.

Кто-то за мной наблюдал. Вроде бы какая-то старуха. Я едва мог видеть её в темноте, черт лица, во всяком случае, совсем не различал, но было кое-что любопытное в том, как она стояла. Я рассмотрел её одежду и не смог понять, в каком она городе. Это обычное мгновение неопределённости, но продолжалось оно гораздо дольше, чем допустимо. И моя тревога не убывала, она росла, потому что её местопребывание никак не прояснялось.

В подобных тенях я замечал и других, о которых столь же трудно было что-либо сказать, они вроде бы возникали, не приближаясь ко мне, даже не двигаясь, но постепенно становились всё более в фокусе. Женщина продолжала смотреть на меня, а потом сделала два шага в мою сторону, так что она либо находилась в Уль-Коме, либо совершала брешь.

Это заставило меня отступить. Я продолжал пятиться. Возникла неприятная пауза, пока как

бы в запоздалом эхе она и те остальные одинаковым движением не исчезли в общей темноте. Я убрался оттуда, не совсем бегом, но быстро. Нашёл лучше освещённые улицы.

Я не пошёл прямиком в отель. Дождался, пока сердце перестало колотиться, и, проведя несколько минут не в безлюдном месте, направился к той же наблюдательной точке, что и раньше, с видом на Бол-Йеан. Этот осмотр я проводил гораздо осторожнее, чем в прошлый раз, стараясь воспроизводить уль-комские манеры, и за тот час, в течение которого я наблюдал за неосвещёнными раскопками, никто из *милицьи* не появился. Пока что я заметил за ними склонность либо оказываться на виду и не чураться применения силы, либо вообще отсутствовать. Несомненно, у полиции Уль-Комы имелся какой-то способ обеспечения тонкого вмешательства, но я его не знал.

В «Хилтоне» я потребовал разбудить меня в пять утра телефонным звонком и спросил у женщины за конторкой, не распечатает ли она мне сообщение, поскольку крошечный зал под названием «бизнес-центр» был закрыт. Сначала она сделала это на бумаге с шапкой отеля.

— Не могли бы вы сделать то же самое на про-

стой? — попросил я, подмигивая. — На случай, если его перехватят.

Она улыбнулась, не уверенная, в какой именно секрет её посвящают.

— Перечитайте, пожалуйста, что там получилось.

— «Срочно. Ко мне как можно быстрее. Не звони».

— Прекрасно.

Наутро я снова обозревал раскопки, проделав окольный путь через весь город. Хотя, как и требовал закон, на мне был значок посетителя, я прикрепил его на самый край лацкана, где ткань образует складку, так что он был видим только для тех, кто знал, на что надо смотреть. Он был прицеплен к пиджаку подлинного уль-комского покроя, который, как и моя шляпа, был не нов, хотя и нов для меня. Я вышел за несколько часов до открытия магазинов, но удивлённый улькоманин в самой дальней точке моей прогулки стал на несколько динаров богаче, а запасы верхней одежды у него слегка поубавились.

Не было никакой гарантии, что за мной не наблюдали, но я не думал, чтобы это была *милицья*. Прошло совсем немного времени после рассвета, но улькомане уже сновали повсюду. Я не стал

рисковать, подходя к Бол-Йеану ближе. По мере того как разворачивалось утро, город заполнялся сотнями детей — как теми, кто носил строгую уль-комскую школьную форму, так и десятками беспризорников. Я старался быть умеренно ненавязчивым, поглядывал вокруг из-за «Уль-Кома Насьоны» с её слишком длинными заголовками и завтракал чем-то жареным, купленным на улице. На раскопки начали прибывать люди. Часто объединённые в маленькие группы, они были слишком далеко от меня, чтобы различить, кто есть кто, когда каждый из них проходил, предъявляя свой пропуск. Я немного подождал.

Маленькая девочка в ветровке не по размеру и в подрезанных джинсах, к которой я подошёл, посмотрела на меня скептически. Я показал ей банкноту в пять динаров и запечатанный конверт.

— Видишь вон то? Ворота видишь?

Она кивнула, настороженная. Помимо всего прочего, эти дети при случае выступали в роли курьеров.

— Откуда вы? — спросила она.

— Из Парижа, — сказал я. — Только это секрет. Никому не говори. У меня для тебя есть работёнка. Как думаешь, сможешь ты уговорить тех

охранников позвать к тебе кое-кого?

Она кивнула.

— Я назову тебе имя, я хочу, чтобы ты пошла туда и нашла человека с таким именем, только этого человека, и чтобы ты вручила ему это послание.

Либо она была честной, либо сообразила, умница этакая, что оттуда, где я стоял, мне виден почти весь её путь к воротам Бол-Йеана. Она его доставила. Она ныряла в толпы и выныривала из них, крошечная и быстрая — чем быстрее будет выполнено это прибыльное задание, тем быстрее она сможет получить другое. Легко понять, почему у неё и других беспризорных детей появилось прозвище «рабочих мышек».

Через несколько минут после того, как она достигла ворот, появился некий человек с опущенной головой и поднятым воротником, он скованной, но быстрой походкой стал удаляться от раскопок. В одиночку, как и ожидалось. Хотя он был далеко, я точно знал, что это Айкам Цуех.

Я делал такое раньше. Я мог держать его в поле зрения, но в городе, которого я не знал, это трудно, потому что одновременно приходится обеспечивать собственную невидимость. Он облегчил мне задачу, ни разу не оглянувшись и всегда, кроме

пары мест, выбирая самые большие, заполненные народом и заштрихованные дороги, что, по моему предположению, было самым прямым маршрутом.

Сложный момент наступил, когда он сел в автобус. Я устроился неподалёку от него и мог прятаться за свою газету. Когда у меня зазвонил телефон, я вздрогнул, но такое в автобусе случалось не в первый раз, так что Айкам на меня не взглянул. Звонил Дхатт. Я отклонил вызов и выключил звонок.

Цуех сошёл и привёл меня к лежащей на отшибе сплошной зоне уль-комских жилищных массивов, за Бишам-Ко, очень далеко от центра. Здесь не было ни красивых кручёных башен, ни культовых газовых комнат. Бетонные дома между обширными кучами мусора не пустовали, но были полны шума и людей. Похоже на беднейшие жилые массивы Бещеля, только ещё беднее, со звуковым сопровождением на другом языке, с детьми и карманниками в другой одежде. Только когда Цуех вошёл в одну из промокших высоток и стал подниматься, пришлось мне проявить настоящую осторожность, ступая бесшумно, как только можно, по бетонной лестнице мимо граффити и экскрементов животных. Я слышал, как

он поспешает впереди, наконец останавливается и тихонько стучит в дверь. Я замедлил шаг.

— Это я, — послышался его голос. — Я здесь, это я.

Отвечающий голос был полон тревоги, хотя это впечатление, возможно, возникло потому, что тревоги я и ожидал. Я продолжал красться за ним. Жалел, что у меня нет при себе моего пистолета.

— Ты же звала меня, — сказал Цуех. — Сама написала. Впусти меня. В чём дело?

Дверь легонько скрипнула, и зашептал второй голос, но лишь немного громче, чем раньше. Теперь меня от них отделяла только покрытая пятнами колонна. Я затаил дыхание.

— Но ведь ты писала…

Дверь открылась шире, и я, услышав, что Айкам шагнул вперёд, обогнул колонну и быстро двинулся по маленькой площадке. У него не было времени заметить меня или повернуться. Я сильно толкнул его, и он влетел в приоткрытую дверь, распахнув её настежь, кого-то за ней оттеснил, упал и растянулся на полу в коридоре. Я услышал крик, но уже проследовал через порог и захлопнул за собой дверь. Стал возле неё, блокируя выход и глядя вдоль мрачного коридора между комнатами, на полу которого хрипел и пытался

встать Цуех, на кричащую молодую женщину, которая пятилась в ужасе.

Я приложил палец к губам, и она мало-помалу смолкла — конечно, по совпадению: у неё просто кончился воздух в лёгких.

— Нет, Айкам, — сказал я. — Ничего она не писала. То послание было не от неё.

— Айкам, — пролепетала она, всхлипывая.

— Перестаньте, — сказал я, снова прикладывая палец к губам. — Я не собираюсь причинять вам зло, я здесь не затем, чтобы вам навредить, но мы оба знаем, что есть другие, которые этого хотят. Я же хочу помочь вам, Иоланда.

Она снова заплакала, и я не мог определить, что было тому причиной: страх или облегчение.

Глава 19

Айкам поднялся на ноги и попытался напасть на меня. Он был мускулист и держал руки так, словно обучался боксу, но если это правда, то он не был хорошим учеником. Я поставил ему подножку и толкнул его лицом вниз на запятнанный ковёр, скрутив ему руки за спиной. Иоланда выкрикивала его имя. Он привстал, несмотря даже на то, что я его оседлал, поэтому мне пришлось снова ткнуть его лицом в пол, постаравшись, чтобы у него пошла носом кровь. Я оставался между ними обоими и дверью.

— Достаточно, — сказал я. — Готов успокоиться? Я пришёл не затем, чтобы причинять ей боль.

Сила на силу, он в конце концов одолел бы меня, если бы я не сломал ему руку. Ни то, ни другое желательным не было. Я перехватил взгляд девушки, следившей, как он ёрзает.

— Иоланда, успокойтесь. — Я перешёл на английский ради *лжи*. — У меня пистолет — не думаете ли вы, что я выстрелил бы, если бы хотел причинить вам вред?

— ’Кам, — сказала она наконец, и он почти сразу затих.

Она смотрела на меня, вжавшись в стену в конце коридора.

— Пустите руку, больно, — сказал Айкам из-под меня.

— Жаль это слышать. Если я отпущу его, он будет хорошо себя вести? — Это я снова сказал ей по-английски. — Я здесь, чтобы помочь вам. Знаю, вы боитесь. Вы слышите меня, Айкам?

Переходить с одного иностранного языка на другой при таком обилии адреналина было ничуть не сложно.

— Если я дам вам встать, вы присмотрите за Иоландой?

Он и не подумал стереть кровь, капавшую из носа. Нянча руку, он, будучи не в состоянии успокоительно обнять Иоланду, беспокойно топтался около неё. Наконец он встал между ней и мной. Она смотрела на меня из-за его спины с настороженностью, но не с ужасом.

— Что вам надо? — спросила она.

— Я понимаю, что вы испуганы. Я не из улькомской *милиции* — им я доверяю не больше вашего. И не собираюсь их вызывать. Позвольте мне вам помочь.

В комнате, называемой ею гостиной, Иоланда Родригез съёжилась в старом кресле, которое они,

вероятно, притащили из заброшенной квартиры в той же высотке. Там имелось несколько таких предметов меблировки, по-разному сломанных, но чистых. Окна выходили во двор, из которого доносились крики уль-комских мальчишек, игравших в грубую доморощенную версию регби. Самих их через побелённые стёкла видно не было.

Книги и другие вещи лежали в коробках, расставленных по всей комнате. Дешёвый ноутбук, дешёвый струйный принтер. Хотя электричества, насколько я мог судить, там не было. На стенах не висело никаких плакатов. Дверь в комнату была открыта. Я стоял, прислонившись к ней и глядя на две фотографии на полу: на одной был изображён Айкам, на другой, в лучшей рамке, — Иоланда и Махалия, улыбающиеся за коктейлями.

Иоланда встала, снова села. Она избегала смотреть мне в глаза. Не пыталась скрыть страха, который не утихал, хотя я уже не был его непосредственной причиной. Боялась показать растущую надежду или дать ей чрезмерную волю. Выражение, воцарившееся на её лице, я не раз видел раньше. Люди нередко жаждут освобождения.

— Айкам хорошо потрудился, — сказал я, опять

по-английски.

Айкам, хоть и не понимал этого языка, перевести не просил. Он стоял возле кресла Иоланды и смотрел на меня.

— Вы поручили ему попытаться выяснить, как выбраться из Уль-Комы, не попадая на радар. Удалось?

— Как вы узнали, что я здесь?

— Ваш парень делал именно то, что вы ему велели. Пытался выяснить, что происходит. С чего бы ему заботиться о Махалии Джири? Они никогда друг с другом не разговаривали. А вот о вас он печётся. Так что когда он, выполняя ваше поручение, расспрашивал о ней, это выглядело странно. Наводило на мысли. Зачем он это делает? Это ведь вы, вы о ней волновались, и вы же волнуетесь о себе самой.

Она снова встала и повернулась лицом к стене. Я ждал, что она что-нибудь скажет, но она молчала, и я продолжил:

— Я польщён, что вы заставили его обратиться с вопросами ко мне. Единственному полицейскому, который, по-вашему, просто не мог быть частью происходящего. Аутсайдеру.

— Вы не знаете! — Она обернулась ко мне. — Я вам не доверяю…

— Хорошо, хорошо, я такого и не говорил.

Странное увещевание. Айкам смотрел, как мы тараторим.

— Значит, вы никуда не выходите? — спросил я. — А чем питаетесь? Консервами? Полагаю, Айкам вас навещает, но не часто…

— Он не может часто. Как вы вообще меня нашли?

— Это он мог бы объяснить. Он получил записку: надо прийти. Чего бы это ему ни стоило, он старался окружить вас заботой.

— Так оно и есть.

— Вижу.

На улице сцепились собаки: об этом сообщил нам шум. К ним присоединились их владельцы. Загудел мои телефон, слышимый даже при выключенном звонке. Она вздрогнула и попятилась, словно я мог выстрелить в неё из мобильника. Дисплей оповестил меня, что это Дхатт.

— Послушайте, — сказал я. — Я его выключаю. Выключаю его.

Если он следит за прохождением вызова, то увидит, что звонок перенаправлен на голосовую почту, прежде чем отключились все типы звонков.

— Что же случилось? Кто вам угрожал? Почему

вы сбежали?

— Я не дала им такого шанса. Видели ведь, что случилось с Махалией. Она была моей подругой. Я пыталась убедить себя, что это не обернётся таким вот образом, но она мертва.

Она проговорила это чуть ли не с благоговейным ужасом. Лицо у неё исказилось как от боли, и она замотала головой.

— Они её убили.

— У ваших родителей нет от вас никаких вестей…

— Мне нельзя. Я не могу, мне надо… — Кусая ногти, она на мгновение подняла взгляд. — Вот когда я выберусь…

— Отправитесь прямиком в посольство соседней страны? За горами? Почему бы не здесь? Или в Бещеле?

— Сами знаете, почему.

— Допустим, не знаю.

— Потому что они и здесь, и там тоже. Они всем заправляют. Ищут меня. Не нашли только потому, что я скрылась. Они готовы меня убить, как убили мою подругу. Потому что я знаю, что они есть. Знаю, что они реальны.

Тон её в этот момент послужил достаточной причиной, чтобы Айкам её обнял.

— Кто? — Давай-ка это услышим.

— Третья сторона. Между городом и городом. Оркини.

Если бы отмотать время назад примерно на неделю, этого было бы достаточно, чтобы я сказал ей об её глупости или паранойе. Моё промедление — когда она рассказала мне о заговоре, последовали несколько секунд, когда мне безмолвно предлагалось ей возразить, но я промолчал, — укрепило её верования, позволив ей думать, что я с ней согласен.

Она не сводила с меня глаз, принимая за единомышленника и не зная, из-за чего я так себя вёл. Я не мог сказать ей, что её жизнь вне опасности. Не мог сказать ни того, что нет угрозы для жизни Боудена — тот, быть может, уже мёртв — или для моей, ни того, что я мог бы обеспечить её безопасность. Я почти ничего не мог ей сказать.

Иоланда пряталась в этой квартире, найденной и старательно подготовленной её верным Айкамом, в той части города, которую она никогда не собиралась удостаивать посещением и названия которой не знала за день до того, как появилась здесь после трудного и тайного побега — посреди ночи, окольными путями. Они сделали всё, что могли, чтобы превратить квартирку в терпимое

обиталище, но это была заброшенная нора в трущобах, которую она не могла покинуть из-за ужаса быть обнаруженной невидимыми силами, желавшими, она знала это, чтобы она умерла.

Я бы сказал, что она никогда не видела подобного места раньше, но это могло бы оказаться неправдой. Возможно, раз-другой ей доводилось смотреть какой-нибудь документальный фильм с названием вроде «Обратная сторона уль-комской мечты» или «Болезнь Нового Волка». Фильмы о наших соседях не были особо популярны в Бещеле, редко попадали в прокат, так что поручиться я не мог, но не удивился бы, если бы был снят какой-нибудь блокбастер про банды в уль-комских трущобах — возвращение на путь истинный некоего не слишком крутого наркодельца, впечатляющие убийства нескольких других. Может быть, Иоланда видела репортажи о неблагополучных жилых массивах Уль-Комы, но у неё и в мыслях не было их посещать.

— Вы знаете своих соседей?

— По голосам. — Она не улыбнулась.

— Иоланда, я понимаю, что вы боитесь.

— Они добрались до Махалии, добрались до доктора Боудена, а теперь хотят добраться до меня.

— Я понимаю, вы испуганы, но вы должны мне

помочь. Я собираюсь вызволить вас отсюда, но мне нужно знать, что произошло. Если я не буду знать, то не смогу вам помочь.

— Помочь мне? — Она обвела взглядом комнату. — Вы хотите, чтобы я рассказала вам, в чём дело? Вы, конечно, готовы здесь прятаться? Вам придётся, сами понимаете. Если вы узнаете, что происходит, они и на вас ополчатся.

— Пускай.

Она вздохнула и опустила голову. «Всё в порядке?» — по-иллитански спросил у неё Айкам, и она пожала плечами: дескать, может быть.

— Как она нашла Оркини?

— Я не знаю.

— Где это?

— Не знаю и знать не хочу. Есть какие-то точки доступа, так она говорила. Большего она не рассказывала, а мне и этого было довольно.

— Почему она никому, кроме вас, об этом не говорила?

Похоже, о Джарисе она не знала.

— Она же не была сумасшедшей. Видели вы, что случилось с доктором Боуденом? Никто не станет признаваться, что хочет разузнать об Оркини. Она всегда была здесь ради него, только никому не говорила. А им только этого и надо. Оркини-

анам. Им идеально подходит, чтобы никто не думал, что они реальны. Это как раз то, чего они хотят. Вот так они и правят.

— Её диссертация…

— Она нисколько о ней не заботилась. Просто делала достаточно, чтобы её профессор Нэнси не доставала. Она была здесь ради Оркини. Понимаете, они с ней связались. — Она вперялась в меня настойчивым взглядом. — Серьёзно. Она была немного… когда она впервые была здесь на конференции, в Бещеле, она вроде много чего наговорила. Там, кроме учёных, было много политиков и прочих, и это вызвало…

— Она нажила врагов. Об этом я слышал.

— Да, все мы знали, что за ней следят наци, причём наци с обеих сторон, но не это было главной проблемой. Главное, что тогда её заметили оркиниане. Они повсюду.

Разумеется, она выставила себя на всеобщее обозрение. Её видела Шура Катринья: я вспомнил, какое лицо у неё было, когда я упомянул в Комитете по надзору о том инциденте. Как и Михель Бурич, вспомнил я, и ещё кое-кто. Возможно, Сьедр тоже её видел. Может, там же ею заинтересовались и другие, неизвестные.

— Когда она начала о них писать, после того как

прочла все материалы в «Между…», конспектируя их, исследуя и строча все эти свои сумасшедшие заметки, — она подвигала рукой, словно записывая что-то мелким почерком, — она получила письмо.

— Она вам его показывала?

Иоланда кивнула.

— Я ничего не поняла, когда его увидела. Оно было на корневом языке. Что-то связанное с Предтечей, старинная письменность, существовавшая до бещельской и иллитанской.

— О чём там говорилось?

— Она рассказала мне. Там было что-то вроде такого: «Мы за вами наблюдаем. Вы понимаете. Хотите узнать больше?» Были ещё и другие.

— Она вам их показывала?

— Не сразу.

— О чём они ей писали? Зачем?

— Потому что она на них работала. Они видели, что она хотела бы стать их частью. Так что они её наняли. Заставляли делать для них разное — это было вроде… вроде обряда посвящения. Давать им информацию, что-то доставлять.

Это было невозможно. Она смотрела на меня так, словно вызывала на высмеивание, а я молчал.

— Они дали ей адреса, где она должна была оставлять письма и вещи. В диссенсусах. Сообщения шли туда и обратно. Она им отвечала. Они сообщали ей разные сведения. Об Оркини. Она немного рассказала мне о нём, об его истории и ещё кое о чём, и это было вроде… В общем, такие места, которых никто не может видеть, потому что все думают, будто они в другом городе. Бещельцы думают, что это здесь, улькомане считают, что это в Бещеле. Люди в Оркини, они не похожи на нас. Они могут делать такое, что не…

— Она с ними встречалась?

Иоланда стояла рядом с окном, глядя наружу и вниз под углом, который не давал ей проступить силуэтом в рассеянном побелкой свете. Она повернулась, чтобы посмотреть на меня, и ничего не сказала. Она уже не только успокоилась, но впала в уныние. Айкам подошёл к ней ближе. Его взгляд метался между нами, как у зрителя на теннисном матче. В конце концов Иоланда пожала плечами.

— Я не знаю.

— Рассказывайте.

— Она хотела. Я не знаю. Знаю, что сначала они отказались. «Пока что нет», — сказали они. Они рассказывали ей разные вещи, об истории,

о тех предметах, которыми мы занимались. Эти артефакты, артефакты эпохи Предтечи… они принадлежат им. Когда их раскапывают в Уль-Коме или даже в Бещеле, всегда возникают споры о том, чьи они, где они были найдены, всё такое, понимаете? А это не принадлежит ни Уль-Коме, ни Бещелю. Это собственность Оркини и всегда было ею. Они рассказывали ей о найденных нами предметах такое, чего не мог бы знать никто, кроме тех, кто их туда поместил. Это их история. Они были здесь ещё до того, как Уль-Кома и Бещель то ли раскололись, то ли соединились вокруг них. И никогда отсюда не уходили.

— Но это же просто лежало там, пока кучка канадских археологов…

— Они их там хранили. Эти предметы не были утеряны. Земля под Уль-Комой и Бещелем — это их кладовая. Всё там принадлежит Оркини. Всё это было их собственностью, и мы просто… Я думаю, она рассказывала им, где мы копаем и что находим.

— Значит, она воровала для них.

— Это мы воровали у них… Знаете, она никогда не совершала брешей.

— Что? Я думал, все вы…

— Вы имеете в виду… в качестве игры? Только

не Махалия. Она не могла. Слишком много было чего терять. Слишком большая вероятность, что кто-то за ней следит, так она говорила. Она никогда не совершала брешей, даже ни одним из этих неопределимых способов, когда просто стоишь на месте, знаете? Не хотела предоставить Бреши ни малейшего шанса её забрать.

Она опять задрожала. Я присел на корточки и огляделся.

— Айкам, — сказала она по-иллитански. — Не принесёшь ли нам чего-нибудь выпить?

Он не хотел выходить из комнаты, но видел, что она меня больше не боится.

— Она занималась только тем, — сказала она, — что ходила в те места, где они оставляли свои письма. Диссенсусы — это входы в Оркини. Она была так близка к тому, чтобы стать его частью. Так она думала. Поначалу.

Я выжидал, и она наконец продолжила:

— Я спрашивала у неё, что случилось. Последнюю пару недель что-то действительно шло не так. Она перестала ходить на раскопки, на встречи, куда бы то ни было.

— Я слышал.

— Я всё время спрашивала: «В чём дело?» — и сначала она говорила: «Ничего», — но в кон-

це концов сказала мне, что боится. «Что-то не так», — сказала она. Она была расстроена, я думаю, тем, что оркиниане не пускали её к себе, и стала работать как сумасшедшая. Занималась усерднее, чем я когда-либо видела раньше. Я снова спросила у неё, в чём дело. А она просто говорила, что боится. Сказала, что снова и снова просматривала свои заметки и кое-что выяснила. Что-то плохое. Сказала, что мы можем оказаться ворами, даже не подозревая об этом.

Вернулся Айкам. Он принёс нам с Иоландой по тёплой банке «коры-оранджи».

— По-моему, она сделала что-то такое, что навлекло на неё гнев Оркини. Она знала, что попала в беду, что Боуден тоже под ударом. Она сказала об этом как раз перед тем, как…

— Зачем им его убивать? — спросил я. — Ведь он больше не верит в Оркини.

— Господи, конечно же, он знает, что они реальны. Конечно, знает. Он отрицал это в течение многих лет, потому что нуждался в работе, но читали ли вы его книгу? Они преследуют всех, кто о них знает. Махалии сказала мне, что он в беде. Как раз перед тем, как исчезла. Он слишком много знал, и я тоже слишком много знаю. А теперь и вы.

— Что вы намерены делать?

— Оставаться здесь. Прятаться. Выбраться.

— Каким образом? — спросил я.

Она посмотрела на меня жалким взглядом.

— Ваш парень старался как только мог. Спрашивал У меня, как уголовник мог бы выбраться из города.

Она даже улыбнулась.

— Позвольте мне помочь вам.

— Вы не сможете. Они повсюду.

— Вы этого не знаете.

— Как вы сможете обеспечить мне безопасность? Теперь они и за вами будут охотиться.

Каждые несколько секунд раздавались звуки, сопровождавшие чей-нибудь подъём по лестнице, — крики, музыка переносного *MP3*-плеера, игравшего рэп или уль-комское техно достаточно громко, чтобы это можно было назвать наглостью. Такие повседневные шумы могли быть и камуфляжем. Корви далеко — в другом городе. Прислушиваясь к ним теперь, я начал воображать, что эти шумящие не просто проходят мимо, но периодически один из них останавливается у двери в квартиру.

— Мы не знаем, в чём состоит правда, — сказал я.

Я хотел сказать больше, но, понимая, что и сам не уверен, кого и в чём пытаюсь убедить, замялся, и она меня перебила:

— Махалия знала. Что вы делаете?

Я достал телефон. Поднял его, словно бы сдаваясь, обеими руками.

— Не впадайте в панику, — сказал я. — Я просто подумал… мы должны разобраться, что делать. Есть люди, которые могли бы нам помочь…

— Прекратите, — сказала она.

У Айкама был такой вид, будто он вот-вот снова на меня набросится. Я приготовился уклониться, но помахал телефоном, чтобы она увидела: он выключен.

— Есть одна возможность, о которой вы никогда не задумывались, — сказал я. — Вы могли бы выйти на улицу, перейти через дорогу немного ниже, и войти на Яхудстращ. Она в Бещеле. Стоять там и размахивать руками. Вы могли бы совершить брешь.

Она посмотрела на меня так, словно я сошёл с ума. Ещё один шумливый тип пробежал вверх по лестнице, и мы втроём подождали, пока он удалится.

— Вы никогда не задумывались, что стоит попробовать? Кто может прикоснуться к Бреши?

Если Оркини хочет до вас добраться…

Иоланда смотрела на упаковки со своими книгами, на свою упакованную личность.

— Может, вы бы даже оказались в большей безопасности.

— Махалия говорила, что они враждуют, — сказала она. Её голос звучал словно издалека. — Она как-то сказала, что вся история Бещеля и Уль-Комы — это история войны между Оркини и Брешью. Бещель и Уль-Кома используются в этой войне как шахматные фигуры. Они могут сделать со мной что угодно.

— Бросьте, — перебил её я. — Вы же знаете, что большинство иностранцев, совершивших брешь, просто выдворяют…

Но и она меня перебила:

— Даже если бы я знала, как они со мной обойдутся, чего никто из нас не знает, подумайте вот о чём. Нечто таинственное более тысячи лет существует между Уль-Комой и Бещелем, всё время за нами наблюдает, знаем мы об этом или нет. Со своими собственными планами. Думаете, я была бы в большей безопасности, если бы меня забрала Брешь? В Бреши? Я не Махалия. Я совсем не уверена, что Оркини и Брешь враждуют. Может, они работают вместе. Или, может, при-

зывая Брешь, вы веками передаёте полномочия Оркини, посиживая тем временем и уверяя друг друга, что всё это сказки. По-моему, Оркини — это самоназвание Бреши.

Глава 20

Сначала Иоланда не хотела, чтобы я входил; теперь она не хотела меня отпускать.

— Они вас увидят! Найдут вас. Они вас схватят, а потом явятся за мной.

— Я не могу здесь оставаться.

— Они вас поймают.

— Я не могу здесь оставаться.

Она смотрела, как я расхаживаю по комнате, то к окну, то обратно к двери.

— Не надо… вам нельзя отсюда звонить…

— Перестаньте паниковать. — Но я и сам остановился, потому что не был уверен, что она не права. — Айкам, в этом здании есть другой выход?

— Не тот, каким мы пришли? — На мгновение его взгляд сделался напряжённым и как бы обращённым внутрь. — Некоторые квартиры внизу пустуют — возможно, вы могли бы пройти через них…

— Хорошо.

По непроницаемым для взгляда стёклам начал постукивать дождь. Судя по слабому потемнению побелённых окон, было лишь слегка пасмурно.

Наверное, просто краски поблёкли. Всё же казалось, что совершить побег сейчас безопаснее, чем при ясном небе и в холодном солнечном свете, как это было утром.

— Вы в Уль-Коме совсем один, — прошептала Иоланда. — Что вы можете сделать?

— Вы мне доверяете? — спросил я.

— Нет.

— Очень плохо. У вас нет выбора. Я собираюсь вызволить вас отсюда. Здесь я не в своей стихии, но…

— Что вы хотите сделать?

— Я собираюсь вас отсюда вызволить, вернуться домой, туда, где я смогу всё устроить. Собираюсь забрать вас в Бещель.

Она воспротивилась. В Бещеле, дескать, никогда не была. Оба города под контролем Оркини, за обоими ведёт наблюдение Брешь. Я перебил её:

— Что же вам ещё делать? Бещель — мой город. Я не смогу поладить со здешней системой: у меня нет связей. Не знаю входов и выходов. Но я могу отправить вас домой из Бещеля, и вы можете мне помочь.

— Вы не можете…

— Иоланда, замолчите. Айкам, больше ни шагу.

Оставаться на месте уже не было времени. Она права, я не мог обещать ей ничего, кроме попытки.

— Я смогу вас вызволить, но не отсюда. Ещё один день. Ждите здесь. Айкам, с вашей работой покончено. В Бол-Йеане вы больше не работаете. Ваша задача — оставаться здесь и присматривать за Иоландой.

Защиту он обеспечит слабую, но его постоянные вмешательства в то, что происходит в Бол-Йеане, в конечном итоге привлекут больше внимания, чем мои.

— Я вернусь. Понимаете? И заберу вас.

Еды у неё было на несколько дней, консервный рацион. В квартире имелась эта небольшая гостиная/ спальня, другая комната, поменьше, наполненная одной только сыростью, и кухня без электричества и газа. Ванная была нехороша, но за день-другой это их не убило бы: Айкам наполнил вёдра водой из какой-то напорной трубы, и те стояли, готовые к смыву. Множество освежителей воздуха, которые он купил, сделали зловоние несколько иным, чем оно могло бы быть.

— Оставайтесь здесь, — сказал я. — Я вернусь.

Айкам узнал последнюю фразу, хотя она прозвучала по-английски. Он улыбнулся, и поэтому

я произнёс эти слова снова, специально для него, с австрийским акцентом. Иоланда этого не поняла.

— Я вас вызволю, — сказал я ей.

На первом этаже, несколько раз толкнувшись в двери, я проник в пустую квартиру, повреждённую давним пожаром, но до сих пор пахнущую горелым. В окно кухни, в котором не было стёкол, я наблюдал за самыми стойкими детьми, не желавшими уходить из-под дождя. Наблюдал я долго, вглядываясь во все тени, что мог различить. Видел только этих детей. Натянув рукава на пальцы, чтобы не поранить их о стеклянную бахрому, я выпрыгнул во двор, где никто, увидев моё появление, не стал бы делать мне замечаний.

Я знаю, как надо смотреть, чтобы убедиться в отсутствии «хвоста». Я быстро пошёл, срезая углы, между мусорными баками и автомобилями, граффити и детскими площадками, пока не выбрался из замкнутой территории в городской пейзаж Уль-Комы, а заодно и Бещеля. Испытывая облегчение от того, что стал одним из нескольких пешеходов, а не единственной целеустремлённой фигурой на виду, я немного отдышался, зашагал той же уклоняющейся от дождя походкой, что

и все остальные, и наконец включил телефон. Он обругал меня, указывая, сколько я пропустил сообщений. Все от Дхатта. Я был голоден и не знал точно, как вернуться в Старый город. Я бродил в поисках метро, но нашёл телефонную будку. Позвонил ему оттуда.

— Дхатт слушает.

— Это Борлу.

— Где, чёрт возьми, вас носит? Где вы были? — Он был зол, но соблюдал конспирацию, голос у него, когда он ответил и забормотал в трубку, был тише, а не громче. Хороший признак. — Я пытался дозвониться до вас хрен знает сколько времени. Все ли… Вы в порядке? Что, чёрт возьми, происходит?

— Я в порядке, но…

— Что-то случилось? — В его голосе звучала злость, но не только злость.

— Да, кое-что случилось. Не могу об этом говорить.

— Чёрта лысого вы не можете.

— Послушайте. Послушайте. Мне нужно поговорить с вами, но у меня нет на это времени. Если хотите знать, что происходит, давайте встретимся, не знаю, — я перелистывал карту улиц, — на Каинг-Ше, на площади у станции, в два часа, и,

Дхатт, никого больше не приводите. Дело серьёзное. Здесь происходит больше, чем вы знаете. Я не знаю, к кому обратиться. В общем, вы мне поможете?

Я заставил его прождать целый час. Наблюдал за ним из-за угла, о чём он, конечно, не мог не знать. Станция Каинг-Ше является крупнейшим вокзалом города, поэтому на площади перед ней роится множество улькоман — в кафе, внимая уличным исполнителям, покупая *DVD*-диски и электронику в киосках. Топольгангерская площадь в Бещеле не вполне пустовала, так что невидимые бещельские граждане гросстопично там присутствовали. Я стоял возле табачного киоска, оформленного в честь временной уль-комской хижины, какие некогда часто встречались среди болотных угодий, где сборщики мусора рылись в заштрихованной грязи. Видел, как Дхатт ищет меня взглядом, но оставался вне поля его зрения, меж тем как темнело, и следил, не звонит ли он куда-нибудь (он не звонил) и не подаёт ли знаков руками (он не подавал). Лишь лицо у него всё больше и больше затвердевало, пока он пил чай и сердито всматривался в тени. Наконец я вышел и несколько раз слегка шевельнул рукой, чтобы привлечь его внимание и подозвать к себе.

— Что за хрень происходит? — возмутился он. — Мне звонил ваш босс. И Корви. Кто она вообще такая? В чём дело?

— Я не виню вас за то, что вы сердитесь, но голос вы не повышаете, а значит, осторожны и хотите знать, что происходит. Вы правы. Кое-что случилось. Я нашёл Иоланду.

Когда я не захотел сообщить ему, где она, он разъярился настолько, что начал угрожать международным инцидентом. «Это не ваш чёртов город, — говорил он. — Вы приехали сюда, воспользовались нашими ресурсами и, чтоб вам, перехватили наше расследование», — и так далее, но голоса он по-прежнему не повышал и шёл рядом со мной, так что я дал ему поутихнуть, а потом начал рассказывать, как напугана Иоланда.

— Мы оба знаем, что нам её не успокоить, — сказал я. — Далее. Никто из нас не знает правду о том, что за чертовщина происходит. Ни об унифах, ни о наци, ни о бомбе, ни об Оркини. Чёрт, Дхатт, всё, что мы знаем…

Он не сводил с меня взгляда.

— Чем бы это ни было… — я взглядом указывал на происходящее вокруг, — оно идёт к чему-то очень дурному.

Некоторое время мы оба молчали.

— Так какого чёрта вы вообще со мной говорите?

— Потому что мне кто-то нужен. Но, да, вы правы, может, это ошибка. Вы единственный, кто мог бы понять… масштаб происходящего. Я хочу её вызволить. Послушайте меня: речь не об Уль-Коме. Своим людям я доверяю не больше, чем вашим. Я хочу вызволить эту девушку из Уль-Комы и из Бещеля. А здесь я это сделать не могу, это не моя площадка. Здесь за ней наблюдают.

— Может быть, я смогу?

— Хотите стать добровольцем?

Он ничего не сказал.

— Правильно. Добровольцем буду я. Дома у меня есть связи. Нельзя так долго прослужить полицейским и не знать, как раздобыть билеты и поддельные документы. Я могу её спрятать, могу поговорить с ней в Бещеле, прежде чем отправлю её домой, прояснить всё это. Это не капитуляция: напротив. Если мы уберём её из-под удара, у нас будет гораздо больше шансов не оказаться зашоренными. Возможно, мы сумеем разобраться в том, что происходит.

— Вы говорили, Махалия уже нажила врагов в Бещеле. Я думал, вы хотите допросить их.

— Наци? Теперь это не имеет особого смысла.

Во-первых, всё это далеко за пределами власти Сьедра и его парней, а во-вторых, Иоланда у меня на родине никого не обозлила, она никогда там не была. Я мог бы выполнять свою работу там. — Я имел в виду, что мог бы выйти и за рамки своей работы — мог бы дёргать за ниточки и добиваться услуг. — Я не пытаюсь отделаться от вас, Дхатт. Я расскажу вам всё, что знаю, если добьюсь от неё чего-то большего, может, даже вернусь сюда, чтобы мы продолжили охотиться за преступниками, но сейчас я хочу забрать отсюда эту девушку. Она боится до смерти, Дхатт, и можем ли мы и впрямь утверждать, что она не права?

Дхатт всё покачивал головой. Он не выражал ни согласия со мной, ни несогласия. Через минуту он заговорил, сухо:

— Я снова посылал своих людей к унифам. Никаких следов Джариса. Мы даже не знаем настоящего имени этого мерзавца. Если кто-нибудь из его приятелей знает, где он или встречался ли он с ней, они не говорят.

— Вы им верите?

Он пожал плечами.

— Мы их проверяли. Ничего не смогли выяснить. Не похоже, чтобы они хоть что-то знали. Один или двое явно что-то слышали о Марье, но

большинство никогда её даже не видели.

— Это всё за пределами их понимания.

— А, не беспокойтесь, да они ко всякой хрени готовы; кроты сообщают, что они замышляют то и это, собираются разрушить границы, планируют всевозможные революции…

— Мы же не об этом сейчас говорим. И эту чепуху можно слышать постоянно.

Он молчал, пока я перечислял ему, что произошло на наших глазах. Мы замедляли шаг в темноте и ускоряли в лужицах фонарного света. Когда я сказал ему, что, по словам Иоланды, Махалия говорила, что Боуден тоже в опасности, он остановился. Несколько секунд мы простояли в обмирающей тишине.

— Сегодня, пока вы носились с маленькой мисс Паранойей, мы обыскали квартиру Боудена. Никаких признаков взлома, никаких признаков борьбы. Ничего. Тарелка отставлена в сторону, книга страницами вниз лежит на стуле. На столе у него нашли письмо.

— От кого?

— Яллья сказала мне, что вы что-то уловили. В письме не сообщается, от кого оно. Оно написано не по-иллитански. В нём вообще всего одно слово. Я думал, оно на каком-то причудливом бещель-

ском, но оказалось, что нет. Это язык Предтечи.

— Что? Что там говорится?

— Я показал его Нэнси. Она сказала, что это старая версия письменности, которой она раньше не видела, и что она не стала бы в этом клясться и тэдэ и тэпэ, но почти уверена, что это предупреждение.

— Предупреждение о чём?

— Просто предупреждение. Как череп и скрещённые кости. Слово, которое является предупреждением.

Было настолько темно, что мы плохо видели лица друг друга. Я непреднамеренно подвёл его ближе к пересечению со сплошной бещельской улицей. Приземистые кирпичные здания в коричневатом свете, где проходили мужчины и женщины в длинных пальто под качающимися сепийными вывесками, которых я не-видел, перемежались с уль-комской чередой стеклянных фасадов и витрин, освещённой натриевыми лампами, как нечто старое и повторяющееся.

— Ну а кто бы мог воспользоваться такой разновидностью?..

— Не надо рассказывать мне о тайных городах. Не надо.

У Дхатта был затравленный вид. Он выглядел

больным. Он повернулся, вжался в угол дверного проёма и несколько раз яростно ударил по собственной ладони.

— Что за хрень? — сказал он, вглядываясь в темноту.

Будет ли жить то, что жило как Оркини, если кто-то поощрит идеи Иоланды и Махалии? Что-то настолько маленькое, настолько могущественное, поселившееся в полостях другого организма. Желающее убивать. Паразит. Город-прилипала, совершенно беспощадный.

— Даже если… даже если, скажем, что-то не в порядке с моими соотечественниками и с вашими, что бы там ни было, — сказал наконец Дхатт.

— Всё схвачено. Куплено.

— Что бы там ни было. Даже если.

Мы шептались под хлопанье зарубежного флага, развевавшегося над нами на ветру в Бещеле.

— Иоланда убеждена, что Брешь — это и есть Оркини, — сказал я. — Я не говорю, что согласен с ней — сам не знаю, что именно я говорю, — но пообещал ей, что вызволю её.

— Брешь выдворила бы её.

— Вы готовы поклясться, что она не права? Готовы ли вы со всей — чтоб ей! — уверенностью поклясться, что ей не о чем беспокоиться? — Я

говорил шёпотом.

Это был опасный разговор. — Им пока никак до неё не добраться — не совершено никаких брешей, — и она хочет, чтобы так оно и оставалось.

— Так что же вы хотите сделать?

— Я хочу её увезти. Не говорю, что кто-то здесь за ней наблюдает, не говорю, что она права хоть в чём-то, о чём говорит, но кто-то убил Махалию и кто-то добрался до Боудена. В Уль-Коме что-то происходит. Я прошу у вас помощи, Дхатт. Посодействуйте мне. Мы не можем сделать это официально, она не будет сотрудничать ни с чем официальным. Я обещал, что позабочусь о ней, но это не мой город. Вы мне поможете? Нет, мы не можем рисковать, делая всё по правилам. Так вы поможете? Мне нужно вывезти её в Бещель.

Той ночью ни я не вернулся в отель, ни Дхатт не пошёл домой. Не обуреваемые тревогой, но всё же потакая ей и ведя себя так, будто всё это могло быть правдой, мы вместо этого ходили по улицам.

— Чёрт возьми, не могу поверить, что я этим занимаюсь, — повторял он, оглядываясь чаще меня.

— Мы сможем переложить всю вину на меня, — сказал я.

Я ожидал не этого, однако рискнул сказать ему так, чтобы он был моим соучастником, стоя на одной со мной линии.

— Держитесь ближе к народу, — сказал я ему. — И к штриховке.

Там, где больше людей и где два города сближаются друг с другом, возникает интерференция, из-за которой труднее толковать и предсказывать. Это больше, чем просто город и город: это элементарная городская арифметика.

— По своей визе я могу выехать в любое время, — сказал я. — Можете вы раздобыть ей пропуск?

— Я, конечно, могу получить пропуск для себя. Могу получить пропуск для чёртова полицейского, Борлу.

— Позвольте мне это перефразировать. Можете вы получить выездную визу для офицера Иоланды Родригез?

Он уставился на меня. Мы по-прежнему говорили шёпотом.

— Ей даже уль-комский паспорт не выдали бы…

— Так вы сможете перевезти её на ту сторону? Я не знаю, что представляют собой ваши пограничники.

— Что за хрень? — снова сказал он.

По мере уменьшения числа прохожих наша пешая прогулка переставала быть камуфляжем, рискуя стать его противоположностью.

— Знаю здесь одно место, — сказал Дхатт.

Это оказалось питейное заведение в подвале напротив банка на окраине Старого города Уль-Комы, управляющий которого приветствовал его с почти убедительным удовольствием. Там было полно дыма и мужчин, которые глазели на Дхатта, зная, кто он такой, несмотря на его гражданскую одежду. Казалось, они решили, будто он собирается пресечь употребление наркотиков, но он махнул рукой — дескать, валяйте дальше. Дхатт жестом потребовал у менеджера телефон. Тот, поджав губы, протянул его через прилавок, а Дхатт передал мне.

— Святой Свет, ну так давайте это сделаем, — сказал он. — Я смогу провезти её через границу.

Там гремела музыка, и гвалт разговоров был очень громким. Я вытянул телефон на всю длину шнура и сгорбился, полуприсев за стойкой до уровня живота людей вокруг. Так оно спокойнее. Чтобы получить международную линию, пришлось переговорить с оператором, чего мне совсем не хотелось.

— Корви, это Борлу.

— Господи! Погодите минутку. Боже мой.

— Корви, простите, что звоню так поздно. Вы меня слышите?

— Господи. Который час?.. Чёрт, не слышу ни слова, вы всё время…

— Я в баре. Слушайте, простите, что звоню в такой час. Мне надо, чтобы вы кое-что для меня организовали.

— Господи, босс, вы что, смеётесь?

— Нет. Соберитесь. Корви, вы нужны мне.

Я едва ли не видел, как она трёт лицо, может, проходит с телефоном, сонная, на кухню и пьёт холодную воду. Заговорив снова, она была сосредоточеннее:

— Что происходит?

— Я возвращаюсь.

— Серьёзно? Когда?

— Насчёт этого я и звоню. Дхатт, тот парень, с которым я здесь работаю, он едет в Бещель. Мне надо, чтобы вы нас встретили. Сможете вы всё привести в движение и держать это в секрете? Корви, дело тайное. Серьёзно. У стен есть уши.

Долгая пауза.

— Почему я, босс? И почему в полтретьего ночи?

— Потому, что вы всё умеете, и потому, что вы сама осторожность. Мне не нужно шума. Нужно, чтобы вы были в машине, с пистолетом, и желательно, чтобы был ещё один для меня, вот и всё. И нужно, чтобы вы забронировали для них номер в отеле. Не в обычном отеле нашего департамента. — Очередная долгая пауза. — И, послушайте… он берёт с собой ещё одного офицера.

— Что? Кого?

— Она под прикрытием. Как вы думаете? Ей нужен свободный проезд. — Я бросил на Дхатта извиняющийся взгляд, хотя он и не мог расслышать меня в уголовном гомоне. — Об этом молчок, Корви. Просто мелкое обстоятельство расследования, да? И мне понадобится ваша помощь, чтобы кое-что получить, получить пакет, из Бещеля. Понимаете?

— Думаю, да, босс. Босс, вам кто-то звонил. Спрашивал, как продвигается ваше расследование.

— Кто? Что вы имеете в виду, что там творится?

— Кто, я не знаю, имени не называет. Хочет знать, кого вы арестовали, когда вернётесь, нашли ли вы пропавшую девушку и каковы ваши планы. Не знаю, как он раздобыл мой рабочий номер, но ему явно что-то известно.

Я щёлкнул пальцами, чтобы привлечь внимание Дхатта.

— Кто-то задаёт вопросы, — сказал я ему.

— Не называет имени? — спросил я у Корви.

— Нет, и голоса я не узнаю. Паршивая линия.

— А как звучит его голос?

— Как у иностранца. Американца. Притом напуганного.

По плохой, международной линии.

— Чёрт возьми, — сказал я Дхатту, прикрывая ладонью трубку. — Это Боуден. Пытается меня найти. Должно быть, избегает набирать наши здешние номера, чтобы не выследили… Он канадец, Корви. Слушайте, когда он звонил?

— Каждый день, вчера и сегодня, подробностей о себе не сообщал.

— Хорошо. Слушайте. Когда он снова позвонит, скажите ему вот что. Передайте ему от меня это сообщение. Скажите ему, что у него есть один шанс. Подождите, я думаю. Скажите ему, что мы… Скажите ему, что я обеспечу ему безопасность, что я могу его вывезти. Нам это надо. Знаю, что он боится всего происходящего, но в одиночку у него нет шансов. Держите это при себе, Корви.

— Господи, вы определённо решили испортить мне карьеру.

В её голосе слышалась усталость. Я молча ждал, пока не уверился, что она всё сделает.

— Спасибо. Просто поверьте, что он поймёт, и, пожалуйста, не спрашивайте меня ни о чём. Скажите ему, что теперь мы знаем больше. Чёрт, я не могу вдаваться в подробности.

Громкий вопль изукрашенной блёстками двойняшки Уте Лемпер[20] заставил меня вздрогнуть.

— Просто скажите ему, что мы знаем больше, и передайте, что ему надо нам позвонить.

Я огляделся, словно ко мне могло явиться вдохновение, и так оно и случилось.

— Какой номер мобильника Ялльи? — спросил я у Дхатта.

— А?

— Он не хочет звонить нам, ни на мой, ни на ваш, так что просто…

Он продиктовал номер мне, и я — Корви.

— Скажете нашему таинственному человеку позвонить по этому номеру, и мы сможем ему помочь. И вы тоже звоните мне на него, хорошо? С завтрашнего дня.

— Что за чёрт? — удивился Дхатт. — Что за хрень вы творите?

---

[20] Примечания: 20

Уте Лемпер (р. 1963) — немецкая певица и актриса.

— Вам придётся одолжить у неё телефон, он нам нужен, чтобы Боуден смог нас найти, — он слишком напуган, а мы не знаем, кто прослушивает наши. Если он свяжется с нами, вам, возможно, понадобится…

Я замялся.

— Что?!

— Господи, Дхатт, не теперь, ладно? Корви?

Та пропала, линия была отключена, то ли ею самой, то ли старыми АТС.

Глава 21

На следующий день я даже пришёл вместе с Дхаттом в его офис. «Чем больше вы не показываетесь, тем больше люди недоумевают, что за хрень происходит, и тем больше они обращают на вас внимание», — сказал он. В самом деле, я ловил на себе множество взглядов со стороны его коллег. Кивнул двоим из них, которые раньше вяло пытались затеять со мной ссору.

— У меня начинается паранойя, — сказал я.

— Да нет, они действительно наблюдают за вами. Вот. — Он передал мне сотовый телефон Ялльи. — Полагаю, приглашение на ужин вы тогда получили в последний раз.

— Что она сказала?

— А как вы думаете? Это её чёртов телефон, она всерьёз разозлилась. Я сказал, что он нам нужен, она мне — проваливай, я умолял, она отказывала, я забрал его и всё свалил на вас.

— Сможем мы раздобыть форму? Для Иоланды… Тогда было бы легче её перевезти.

Мы теснились за его компьютером. Я смотрел, как он работает с более современной версией Windows. Когда впервые зазвонил телефон Ял-

льи, мы застыли и посмотрели друг на друга. Появился номер, которого никто из нас не знал. Я соединился, не говоря ни слова и по-прежнему глядя ему в глаза.

— Ялль? Ялль? — Голос женщины, говорившей по-иллитански. — Это Май, ты не… Ялль?

— Алло, это вообще-то не Яллья…

— А, привет, Куссим?.. — но голос у неё дрогнул. — Кто это?

Он забрал у меня телефон.

— Алло? Май, привет. Да, это мой друг. Нет, хорошо его знаю. Мне пришлось на день-другой одолжить телефон у Ялльи, ты не пробовала звонить на городской? Ну ладно, будь здорова.

Экран погас, и он передал телефон обратно.

— Вот ещё одна причина не отвечать на эту дрянь. Получите до черта звонков от её подруг, спрашивающих, по-прежнему ли она хочет применять эту маску для лица или видела ли она этот фильм с Томом Хэнксом.

Последовал второй такой вызов, затем третий, и мы больше не вздрагивали, когда раздавался звонок. Однако, несмотря на то что сказал Дхатт, их было не так уж много, и никто не звонил по этим темам. Я представил себе, как Яллья сидит у стационарного телефона, делая бессчётное ко-

личество недовольных звонков и осуждая своего мужа и его друга за причинённые неудобства.

— Надо ли нам напяливать на неё форму? — Дхатт говорил, понизив голос.

— Вы же будете в своей, верно? Разве не всегда лучше прятаться у всех на виду?

— Себе вы тоже хотите?

— А что, плохая мысль?

Он медленно покачал головой.

— Это немного облегчит нам жизнь… Пожалуй, я смогу проехать через нашу сторону с помощью полицейских бумаг и своего авторитета. Идёт.

Милицья, не говоря уже о старших детективах, побивала уль-комских пограничников без особых проблем.

— А я буду вести переговоры на въезде в Бещель.

— С Иоландой всё в порядке?

— С ней Айкам. Я не могу вернуться… Не снова же? Каждый раз, когда мы…

У нас по-прежнему не было понятия, кто и как может следить за нами. Дхатт слишком много суетился, и, после того как он в третий или четвёртый раз нагрубил коллеге из-за воображаемого нарушения устава, я заставил его пойти со мной на ранний обед. Он хмурился и не хотел

говорить, пялясь на всех, кто проходил мимо.

— Может, перестанете? — спросил я.

— Я буду чертовски рад, когда вы уедете, — сказал он.

Телефон Ялльи зазвонил, и я поднёс его к уху, ничего не говоря.

— Борлу?

Я постучал по столу, привлекая внимание Дхатта, и указал на телефон.

— Боуден, где вы?

— Обеспечиваю свою безопасность, Борлу.

Он говорил со мной по-бещельски.

— Судя по вашему голосу, в безопасности вы себя не чувствуете.

— Конечно, нет. — Голос у него был очень напряжённым. — Я ведь не в безопасности, верно? Вопрос в том, насколько велика беда, в которую я попал.

— Я могу вас вывезти.

Мог ли я? Дхатт преувеличенно пожал плечами: мол, что за хрень?

— Есть пути выхода. Скажите, где вы.

Он вроде как рассмеялся.

— Точно, — сказал он. — Так я вам и скажу, где я.

— А что другое вы предлагаете? Вы не можете

провести всю жизнь в бегах. Выезжайте из Уль-Комы, и я, может, сумею что-то сделать. Бещель — моя территория.

— Вы даже не знаете, что происходит…

— У вас есть один шанс.

— Поможете мне, как помогли Иоланде?

— Она не так глупа, — сказал я. — Не отказалась от моей помощи.

— Что? Вы нашли её? Что?..

— Я сказал ей то же, что говорю вам. Я никому из вас не могу помочь здесь. Может, буду в состоянии помочь вам в Бещеле. Что бы ни происходило, кто бы вас ни преследовал…

Он попытался что-то сказать, но я ему не дал:

— Там у меня есть связи. Здесь я ничего не могу сделать. Где вы?

— …Нигде. Не важно. Я… Где вы? Я не хочу, чтобы…

— Вы молодец, что так долго остаётесь вне поля зрения. Но вам не удастся делать это вечно.

— Да. Согласен. Я найду вас. Вы… сейчас пересекаете границу?

Я не мог не оглянуться по сторонам и не понизить голос:

— Скоро.

— Когда?

— Скоро. Сообщу вам, когда узнаю. Как с вами связаться?

— Не надо, Борлу. Я сам с вами свяжусь. Держите при себе этот телефон.

— А что, если вы меня упустите?

— Просто придётся звонить вам через каждую пару часов. Боюсь, я вынужден буду сильно вам докучать.

Он разъединился. Я уставился на телефон Ялльи, потом наконец посмотрел на Дхатта.

— У вас есть хоть малейшее представление о том, как я ненавижу, когда не знаю, на что рассчитывать? — прошептал Дхатт. — Кому доверять?

Он перетасовал бумаги.

— Что и кому надо говорить?

— Есть.

— Что там такое? — сказал он. — Он тоже хочет выехать?

— Да, тоже хочет. Он боится. Не доверяет нам.

— Нисколько его в этом не виню.

— Я тоже.

— У меня нет на него никаких документов.

Я встретился с ним взглядом и стал ждать.

— Святой Свет, Борлу, вы становитесь чертовски… — В его шёпоте слышалась ярость. — Хорошо, хорошо, я посмотрю, что смогу сделать.

— Скажите мне, что делать, — сказал я ему, не отводя взгляда, — к кому обращаться, какие углы срезать, и вы сможете во всём винить меня. Вините меня, Дхатт. Пожалуйста. Но раздобудьте форму на тот случай, если он придёт.

Я смотрел, как он, бедняга, мучается.

Тем вечером Корви позвонила мне после семи.

— Едем, — сказала она. — Документы у меня.

— Корви, я так вам обязан, я ваш должник.

— Думаете, я не знаю этого, босс? Это вы, ваш парень Дхатт и его, гм… «коллега», не так ли? Я буду ждать.

— Захватите свой жетон и будьте готовы прикрыть меня со Службой иммиграции. Кто ещё? Кто ещё знает?

— Никто. Стало быть, я опять назначенный вам водитель. В какое время?

Это вопрос — каким способом лучше всего исчезнуть? Должен существовать график, тщательно вычерченная кривая. Является ли что-то более невидимым, если вокруг ничего больше нет — или если оно окажется одним из многих?

— Не слишком поздно. Не в два часа ночи.

— Чертовски рада это слышать.

— Тогда бы там никого, кроме нас, не было. Но и не в разгар дня, тогда слишком велик риск, что

нас кто-то узнает или ещё что-нибудь.

После наступления темноты.

— В восемь, — сказал я. — Завтра вечером.

Стояла зима, и темнело рано. Там по-прежнему будут толпы народа, но в тусклых красках вечера, сонные. Легко не увидеть.

Не всё решалось ловкостью рук; были задачи, которые мы должны исполнять и исполняли. Имелись рапорты о продвижении расследования, которые надо было писать, и семьи, с которыми следовало поддерживать связь. Заглядывая Дхатту через плечо, я время от времени вносил предложения, помогая ему составить письмо, вежливо и с сожалением ни о чём не сообщавшее мистеру и миссис Джири, основные контакты с которыми в настоящее время поддерживались уль-комской *милицьей*. Не очень приятно было чувствовать себя силой, призраком присутствующей в этом сообщении, зная их обоих, видя их за словами, которые были подобны одностороннему стеклу, так что они не могли оглянуться и увидеть меня, одного из пишущих.

Я сказал Дхатту о месте — адреса я не знал, пришлось обойтись смутным топографическим описанием, которое он признал, — о той части парка, в нескольких минутах ходьбы от которой

пряталась Иоланда, чтобы он встретил меня там на исходе следующего дня.

— Если кто-нибудь спросит, говорите, что я работаю в отеле. Расскажите обо всех смехотворных бумажных обручах, через которые нас заставляют прыгать в Бещеле и которые не дают мне продохнуть.

— Как раз об этом все мы постоянно говорим, Тьяд. — Дхатт не мог оставаться на одном месте, так он был встревожен, так нервничал из-за неуверенности во всём, так обеспокоен. Он не знал, куда смотреть. — Винить вас или не винить, а вот мне остаток своей чёртовой карьеры придётся провести на связи со школами.

Мы согласились, что от Боудена, по всей вероятности, больше ничего не услышим, но телефон бедной Ялльи зазвонил в полпервого ночи. Я был уверен, что это Боуден, хотя он ничего не сказал. Он позвонил ещё раз незадолго до семи утра.

— У вас больной голос, доктор.

— Что там у вас?

— Что вы хотите делать?

— Вы едете? Иоланда с вами? Она едет?

— У вас одна попытка, доктор. — Я записывал в блокноте часы и минуты будущих перемещений. — Если не хотите, чтобы я за вами заехал, но

хотите выбраться, будьте у главных транспортных ворот Связующего зала в семь часов вечера.

Я отключился. Пытался делать заметки, планы на бумаге, но не мог. Боуден мне не перезвонил. Я держал телефон на столе или в руке на протяжении всего раннего завтрака. Из отеля я не выписался — никаких сообщений о перемещениях. Перебрал одежду в поисках чего-то, что я не мог бы позволить себе оставить, и ничего не нашёл. Взял с собой незаконный том «Между городом и городом», и всё.

Чтобы достигнуть укрытия Иоланды и Айкама, у меня ушёл почти целый день. Последний мой день в Уль-Коме. Я поочерёдно брал такси в разные концы города.

— Надолго остановились? — спросил у меня последний водитель.

— На пару недель.

— Вам здесь понравится, — сказал он по-илльтански с энтузиазмом новичка. — Лучший город в мире.

Он был курдом.

— Тогда покажите мне ваши в нём любимые места, — предложил я. — У вас не бывает неприятностей? Я слышал, не все здесь приветливы с иностранцами…

Он вроде как фыркнул:

— Дураки есть повсюду, но это лучший город.

— Как долго вы здесь пробыли?

— Четыре года с чем-то. Год был в лагере…

— В лагере для беженцев?

— Да, в лагере, и три года занятий по гражданству Уль-Комы. Говорить по-иллитански и учиться, знаете ли, не делать что-то, а, знаете, невидеть другого города, чтобы не делать брешь.

— В Бещель никогда не думали съездить?

Ещё одно фырканье.

— Что в Бещеле? Уль-Кома — лучший город.

Сначала он провёз меня мимо «Орхидариума» и стадиона Ксхинкис-Канна, туристическим маршрутом, которым, очевидно, ездил и раньше, а когда я предложил ему уступить более личным предпочтениям, он начал показывать мне общественные сады, где наряду с урождёнными улькоманами те курды, пакистанцы, сомалийцы и сьерра-леонцы, что протиснулись сквозь жёсткие условия для въезда, играли в шахматы, причём различные сообщества относились друг к другу с вежливой неопределённостью. На перекрёстке каналов он, стараясь не сказать ничего однозначно незаконного, указал мне туда, где барки двух городов — прогулочные суда в Уль-

Коме, несколько рабочих транспортных судов, невидимых в Бещеле, — огибали друг друга.

— Видите? — сказал он.

Какой-то человек на противоположной стороне шлюза неподалёку, наполовину скрытый людьми и маленькими городскими деревьями, смотрел прямо на нас. Я встретился с ним взглядом — мгновение я не был уверен, но потом решил, что он должен находиться в Уль-Коме, так что бреши не было, — пока он не отвёл глаза. Я пытался проследить, куда он пошёл, но тот пропал.

Выбирая между различными достопримечательностями, которые предлагал водитель, я постарался, чтобы итоговый маршрут пересекал весь город. Я поглядывал в зеркала, пока он вёл машину, радуясь грядущей выручке. Если нас преследовали, то это были очень умудрённые и осторожные шпионы. После трёх часов сопровождения я уплатил ему смехотворную сумму в гораздо более твёрдой валюте, чем та, в которой платили мне, и велел высадить меня там, где съёмные дома задних улочек примыкали к дешёвым магазинам подержанной одежды, в двух шагах от жилого массива, где скрывались Иоланда и Айкам.

Какое-то время я думал, что они от меня сбежа-

ли, и я закрыл глаза, но всё повторял шёпотом возле самой двери: «Это я, это Борлу, это я», — и наконец та открылась, и Айкам ввёл меня в квартиру.

— Собирайтесь, — сказал я Иоланде. Она показалась мне даже ещё более грязной, худой и поражённой животным ужасом, чем в прошлый раз. — Вот, держите свои документы. Будьте готовы согласиться со всем, что мы с коллегами скажем кому бы то ни было на границе. И заставьте влюблённого мальчика свыкнуться с мыслью, что он не поедет, потому что нам не нужна сцена в Связующем зале. Мы вас вывозим.

Она заставила его остаться в комнате. Казалось, он её не послушается, но она его заставила. Я не верил, что он может стать ненавязчивым.

Вновь и вновь он назойливо спрашивал, почему ему нельзя поехать с нами. Она показывала ему, где у неё его номер, и клялась, что будет звонить из Бещеля и из Канады и что вызовет его туда. Ей понадобилось несколько таких обещаний, чтобы он в конце концов застыл, с несчастным видом глядя в пространство, словно пёс, которым пренебрегли, меж тем как мы закрыли за собой дверь и быстро прошли через светотени к углу парка, где Дхатт ждал нас в полицейской машине

без опознавательных знаков.

— Иоланда.

Он кивнул ей с водительского сиденья.

— Шило у меня в заднице.

Он кивнул мне. Мы тронулись.

— Что за хрень? Кого именно вы разозлили, мисс Родригез? Вы разорили всю мою жизнь и заставили сотрудничать с этим иностранным психом. Одежда там, на заднем сиденье, — сказал он. — Теперь я, конечно, останусь без работы.

Вполне могло быть, что он не преувеличивал. Иоланда не сводила с него глаз, пока он не глянул в зеркало и не рявкнул на неё:

— Чёрт, вы что, думаете, я подглядываю?

И тогда она съёжилась на заднем сиденье и стала выкручиваться из своей одежды, заменив её формой *милиции*, которая пришлась ей почти впору.

— Мисс Родригез, делайте, как я говорю, и держитесь ближе. Там лежит и карнавальный костюм для того, кто, может быть, тоже станет нашим гостем. А это для вас, Борлу. Может избавить нас кое от какой дряни.

Это была куртка с отогнутой эмблемой *милиции* на ней. Я сделал её видимой.

— Жаль, на ней нет знаков различия, — посето-

вал Дхатт. — Я бы здорово понизил вас в звании.

Он не вилял и не совершал ошибку, свойственную виноватым и нервничающим водителям, которая заключается в том, чтобы ехать медленнее и осторожнее, чем машины вокруг. Мы выехали на главные улицы, и он, как это принято на уль-комских дорогах, щёлкал переключателем, включая и выключая фары при нарушениях других водителей, посылая маленькие сообщения кода дорожной ярости, похожие на агрессивную азбуку Морзе: *щёлк-щёлк-щёлк*, ты подрезал, *щёлк-щёлк-щёлк-щёлк*, возьмись за ум.

— Он снова звонил, — тихонько сказал я Дхатту. — Может, он там будет. А значит…

— Ну же, заноза в заднице, повтори! А значит, он тоже переезжает, верно?

— Ему надо выбраться. Есть у вас запасные документы?

Он выругался, ударив по рулевому колесу:

— Чёрт, как же я жалею, что не придумал, как отговорить себя от этой хрени! Я-то надеялся, что он не придёт. Надеялся, что Оркини до него таки доберётся. — Иоланда уставилась на него. — Прощупаю, кто там на смене. Будьте готовы распотрошить свой бумажник. Если обернётся совсем уж худо, дам ему свои чёртовы бумаги.

Мы увидели Связующий зал над крышами домов, через кабели телефонных станций и газовых комнат, за несколько минут до того, как к нему подъехали. На том маршруте, каким мы следовали, нам первым делом пришлось миновать, по возможности не-видя, здание, тыл которого был обращён к Уль-Коме, а фасад находился в Бещеле, и очереди бещельских и возвращающихся уль-комских пассажиров, шипевшие в терпеливом возмущении. Вспыхивали бещельские полицейские мигалки. Мы, как и обязаны были, все это не-видели, хотя при этом не могли не знать, что в ближайшее время окажемся на той стороне. Обогнув огромное здание, мы подкатили ко входу в него со стороны проспекта Уль-Майдин, напротив Храма Неизбежного Света, где медленно продвигалась очередь в Бещель. Там Дхатт припарковался — небрежно, не поправившись, наискось от бордюра, с этаким чванством *милицьи*, оставив ключи висящими наготове, — и мы вышли, чтобы через вечерние толпы приблизиться к широкому двору и границам Связующего зала.

Внешние охранники ни о чём нас не спрашивали и вообще ничего не говорили, когда мы рассекали людские очереди и шли по дорогам,

пробираясь через стоящие машины, лишь пропустили нас в ворота ограниченного доступа на территорию собственно Связующего зала, где огромное здание готово было нас поглотить.

Пока мы шли, я смотрел по сторонам. Я шагал позади Иоланды, неловко двигавшейся в своей маскировке. Смотрел поверх торговцев едой и всякой всячиной, охранников, туристов, бездомных мужчин и женщин, других работников *милицьи*. Из множества входов мы выбрали самый открытый, широкий и лишённый извивов, под сводом старой кирпичной кладки, с хорошей видимостью через зияющее промежуточное пространство, над массой толп, заполнявших гигантское помещение по обе стороны от контрольно-пропускного пункта — хотя желающих переместиться из Бещеля в Уль-Кому было заметно больше.

Из этого положения, с этой точки зрения, мы впервые за долгое время не должны были невидеть соседний город: можно было смотреть вдоль дороги, которая связывала с ним Уль-Кому, через метры ничейной земли и границу за её пределами, непосредственно в сам Бещель. Прямо вперёд. На ждавшие нас синие огни. Бещельский «синяк», едва видимый за опущенными воро-

тами между государствами, мигание которого мы не-видели несколько минут назад. Когда мы миновали внешние пределы архитектуры Связующего зала, в дальнем его конце я увидел фигуру в полицейской форме, стоявшую на платформе, с которой наблюдали за толпами бещельские пограничники. Женщина — она была ещё очень далеко, по бещельскую сторону ворот.

— Корви.

Я не осознавал, что произнёс её имя вслух, пока Дхатт не спросил у меня:

— Это она?

Хотел было ответить, что на таком расстоянии не разглядеть, но он сказал:

— Погодите секунду.

Он смотрел назад, туда, откуда мы пришли. Мы стояли несколько особняком от большинства тех, кто направлялся в Бещель, между очередями ожидающих путешественников, на тонкой полосе тротуара, мимо которой медленно проезжали машины. Дхатт был прав: в одном из мужчин позади нас присутствовало что-то такое, что приводило в замешательство. Внешность у него была ничем не примечательна: он кутался от холода в серый уль-комский плащ. Но он шёл, точнее, волочил ноги по направлению к нам, пробира-

ясь как-то поперёк прямо двигавшейся очереди своих товарищей-пешеходов, и за спиной у него я увидел недовольные лица. Он проталкивался через очередь, идя к нам. Иоланда увидела, куда мы смотрим, и тихонько вскрикнула.

— Идём-идём, — сказал Дхатт и, обхватив её за плечи, зашагал ко входу в туннель.

Но я, заметив, что фигура позади нас тоже пытается увеличить скорость, насколько это возможно в окружении других людей, а также превзойти нашу собственную и подойти к нам, вдруг повернулся и двинулся в его сторону.

— Выводите её, — сказал я Дхатту, не оборачиваясь. — Быстрее, ведите её к границе. Иоланда, там идите к женщине-*полищай*. Быстро.

Я ускорил шаг.

— Подождите, — сказала мне Иоланда, но я слышал, что её увещевает Дхатт.

Я сосредоточился на приближающемся человеке. Тот не мог не видеть, что я к нему иду, и, замешкав, полез в куртку, а я пошарил у себя на боку, но вспомнил, что в этом городе пистолета при мне не было. Человек попятился на шаг-другой. Вскинул руки и развернул шарф. Выкрикнул моё имя. Это был Боуден.

Он вытащил что-то, пистолет свисал у него из

руки так, словно он вызывал у него аллергию. Пригнувшись и бросившись на него, я услышал позади себя некий звук, похожий на громкий выдох. Мгновением позже сзади донёсся ещё один резкий выдох и раздались вопли. Дхатт выкрикивал моё имя.

Боуден смотрел поверх моего плеча. Я оглянулся. Дхатт присел между машинами в нескольких метрах от меня. Он корчился и мычал. Водители горбились в своих автомобилях. Их крики распространялись, перекидываясь на шеренги пеших путешественников в Бещель и в Уль-Кому. Дхатт наклонялся над Иоландой. Та лежала, словно её отбросило. Я не видел её отчётливо, но на лице у неё была кровь. Дхатт держался за плечо.

— Я ранен! — крикнул он. — Иоланда… Свет, Тьяд, её застрелили, наповал…

Где-то далеко в зале начались волнения. За степенно двигающимися машинами в дальнем конце огромного помещения я увидел всплеск толпы в Бещеле, движения которой были подобны движениям охваченного паникой стада животных. Люди разбегались от фигуры какого-то человека, который опирался, нет, поднялся, держа что-то обеими руками. Винтовку, из которой он целился.

Глава 22

Ещё один отрывистый звук, едва слышимый из-за криков, усиливавшихся по всей длине туннеля. Выстрел, тихий из-за глушителя или акустики, но к тому времени, как он раздался, я прыгнул на Боудена и повалил его на землю, и взрывной удар пули в стену был громче, чем сам выстрел. Осколки разлетелись в разные стороны. Слыша паническое дыхание Боудена, я схватил его за запястье и стискивал, пока он не уронил своё оружие. Я не давал ему встать, держа вне поля зрения снайпера, мишенью которого он был.

— Лечь! Всем лечь! — кричал я.

Люди опускались на колени так вяло, что трудно было в это поверить, они съёживались, а их крики становились всё громче и громче, по мере того как до них доходила опасность. Ещё один звук, ещё, бешено тормозящий и сигналящий автомобиль, ещё один глухой вздох, и кирпичи снова приняли в себя пулю.

Я удерживал Боудена на асфальте.

— Тьяд! — Это был Дхатт.

— Говорите, — крикнул я ему.

Повсюду сновали охранники, они размахивали

оружием, глядя во все стороны, и вопили друг другу идиотские бессмысленные приказы.

— Я ранен, в порядке, — отозвался он. — У Иоланды голова прострелена.

Я поднял взгляд, стрельбы больше не было. Посмотрел дальше, туда, где корчился, держась за рану, Дхатт и где лежала мёртвая Иоланда. Слегка приподнявшись, увидел *милицью*, приближавшуюся к Дхатту и трупу, который он охранял, а вдали — *полищай*, бежавшую туда, откуда стреляли. В Бещеле полицию теснили, ей не давали проходу истерические толпы. Корви смотрела во всех направлениях — видела ли она меня? Я кричал. Стрелок убегал.

Ему загораживали дорогу, но он, когда надо, взмахивал винтовкой, как дубинкой, и люди вокруг него освобождали ему путь. Как быстро дойдут приказы блокировать вход? Он продвигался к той части толпы, где люди не видели, как он стрелял, и окружали его, и он, явный профи, скоро выбросит или спрячет своё оружие.

— Проклятье!

Я едва его видел. Никто его не останавливал. Ему осталось пройти совсем немного, прежде чем он окажется снаружи. Я тщательно всматривался в его волосы и одежду: короткая стрижка, серый

тренировочный топ с капюшоном, чёрные брюки. Всё неприметное. Бросил ли он оружие? Он был в толпе.

Я стоял, держа пистолет Боудена. Смехотворный P38, но заряженный и со всеми признаками хорошего ухода. Я шагнул к контрольно-пропускному пункту, но не было никакой возможности пройти через него, через весь этот хаос, только не сейчас, когда обе шеренги охранников беспорядочно размахивали оружием; даже если бы моя уль-комская форма пропустила меня через уль-комскую шеренгу, меня остановили бы бещельцы, а стрелок был слишком далеко, чтобы я мог его поймать. Я колебался.

— Дхатт, радируйте о помощи, следите за Боуденом, — крикнул я, а затем повернулся и побежал в другую сторону, в Уль-Кому, к машине Дхатта.

Толпы убирались с моего пути: все видели на куртке эмблему *милицьи*, видели пистолет у меня в руке — и рассеивались. *Милицья* видела своего в погоне за чем-то и не останавливала меня. Я включил мигалку и завёл двигатель.

Я погнал очертя голову, увёртываясь от отечественных и зарубежных машин и рассыпая вопли вдоль наружного периметра Связующего зала. Эта сирена смущала меня, я не привык к уль-

комским сиренам, к более ноющим звукам *йя, йя, йя,* чем у наших автомобилей. Стрелок, должно быть, пробивался через охваченные ужасом и сбитые с толку толпы путешественников, заполнявшие туннель. Фары, мигалка и сигнализация расчищали мне путь, демонстративно проходивший в Уль-Коме по улицам, топольгангерским с Бещелем, где наблюдалась типичная паника из-за неустановленной зарубежной драмы. Я рванул руль, и автомобиль резко свернул вправо, наткнувшись на бещельские трамвайные пути.

Где Брешь? Но ведь брешь не имела места.

Брешь не имела места, хотя женщина была нагло убита из-за границы. Имели место нападение, убийство и покушение на убийство, но пули пролетали непосредственно через контрольно-пропускной пункт в Связующем зале, через точку соприкосновения двух городов. Отвратительное, сложное, порочное убийство, но при той усердной заботливости, что предпринял убийца — расположившись именно там, в той точке, он мог открыто смотреть через последние метры Бещеля над физической границей прямо в Уль-Кому, мог целиться именно через это связующее звено между городами, — это убийство было совершено не с чем иным, как с избыточной заботой о границах

городов, мембране между Уль-Комой и Бещелем. Никакой бреши не было, Брешь не имела здесь полномочий, и только бещельская полиция была сейчас в том же городе, что и убийца.

Я снова повернул направо. Вернулся туда, где мы были час назад, на улицу Вейпай в Уль-Коме, которая разделяет заштрихованную широту и долготу с бещельским входом в Связующий зал. Я подвёл машину так близко, как позволяли толпы народа, и резко затормозил. Вышел и вскочил на её крышу — недолго оставалось до того, как подойдёт уль-комская полиция и спросит у меня, своего воображаемого коллеги, что я делаю, но пока я вскочил на крышу. После секундного колебания я, чтобы избежать нападения, не стал смотреть в тоннель на приближавшихся бещельцев. Вместо этого я посмотрел на всё вокруг, что было в Уль-Коме, а уж затем — в направлении зала, не меняя выражения лица, не предоставляя ничего, что могло бы заставить подумать, что я смотрю на что-то ещё, кроме Уль-Комы. Упрекнуть меня было не в чем. Мигающие полицейские огни окрашивали мне ноги то красным, то синим.

Я позволил себе замечать, что происходило в Бещеле. Пытавшихся войти в Связующий зал

по-прежнему было гораздо больше, чем тех, кто хотел его покинуть, но по мере распространения паники внутри возникало опасное обратное течение. Начиналось волнение, шеренги пятились и сбивались, задние, не знавшие, что такое они видели или слышали, препятствовали тем, кто знал это слишком хорошо и пытался убежать. Улькомане не-видели рукопашную бещельцев, смотрели в сторону и переходили дорогу, чтобы избежать иностранных неприятностей.

— Убирайтесь, убирайтесь отсюда…

— Дайте пройти, в чём дело?..

Среди коловращения охваченных паникой беглецов я увидел спешащего человека. Он привлёк моё внимание той тщательностью, с которой он старался бежать не слишком быстро, быть не слишком большим, не поднимать голову. Я решил, что это он, потом — что не он, потом — что он самый, стрелок. Проталкивающийся мимо последней кричащей семьи и хаотической цепи бещельской *полищай*, которая пыталась навести порядок, не зная, что именно следует делать. Проталкивающийся и сворачивающий, идущий прочь торопливым и осторожным шагом.

Должно быть, я издал какой-то звук. Конечно, потому что убийца, от которого меня отделяли

несколько десятков метров, посмотрел назад. Он увидел меня, а потом рефлекторно стал не-видеть — из-за моей формы и из-за того, что я был в Уль-Коме, но даже опустив глаза, он что-то узнал и пошёл прочь ещё быстрее. Я видел его раньше, но не мог припомнить где. В отчаянии я посмотрел вокруг, но никто из *полищай* в Бещеле не понимал, что его надо преследовать, а я был в Уль-Коме. Я спрыгнул с крыши автомобиля и быстро пошёл вслед за убийцей.

Улькоман я расталкивал в стороны, бещельцы пытались меня не-видеть, но вынуждены были поспешно убираться с дороги. Я видел их удивлённые взгляды. Двигался я быстрее, чем убийца. Смотрел не на него, но на те или иные места в Уль-Коме, что вводили его в поле моего зрения. Я преследовал его без фокусировки, совершенно законно. Я пересёк площадь, и двое из уль-комской *милицьи*, мимо которых я проходил, задали мне какой-то пробный вопрос, который я проигнорировал.

Преследуемый, наверное, услышал звук моих шагов. Я прошёл несколько десятков метров, когда он обернулся. При виде меня глаза у него округлились в изумлении, которое, острожный даже теперь, он тут же скрыл. Он меня заметил.

Оглянулся на Бещель и пошёл быстрее, рысцой продвигаясь по диагонали в направлении Эрманнстращ, главной улицы города, за трамваем, идущим в Колюб. В Уль-Коме дорога, на которой мы находились, называлась проездом Саг-Умир. Я тоже ускорил шаг.

Он оглянулся и затрусил через бещельские толпы, быстро заглядывая по обе стороны в кафе, освещённые цветными свечами, в книжные магазины Бещеля — в Уль-Коме это были куда менее оживлённые переулки. Ему следовало бы войти в какой-нибудь магазин. Возможно, он не сделал этого потому, что в заштрихованной толпе ему пришлось бы разбираться с обоими тротуарами, а может, само его тело восставало против непроходимых закоулков, вообще любых тупиков, будучи преследуемым. Он побежал.

Убийца побежал налево, в меньший переулок, где я по-прежнему следовал за ним. Он был быстр. Быстрее, чем сейчас я. Он бежал, как солдат. Расстояние между нами росло. Лоточники и прохожие в Бещеле смотрели на убийцу, а те, что были в Уль-Коме, — на меня. Мой объект перепрыгнул через мусорный бак, загораживавший ему путь, с большей лёгкостью, чем это удалось бы мне. Я понимал, куда он направляется. Старые

города Бещеля и Уль-Комы густо заштрихованы: стоит достичь их края, и начнутся разделения, альтернативные и сплошные зоны. Это не было и не могло быть погоней. Это было лишь соревнование скоростей. Мы оба бежали: он — в своём городе, а я, невдалеке от него и полный ярости, — в чужом.

Я крикнул что-то невразумительное. На меня уставилась какая-то старуха. Я не смотрел на него, я по-прежнему смотрел не на него, но, ревностно и законно, на Уль-Кому, её огни, граффити, пешеходов, всегда на Уль-Кому. Он был возле железных рельсов, извивавшихся в традиционном бещельском стиле. Он был далеко. Был рядом со сплошной улицей, улицей, принадлежавшей только Бещелю. Он приостановился, чтобы посмотреть в мою сторону, меж тем как я задыхался, хватая ртом воздух.

В этот-то миг, слишком короткий, чтобы его обвинили в каком-либо преступлении, но, конечно, улучённый преднамеренно, он посмотрел прямо на меня. Я знал его, но не помнил откуда. Он посмотрел на меня, стоявшего на пороге той территории, что целиком находилась за границей, и выдал крошечную торжествующую улыбку. Он шагнул в пространство, куда не мог ступить

никто из Уль-Комы.

Я поднял пистолет и выстрелил в него.

Я выстрелил ему в грудь. Я видел его изумление, когда он падал. Отовсюду понеслись крики: сначала — в ответ на выстрел, затем — при виде его тела и крови. И почти сразу же у всех, кто это видел, — как реакция на столь ужасный вид преступления:

— Брешь.

— Брешь.

Я думал, что это потрясённые возгласы тех, кто стал свидетелем преступления. Но там, где за мгновение до этого не было никакого целенаправленного движения, только мельтешение, бесцельное и смятенное, вдруг появились неясные фигуры, и лица у этих внезапных пришельцев были настолько неподвижны, что я с трудом мог признать в них тех, кто произносил это слово. Это было и констатацией преступления, и представлением.

— Брешь.

Некто с мрачными чертами лица схватил меня так, что я никак не мог бы вырваться, если бы захотел. Я видел, как тёмные фигуры накинули простыню на тело убийцы, которого я убил. Рядом с моим ухом раздался голос: «Брешь». Некая

сила без особых затруднений выталкивала меня из моего объёма пространства, быстро-быстро увлекала мимо свечей Бещеля и неона Уль-Комы в направлениях, которые не имели смысла ни в одном из городов.

— Брешь, — и что-то прикоснулось ко мне, и под звуки этого слова я из бодрствования и полного осознания себя двинулся вниз, в черноту.

Часть третья
БРЕШЬ

Глава 23

Тьма не была беззвучной. Она не оставалась без вторжений. В ней присутствовали некие сущности, задававшие мне вопросы, на которые я не мог ответить, вопросы, воспринимаемые как настоятельные просьбы, исполнить которые мне не удавалось. Эти голоса снова и снова говорили мне: «Брешь». То, что меня коснулось, отправило меня не в бездумную тишину, но на сновидческую арену, где я был жертвой.

Я вспомнил об этом позже. В миг пробуждения у меня не было ощущения, что миновало какое-то время. Я закрыл глаза на заштрихованных улочках Старых городов; я открыл их снова, хватая ртом воздух, и вгляделся в комнату.

Она была серой, без украшений. Маленькая комната. Я лежал в постели, нет, на постели. Я лежал поверх простыней в одежде, которой не узнавал. Я сел.

Потёртый серый линолеум на полу, окно, пропускавшее ко мне свет, высокие серые стены, местами запятнанные и потрескавшиеся. Письменный стол и два стула. Что-то вроде об-

шарпанного офиса. Тёмная стеклянная полусфера на потолке. Звуков не было никаких.

Часто моргая, я встал на ноги, и близко не в том состоянии грогги, которого ожидал. Дверь была заперта. Окно располагалось слишком высоко, чтобы я мог что-то в нём увидеть. Я подпрыгнул, из-за чего голова всё-таки слегка закружилась, но увидел только небо. Одежда на мне была чистой и ужасно непримечательной. Всё приходилось впору. Тогда-то я и вспомнил, что происходило со мной в темноте, и меня заколотило.

Беззвучие расслабляло. Ухватившись за нижний край окна, я подтянулся на дрожащих руках. Без опоры для ног долго оставаться в этом положении я не мог. Подо мной простирались крыши. Черепицы, спутниковые тарелки, плоский бетон, трубы с колпаками и антенны, луковичные купола, штопорные башни, газовые комнаты. Я не понимал, где я и кто, возможно, прислушивался ко мне из-за стекла, сторожа меня снаружи.

— Сядьте.

При звуке этого голоса я тяжело повалился на пол. С трудом поднялся и обернулся.

В дверном проёме кто-то стоял. Источник света находился позади него, и он выглядел тёмным провалом, отсутствием света. Ступив вперёд, он

оказался человеком лет на пятнадцать-двадцать старше меня. Крепким и приземистым, в такой же неопределённой одежде, как моя. Позади него стояли и другие: женщина моего возраста, другой мужчина чуть старше. Их лица ничего не выражали. Они были похожи на глиняные изваяния людей за несколько мгновений до того, как Бог вдохнул в них душу.

— Садитесь. — Пожилой мужчина указал на стул. — Выйдите из угла.

Это было правдой. Я вжимался в угол. Осознав это, я заставил лёгкие дышать реже и распрямился. Убрал руки от стен. Стоял, как нормальный человек.

— Какая неловкость, — сказал я спустя долгое время, — прошу прощения.

Сел, куда мне указывали. Когда совладал с голосом, сказал:

— Я Тьядор Борлу. А вы?

Он сел и посмотрел на меня, склонив голову набок, безучастный и любопытный, как птица.

— Брешь, — сказал он.

— Брешь, — сказал я и судорожно вздохнул. — Да, Брешь.

Наконец он сказал:

— Чего вы ожидали? Чего вы ждёте?

Не чересчур ли это было? В другой раз мне, возможно, удалось бы понять. Я нервно оглядывался, как бы стараясь увидеть в углах что-то почти невидимое. Подняв правую руку, он сделал вилку указательным и средним пальцами и нацелил её сначала в мои глаза, а затем — в свои: мол, посмотри-ка на меня. Я повиновался.

Он смотрел исподлобья.

— Ситуация такова, — сказал он.

Я осознал, что мы оба говорим по-бещельски. Но выговор у него не был ни бещельским, ни ульскомским — и, уж конечно, не европейским или североамериканским. Акцент его был неопределим.

— Вы совершили брешь, Тьядор Борлу. Злонамеренно. При этом вы убили человека. Вы выстрелили из Уль-Комы прямо в Бещель. Поэтому вы в Бреши.

Он сложил руки. Я наблюдал, как тонкие косточки перемещаются у него под кожей, в точности как у меня.

— Его звали Йорджавик. Человека, которого вы убили. Помните его?

— Я…

— Вы раньше с ним встречались.

— Откуда вы знаете?

— Вы нам сказали. Только от нас зависит, как вас упекут, насколько, что вы увидите и скажете, когда там будете, когда выйдете оттуда снова. Если выйдете. Так где вы его видели?

Я помотал головой, но…

— У Истинных граждан, — вдруг сказал я. — Он был там, когда я их допрашивал.

Это он звонил адвокату Гощу. Один из крутых и наглых националистов.

— Он был военным, — сказал мой визави. — Шесть лет в ВВС Бещеля. Снайпером.

Ничего удивительного. Выстрел был отменный.

— Иоланда! — Я поднял взгляд. — Господи, Дхатт. Что случилось?

— Старший детектив Дхатт никогда больше не будет в полной мере владеть своей правой рукой, но он поправляется. Иоланда Родригез мертва. Пуля, попавшая в Дхатта, предназначалась для неё. Это второй выстрел разнёс ей голову.

— Чёрт возьми. — Несколько секунд я только и мог, что сидеть с опущенной головой. — Её родные знают?

— Знают.

— Ещё кто-нибудь ранен?

— Нет. Тьядор Борлу, вы совершили брешь.

— Он убил её. Вы не знаете, что ещё он…

Человек откинулся на спинку стула. Я безнадёжно кивал, как бы прося прощения.

— Йорджавик не совершал бреши, Борлу. Он стрелял через границу, в Связующем зале. Он никогда не совершал бреши. Возможно, адвокаты спорили бы о том, где имело место преступление: в Бещеле, где он спустил курок, или в Уль-Коме, где пули попали в цель? Или и там, и там? — Он элегантно развёл руками: мол, кого это волнует? — Он никогда не совершал бреши. А вы совершили. Вот потому вы сейчас и находитесь здесь, в Бреши.

Когда они ушли, мне принесли поесть. Хлеб, мясо, фрукты, сыр, воду. Поев, я стал толкать и тянуть дверь, но никоим образом не смог её пошевелить. Так и сяк ощупывая её поверхность, я не обнаруживал ничего, кроме растрескавшейся краски, — или же её послание было закодировано хитрее, чем я мог расшифровать.

Йорджавик не был первым, в кого я стрелял, он не был даже первым, кого я убил, хотя последних было не так много. Раньше мне не приходилось стрелять в кого-либо, кто не поднимал на меня оружия. Я ждал, что меня будет трясти. Сердце колотилось, но лишь из-за того, где я оказался, а

не из-за чувства вины.

Долгое время я оставался один. Исходил всю комнату вдоль и поперёк, смотрел в скрытую полусферой камеру. Снова подтянулся на подоконнике и смотрел из окна на крыши. Когда дверь опять открылась и я глянул вниз, комната, по контрасту с заоконным пространством, была окутана полумраком. Вошла та же троица.

— Йорджавик, — сказал мужчина постарше, опять по-бещельски. — Он всё-таки совершил брешь в одну сторону. Когда вы в него выстрелили, вы заставили его это сделать. Жертвы бреши всегда совершают брешь. Он жёстко взаимодействовал с Уль-Комой. Итак, что о нём знаем. Указания он получал откуда-то. Не от Истинных граждан. Вот как обстоят дела. Совершив брешь, вы попали в наше распоряжение.

— И что теперь будет?

— Всё, что нам будет угодно. Совершив брешь, вы принадлежите нам.

Они без труда могли сделать так, чтобы я исчез. О том, что это будет означать, имелись только слухи. Никто никогда не слышал даже рассказов о тех, кого забрала Брешь и кто отбыл положенный по закону срок. Либо такие люди были невероятно скрытны, либо их вообще никогда не выпускали.

— То, что вы не видите в наших действиях справедливости, ещё не означает, что они несправедливы, Борлу. Если хотите, воспринимайте это как суд над вами. Расскажите нам, что и зачем вы делали, а мы, возможно, поищем способы предпринять какие-то действия. С каждой брешью надо разбираться. Надо провести расследование: мы можем разговаривать с теми, кто не совершал бреши ранее, если это существенно для дела и мы в этом убедимся. Понимаете? Санкции бывают разной степени строгости. У нас есть ваше досье. Вы полицейский.

Что такое он говорит? Мы, стало быть, коллеги? Я молчал.

— Зачем вы это сделали? Расскажите нам. Расскажите нам об Иоланде Родригез и о Махалии Джири.

Я долгое время ничего не говорил, но плана у меня так и не было.

— Так вы знаете? Что вы знаете?

— Борлу.

— Что там снаружи?

Я указал на дверь. Они оставили её приоткрытой.

— Вам известно, где вы, — сказал он. — Что там снаружи, вы увидите. При каких условиях,

зависит от того, что вы сейчас скажете и сделаете. Расскажите, что вас сюда привело. Об этом дурацком заговоре, который опять повторился, впервые за долгое время. Борлу, расскажите нам об Оркини.

Мне не предоставили ничего, кроме клина сепийного освещения из коридора, жидкой полоски, сохранявшей допросчика в тени. Чтобы рассказать им о деле, потребовалось несколько часов. Я ничего не утаивал, потому что они и так наверняка все знали.

— Почему вы совершили брешь? — спросил он.

— Я не собирался. Хотел посмотреть, куда делся стрелок.

— Тогда это брешь. Он был в Бещеле.

— Да, но вы понимаете. Такое, знаете ли, случается всё время. Когда он улыбнулся, у него был такой вид, что я просто… Я думал о Махалии и об Иоланде…

Я шагнул ближе к двери.

— Откуда он знал, что вы там будете?

— Понятия не имею, — сказал я. — Он наци, причём безумный, но у него явно есть связи.

— Какая роль в этом отводится Оркини?

Мы посмотрели друг на друга.

— Я рассказал вам всё, что мне известно, —

сказал я.

Обхватив лицо ладонями, я глянул сквозь пальцы.

Мужчина и женщина в дверном проёме вроде бы не обращали внимания. Я бросился на них изо всех сил, как мне казалось, безо всякого предупреждения. Один из них — не знаю, кто именно, — нанёс мне хук в воздухе, из-за чего, пролетев через всю комнату, я врезался в стену и грохнулся на пол. Кто-то меня ударил, должно быть, женщина, потому что голова у меня вздёрнулась, а мужчина по-прежнему стоял, привалившись к дверному косяку. Мужчина постарше сидел за столом в ожидании.

Женщина оседлала меня, удерживая шею в каком-то захвате.

— Борлу, вы находитесь в Бреши. В этой комнате имеет место суд над вами, — сказал мой допросчик. — Здесь он может и закончиться. Вы теперь вне закона, решение обитает здесь, и оно — это мы. Ещё раз. Расскажите нам, как это дело, эти люди, эти убийства связаны с историей об Оркини.

Через несколько секунд он обратился к женщине:

— Что ты делаешь?

— Он не задыхается, — сказала она.

Я, насколько позволял мне захват, смеялся.

— Так дело не во мне, — сказал я наконец, когда смог. — Боже мой! Вы исследуете Оркини.

— Никакого Оркини нет, — сказал он.

— Все так говорят. Однако продолжают происходить разные события, люди продолжают исчезать и умирать, и снова и снова звучит это слово — Оркини.

Женщина слезла с меня. Я сидел на полу и качал головой, сокрушаясь от всего случившегося.

— Знаете, почему она так и не пришла к вам? — спросил я. — Иоланда? Она думала, что вы и есть Оркини. Если у неё спрашивали: «Как может существовать что-то между городом и городом?» — она говорила: «А вы верите в Брешь? Где она?» Но она ошибалась, не так ли? Вы не Оркини.

— Оркини не существует.

— Так почему вы спрашиваете обо всём этом? От чего я столько дней бегаю? Я только что видел, как кто-то из Оркини или очень на него похожий стрелял в моего напарника. Вы знаете, что я совершил брешь: почему вас заботит остальное? Почему вы просто не накажете меня?

— Как мы сказали…

— Что же это, милость? Справедливость? Да

ради бога! Если есть что-то ещё между Бещелем и Уль-Комой, то где тогда остаётся место для вас? Вы охотитесь. Потому что это внезапно вернулось. Вы не знаете ни где Оркини, ни что происходит. Вы…

А, да чёрт с ними.

— Вы боитесь.

Мужчина помоложе и женщина вышли и вернулись со старым кинопроектором, протащили шнур в коридор. Они повозились с ним, и он зажужжал, а стена стала экраном. Показывали кадры допроса. Я резко отодвинулся, чтобы лучше видеть, по-прежнему сидя на полу.

Допрашивали Боудена. Раздался треск помех, затем он заговорил по-иллитански, и я увидел, что его допросчики были из *милицьи*.

— … не знаю, что случилось. Да, да, я прятался, потому что кто-то меня искал. Кто-то пытался меня убить. А когда я услышал, что Борлу и Дхатт собираются выехать, то не знал, могу ли я доверять им, но решил, что они, может быть, сумеют вытащить и меня.

— … был пистолет? — Голос у следователя был приглушён.

— Потому что кто-то пытался меня убить, вот почему. Да, у меня был пистолет. Можно достать

почти на каждом углу в Восточной Уль-Коме, ну, вы сами знаете. Понимаете, я живу здесь уже много лет.

Нечто неразборчивое.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что никакого Оркини нет, — сказал Боуден.

Нечто неразборчивое.

— Ну, мне наплевать, что вы думаете, или что там думала Махалии, или что говорила Иоланда, или на что намекал Дхатт, и я, нет, я понятия не имею, кто мне звонил. Но такого места не существует.

Долгий громкий треск из-за неполадок с изображением и звуком, и появился Айкам. Он только плакал и плакал. Ему задавали вопросы, но он не обращал на них внимания, продолжая плакать.

Картинка снова изменилась, и на месте Айкама появился Дхатт. Он был в штатском, рука на перевязи.

— Не знаю, мать вашу! — закричал он. — Какого хрена вы меня спрашиваете? Разыщите Борлу, потому что он, похоже, куда больше меня смыслит в той хрени, что происходит. Оркини? Нет, чёрт возьми, потому что я не ребёнок, но дело в том,

что, пусть даже это проклятое Оркини явная куча дерьма, всё равно что-то происходит, кому-то достаётся информация, которая им не по зубам, а другим неизвестные силы вышибают мозги. Чёртовы дети. Вот почему я согласился помочь Борлу, плевать, что незаконно, так что, если хотите отобрать у меня значок, валяйте, мать вашу! И милости прошу — не верьте в Оркини сколько угодно, так же как и я. Но пригибайте башку, когда вам палят в морду из этого несуществующего города. Где Тьядор? Что вы сделали?

Изображение на стене застыло. Следователи смотрели на меня в свете слишком крупного монохромного кадра с рычащим Дхаттом.

— Итак, — сказал старший, кивая на стену. — Вы слышали Боудена. Что происходит? Что вы знаете об Оркини?

Брешь была ничем. Это — ничто. Это банальность, трюизм. В Бреши нет ни посольств, ни армии, ни достопримечательностей. В Бреши нет валюты. Если вы совершаете брешь, она вас поглощает. Брешь — это пустота, полная злых полицейских.

Тот след, что снова и снова приводил к Оркини, предполагал системные преступления, тайные параправила, существование города-паразита

там, где не должно быть ничего, кроме ничего, ничего, кроме Бреши. Если Брешь не была Оркини, то чем она была, если не насмешкой над самой собой, чтобы позволить продолжаться такому на протяжении веков? Вот почему мой следователь, спрашивая меня, существует ли Оркини, выразился так: «Значит, мы в состоянии войны?»

Я обратил их внимание на возможность сотрудничества. Посмел с ними поторговаться. «Я помогу вам…» — повторял я снова и снова, затягивая паузы так, чтобы каждое многоточие подразумевало «если». Мне нужны убийцы Махалии Джири и Иоланды Родригез, и они могли это понять, но торговался я не очень благородно. Меня пьянила возможность бартера, способ, крохотный шанс снова выйти из Бреши.

— Однажды вы уже чуть было не явились за мной, — сказал я.

Это они следили за мной, когда я гросстопично приблизился к своему дому.

— Так мы партнёры? — спросил я.

— Вы совершили брешь. Но дело обернётся лучше, если вы нам поможете.

— Вы в самом деле думаете, что их убили жители Оркини? — спросил другой.

Покончат ли они со мной, когда есть хотя бы

возможность того, что Оркини пребывает здесь, возникает и остаётся необнаруженным? Что его жители ходят по улицам, невидимые для граждан Бещеля и Уль-Комы, потому что и те, и другие думают: они в другом городе? Прячась, как книги в библиотеке?

— Что такое? — спросила женщина, увидев моё лицо.

— Я уже рассказал вам, что мне известно, а это не много. Что происходит, точно знала Махалия, а она мертва. Но она что-то после себя оставила. Она рассказывала подруге. Сказала Иоланде, что поняла правду, когда просматривала свои записи. Мы ничего подобного так и не обнаружили. Но я знаю, как она работала. Я знаю, где они.

Глава 24

Когда в компании со старшим представителем Бреши мы утром вышли из здания — назовём это участком, — я осознал, что не понимаю, в каком мы городе.

Большую часть ночи я не ложился, просматривая записи допросов из Уль-Комы и из Бещеля. Бещельских и уль-комских пограничников, прохожих из обоих городов, которые ничего не знали. «Люди начали кричать…» Автомобилистов, над которыми пролетали пули.

— Корви, — сказал я, когда на стене появилось её лицо.

— Ну и где он? — Из-за изъяна записи её голос звучал будто издалека. Она злилась, но сдерживалась. — В какую ещё дрянь угодил босс? Да, он хотел, чтобы я помогла ему кого-то перевезти.

Это было всё, что им раз за разом удавалось у неё выяснить, её бещельским следователям. Они угрожали ей увольнением. К этому она отнеслась с тем же презрением, что и Дхатт, хотя озвучивала его более осторожно. Она ничего не знала.

Люди Бреши показали мне и краткие записи того, как кто-то допрашивал Бищайю и Сариску.

Бищайя плакала.

— Это мне не нравится, — сказал я. — Это просто жестоко.

Интереснее всего были записи допросов товарищей Йорджавика из числа крайних националистов Бещеля. Я узнал некоторых, которые были с ним вместе. Они угрюмо смотрели на своих допросчиков из *полищай*. Кое-кто отказался говорить без адвокатов. Один допрос вёлся с особым пристрастием: кто-то из офицеров перегнулся через стол и ударил допрашиваемого в лицо.

— Какого хрена! — вскричал тот, окровавленный. — Мы же на одной стороне, мать вашу! Вы же бещелец, а не чёртов улькоманин и не чёртова Брешь…

С высокомерием, равнодушием, негодованием или зачастую угодливостью и готовностью к сотрудничеству националисты отрицали, что им хоть что-то известно о деятельности Йорджавика.

— Никогда не слышал об этой чёртовой иностранке, — сказал один, — он никогда о ней не упоминал.

Аспирантка? Мы делаем то, что на пользу Бещелю, понимаете? И вам не надо знать почему. Но…

Человек, на которого мы смотрели, мучительно жестикулировал, пытаясь объясниться без встречных обвинений. Он выглядел злым.

— Чёрт, мы же солдаты. Как и вы. Сражаемся за Бещель. Так что если вы слышите, что что-то надо сделать, если получаете инструкции типа того, что кого-то следует проучить, что красные, или унифы, или предатели, или улькомане, или чёртовы брешелизы что-то там затевают, то с этим надо что-то делать, и всё тут. Ну, вы знаете почему. Вы не спрашиваете, но и так понимаете, что это надо сделать, почти всегда. Но я не знаю, при чём здесь эта Родригез… Не верю, что он это сделал, а если и сделал, то я не… Не знаю зачем.

— У них, конечно, есть глубинные связи в правительстве, — сказал мой собеседник из Бреши. — Но когда имеешь дело с чем-то настолько запутанным, как этот случай, то можно предположить, что Йорджавик не был Истинным гражданином. Или не только им, но и представителем более скрытой организации.

— Может быть, более скрытого места, — сказал я. — Я думал, вы наблюдаете за всем.

— Бреши никто не совершал. — Он положил передо мной бумаги. — Вот что нашли бещельские полицейские, которые обыскивали квартиру

Йорджавика. Ничего, что связывало бы его с каким-то подобием Оркини. Завтра мы выходим рано.

— Как вы всё это заполучаете? — спросил я, когда он и его спутники встали.

Уходя, он посмотрел на меня с лицом неподвижным, но изнурённым. Он вернулся после короткой ночи, на этот раз один. Я был готов к его приходу.

— Если исходить из того, что мои коллеги поработали как следует, — сказал я, помахивая бумагами, — то здесь ничего нет. Время от времени поступали несколько платежей, но не так уж много — это могло быть что угодно. Экзамен он сдал несколько лет назад, мог пересекать границу — не так уж необычно, хотя при его политических взглядах…

Я пожал плечами.

— Подписки, книги, связи, армейское досье, судебное, разные тусовки — всё это обозначает, что он заурядный наци, склонный к насилию.

— Брешь за ним наблюдала. Как и за всеми диссидентами. Никаких признаков необычных связей не было.

— Вы имеете в виду Оркини?

— Никаких признаков.

Наконец он вывел меня из комнаты. Коридор, окрашенный той же шелушащейся краской и прерываемый рядом дверей, был застелен изношенным бесцветным ковром. Я услышал шаги других, а когда мы свернули на лестницу, мимо прошла женщина, поприветствовав моего спутника. Затем прошёл кто-то ещё, а потом мы оказались в вестибюле, где находились ещё несколько человек. Их одежда была бы законной как в Бещеле, так и в Уль-Коме.

Я слышал разговоры на обоих языках и на третьем, то ли смешанном, то ли древнем, который объединял их. Слышал стук пишущих машинок. Мне ни на миг не приходило в голову броситься наутёк или напасть на своего спутника и попытаться бежать. Признаю это. За мной тщательно наблюдали.

На стенах офиса, через который мы проходили, висели пробковые доски, ломившиеся от документов, полки с папками. Какая-то женщина вырвала бумагу из принтера. Раздался телефонный звонок.

— Вперёд, — сказал мой сопровождающий. — Вы сказали, что знаете, где кроется правда.

Мы подошли к двойным дверям, дверям наружу. Прошли через них, и вот тогда, охваченный

светом, я и понял, что не знаю, в каком мы городе.

После ужаса, охватившего меня на заштрихованной улице, до меня дошло, что мы должны быть в Уль-Коме: именно там наш пункт назначения. Я последовал за своим провожатым вниз по улице.

Я глубоко дышал. Было утро, шумное, пасмурное, но без дождя, ветреное. От холодного воздуха у меня перехватило дыхание. Было что-то приятное в том, как сбивал меня с толку весь этот народ, спешка облачённых в пальто улькоман, рычание машин, медленно двигавшихся по этой улице, в основном пешеходной, крики разносчиков, торговцев одеждой, книгами и продуктами. Я не-видел всего остального. Вверху над нами забренчали тросы, когда ветер толкнул уль-комский аэростат.

— Мне нет нужды приказывать вам не пытаться бежать, — сказал мой спутник. — И нет нужды велеть вам не кричать. Вы и так знаете, что я смогу вас остановить. Знаете, что я не один за вами слежу. Вы находитесь в Бреши. Зовите меня Ашил.

— Моё имя вам известно.

— Пока вы со мной, вы будете Тье.

Имя Тье, как и Ашил, не будучи традиционно ни бещельским, ни уль-комским, могло с достаточной правдоподобностью сойти за то или иное. Ашил вёл меня через двор, под фасадами с фигурами и колоколами, видеоэкранами с биржевыми сводками. Я не понимал, где мы находимся.

— Вы голодны, — сказал Ашил.

— Потерплю.

Он увлёк меня в какой-то переулок, в другой заштрихованный переулок, где возле супермаркета стояли уль-комские киоски, предлагавшие программное обеспечение и безделушки. Взял меня за руку и вёл, а я мешкал, потому что в поле зрения не было ничего съестного, кроме лотков с яблоками в тесте и хлебных киосков, но они были в Бещеле, и я на мгновение упёрся.

Я пытался их не-видеть, но никакой неопределённости и быть не могло: источник запаха, которого я необонял, и был нашим пунктом назначения. «Ступайте», — сказал он и провёл меня через мембрану между городами: подняв ногу в Уль-Коме, я снова опустил её уже в Бещеле, где меня ждал завтрак.

Позади нас стояла улькоманка с малиновыми волосами — очевидно, панк, — бизнесом которой была разблокировка мобильных телефонов.

Когда Ашил стал заказывать еду в Бещеле, она посмотрела на нас с удивлением, затем с ужасом, а потом быстро перестала нас видеть.

Расплатился Ашил бещмарками. Сунув бумажную тарелку мне в руку, провёл меня обратно через дорогу в супермаркет. Тот находился в Уль-Коме. Купив упаковку апельсинового сока на динар, передал её мне.

Я держал еду и питьё. Он вёл меня по середине заштрихованной дороги.

Мой взгляд, казалось, расширивался, словно в кренящемся кадре Хичкока, порождённом каким-то трюком с операторской тележкой и глубиной резкости, так что улица удлинилась, а её фокус изменился. Всё, чего я прежде не-видел, сейчас вдруг оказалось вытолкнутым на передний план.

Стали являться звуки и запахи: звонки Бещеля, перезвон его курантов, лязг и металлический дребезг старых трамваев, вонь из дымоходов, старинные запахи, они смешивались в едином потоке с пряностями и уль-комскими криками на иллитанском, стрекотанием вертолёта *милиции*, выхлопами немецких автомобилей. Цвета уль-комского освещения и пластиковые витрины больше не стирали охряных и каменных цветов

своего соседа, родного моего города.

— Где вы? — спросил Ашил. Он говорил так, чтобы слышал его только я один.

— Я…

— В Бещеле или в Уль-Коме?

— … Не там и не сям. Я в Бреши.

Мы двигались через заштрихованную утреннюю толпу.

— Вы здесь вместе со мной. В Бреши. Никому не понять, видят ли они вас или не-видят. Не кради-тесь. Говорить, что вы не там и не сям, неверно: вы в обоих.

Он легонько постучал меня по груди.

Мы сели с ним в уль-комское метро, где я сидел неподвижно, словно остатки Бещеля цеплялись ко мне, как паутинки, и могли напугать попутчиков, а потом на бещельский трамвай, где у меня возникло ложное приятное чувство, будто я вернулся домой. Мы шли пешком то через один, то через другой город. Чувство близости к Бещелю сменилось чем-то ещё более странным. Мы остановились у фасада библиотеки Уль-комского университета — сплошь сталь и стекло.

— Что бы вы сделали, если бы я побежал? — спросил я.

Ашил ничего не ответил. Вынув невзрачный

кожаный бумажник, он показал охраннику сигил[21] Бреши. Тот смотрел на него несколько секунд, а затем вскочил.

— Боже мой, — сказал он. Судя по его иллитанскому, он был иммигрантом из Турции, но пробыл здесь достаточно долго, чтобы понять, что именно увидел. — Я, ты, вы, чем мог?..

Ашил жестом велел ему сесть обратно на место и пошёл дальше.

Библиотека была новее своего бещельского аналога.

— В каталоге её не будет, — сказал Ашил.

— В том-то и дело, — отозвался я.

Мы обратились к плану и его условным обозначениям. Книги по истории Бещеля и Уль-Комы, тщательно разнесённые по отдельным спискам, но помещённые на соседние друг с другом стеллажи, находились на четвёртом этаже. Студенты, сидевшие каждый в своём отсеке, смотрели на Ашила, когда он проходил. Чувствовали в нём властность, отличную от той, что имелась у их родителей или преподавателей.

Многие книги не были переведены, оставаясь в

---

[21] Примечания: 21

Сигил (сигилла) — символ (или комбинация нескольких конкретных символов или геометрических фигур), обладающий определённой магической силой.

английских или французских оригиналах. «Тайны эпохи Предтечи»; «Бережное и прибрежное: бещельская, уль-комская и морская семиотика». Мы высматривали нужное несколько минут — стеллажей было много. В книге, которую я искал и наконец обнаружил на второй от потолка полке в трёх рядах от основного прохода, протолкавшись мимо смущённого молодого студента, словно у меня имелась здесь власть, кое-чего не хватало. В нижней части корешка её не украшала марка печатной категории.

— Вот она.

То же издание, что было у меня. Эта психоделическая иллюстрация в стиле «дверей восприятия»: длинноволосый человек, идущий по улице, лоскутной из-за смешения двух разных (притом фальшивых) архитектурных стилей, из теней которой наблюдают чьи-то глаза. Я раскрыл её перед Ашилом. «Между городом и городом». Ощутимо потрёпанный экземпляр.

— Если всё это правда, — тихо сказал я, — то за нами следят. Мы с вами сейчас под наблюдением.

Я указал на одну из пар глаз на обложке.

Я пустил страницы веером. Замелькали чернильные надписи: большинство страниц были

испещрены крошечными каракулями — красными, чёрными и синими. Махалия писала сверхтонким стержнем, и её пометки, годами копившиеся в тайной диссертации, походили на спутанные волосы. Я мельком оглянулся, и Ашил сделал то же самое. Позади нас никого не было.

«Нет», — прочли мы надпись, сделанную её почерком. «Ничуть не бывало», «В самом деле? Ср. с Харрисом и др.», «Безумие!!! Полная чушь!!!» Ашил взял у меня книгу.

— Она разбиралась в Оркини лучше, чем кто-либо, — сказал я. — Вот где она хранила правду.

Глава 25

— Они оба пытались выяснить, что с вами случилось, — сказал Ашил. — И Корви, и Дхатт.

— Что вы им сказали?

Его взгляд дал мне понять: мы вообще с ними не говорим. В тот вечер он принёс мне переплетённые цветные копии всех страниц, а также внутренней и наружной сторон обложки уль-комского экземпляра «Между…», принадлежавшего Махалии. Это было её записной книжкой. Напрягая внимание, я мог следовать определённой линии рассуждений, начиная с каждой из запутанных страниц, мог отслеживать каждое её прочтение по очереди.

А перед тем Ашил прогулялся со мной по тому самому совмещённому городу. Размашистые изгибы уль-комской византийской архитектуры нависали над низкой восточноевропейской и средневековой кирпичной кладкой Бещеля с её барельефными фигурами женщин в платках и бомбардиров, окружали её; бещельская приготовленная на пару пища и тёмный хлеб задыхались в горячих запахах Уль-Комы; цвета освещения и тканей вокруг были серых и базаль-

товых тонов; звуки теперь слышались и резкие, и нейтральные, и отрывистые, и хриплые горловые. Нахождение в обоих городах перешло от пребывания в Бещеле и Уль-Коме к пребыванию в некоем третьем месте — нигде, но в обоих разом, в Бреши.

В обоих городах все люди, казалось, были напряжены. Мы вернулись через два заштрихованных города не в то здание, где я проснулся, — оно располагалось на Русай-Бее в Уль-Коме или Тушас-проспекте в Бещеле, как я задним числом определил, — но к другим, средней роскошности апартаментам с конторкой консьержа у входа, не слишком далеко от той большой штаб-квартиры. Помещения через переходы на верхнем этаже раскидывались на два или три здания, и по этому лабиринту туда и сюда сновали люди Бреши. Там были безликие спальни, кухни, офисы, устаревшие с виду компьютеры, телефоны, запертые шкафы. Неразговорчивые мужчины и женщины.

По мере того как два города росли, между ними открывались такие места, пространства, которые или не могли быть востребованы, или становились спорными диссенсусами. Там и обитала Брешь.

— Что, если вас ограбят? Такое случается?

— Время от времени.

— И тогда…

— Тогда они оказываются в Бреши и принадлежат нам.

Никто из там присутствовавших не прервал своих занятий, ведя разговоры, которые перескакивали то на бещельский, то на иллитанский, то на третий язык. В безликой спальне, куда доставил меня Ашил, на окнах были решётки, а где-нибудь наверняка скрывалась камера наблюдения. Имелся совмещённый санузел. Ашил не ушёл сразу К нам присоединились ещё двое-трое людей Бреши.

— Подумайте вот о чём, — сказал я. — Вы сами являетесь доказательством того, что всё это может быть реальным.

Межпространственность, делавшая Оркини столь абсурдным для большинства жителей Бещеля и Уль-Комы, была не только возможна, но и неизбежна. Почему бы людям Бреши не верить, что в этом небольшом зазоре может процветать жизнь? Тревога была сейчас скорее чем-то вроде мысли «Мы никогда их не видели», беспокойством совершенно иного рода.

— Не может этого быть, — сказал Ашил.

— Спросите у своего начальства. Спросите у

властей. Я не знаю. — Какие ещё, более высокие или более низкие, инстанции существовали в Бреши? — Вы знаете, что за нами наблюдают. Или за ними — Махалией, Иоландой, Боуденом, — кто-то и откуда-то наблюдал.

— Того, кто стрелял, ничто ни с чем не связывает. — Это вступил ещё один, говоривший по-иллитански.

— Хорошо, — пожимая плечами, сказал я по-бещельски. — Значит, это был просто случайный, очень удачливый правый экстремист. Как скажете. Или, может, вы думаете, что это странники?

Никто из них не отрицал существования легендарных межпространственных беженцев-мародёров.

— Они использовали Махалию, а когда получили от неё всё, чего хотели, убили её. Потом убили Иоланду, причём именно таким способом, чтобы вы не могли их преследовать. Как будто ни в Бещеле, ни в Уль-Коме, ни где-либо ещё они ничего, кроме Бреши, не боятся.

— Но, — на меня наставила палец какая-то женщина, — подумайте, что вы сами натворили.

— Совершил брешь? — Я предоставил им возможность участвовать в этой войне, что бы она собой ни представляла. — Да. Что знала Махалия?

Она выяснила кое-что о том, что они планировали. Вот они и убили её.

Через окно меня освещали смешанные ночные мерцания Уль-Комы и Бещеля. Зловещую свою речь я обращал к растущей аудитории людей Бреши, чьи лица походили на совиные.

На ночь меня заперли. Я читал комментарии Махалии. Различал их фазы, хотя в хронологии не было никакого соответствия с последовательностью страниц — все пометки наслаивались друг на друга, являя собой палимпсест развивающейся интерпретации. Я выступал в роли археолога.

Вначале, в самых нижних слоях, её почерк был чётче, заметки длиннее и аккуратнее, с большим количеством ссылок на других авторов и на её собственные статьи. Из-за особенностей её языка и необычных сокращений трудно было судить о чём-то с уверенностью. Я стал пытаться постранично прочесть и расшифровать те её ранние мысли. В основном различался её гнев.

Я чувствовал нечто, простиравшееся над ночными улицами. Мне хотелось поговорить с теми, кого я знал в Бещеле или Уль-Коме, но я мог только наблюдать.

Какие бы невидимые боссы, если таковые вообще имелись, ни ждали в недрах Бреши, на

следующее утро за мной опять пришёл Ашил, застав меня снова и снова перечитывающим эти заметки. Он повёл меня по коридору в офис. Я представил себе побег — никто, казалось, за мной не следил. Хотя они бы меня остановили. А если бы и нет, то куда бы я подался, преследуемый межпространственный беглец?

В тесной комнате находилось около дюжины представителей Бреши, они сидели, стояли, ненадёжно опирались на края столов и тихонько переговаривались на двух или трёх языках. Обсуждение было в разгаре. Зачем мне это показывали?

— … Гошариан говорит, этого не было, он просто звонил…

— Как насчёт Сусурстращ? Разве там не было какого-то разговора?..

— Да, но все отчитались.

Это было совещание по поводу кризиса. Они что-то бормотали в телефоны, быстро проверяли какие-то списки. «Лёд тронулся», — сказал мне Ашил. Подтягивались всё новые и новые люди, присоединяясь к общему разговору.

— Ну и что дальше?

Этот вопрос, заданный молодой женщиной в платке, какой принято носить замужним в тра-

диционных бещельских семьях, был адресован мне, заключённому, осуждённому, консультанту. Я узнал её по предыдущей ночи. Постепенно все в комнате замолчали и уставились на меня.

— Расскажите ещё раз, как забрали Махалию, — сказала она.

— Вы хотите покончить с Оркини? — спросил я.

Предложить ей мне было нечего, хоть я и чувствовал что-то такое, до чего мог дотянуться. Они продолжили быстрый обмен мнениями, используя неизвестные мне сокращения и сленг, но я догадывался, что они спорят друг с другом, и пытался понять, о чём — о какой-то стратегии, вопросах направления. Периодически все в комнате бормотали нечто, звучавшее окончательно, делали паузу и поднимали или не поднимали руку, а затем смотрели вокруг, подсчитывая, сколько человек последовали их примеру.

— Нам надо понять, что нас сюда привело, — сказал Ашил. — Что бы вы сделали, чтобы выяснить, что знала Махалия?

Его товарищи становились всё более взволнованными, перебивали друг друга. Вспомнив, как Джарис и Иоланда рассказывали, какой злой была Махалия под конец, я резко выпрямился

на стуле.

— Что такое? — спросил Ашил.

— Мы должны попасть на раскопки, — сказал я.

— Кто согласен с Тье, — сказал Ашил, — поддержите меня.

Три четверти собравшихся в комнате быстро подняли руки.

— Я говорила, что о нём думаю, — сказала женщина в платке, которая руки не поднимала.

— Слышал, — сказал Ашил. — Но.

Он жестом пригласил её обвести взглядом комнату. В голосовании она проиграла.

Мы вышли вместе с Ашилом. Именно там, на улицах, таилось нечто странное.

— Чувствуете? — спросил я.

Против моего ожидания он кивнул.

— Мне нужно… могу я позвонить Дхатту? — попросил я.

— Нет, он ещё не поправился. И если вы его увидите…

— То?

— Вы находитесь в Бреши. Для него будет проще, если вы оставите его в покое. Увидите своих знакомых — не ставьте их в неловкое положение. Они должны понимать, где вы.

— Боуден…

— Он под надзором *милицьи*. Ради его защиты. Никто в Бещеле или Уль-Коме не может найти никакой связи между ним и Йорджавиком. Тот, кто пытался его убить…

— Вы по-прежнему утверждаете, что это не Оркини? Оркини не существует?

— … может попытаться снова. Лидеры Истинных граждан сотрудничают с *полищай*. Но состоял ли Йордж или любой другой из их членов в какой-то тайной ячейке, они, похоже, не знают. И это их бесит. Вы видели фильм.

— Где мы? В какой стороне от нас раскопки?

Он опять повёз меня жуткой чередой транспортных брешей, пролёгшей через два города и оставившей после себя туннель Бреши в виде нашего маршрута. Я гадал, где и какое у него оружие. Охранник у ворот Бол-Йеана узнал меня и улыбнулся, однако улыбка быстро угасла. Возможно, он слышал, что я пропал без вести.

— К учёным не приближаться, аспирантов не расспрашивать, — сказал Ашил. — Вы понимаете, мы здесь затем, чтобы разузнать подоплёку и обстоятельства вашей бреши.

Итак, я был полицейским, расследующим собственное преступление.

— Проще было бы поговорить с Нэнси.

— Ни учёных, ни аспирантов. Начинаем. Вы знаете, кто я?

Последнее было обращено к охраннику.

Мы направились к Буидзе, который стоял спиной к стене своего офиса и смотрел на нас: на Ашила — с огромным и безыскусным страхом, а на меня — со страхом, в котором было больше от недоумения: мол, можно ли говорить о том, о чём мы говорили раньше? Я видел, как он думает: «Кто это такой?» Ашил отвёл нас в глубь помещения, нашёл там полосу тени.

— Я бреши не совершал, — раз за разом шептал Буидзе.

— Вы ведь не против расследования? — спросил Ашил.

— Ваша задача в том, чтобы остановить контрабанду, — сказал я.

Буидзе кивнул. Кто я такой? Этого не знали ни он, ни я.

— Как она происходит?

— Святой Свет… Пожалуйста. Любой из этих детишек мог бы проделать такое единственным способом: украдкой сунуть себе в карман что-то на память прямо с земли, чтобы это никогда не попало в каталог, но они не могут, потому что их

всех обыскивают на выходе с площадки. В любом случае никто не смог бы это продать. Как я уже говорил, они прогуливаются вокруг площадки и могут совершать брешь, не сходя с места. Что поделаешь? Этого не доказать. Я не утверждаю, что они воруют.

— Она говорила Иоланде, что можно стать вором, не подозревая об этом, — сказал я Ашилу. — Под конец.

— Что у вас пропало? — спросил я у Буидзе.

— Ничего!

Он повёл нас на склад артефактов, спотыкаясь от желания помочь. По дороге двое аспирантов, которых я слегка припоминал, увидев нас, остановились — было что-то такое в походке Ашила, которой я подражал, — и попятились. На складе в застеклённых шкафах хранились последние отчищенные предметы, извлечённые из земли. Шкафчики эти полнились невозможно разнообразными обломками эпохи Предтечи, чудесным и упорно не поддающимся толкованию хламом, состоящим из бутылей, орреириев[22], топоров без топорищ, обрывков пергамента.

— Сюда входит дежурный, назначенный на

---

[22] Примечания: 22

Орреирий — механическая модель планетной системы.

вечер, убеждается, что каждый выкладывает всё, что было найдено, запирает склад, оставляет ключ. Никто не выходит с площадки без обыска. Они даже и не пикнут по этому поводу — знают, что без этого никак.

Я жестом велел Буидзе открыть шкаф. Посмотрел на коллекцию, каждый предмет которой располагался в своём домике, своём сегменте из полистирола внутри ящика. Верхние ящики ещё пустовали. Те, что ниже, были полны. Некоторые хрупкие вещицы были завёрнуты в ткань без ворса, скрыты из виду. Я выдвигал ящики один за другим, сверху вниз, рассматривая заключённые в них находки. Ашил подошёл и стал рядом, глядя в очередной ящик, словно это была чайная чашка, словно артефакты были листьями, на которых можно гадать.

— У кого по вечерам находятся ключи? — спросил Ашил.

— У меня, у меня, в зависимости от обстоятельств. — Страх Буидзе перед нами таял, но я не верил, что он станет лгать. — У кого угодно. Это не важно. У всех иногда бывают. Если кто работает допоздна. Расписание есть, но они всегда его игнорируют…

— Вернув ключи охранникам, они сразу ухо-

дят?

— Да.

— Прямиком?

— Да. Обычно. Может, заходят ненадолго в свой офис, гуляют в саду, но обычно долго не задерживаются.

— В саду?

— Ну, в парке. Там… чудесно. — Он беспомощно пожал плечами. — Но выхода наружу там нет: уже через несколько метров он делается альтернативным, и им приходится возвращаться через наш пост. Перед выходом всех обыскивают.

— Когда в последний раз склад запирала Махалия?

— Множество раз. Не знаю…

— В последний раз?

— … В тот вечер, когда пропала, — сказал он наконец.

— Дайте мне список, кто и когда этим занимался.

— Не могу! Они ведут список, но, как я уже говорил, в половине случаев делают друг другу одолжение…

Я выдвинул самые нижние ящики. Между крошечными грубыми фигурками, замысловатыми лингамами эпохи Предтечи и древними пипетка-

ми имелись и обёрнутые более тонкие предметы. Я мягко коснулся их очертаний.

— Это старые, — сказал Буидзе. — Их выкопали давным-давно.

— Вижу, — отозвался я, читая этикетки.

Их извлекли на поверхность в первые дни раскопок. Я обернулся на звук шагов: вошла профессор Нэнси. Она резко остановилась, уставилась на Ашила и меня. Открыла рот. Она прожила в Уль-Коме много лет, научилась видеть её детали. Она поняла, что ей предстало.

— Профессор, — сказал я.

Она кивнула. Посмотрела на Буидзе, а тот на неё. Снова кивнула и отступила.

— Когда Махалия отвечала за ключи, то после запирания склада ходила на прогулки? — предположил я.

Буидзе, сбитый с толку, пожал плечами:

— А ещё предлагала запирать склад не в свою очередь. И не раз.

Все мелкие предметы покоились в своих матерчатых кроватках. Я в них не рылся, но ощупал всё, что лежало в задней части ящика, без того, что представлял себе должной осторожностью. Буидзе шевельнулся, но останавливать меня не стал. На третьей полке, где хранились предметы,

найденные более года назад, одна из завёрнутых вещей подалась под пальцами так, что это заставило меня остановиться.

— Вам бы перчатки надеть, — сказал Буидзе.

Я развернул свёрток, и внутри оказалась газета, в которой был кусок дерева с чешуйками краски и следами от шурупов. Не древний, не резной: обломок двери, абсолютное ничто.

Буидзе не сводил с него взгляда. Я его поднял.

— И какой же это династии? — спросил я.

— Не надо, — сказал мне Ашил и последовал за мной к выходу.

Буидзе шёл позади нас.

— Вот я, Махалия, — сказал я. — Только что заперла дверь. Просто добровольно вызвалась это сделать, хотя очередь кого-то другого. А теперь небольшая прогулка.

Я повёл их на открытый воздух, мимо тщательно расслоённой выемки, откуда на нас с удивлением взглянули аспиранты, на пустырь, усеянный обломками истории, за которым были ворота, открывавшиеся по удостоверениям университета, которые открыли для нас, потому что мы находились там и были теми, для кого этого не могли не сделать, и дальше, в парк. Не такой уж большой парк располагался рядом с раскоп-

ками, лишь кустарники да несколько деревьев, среди которых пролегали тропинки. Видны были улькомане, но не слишком близко. Непрерывного пространства Уль-Комы между раскопками и большей частью уль-комского парка не было. Сюда вторгался Бещель.

Мы видели других людей по краям поляны: бещельцев, сидевших на камнях или возле заштрихованного пруда. Парк лишь незначительно находился в Бещеле, несколько метров по кромке зелени, этакая борозда в тропинках и кустах и небольшая протяжённость сплошного пространства, отделявшего две уль-комские части друг от друга. Карты ясно давали гуляющим знать, где они могут пройти. Именно здесь, в штриховке, могли бы вызывающе стоять аспиранты, оценивая расстояние до иностранной державы, упиваясь порнографией разделения.

— Брешь наблюдает за такими бахромчатыми границами, — сказал мне Ашил. — Есть камеры. Мы увидели бы всякого, кто появился бы в Бещеле, не войдя через него.

Буидзе мешкал. Ашил говорил так, чтобы тот не мог слышать. Буидзе старался не смотреть на нас. Я шёл.

— Оркини… — сказал я.

Не было никакой возможности войти сюда из Уль-Комы или вернуться в неё, кроме как пройти через раскопки Бол-Йеан.

— Диссенсусы? Чушь. Она переправляла артефакты не так. Вот что она делала. Смотрели «Большой побег»[23]?

Я подошёл к краю заштрихованной зоны, где Уль-Кома прерывалась на несколько метров. Конечно, сейчас я был в Бреши и мог бы пройти в Бещель, если бы захотел, но я остановился, словно находился только в Уль-Коме. Подошёл к краю пространства, которое она делила с Бещелем, где Бещель ненадолго становился сплошным, отделяя её от остальной Уль-Комы. Убедился, что Ашил за мной наблюдает. Изобразил, что кладу кусок дерева в карман, на самом деле сунув его мимо ремня, себе в штанину.

— Дыра у неё в кармане.

Я прошёл несколько шагов в штриховке, выбросив из штанины деревяшку, по счастью, лишённую заноз. Остановился, когда она упала на землю. Стоял, как бы созерцая линию горизонта, и осторожно опустил ногу, наступив на неё, вдавив её в почву и покрыв растительной

---

[23] Примечания: 23

«Большой побег» — американский фильм 1963 г.

прелью и грязью. Когда я, не оглядываясь, пошёл прочь, деревяшка ничего собой не представляла, невидимая, если не знать, что она там.

— Когда она уходила, кто-то в Бещеле — или кто-то похожий, так что вам ничего нельзя было заметить — проходил мимо, — сказал я. — Останавливался и смотрел на небо. Ударял каблуком. Подбрасывал что-то. Присаживался на миг на камень, касался земли, клал что-то в карман. Махалия не брала последние артефакты, потому что их только что убрали и это было бы слишком заметным. Но когда она оставалась запирать, то открывала старые ящики, потому что на это требовалась всего секунда.

— Что она забирала?

— Может, что-то наобум. А может, следовала инструкциям. В Бол-Йеане их каждый вечер обыскивали, так с чего бы думать, что кто-то ворует? При ней никогда ничего не было. Всё было припрятано здесь, в заштрихованной зоне.

— Куда кто-то приходил, чтобы это забрать. Через Бещель.

Я повернулся и медленно посмотрел во всех направлениях.

— Чувствуете, что кто-то за нами наблюдает? — спросил Ашил.

— А вы?

Очень долгое молчание.

— Не знаю.

— Оркини. — Я снова повернулся. — Устал от этого. — Я остановился. — Правда. — Я повернулся. — Это утомляет.

— Что вы думаете? — спросил Ашил.

Шум, поднятый среди деревьев собакой, заставил нас поднять головы. Собака была в Бещеле. Я готов был не-слышать, но, конечно, мне этого не требовалось.

Это был лабрадор, дружелюбная тёмная псина, — с фырканьем появившись из подлеска, он побежал к нам. Ашил протянул к нему руку. Появился хозяин, улыбнулся, вздрогнул, отвёл в замешательстве взгляд и позвал пса к ноге. Тот пошёл к нему, оглядываясь на нас. Хозяин пытался нас не-видеть, но не мог удержаться и всё же смотрел, недоумевая, наверное, почему мы рискуем играть с животным в таком нестабильном месте. Когда Ашил встретился с ним глазами, мужчина отвёл взгляд. Наверное, понял, кто мы такие и где находимся.

Согласно каталогу, обломок дерева заменял собой латунную трубку, содержавшую шестерни, инкрустированные в неё веками. Отсутствовали

и три других предмета, найденных в начале раскопок, причём все они были из числа обёрнутых, а заменены комками бумаги, камнями, ногой куклы. Предполагалось, что это были остатки законсервированного когтя омара, содержавшего какой-то древний часовой механизм; другой подвергнутый эрозии механизм, подобный крошечному секстанту; пригоршня гвоздей и шурупов.

Мы обыскали землю в той бахромчатой зоне. Нашли выбоины, замёрзшие следы, а также почти зимние остатки цветов, но не неглубоко закопанные бесценные сокровища эпохи Предтечи. Их давным-давно подобрали. Продать их никто не мог.

— Стало быть, это брешь, — сказал я. — Откуда бы ни приходили и куда бы ни уходили оркиниане, они не могли забирать артефакты в Уль-Коме, значит, это было в Бещеле. Ну, сами-то они никогда не покидали Оркини. Но для большинства людей предметы были положены в Уль-Коме, а подобраны в Бещеле, значит, это брешь.

На обратном пути Ашил кому-то позвонил, и когда мы приехали в расположение Бреши, там велись споры и голосования в их свободной манере по чуждым для меня вопросам. Они входили

в комнату посреди странной дискуссии, звонили по мобильным телефонам, быстро прерывая звонки. Атмосфера была накалена, но отчётливо лишённым выражения образом, характерным для Бреши.

Имели место доклады из двух городов с невнятными дополнениями от тех, кто держал телефонные трубки и передавал сообщения от других участников Бреши.

— Всё наготове, — твердил Ашил. — Вот-вот начнётся.

Они боялись выстрелов в головы и совершающих бреши грабителей и убийц. Число мелких брешей росло. Сотрудники Бреши находились там, где могли, но им многих недоставало. Кто-то сказал, что на стенах в Уль-Коме стали появляться граффити в стилях, указывавших на художников из Бещеля.

— Так плохо ещё не было, с тех пор как, ну… — сказал Ашил. Он шептал мне разные объяснения, меж тем как дискуссия продолжалась. — Это Райна. Она в этом деле упорна… Самун думает, что даже упоминания об Оркини дают основания… Бьон с ним не согласен.

— Нам надо быть готовыми, — сказал очередной выступавший. — Мы на чём-то споткнулись.

— Не мы, а Махалия, — сказал Ашил.

— Ладно, она. Но кто знает, когда что-то случится? Мы в темноте, мы знаем, что грядёт война, но не видим перед собой цели.

— Я этого не вынесу, — тихонько сказал я Ашилу.

Он проводил меня обратно в отведённую мне комнату. Поняв, что он меня запирает, я издал протестующий вопль.

— Вы должны помнить, почему вы здесь оказались, — сказал он через дверь.

Я сел на кровать и пытался прочесть заметки Махалии по-новому. Я не старался следовать особенностям той или иной ручки, содержанию определённых периодов учёбы, чтобы реконструировать ход её мыслей. Вместо этого я прочитал все заметки на каждой странице, все мнения, копившиеся множество лет. До этого я пытался быть археологом её заметок, разделяя их по слоям. Теперь же читал все страницы подряд, где она, без какой-либо хронологии, вела спор с самой собой.

На внутренней стороне задней обложки среди слоёв разгневанной теории я прочёл запись, сделанную большими буквами поверх более ранних, мелких: «Но ср. с Шерманом». От неё была прове-

дена стрелка к аргументу на соседней странице: «Возражение Розена». Эти имена были мне знакомы по более ранним изысканиям. Я вернулся на пару страниц назад. Там рядом с прежним утверждением стояла запись, сделанная той же ручкой и более поздним торопливым почерком: «Нет — Розен, Вийник».

Утверждения перекрывались критикой, замечаниями со всё большим числом восклицательных знаков. «Нет» — и стрелка, указывавшая не на оригинальный печатный текст, но на её собственные более ранние восторженные замечания. Спор вёлся с самой собой. «Зачем нужен тест? Кому?»

— Эй, — крикнул я, не зная, где располагалась камера. — Эй, Ашил! Найдите Ашила!

Я не прекращал кричать, пока он не явился.

— Мне нужен Интернет.

Он отвёл меня в компьютерный зал, к чему-то, что походило на 486-й или примерно такой же антиквариат, с операционной системой, которой я не узнал, какой-то сделанной на скорую руку имитацией Windows, однако и процессор и связь были очень быстрыми. Помимо нас, там находились ещё несколько человек. Ашил стоял позади меня, когда я нажимал на клавиши. Он наблюдал

за моими поисками, а также, конечно, следил, чтобы я не связался с кем-нибудь по электронной почте.

— Входите куда угодно, — сказал мне Ашил и был прав. Для входа на платные сайты, защищённые паролями, требовалось просто нажать на Enter.

— Что это за соединение?

Никакого ответа я не ожидал, равно как не получил. Я искал имена Шерман, Розен, Вийник. На форумах, которые я недавно посещал, троих этих авторов подвергали яростным оскорблениям.

— Смотрите.

Я получил названия их основных работ, поискал на сайте Amazon краткие и грубые отзывы на их диссертации. Это заняло несколько минут. Я откинулся на спинку стула.

— Смотрите, — сказал я. — Смотрите. Шерман, Розен, Вийник — все они абсолютно ненавидимые объекты на этих сайтах о расколотых городах. Почему? Потому что писали книги, утверждая, что Боуден нёс полную чушь. Что все его аргументы не стоят выеденного яйца.

— Он и сам это говорит.

— Дело не в этом, Ашил. Посмотрите.

Я стал открывать ему то одну, то другую стра-

ницу из «Между городом и городом». Указал на ранние замечания Махалии, потом на более поздние.

— Дело в том, что она на них ссылается. В конце. В последних своих пометках.

Перелистывая страницы дальше, я показывал их ему.

— Она передумала, — сказал он наконец.

Мы долго смотрели друг на друга.

— Всё это хрень: и паразиты, и что она ошиблась, а потом обнаружила, что стала воровкой, — сказал я. — Проклятье. Её убили не потому, что она была вроде как одной из чёртовых немногих избранных, знавших ужасную тайну о существовании третьего города. Не потому, что она поняла: оркиниане ей лгали и использовали её. Она не об этой *лжи* говорила. Махалию убили, потому что она вообще перестала верить в Оркини.

Глава 26

Как я ни умолял их и ни злился, Ашил и его коллеги не позволяли мне позвонить Корви или Дхатту.

— Почему, чёрт возьми, нельзя? — возмущался я. — Они бы справились. Ну ладно, делайте всё, что можете, и всё выясните. Йорджавик до сих пор — наша лучшая зацепка, он или кто-то из его подельников. Мы знаем, что он в этом замешан. Постарайтесь узнать точные даты, когда Махалия запирала склад, и, если возможно, нам надо узнать, где находился Йорджавик в каждый из этих вечеров. Надо понять, он ли забирал артефакты. *Полищай* присматривает за Истинными гражданами, они могли бы знать. Может, даже их предводители сообщат об этом, если настолько недовольны. И ещё проверьте, где бывал Сьедр — в деле замешан кто-то, у кого есть доступ к штату Связующего зала.

— Нам не удастся узнать все даты, когда ключи были у Махалии. Вы же слышали, что говорил Буидзе: половина из них не была запланирована.

— Дайте мне позвонить Корви и Дхатту, они знают, как с этим разобраться.

— Вы. — Ашил заговорил жёстко. — Находитесь. В Бреши. Не забывайте. И не можете ничего требовать. Всё, чем мы занимаемся, это детали расследования вашей бреши. Понятно?

Компьютер в камеру они мне не дали. Я заметил, что вот-вот взойдёт солнце, воздух за окном светлел. До этого и не осознавал, насколько было поздно — или уже рано. Наконец я заснул, а когда проснулся, в комнате вместе со мной снова был Ашил. Он что-то пил — впервые я видел, чтобы он хоть что-нибудь ел или пил. Я протёр глаза. Утро переходило в день. Ашил, казалось, ни на йоту не устал. Он бросил мне на колени пачку бумаг и указал на кофе и какую-то таблетку рядом с койкой.

— Оказалось не так уж и сложно, — сказал он. — Они расписываются, когда сдают ключи, так что все даты мы получили. У вас там первоначальные расписания, которые изменялись, и те самые листы с их подписями. Но есть и трудности. Нам не разобраться с Йорджавиком, не говоря уже о Сьедре или любом другом наци, в отношении столь многих ночей. Это продолжалось больше двух лет.

— Погодите. — Я держал два списка друг против друга. — Забудьте, когда её назначали заранее, —

она подчинялась приказам, которые получала от своего таинственного знакомца, об этом помните. Когда ей не надо было брать ключи, но она всё равно брала их, вот на что нам надо смотреть. Никто не любит эту обязанность — приходится оставаться допоздна, — так что это те дни, когда она вдруг появляется и говорит тому, чья очередь: «Я сама этим займусь». Это те дни, когда она получала сообщения. Когда ей велели что-то доставить. Так что давайте посмотрим, кто и когда чем занимался. Это и есть нужные нам даты. Их не так уж и много.

Ашил кивнул — и сосчитал такие вечера.

— Пять, шесть. Недостаёт четырёх вещей.

— Значит, в пару таких дней ничего не произошло. Может, то были законные замены, без каких-либо инструкций. Но проверить всё равно надо всё. Это те дни, в которые нам надо узнать о перемещениях наци.

Ашил снова кивнул.

— Как они это организовали? Зачем?

— Не знаю.

— Подождите здесь.

— Было бы проще, если бы вы просто взяли меня с собой. Что это вы стали меня стесняться?

— Подождите.

Опять ожидание, и я, хотя не кричал на скрытую камеру, гневно смотрел на все стены по очереди, чтобы она сама меня увидела.

— Нет. — Голос Ашила раздался из динамика, скрытого от глаз. — По крайней мере, три вечера из списка Йорджавик был под наблюдением *полищай*. К парку он не приближался.

— А что насчёт Сьедра? — обратился я к пустоте.

— Нет. Есть сведения о четырёх вечерах. Может, кто-то другой из тузов наци, но мы видели, что в Бещеле имеется на каждого из них, и никаких красных флажков нет.

— Чёрт. Что вы имеете в виду, говоря, что о Сьедре «есть сведения»?

— Мы знаем, где он был, а нигде поблизости он не был ни разу. В те вечера и назавтра после них он был на встречах.

— На встречах с кем?

— Он из Торгово-промышленной палаты. В те дни у них были выставки и конференции.

Тишина. Когда я слишком долго молчал, он спросил:

— Что? Что такое?

— Мы думали не в том направлении. — Я щупал пальцами воздух, пытаясь поймать что-то неви-

димое. — Лишь потому, что Йорджавик был тем, кто стрелял, и потому, что мы знаем, как обозлила наци Махалии. Но не кажется ли дьявольским совпадением, что эти торговые встречи всегда происходили в те самые вечера, когда Махалии вызывалась запереть склад?

Опять долгое молчание. Я вспомнил о задержке перед своей встречей с Комитетом по надзору, случившейся из-за одного такого события.

— После этого там бывают приёмы для гостей, не так ли?

— Гостей?

— Компаний. Тех, с которыми Бещель по-дружески сплетничает, — ведь ради этого такие мероприятия и устраиваются, когда они ссорятся насчёт контрактов. Ашил, узнайте, кто там бывал в эти дни.

— В Торгово-промышленной палате?..

— Надо проверить списки гостей, приглашённых потом на вечеринки. Просмотрите пресс-релизы через несколько дней после этого, и вы увидите, кто какой заключил контракт. Давайте.

— Господи, чтоб тебя, боже, — сказал я спустя несколько минут в тишине, по-прежнему расхаживая один в комнате. — Какого хрена просто не выпустить меня? Я *полищай*, чёрт подери, именно

этим я и занимаюсь. Вы хороши как ищейки, но в остальном вы полное дерьмо.

— Вы совершили брешь, — сказал Ашил, распахивая дверь. — Это и есть то, что мы расследуем.

— Верно. Вы что, ждали снаружи, пока я не скажу чего-то такого, что дало бы вам повод войти?

— Вот список.

Я взял бумагу.

Компании — канадские, французские, итальянские, парочка небольших американских — шли вслед за разными датами. Пять названий были обведены красным.

— Остальные были там на той или иной ярмарке, но те, что обведены, появлялись в каждый из тех вечеров, когда ключами распоряжалась Махалии, — сказал Ашил.

— «Софт РеддиТех. Бернли» — эти чем занимаются?

— Консалтингом.

— «КорИнтех» — это всякие электронные компоненты. А что это рядом с ними написано?

Ашил посмотрел.

— Их делегацию возглавлял Горе, от их материнской компании, «Сиэр и Кор». Приезжал, чтобы встретиться с местным главой «КорИнтех», парень руководит их подразделением в Бещеле.

Они оба были на вечеринках с Ньисему, Буричем и остальными из Торгово-промышленной палаты.

— Чёрт, — сказал я. — Нам… Когда он здесь появлялся?

— Каждый раз.

— Каждый раз? Исполнительный директор материнской компании? «Сиэр и Кор»? Вот дерьмо…

— Поясните, — сказал он, помолчав.

— Наци такое не потянули бы. Подождите. — Я думал. — Мы знаем, что в Связующем зале у них есть свой человечек, но… что, чёрт возьми, Сьедр мог бы сделать для этих парней? Корви права — он клоун. На что он мог бы рассчитывать?

Я помотал головой.

— Ашил, как это работает? Верно, вы можете просто скачать эту информацию из обоих городов. Могли бы вы… Каков ваш статус на международном уровне? У Бреши, я имею в виду. Нам надо разобраться с этой компанией.

Я — аватар Бреши, сказал Ашил. Там, где произошла брешь, я могу делать всё, что угодно. Но мне долго пришлось объяснять ему, что к чему. Эти его закостенелые манеры, эта непрозрачность, непроницаемость хоть какого-либо

смысла того, о чём он думает, — трудно было сказать, слышит ли он меня вообще. Он не спорил, но и не соглашался. Он стоял, пока я излагал ему свои соображения.

Нет, они не могут их продавать, говорил я, дело не в этом. До каждого из нас доходили слухи об артефактах эпохи Предтечи. Об их не укладывающейся ни в какие рамки физике. Их свойствах. Им хочется узнать правду. Они заставили Махалию поставлять их. Для этого они внушили ей мысль, что она связана с Оркини. Но она поняла, что к чему.

Корви однажды рассказывала мне о гостевых турах по Бещелю, которые позволяли себе представители тех компаний. Их шофёры могли возить их куда угодно — по сплошным или заштрихованным участкам, в любой красивый парк, чтобы они разминали там ноги.

Компания «Сиэр и Кор» занималась исследованиями и разработками.

Ашил уставился на меня.

— Это бессмысленно, — сказал он. — Кто бы стал вкладывать деньги в суеверный вздор?..

— Вы уверены? Что в этих историях нет ничего такого? Но, даже если вы правы, ЦРУ тратит миллионы долларов на тех, кто пытается убивать

козлов взглядом. Руководство «Сиэр и Кор» платит, скажем, несколько тысяч долларов, чтобы это организовать. Ему нет надобности верить ни единому слову: это стоит таких денег просто на тот случай, если во всех этих россказнях вообще хоть что-нибудь окажется правдой. Их любопытство этого стоит.

Ашил достал мобильник и принялся звонить. Ночь была ещё в начале.

— Нужно провести совещание, — сказал он. — Важное дело. Да, устройте.

— Совещание. По ряду вопросов.

Он много раз сказал примерно одно и то же.

— Вам любое дело по плечу, — сказал я.

— Да. Да… Нужна демонстрация. Брешь — это сила.

— Значит, вы мне верите? Верите, Ашил?

— Как они могли такое устроить? Как могли вот такие посторонние войти с ней в контакт?

— Я не знаю, но именно это мы и должны выяснить. Оплачивали услуги пары местных — мы же знаем, откуда Йорджу поступали эти деньги.

Суммы были небольшими.

— Но не могли же, не могли же они создать для неё Оркини.

— Исполнительный директор их родительской

компании не приезжал бы сюда ради этих ничтожных рукосуев, не говоря уже о том, что при каждом его приезде склад запирала Махалия. Соображайте. Бещель прозябает настолько, что они уже бросили нам кость, побывав здесь. Здесь должна быть связь…

— Что ж, мы это расследуем. Но они не граждане Бещеля или Уль-Комы. У них нет…

Молчание.

— Страха, — сказал я.

Этой оторопи перед Брешью, этого рефлекса послушания, разделяемого в Уль-Коме и Бещеле.

— У них нет на нас определённой реакции, поэтому, если мы что-то предпримем, нам надо будет продемонстрировать свою весомость — потребуются многие наши, для представительности. А если всё окажется правдой, то крупный бизнес в Бещеле закроется. Это будет кризисом для города. Катастрофой. И это никому не понравится. Бывали случаи, Тье, когда тот или другой город вступал в спор с Брешью. Такое имело место. Войны с Брешью. — Он подождал, пока над нами реял этот образ. — Это никому не будет на руку. Так что нам нужна представительность.

Брешь должна внушать страх. Я понял.

— Быстрее, — сказал я. — Поспешите.

Но сбор аватаров Бреши отовсюду, где они размещались, попытки такой рассеянной властью обуздать хаос, — это не было действенным. Представители Бреши отвечали на звонки, соглашались, не соглашались, говорили, что придут, или говорили, что прийти не смогут, выражали готовность выслушать Ашила. Так оно происходило, если судить по его репликам в разговорах.

— Сколько вам надо? — спросил я. — Чего вы ждёте?

— Я же сказал, нам нужна представительность.

— Чувствуете, что происходит там, снаружи? — спросил я. — Вы чувствовали это в воздухе.

Это продолжалось более двух часов. Скованный какой-то добавкой к еде и питью, которые мне давали, я расхаживал по комнате и сетовал на лишение свободы. К Ашилу поступало всё больше звонков. Больше, чем он оставил сообщений, — слово размножалось, точно вирус. В коридоре ощущалось беспокойство, слышались быстрые шаги, голоса, крики и ответные крики.

— Что там такое?

Ашил обращал свой слух к телефону, а не к звукам снаружи. «Нет», — сказал он. Его голос ничего не выдал. Он сказал это несколько раз,

прежде чем закрыл телефон и посмотрел на меня. Его уравновешенное лицо впервые выглядело неуверенно. Он не знал, как сказать то, что надо было сказать.

— Что случилось?

Крики снаружи стали громче, и теперь доносился ещё и шум с улицы.

— Авария.

— Автомобильная?

— Автобусы. Два автобуса.

— Совершили при этом брешь?

Он кивнул.

— Оба были в Бещеле. Столкнулись на Финской площади. — Большая заштрихованная площадь. — Занесло в стену в Уль-Коме.

Я ничего не сказал. Любая авария, приводящая к бреши, с очевидностью требует участия Бреши: несколько аватаров врываются в поле зрения, блокируют сцену, выясняют параметры, выводят невиновных, задерживают всех, кто причастен к совершению бреши, как можно быстрее возвращая власть полиции в двух городах. Ничто в факте дорожно-транспортной бреши не могло привести к такому шуму, который я слышал на улице, значит, должно было иметь место нечто большее.

— Эти автобусы доставляли беженцев в лагеря. Теперь они вышли, а их никто ничему не обучал, они повсюду совершают бреши, переходят из города в город, не имея ни малейшего представления о том, что делают.

Я мог себе представить панику случайных прохожих, не говоря уже о ни в чём не повинных водителях в Бещеле и Уль-Коме, которым пришлось отчаянно увёртываться от мчащихся автобусов, по необходимости въезжавших и выезжавших из топольгангерного города, изо всех сил стараясь вернуть контроль и вытянуть свои машины туда, где они проживают. Сталкиваясь затем со множеством испуганных, раненых нарушителей, не имевших намерения совершать бреши, но лишённых выбора, не знавших языка, чтобы попросить о помощи, карабкавшихся из разбитых автобусов, причём на руках у них были плачущие дети, а кровь текла то по одну сторону границы, то по другую. Они, не настроенные на национальные нюансы — одежда, цвета, причёски, манеры, — приближались к людям, колеблясь взад и вперёд между странами.

— Мы объявили закрытие, — сказал Ашил. — Полную блокировку. Очистку обеих улиц. Брешь приведена в боевую готовность, повсеместно,

пока с этим не будет покончено.

— Что?

Боевая Брешь? На моей памяти ничего подобного не случалось. Ни в один из городов нет входа, между ними нет никакого обмена, чрезвычайное усиление всех правил Бреши. Полиция обоих городов ожидает окончания зачистки, следуя предписаниям Бреши, помогая ей в течение этого срока держать границы на замке. Это был звук, который я слышал, эти механизированные голоса, перекрывающие растущий рёв сирен: динамики, объявляющие закрытие на обоих языках. «Покиньте улицы».

— Из-за автобусной аварии?..

— Она была подстроена, — сказал Ашил. — Они попали в засаду. Унификационисты устроили. Вот и случилось. Они повсюду. Бреши совершаются повсеместно, так сообщают.

Он старался успокоиться.

— В котором городе унифы?..

Я не закончил вопроса, потому что сам угадал ответ.

— В обоих. Действуют согласованно. Мы даже не знаем, бещельские ли унифы остановили автобусы.

Конечно, они работали вместе; это мы знали.

Но чтобы маленькие группы страстных утопистов могли чего-то добиться? Могли устроить эту аварию, организовать такое?

— Они повсюду в обоих городах. Это их восстание. Они пытаются нас объединить.

Ашил мешкал. Благодаря этому я продолжал говорить, только благодаря тому, что он оставался в комнате на несколько минут дольше, чем должен был. Он проверял содержимое карманов, готовя себя к воинской бдительности. Все участники Бреши вызывались наружу. Его ждали. Сирены по-прежнему выли, голоса по-прежнему говорили.

— Ашил, ради бога, послушайте меня. Послушайте меня. Думаете, это совпадение? Бросьте! Ашил, не открывайте эту дверь. Думаете, мы добрались до этого, думаете, мы это вычислили, дошли так далеко, и вдруг, совершенно неожиданно, происходит это чёртово восстание? Кто-то способствует этому, Ашил. Чтобы выманить вас и всю Брешь на улицы и отвлечь от них. Как вы узнали о том, представители каких компаний бывали здесь и когда? В те вечера, когда Махалия переправляла артефакты?

Он не шелохнулся.

— Мы — Брешь, — сказал он после долгой

паузы. — Мы можем сделать всё, что нам потребуется…

— Чёрт побери, Ашил! Я вам не какой-то паршивый брешедей, чтобы меня запугивать, мне надо знать. Как вы ведёте расследования?

— Через осведомителей. Информаторов, — сказал он наконец, бросив взгляд на окно, за которым нарастал хаос. Стоя у двери, он ждал от меня продолжения.

— Агенты или системы в офисах Бещеля и Уль-Комы сообщают вам нужную информацию, правильно? Значит, кто-то где-то шарил в базах данных, пытаясь выяснить, кто, где и когда бывал на приёмах Бещельской торговой палаты. Это и послужило сигналом, Ашил. Вы послали кого-то на поиски, а кто-то другой заметил, что за файлы их интересовали. Что может быть лучшим доказательством того, что мы на что-то вышли? Вы видели унифов. Они ничего собой не представляют. Что в Бещеле, что в Уль-Коме — крошечные группы романтичных и наивных панков. Там больше агентов, чем агитаторов; кто-то отдал приказ. Кто-то подстроил это, поняв, что мы напали на их след.

— Подождите, — добавил я. — Блокировка… Это касается не только Связующего зала, верно?

Закрыты все границы, отменены все полёты?

— Все самолёты БещАэро и Иллитании на земле. Рейсов извне аэропорты не принимают.

— Как насчёт частных полётов?

— … Инструкция та же, но они не под нашей властью, как национальные перевозчики, так что это чуть более…

— Вот в этом-то и дело! Вы не можете вовремя их заблокировать. Кто-то хочет улизнуть. Нам надо добраться до здания компании «Сиэр и Кор».

— Туда, где…

— Туда, где происходит то, что происходит. Это…

Я указал на окно. Мы слышали дребезг разбиваемых стёкол, крики, неистовство автомобилей в панической гонке, шум драки.

— Это прикрытие.

Глава 27

На улицах мы шли через последние судороги, нервные подёргивания маленькой революции, которая умерла, прежде чем родилась, и не знала об этом. Но эти предсмертные конвульсии оставались опасными, и мы шли в боевом порядке. Никакой комендантский час не мог бы удержать эту панику.

Люди в обоих городах бежали по улице перед нами, меж тем как лай публичных объявлений на бещельском и иллитанском предупреждал их, что это блокировка, инициированная Брешью. Бились окна. Некоторые бежавшие, которых я видел, казались скорее легкомысленными, нежели испуганными. Не унифы — слишком маленькие и слишком нецелеустремленные: подростки, бросавшие камни, совершая тем самым наибольшие преступления в своей жизни, мелкие несущиеся в воздухе бреши, разбивавшие стёкла в городе, где они не жили и в котором не находились. Вдоль дороги пронёсся под блеяние двигателя уль-комский пожарный расчёт — туда, где в ночном небе полыхало зарево. Несколькими секундами позже за ним последовала бещельская пожарная маши-

на: они всё ещё пытались сохранить различия, одни сражаясь с огнём с одной стороны соединённого фасада, другие — с другой.

Этим ребятам следовало бы побыстрее разойтись по домам, потому что люди Бреши были повсюду Невидимые для большинства, но всё же вышедшие этой ночью на улицы, придерживаясь своих негласных методов. На бегу я видел представителей Бреши, двигавшихся так, чтобы сойти за охваченных паникой граждан Бещеля и Уль-Комы, но несколько иначе — более целенаправленно и хищно, подобно нам с Ашилом. Я видел их благодаря недавней практике, так же, как они видели меня.

Потом мы увидели группу унифов. Для меня даже тогда, после нескольких дней интерстициальный жизни, было потрясением видеть их действующими вместе — участников обоих отделений, в одежде, которая, несмотря на транснациональные куртки и залатанные штаны панков-рокеров и независимо от их желания, чётко обозначала их в глазах тех, кто приспособлен к городскому семиозису, как бещельцев или улькоман. Теперь они были единой группой — волоча за собой низовую брешь, они переходили от стены до стены, распыляя лозунги на

очень хитроумном сочетании бещельского и иллитанского, слова, которые, совершенно чёткие, хотя и несколько филигранные и украшенные засечками, на обоих языках читались: ВМЕСТЕ! ЕДИНСТВО!

Ашил полез в карман. У него при себе было оружие, которое он подготовил перед тем, как мы вышли. Вблизи я его не видел.

— У нас нет времени… — начал было я.

Из теней вокруг этих инсургентов не столько появились, сколько вошли в фокус несколько фигур. Люди Бреши.

— Как это вы так перемещаетесь? — спросил я.

Аватары были малочисленны, но они без страха двинулись прямо в группу унифов, где внезапными, не зрелищными, но очень жестокими захватами и бросками вывели из строя троих из них. Несколько остальных попытались оказать сопротивление, и аватары Бреши подняли оружие. Я ничего не слышал, но двое унифов упали.

— Господи, — сказал я, но мы продолжали движение.

Быстрым и опытным поворотом отмычки Ашил открыл случайный припаркованный автомобиль, отобранный им по неясным критериям.

— Залезайте. — Он оглянулся. — Лучше всего,

чтобы никто не видел, как проводят нейтрализацию; их уведут. Это чрезвычайное положение. Сейчас оба города — Брешь.

— Господи…

— Только там, где этого нельзя избежать. Только для обеспечения безопасности городов и Бреши.

— Как насчёт беженцев?

— Есть и другие возможности.

Он завёл двигатель.

Машин на улицах было мало. Всё время казалось, что проблемы скрываются от нас где-то за углом. Передвигались небольшие группы аватаров Бреши. Время от времени, появившись среди хаоса, кто-то из людей Бреши, казалось, готов был нас остановить, но каждый раз Ашил то пристально смотрел, то хлопал по своему сигилу, то барабанил пальцами какой-то тайный код, благодаря чему замечали его статус аватара, и мы уезжали прочь.

Перед выходом я умолял взять с собой ещё нескольких представителей Бреши.

— Не захотят, — сказал он тогда. — Не поверят. Это мне следует быть с ними.

— Что вы имеете в виду?

— Все заняты одним этим делом. У меня нет времени на споры.

Стоило ему это сказать, как стало ясно, насколько немногочисленна Брешь. Как тонка линия обороны. Грубая демократичность их методологии, их децентрализованное самоуправление означало, что Ашил мог взять на себя эту миссию, в важности которой я его убедил, но кризис означал, что нам предстоит действовать в одиночку.

Ашил вёл машину, переходя с одной полосы шоссе на другую, через напрягающиеся границы, избегая островков анархии. На углах стояли *милицья* и *полищай*. Иногда этим сверхъестественным движением, которым они владели в совершенстве, из ночи появлялись люди Бреши, приказывая местной полиции что-то сделать — забрать какого-нибудь унифа или труп, что-то постеречь, — и снова исчезали. Два раза я видел, как они откуда-то куда-то сопровождали перепуганных североафриканских беженцев, поневоле ставших рычагами этого катаклизма.

— Это невозможно, мы же… — Ашил, оборвав себя, коснулся наушников, в которых зазвучали донесения.

После этого возникнут лагеря, полные унификационистов. В тот момент всё уже было предрешено, но унифы ещё боролись, чтобы мобилизовать население, крайне негативно от-

носящееся к их миссии. Возможно, память об этой совместной акции будет подбадривать тех из них, кто останется в живых после этой ночи. Это, должно быть, опьяняло — переступить границы и приветствовать своих зарубежных товарищей на улице, которую они вдруг сделали единой; создать свою собственную страну — хотя бы на несколько секунд, ночью, перед нацарапанным на стене лозунгом и разбитым окном. К этому времени унифы должны были понять, что население не с ними, однако они не исчезали, возвращаясь в свои города. Как теперь они могли вернуться? Честь, отчаяние или смелость удерживали их.

— Это невозможно, — сказал Ашил. — Не может быть, чтобы глава «Сиэр и Кор», посторонний, сумел всё это устроить… Мы…

Он слушал с застывшим лицом.

— Мы потеряли аватаров.

Какая война, какая теперь кровавая война между теми, кто предан идее объединения городов, и силами, отвечающими за сохранение их порознь!

ЕДИНСТВО — это слово было наполовину написано на фасаде зала Унгир, который был ещё и дворцом Суль-Кибаи, на фасад которого приходилась вторая его половина, так что теперь этой

капающей краской здание сообщало нечто бессмысленное. То, что в Бещеле сходило за деловые кварталы и рядом не лежало со своим аналогом в Уль-Коме. Штаб-квартира представительства компании «Сиэр и Кор» находилась на берегу Колинина — редкая успешная попытка оживить умирающие доки Бещеля. Мы проехали мимо тёмной воды.

Постукивание в пустом небе, закрытом для всяких полётов, заставило нас обоих посмотреть вверх. В воздухе был только вертолёт, подсвечиваемый собственными мощными огнями и поднимавшийся над нами.

— Это они, — сказал я. — Мы опоздали.

Но вертолёт шёл с запада, в сторону реки. Он ещё не улетал, он собирался принять кого-то на борт.

— Поехали.

Даже в такую рассеивающую внимание ночь меня поразила водительская отвага Ашила. Он развернулся на тёмном мосту, проехал по односторонней сплошной улице в Бещеле не в ту сторону, распугивая пешеходов, пытавшихся выбраться из ночи, промчался через заштрихованную площадь, а потом погнал машину по сплошной уль-комской улице. Я наклонялся

вперёд, чтобы видеть вертолёт, спускавшийся к линии крыш на берегу реки, в полумиле перед нами.

— Он садится, — сказал я. — Быстрее.

Там был перестроенный склад, по обе стороны от которого располагались надувные газовые комнаты уль-комских зданий. На площади никого не было, но, несмотря на поздний час, по всему зданию компании «Сиэр и Кор» горел свет, а на входе стояли охранники. Они агрессивно направились к нам, когда мы вошли. Мраморная отделка и флуоресцентный свет, логотип «S amp;C» из нержавеющей стали, размещённый на стене, словно произведение искусства, журналы и корпоративные отчёты, оформленные под журналы, на столах у диванов.

— Уматывайте отсюда, — сказал их главный, как видно, бещельский отставной военный.

Держа руку на кобуре, он повёл к нам своих людей. Мгновение спустя он стушевался: увидел, как двигается Ашил.

— Отбой, — сказал Ашил, запугивая всех гневным взглядом. — Весь Бещель в Бреши нынче ночью.

Ему даже не понадобилось показывать свой сигил. Охранники отступили.

— Немедленно отоприте лифт, дайте мне ключи, чтобы выйти на вертолётную площадку, и оставайтесь внизу. Больше никто не входит.

Если бы охранники были иностранцами, приехали из родной страны компании «Сиэр и Кор» или были наняты в тех европейских или североамериканских странах, где компания проводила свои операции, они, возможно, не повиновались бы. Но это был Бещель, и охранники были бещельцами: они сделали так, как велел Ашил. В лифте он вытащил своё оружие. Большой пистолет незнакомой конструкции. Ствол у него охватывался внушительным глушителем. Пока мы поднимались, Ашил не переставал поигрывать ключом к корпоративным уровням, который дали нам охранники.

Дверь открылась, выпустив нас под порывы холодного воздуха среди сводчатых крыш и антенн. Тросы уль-комских газовых комнат, несколько улиц с зеркальными фасадами уль-комских деловых зданий, шпили храмов в обоих городах, а здесь, в темноте и на ветру перед нами, — окружённая частыми перилами вертолётная площадка. Тёмная машина стояла в ожидании, ротор вращался очень медленно, почти бесшумно. Перед ней собралась группа людей.

Мы мало что различали, кроме баса двигателя да множества сирен, сопровождавших подавление мятежа унификационистов. Люди у вертолёта не слышали, как мы приблизились. Мы держались ближе к покрову тьмы. Ашил подвёл меня к вертолёту, к группе, никто из которой ещё не замечал нас. Их было четверо. Двое — крупные и бритоголовые. Они походили на ультранационалистов: Истинные граждане на тайном задании. Они оживлённо разговаривали с облачённым в костюм человеком, которого я не знал, и кем-то ещё, кого я не видел из-за того, как он стоял.

Я ничего не слышал, но один из них нас увидел. Поднялся шум, они обернулись. Пилот вертолёта из своей кабины повернул прожектор полицейской мощности, которым была оснащена машина. Как раз перед тем, как он нас осветил, люди передвинулись, и я увидел последнего человека, глядевшего прямо на меня.

Это был Михель Бурич. Социал-демократ, оппозиционер, второй человек в Торгово-промышленной палате.

Ослеплённый прожектором, я почувствовал, что Ашил схватил меня и затащил за вентиляционную трубу из толстого железа. Несколько

мгновений тянулась тишина. Я ждал выстрелов, но никто не стрелял.

— Бурич, — сказал я Ашилу. — Бурич. Так я и знал: Сьедр никоим образом не мог это сделать.

Бурич был контактным человеком, организатором. Он знал пристрастия Махалии, видел её во время её первого приезда в Бещель, когда она разозлила всех на конференции своим студенческим диссидентством. Бурич — манипулятор. Он знал её работу и её устремления — к псевдоистории, к утехам паранойи, к ласкам, даруемым тем, кто укрыт за занавесом. Занимая пост в Торгово-промышленной палате, он был в состоянии это обеспечить. Чтобы найти выход тому, что она украла по его воле, ради измышленного блага Оркини.

— Все украденные вещицы были механизмами, — сказал я. — Компания «Сиэр и Кор» изучает артефакты. Научный эксперимент.

Это его информаторы — у него, как и у всех бещельских политиков, таковые имелись — сказали Буричу, что в отношении компании «Сиэр и Кор» проводятся расследования, что мы докапываемся до правды. Возможно, он думал, что мы поняли больше, и был бы удивлён тем, сколь мало мы могли предсказать. Для челове-

ка с его положением нетрудно было приказать правительственным провокаторам среди бедных глупых унификационистов начать свою работу и отвлечь тем самым Брешь, чтобы он и его подельники могли уйти.

— Они вооружены?

Ашил выглянул и кивнул.

— Михель Бурич? — крикнул я. — Бурич? Что Истинные граждане делают с таким либеральным торгашом, как вы? Получаете хороших солдат, вроде убитого Йорджа? Прихлопываете тех аспирантов, которые, на ваш взгляд, подошли слишком близко к разгадке вашей чуши?

— Проваливайте, Борлу, — сказал он. Голос его звучал беззлобно. — Мы все патриоты. Они знакомы с моим досье.

Ещё один шум присоединился к шумам ночи. Двигателя вертолёта, разгоняющегося. Ашил посмотрел на меня и вышел на полное обозрение.

— Михель Бурич, — сказал он своим внушающим ужас голосом. Держа пистолет непоколебимо, он шёл за ним, как если бы тот его вёл, к вертолёту. — Вы подотчётны Бреши. Пойдёмте со мной.

Я последовал за ним. Он взглянул на человека рядом с Буричем.

— Иэн Крофт, региональный глава фирмы «КорИнтех», — сказал Бурич Ашилу. Он скрестил руки на груди. — Он здесь гость. Адресуйте свои замечания мне. И провалитесь с ними вместе.

Бурич двинулся к вертолёту.

— Оставайтесь на месте, — сказал ему Ашил.

Истинные граждане достали пистолеты.

— Отступить на шаг! — крикнул он им. — Я представляю Брешь.

— Ну и что? — сказал Бурич. — Я многие годы здесь заправляю. Держал унифов на поводке, нахожу бизнес для Бещеля, увожу их чёртовы безделушки прямо из-под уль-комских носов, а что делаете вы? Вы, представитель безвольной Бреши? Вы защищаете Уль-Кому.

При этих словах у Ашила на мгновение отвисла челюсть.

— Он играет для них, — шепнул я. — Для Истинных граждан.

— Унифы правы в одном, — сказал Бурич. — Существует только один город, и если бы не суеверия и трусость населения, поддерживаемые вашей чёртовой Брешью, мы бы все знали, что город только один. И этот город называется Бещель. А вы велите патриотам повиноваться вам? Я предупреждал их, я предупреждал своих товарищей,

что вы можете появиться, несмотря на то что у вас здесь нет ровным счётом никакого дела.

— Вот зачем вы подсунули куда надо те видеозаписи о фургоне, — сказал я. — Чтобы не допустить к этому делу Брешь, чтобы вместо этого передать всю путаницу на попечение *милиции*.

— Приоритеты Бреши не есть приоритеты Бещеля. Будь проклята Брешь. — Эту фразу он произнёс старательно. — Здесь мы признаём только один авторитет, вы жалкие ни то ни сё, и этот авторитет — Бещель.

Он дал знак Крофту садиться в вертолёт первым. Истинные граждане смотрели на нас. Они не были готовы открыть огонь по Ашилу, спровоцировать войну с Брешью — в их взглядах можно было видеть своего рода опьянение кощунством из-за уже выказанной непримиримости, неподчинения Бреши даже в такой мере, — но при этом они всё-таки не опускали пистолетов. Если он выстрелит, они будут стрелять, а их двое. Возбуждённым своим подчинением Буричу, им не требовалось ничего знать о том, куда собирается их плательщик и зачем, им хватало и того, что он поручил им прикрыть ему спину, пока он отбывает. Они воодушевлялись храбростью ура-патриотов.

— Я не имею отношения к Бреши, — сказал я.

Бурич обернулся. Истинные граждане уставились на меня. Я чувствовал колебания Ашила. Он не опускал оружия.

— Я не из Бреши. — Я глубоко вздохнул. — Я инспектор Тьядор Борлу. Бещельский Отряд особо опасных преступлений. Я здесь не ради Бреши, Бурич. Я представляю бещельскую *полищай*, чтобы обеспечить соблюдение бещельского закона. Потому что вы его нарушили. Контрабанда не по моему ведомству: забирайте, что вам угодно. Политика меня не касается — мне плевать, путаетесь ли вы с Уль-Комой. Я здесь, потому что вы убийца. Махалия не была ни улькоманкой, ни врагом Бещеля, а если таковой казалась, то лишь потому, что поверила той чуши, что вы ей наговорили, чтобы иметь возможность продавать то, чем она вас снабжала, ради исследований и разработок этого иноземца. Делаете это ради Бещеля? В задницу, вы просто ширма для иностранных баксов.

Истинным гражданам стало не по себе.

— Но она поняла, что ей лгали. Что она не исправляла старинные несправедливости и не узнавала скрытую правду. Что вы сделали её воровкой. Вы послали Йорджавика, чтобы

избавиться от неё. Это делает преступление улькомским, так что, даже найдя связи между вами и им, я ничего не могу сделать. Но это ещё не конец. Когда вы услышали, что Иоланда скрывается, то подумали, что Махалия что-то ей рассказала. Не могли рисковать, что она заговорит. У вас хватило ума велеть Йорджу убрать её с его стороны контрольно-пропускного пункта, чтобы за вас не взялась Брешь.

Но из-за этого его выстрел становится бещельским, равно как заказ, который вы на него сделали. И это делает вас моим. Министр Михель Бурич, властью, предоставленной мне правительством и судами Содружества Бещель, вы арестованы за заговор с целью убийства Иоланды Родригез. Вы поедете со мной.

Секунда за секундой изумлённого молчания. Я медленно двинулся вперёд, мимо Ашила, к Михелю Буричу.

Это не могло продлиться долго. Истинные граждане в большинстве своём имели не намного больше уважения к нам, кого они считали слабой местной полицией, чем к многочисленным иным стадным массам Бещеля. Но прозвучали страшные обвинения именем Бещеля, совсем не укладывавшиеся в рамки той политики, которой

они придерживались, и не могущие оправдывать в их глазах эти убийства, даже если они о них знали. Двое здоровяков смотрели друг на друга неуверенно.

Ашил задвигался. Я перевёл дух.

— Чёрт, чёрт побери, — сказал Бурич.

Он вынул из кармана маленький пистолет, поднял его и наставил на меня. Я сказал «О» или что-то вроде этого, начиная пятиться. Услышал выстрел, но тот прозвучал не так, как я ожидал. Не как взрыв, но как жёсткий выдох, порыв воздуха. Помню, как подумал об этом, удивляясь, что заметил такое, умирая.

Бурич дёрнулся назад в мгновенном движении, вызвавшем образ пугала: его конечности обезумели, а грудная клетка резко окрасилась. Застрелен был не я, но он. Словно намеренно, он отбросил свой пистолет. То, что я слышал, было приглушённым выстрелом пистолета Ашила. Бурич упал, вся грудь у него была залита кровью.

Прозвучали выстрелы. Два, потом, быстро, третий. Ашил упал. В него стреляли Истинные граждане.

— Прекратить! — рявкнул я. — Прекратить чёртов огонь!

Я по-крабьи стал подбираться к Ашилу. Он был

распростёрт на бетоне и истекал кровью, рыча от боли.

— Вы двое арестованы! — крикнул я.

Истинные граждане смотрели друг на друга, на меня, на неподвижного мёртвого Бурича. Эта эскортная работа вдруг обернулась насилием, поставив их в крайне запутанное положение. Видно было, что они понимают, в какую угодили паутину. Один что-то пробормотал другому, и они попятились, затрусили к шахте лифта.

— Оставайтесь на месте! — крикнул я.

Они проигнорировали меня, стоявшего на коленях возле хрипящего Ашила. Крофт всё ещё неподвижно стоял у вертолёта.

— Не двигайтесь, — сказал я, но Истинные граждане распахнули дверь на крышу и скрылись, вернувшись в Бещель.

— Я в порядке, я в порядке, — задыхаясь, повторял Ашил.

Я ощупал его в поисках ран. Под одеждой у него было что-то вроде бронежилета. Тот остановил смертоносную пулю, но в него попали ещё и ниже плеча, из-за чего он истекал кровью и мучился от боли.

— Эй вы, — сумел он крикнуть представителю компании «Сиэр и Кор». — Останьтесь. Вы можете

получить защиту в Бещеле, но вы не в Бещеле, если я так говорю. Вы находитесь в Бреши.

Крофт нагнулся в кабину и что-то сказал пилоту, который кивнул и ускорил ротор.

— Вы закончили? — осведомился Крофт.

— Вылезайте. Вылет запрещён.

Даже выронив пистолет и стискивая от боли зубы, Ашил требовал подчинения.

— Я не бещелец и не улькоманин, — сказал Крофт. Он говорил по-английски, хотя было ясно, что он нас понимает. — Я вами не интересуюсь и не боюсь вас. Я улетаю. Брешь.

Он покачал головой.

— Уродливое шоу. Думаете, кто-то вне этих странных маленьких городов хоть во что-то вас ставит? Здесь с вами могут считаться и делать то, что вы говорите, не задавая вопросов, им, возможно, надо вас бояться, но больше это никому не нужно.

Он сел рядом с пилотом и пристегнулся.

— Не то чтобы я думал, что это в ваших силах, но я настоятельно рекомендую вам и вашим коллегам не пытаться остановить этот вертолёт. «Вылет запрещён». Как вы думаете, что произойдёт, если вы бросите вызов моему правительству? Очень забавно представить себе, как Бещель или

Уль-Кома будет воевать с настоящей страной. Не говоря уже о вас, Бреши.

Он закрыл дверь. Какое-то время мы с Ашилом не пытались встать на ноги. Он лежал, а я стоял на коленях рядом с ним, меж тем как вертолёт ревел всё громче и в конце концов, раздутый с виду, подпрыгнул, словно бы подвешенный на тросе, изливая на нас потоки воздуха, всячески теребившие нашу одежду и ударявшие по трупу Бурича. Он помчался между низкими башнями двух городов, в воздушном пространстве Бещеля и Уль-Комы, опять единственный летательный аппарат в небе.

Я смотрел, как он улетает. Вторжение в Брешь. Парашютисты, садящиеся в каком-либо из городов, штурмующие секретные офисы в их оспариваемых зданиях. Чтобы атаковать Брешь, захватчикам пришлось бы совершать бреши в Бещель и Уль-Кому.

— Раненый аватар, — сказал Ашил в рацию и дал наши координаты. — Требуется помощь.

— Высылаем, — сказал механический голос.

Он сел, опираясь спиной о стену. Небо на востоке начинало светлеть. Снизу ещё доносился шум, но он стихал. Слышалось больше сирен, бещельских и уль-комских, — это *полищай* и

милицья возвращались на улицы, по мере того как Брешь отводила свои силы, откуда это было возможно. Предстоял ещё один день блокировки, чтобы очистить последние гнёзда унифов, вернуться к нормальной жизни, загнать заблудившихся беженцев обратно в лагеря, но самое худшее миновало. Я смотрел на облака, которые высвечивала заря. Проверил тело Бурича, но при нём ничего не было.

Ашил что-то сказал. Голос у него был слабый, и мне пришлось попросить его повторить.

— До сих пор не могу в это поверить, — сказал он. — Что он мог это проделать.

— Кто?

— Бурич. Любой из них.

Я смотрел на него, прислонившись к трубе. Видел, как близится восход.

— Нет, — сказал я наконец. — Она была слишком умна. Молода, но…

— … Да. Под конец она во всём разобралась, но перво-наперво кто бы подумал, что Бурич мог привлечь её к этому делу.

— А потом, как это было сделано, — сказал я. — Если бы он кого-то убил, мы бы не нашли тела.

С одной стороны, Бурич не был достаточно компетентен, с другой — слишком уж компетентен,

чтобы всё это можно было объяснить. Я неподвижно сидел в медленно усиливавшемся свете, пока мы ждали помощи.

— Она была специалистом, — сказал я. — Досконально знала историю. Бурич был умён, но не настолько.

— Что вы думаете, Тье?

Дверь, выходившая на крышу, хлопнула и распахнулась, выпустив кого-то, в ком я смутно признал представительницу Бреши. Та направилась к нам, говоря по рации.

— Как они узнали, где будет Иоланда?

— Узнали о ваших планах, — сказал он. — Прослушивая телефон вашей приятельницы Корви…

Он навёл меня на мысль.

— Зачем они стреляли в Боудена? — спросил я. — В Связующем зале. Мы думали, что за ним явились из Оркини, потому что он случайно узнал правду. Но это не имело никакого отношения к Оркини. Это были…

Я посмотрел на мёртвого Бурича.

— Его приказы. Так зачем ему убивать Боудена?

Ашил кивнул и медленно заговорил:

— Они думали, что Махалия рассказала Иолан-

де о том, что знала, но…

— Ашил? — крикнула приближавшаяся женщина.

Ашил кивнул. Он даже привстал, но снова тяжело осел.

— Ашил, — сказал я.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Я просто…

Он закрыл глаза. Женщина пошла быстрее. Он вдруг открыл глаза и посмотрел на меня.

— Боуден всё время говорил вам, что Оркини не существует.

— Это так.

— Быстрее, — сказала женщина. — Я заберу вас отсюда.

— Что вы собираетесь сделать? — спросил я.

— Быстрее, Ашил, — сказала она. — Вы слабы…

— Да, слаб, — перебил он её. — Но…

Ашил закашлялся. Он уставился на меня, а я — на него.

— Нам надо его забрать, — сказал я. — Надо направить Брешь…

Но они всё ещё были поглощены событиями минувшей ночи, и не было времени кого-то убеждать.

— Секунду, — сказал он женщине.

Достал из кармана сигил и отдал его мне вместе

со связкой ключей.

— Я вас уполномочиваю, — сказал он. Она задрала бровь, но спорить не стала. — Кажется, мой пистолет упал вон там. Остальные люди Бреши до сих пор…

— Дайте мне свой телефон. Какой у него номер? Теперь идите. Уводите его отсюда. Ашил, я это сделаю.

Глава 28

Женщина Бреши не попросила помочь ей с Ашилом. Она только шикнула, отгоняя меня.

Я нашёл его пистолет. Он был тяжёлым, а глушитель выглядел едва ли не органическим, как какая-то слизь, покрывавшая ствол. Предохранитель пришлось искать слишком долго. Я не рискнул освобождать защёлку, чтобы его проверить. Сунул в карман и направился к лестнице.

Спускаясь, я прокручивал номера в списке контактов телефона: они казались бессмысленными последовательностями букв. Нужный мне номер я набрал вручную. По наитию я не ввёл предварительно код страны и оказался прав — соединение установилось. Когда я добрался до фойе, он зазвонил. Охранники посмотрели на меня неуверенно, но я протянул сигил Бреши, и они попятились.

— Что… кто это?

— Дхатт, это я.

— Святой Свет, Борлу? Что… где вы? Где были? Что происходит?

— Дхатт, молчите и слушайте. Я знаю, что ещё не утро, но мне нужно, чтобы вы проснулись и помогли мне. Слушайте.

— Свет, Борлу, вы думаете, я сплю? Мы считали, что вы с Брешью… Где вы? Знаете ли, что происходит?

— Я с Брешью. Слушайте. Вы ещё не вернулись на работу, верно?

— Чёрт, нет, я всё ещё…

— Мне нужна ваша помощь. Где Боуден? Ваши люди допрашивали его?

— Боудена? Да, но мы его не задерживали. Зачем?

— Где он?

— Святой Свет, Борлу.

Я слышал, как он садится, собираясь с мыслями.

— У себя в квартире. Не паникуйте, за ним наблюдают.

— Задержите его. Пока я туда не доберусь. Просто сделайте так, пожалуйста. Отправьте людей прямо сейчас. Спасибо. Перезвоните мне, когда его задержите.

— Подождите, подождите. Какой это номер? У меня он не высвечивается.

Я сказал ему. На площади я увидел светлеющее небо и птиц, круживших над обоими городами. Я ходил взад и вперёд, один из немногих, но не единственный человек, оказавшийся в такой час

на улице. Я смотрел на других, украдкой проходивших поблизости. Смотрел, как пытаются они вернуться в свои родные города — Бещель, Уль-Кому, какой бы то ни было — из массивной Бреши, которая наконец шла вокруг них на убыль.

— Борлу. Он пропал.

— Что вы имеете в виду?

— У его квартиры был выставлен наряд. Для защиты, после того как в него стреляли. Ладно, когда сегодня ночью началось это безумие, потребовались все руки, и их сняли на какую-то другую работу. Я не знаю всех входов и выходов — там некоторое время никого не было. Я отправил их обратно — дела немного налаживаются, *милицья* и ваши люди пытаются снова разобраться в границах, — но на улицах до сих пор продолжается эта чёртова катавасия. Во всяком случае, я отправил их обратно, и они только что вскрыли его дверь. Его там нет.

— Сукин сын.

— Тьяд, что за хрень происходит?

— Я направляюсь туда. Можете вы сделать… Не знаю, как это по-иллитански. Объявите его в АРВ, — это я сказал по-английски, в подражание фильмам.

— Да, у нас это называется «наслать ореол».

Сделаю. Но, чёрт возьми, Тьяд, вы видели, что за хаос творился ночью. Думаете, кто-нибудь его увидит?

— Надо попробовать. Он попытается выбраться оттуда.

— Ладно, не проблема, тогда его вздрючат, все границы закрыты, поэтому, где бы он ни объявился, его просто остановят. Даже если он успеет добраться до Бещеля, ваши люди не настолько некомпетентны, чтобы кого-нибудь выпустить.

— Хорошо, но всё-таки наложите на него ореол?

— Не наложите, а нашлите. Хорошо.

На дорогах в обоих городах появлялось всё больше машин «Скорой помощи», мчавших к местам продолжавшегося кризиса, здесь и там видны были гражданские машины, демонстративно повиновавшиеся правилам дорожного движения своего города, старавшиеся миновать друг друга с необычайной правовой заботой, как и немногие пешеходы. У них должны были иметься хорошие оправдательные причины, чтобы находиться на улицах. Усердие их не-видения и видения было подчёркнутым. Штриховка восстанавливается быстро.

Стоял предрассветный холод. Вооружённый

отмычкой Ашила, но без его апломба, я вскрывал уль-комский автомобиль, когда Дхатт снова перезвонил. Голос у него был совсем другим. Он был — сомнений в этом не оставалось — охвачен каким-то благоговейным ужасом.

— Я был не прав. Мы нашли его.

— Что? Где?

— В Связующем зале. Единственной *милицьей*, не выведенной на улицы, были пограничники. Они узнали его по фотографиям. Говорят, он там уже несколько часов, должно быть, направился туда, как только всё это сорвалось с цепи. Он был в зале раньше и оказался там в ловушке вместе со всеми остальными, когда зал перекрыли. Но послушайте…

— Что он делает?

— Просто ждёт.

— Они его схватили?

— Тьяд, послушайте. Они не могут. Есть одна проблема.

— В чём дело?

— Они… Они не думают, что он в Уль-Коме.

— Он перешёл границу? Тогда нам надо говорить с бещельским пограничным патрулём…

— Нет, слушайте. Они не могут сказать, где он.

— …Что? Что? Что он делает, чёрт возьми?

— Он просто… Он стоял там, неподалёку от входа, у всех на виду, а потом, когда увидел, что они к нему направляются, он пошёл… но по тому, как он двигается… по одежде на нём… они не могут сказать, находится ли он в Уль-Коме или в Бещеле.

— Просто проверьте, не прошёл ли он через зал до его закрытия.

— Тьяд, здесь стоит чертовский хаос. Никто не отслеживал документы, компьютер или что-то ещё, так что мы не знаем, переходил он или нет.

— Вам надо заставить их…

— Тьяд, послушайте. Это всё, чего я смог от них добиться. Они чертовски напуганы даже тем, что видели его, и говорят, что это брешь, и они не вполне не правы, потому что, знаете, что? Могло быть и так. Сегодняшней ночью в особенности. Люди Бреши повсюду, произошло чёртово закрытие, Тьяд. Последнее, на что кто-то решится, это рисковать совершить брешь. И это последняя информация, которую вы получите, если Боуден не станет двигаться так, чтобы они смогли понять, что он определённо в Уль-Коме.

— Где он сейчас?

— Откуда мне знать? Они не рискуют смотреть на него. Сказали только, что он начал ходить.

Просто ходить, но так, что никто не может сказать, где он.

— Никто его не останавливает?

— Они даже не знают, можно ли им его видеть. Но при этом он и брешь не совершает. Они просто… не могут понять.

Пауза.

— Тьяд?

— Господи, ну конечно. Он просто ждал, чтобы кто-то его заметил.

Я погнал машину к Связующему залу. Тот был в нескольких милях. Я выругался.

— Что? Тьяд, что?

— Это именно то, что ему надо. Вы сами сказали, Дхатт: его бы отослали от границы пограничники любого города, в котором он находился бы. Что из этого следует?

Несколько секунд стояло молчание.

— Чтоб меня, — сказал Дхатт.

В таком неопределённом состоянии никто не мог задержать Боудена. Никто.

— Где вы? Как близко к Связующему залу?

— Могу добраться туда за десять минут, но…

Но и он не задержит Боудена. Как бы Дхатт ни терзался, он не рискнул бы подставляться Бреши, видя человека, который мог находиться не в его

городе. Я хотел сказать, чтобы он не беспокоился, хотел умолять его, но мог ли я говорить ему, что он не прав? Я не знал, что за ним не будут следить. Мог ли я сказать, что он в безопасности?

— Арестует ли его *милицья* по вашему приказу, если он определённо в Уль-Коме?

— Конечно, но они не последуют за ним, если не могут рисковать его увидеть.

— Тогда поезжайте вы, Дхатт. Пожалуйста. Слушайте. Ничто не мешает вам просто отправиться на прогулку, верно? Просто направляйтесь к Связующему залу и идите, куда хотите, и если случится, что кто-то, кто всегда был в вашей местности, шевельнёт рукой и окажется в Уль-Коме, вы сможете его арестовать, верно?

Никто не должен был ни в чём признаваться, даже самому себе. Пока отсутствует взаимодействие и местонахождение Боудена неясно, существует правдоподобная возможность отрицания.

— Пожалуйста, Дхатт.

— Хорошо. Но, послушайте, если я отправлюсь на эту чёртову прогулку, а кто-то в моей гросстопичной близости не окажется наверняка в Уль-Коме, я не смогу его арестовать.

— Оставайтесь на связи. Вы правы.

Я не мог просить его рисковать совершить брешь. А Боуден, возможно, пересёк границу и находился в Бещеле, в каковом случае Дхатт был бессилен.

— Хорошо. Отправляйтесь на прогулку. Дайте мне знать, когда будете у Связующего зала. Мне надо сделать ещё один звонок.

Я отключился и набрал другой номер, тоже без международного кода, хотя это было в другой стране. Несмотря на ранний час, по телефону ответили почти сразу, и голос, который ответил, был совершенно бодр.

— Корви, — сказал я.

— Босс? Господи, босс, где вы? Что случилось? Вы в порядке? Что происходит?

— Корви, я всё вам расскажу, но прямо сейчас не могу; прямо сейчас мне надо, чтобы вы шевелились, причём быстро, не задавали никаких вопросов и делали в точности то, что я вам скажу Мне надо, чтобы вы подъехали к Связующему залу.

Я посмотрел на часы, а потом на небо, которое, казалось, сопротивлялось наступлению утра. Дхатт и Корви в соответствующих городах направлялись к границе. Первым позвонил Дхатт:

— Я на месте, Борлу.

— Вы его видите? Нашли его? Где он?

Молчание.

— Ладно, Дхатт, слушайте.

Он не хотел видеть того, насчёт пребывания чего в Уль-Коме не был уверен, но не позвонил бы мне, если бы в этом не было смысла.

— Где вы?

— На углу Илльи и Сухаша.

— Господи, хотел бы я знать, как делать конференцзвонки по этой штуковине. У меня обозначен ожидающий вызов, так что не отключайтесь.

Я подключился к Корви:

— Корви? Слушайте.

Мне пришлось свернуть к обочине и сравнить карту Уль-Комы в бардачке автомобиля со своим знанием Бещеля. Старые города по большей части были заштрихованы.

— Корви, надо, чтобы вы подъехали на угол Бьюластращ и… и Варщастращ. Вы видели фотографии Боудена?

— Да…

— Знаю, знаю. — Я поехал. — Если не будете уверены, что он в Бещеле, не трогайте его. Говорю вам, я просто прошу вас ходить там, чтобы, если кто-то окажется в Бещеле, вы могли его арестовать. И сообщить мне, где вы. Хорошо?

Остерегайтесь.

— Чего, босс?

Это верно. Боуден вряд ли напал бы на Дхатта или Корви: поступив так, он заявил бы о себе как о преступнике, в Бещеле или Уль-Коме. Нападни он на обоих, он оказался бы в Бреши, где, как это ни невероятно, его ещё не было. Он шёл, держа равновесие, возможно, в обоих городах. Пешеход Шрёдингера[24].

— Где вы, Дхатт?

— Посередине улицы Тейпей.

Тейпей гросстопично делила пространство с Мирандистращ в Бещеле. Я сказал Корви, куда ехать.

— Я скоро буду.

Я теперь ехал над рекой, а количество машин на улице увеличивалось.

— Дхатт, где он? Я имею в виду, где вы?

Он сказал мне. Боудену приходилось держаться заштрихованных улиц. Если бы он вступил в сплошную зону, он принадлежал бы этому городу

---

[24] Примечания: 24

Эрвин Шрёдингер (1887–1961) — австрийский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Сделал достоянием общественности свой мысленный эксперимент, в котором кот существует в состоянии суперпозиции, являясь одновременно и живым и мёртвым: этим он хотел показать неполноту квантовой механики при переходе от субатомных систем к макроскопическим.

и полиция могла бы его забрать. В центрах старинные улицы были слишком узки и изогнуты, чтобы машина сэкономила мне какое-то время, и я её бросил и побежал по булыжникам под нависающими карнизами бещельского Старого города к сложной мозаике и сводам Старого города Уль-Комы.

— С дороги! — крикнул я нескольким прохожим, оказавшимся у меня на пути.

В одной руке я держал сигил Бреши, а в другой — телефон.

— Я в конце Мирандистращ, босс.

Голос у Корви изменился. Она не хотела признаться, что видела Боудена — это было не так, но в то же время она не вполне не-видела его, пребывая где-то посередине, однако уже не просто следовала моим указаниям. Она была рядом с ним. Возможно, он её видел. Я ещё раз осмотрел пистолет Ашила, но мало что понял. Я не мог им воспользоваться. Сунул его обратно в карман, направляясь туда, где Корви ждала меня в Бещеле, а Дхатт в Уль-Коме и где шёл Боуден, в отношении которого ни у кого не было уверенности, где он находится.

Сначала я увидел Дхатта. Он был в полной форме, с рукой на перевязи и с телефоном возле уха.

Я легонько похлопал его по плечу, проходя мимо. Он сильно вздрогнул, увидел, что это я, и ахнул. Медленно закрыл телефон и указал направление взглядом, на что потребовался кратчайший миг. Он уставился на меня с таким выражением, которого я не мог распознать.

В его указании взглядом не было необходимости. Хотя небольшое количество прохожих рисковали идти по перекрывавшейся заштрихованной улице, Боуден сразу бросался в глаза. Эта походка. Странная, невозможная. Не поддающаяся точному описанию, она для каждого, кто привык к физическим наречиям Бещеля и Уль-Комы, была неуправляемой, нарочитой, лишённой корней и страны. Я видел его со спины. Он не брёл, но вышагивал в патологическом нейтралитете от центров городов, направляясь в конечном счёте к границам и горам, к выходу в другие страны континента.

Несколько любопытных местных жителей, шедших ему навстречу, видели его тогда с явной неопределённостью, глядя отчасти в сторону и не зная, куда, собственно, надо смотреть. Я наставил на них палец, на каждого по очереди, дал знак идти назад, и они повиновались. Возможно, кто-то наблюдал из окон, но это было спорно. Я подошёл

к Боудену под нависающими карнизами Бещеля и сложными спиральными желобами Уль-Комы.

Стоя в нескольких метрах от него, на меня смотрела Корви. Она убрала телефон и достала пистолет, но по-прежнему избегала смотреть на Боудена прямо, просто на тот случай, если он не в Бещеле. Может, откуда-то за нами наблюдали люди Бреши. Боуден ещё не совершил ничего, что привлекло бы их внимание: они не могли его трогать.

Я вытянул на ходу руку, не замедляя шага, но Корви схватила её, и мы на мгновение встретились с ней взглядом. Оглянувшись, я увидел её и Дхатта, в нескольких метрах друг от друга и в разных городах, смотревших на меня. Наконец-то действительно рассвело.

— Боуден.

Он обернулся. Лицо у него было застывшим. Напряжённым. В руке он держал что-то такое, очертаний чего я не мог разобрать.

— Инспектор Борлу. Подумать только, встретиться с вами… здесь?

Он пытался улыбаться, но у него это плохо получалось.

— Где — здесь? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Это действительно впечатляет, то, что вы делаете, — сказал я.

Он снова пожал плечами, в манере, не бывшей ни бещельской, ни уль-комской. Ему потребовалось бы идти целый день или больше, но Бещель и Уль-Кома — страны маленькие. Он смог бы добиться этого, выйти.

Каким же опытным надо быть горожанином, каким непревзойдённым урбанистическим жителем и наблюдателем, чтобы связать между собой миллионы неприметных манер, что образуют городскую специфику, и отказаться от обеих совокупностей поведения. Он наставил на меня что-то, что было у него в руке.

— Если выстрелите в меня, вами займётся Брешь.

— Если они следят, — сказал он. — Я думаю, здесь, вероятно, никого, кроме вас, нет. После этой ночи придётся укреплять границы, складывавшиеся веками. И даже если они присутствуют, это спорный вопрос. Какое это было бы преступление? Где вы?

— Вы пытались срезать её лицо. — Этот рваный разрез под подбородком. — Не так ли?.. Нет, это был её, её нож. Но у вас не получилось. Так что вместо этого вы измазали её макияжем.

Он моргал, ничего не говоря.

— Как будто это могло её замаскировать. Что это у вас?

Он показал свою штуковину на мгновение, прежде чем схватить и нацелить её снова. Это был какой-то позеленевший металлический предмет, корявый от возраста и уродливый. Он пощёлкивал. Его залатали новыми металлическими полосками.

— Он сломался. Когда я. — Это не прозвучало так, словно он колебался: слова просто прекратились.

— … Господи, так вот чем вы её ударили. Когда поняли, что она знает о вашей лжи.

Схватил и взмахнул, в мгновенной ярости. Теперь он мог признаться в чём угодно. Оставаясь в своей суперпозиции, под чью юрисдикцию он мог бы попасть? Я увидел ручку штуковины, что он держал, которая указывала на него, оканчиваясь уродливым острым выступом.

— Вы хватаете его, ударяете её, она падает.

Я проделал колющие движения.

— Сгоряча, — сказал я. — Верно? Да? Значит, вы не знали, как из него стрелять? Так правдивы ли они? Все эти слухи о «странной физике»? Это одна из вещиц, за которыми охотилась компания

«Сиэр и Кор»? Отправляя высокопоставленного посетителя на экскурсию, чтобы он шаркал пятками в парке? Очередного туриста?

— Я не назвал бы это пистолетом, — сказал он. — Но… что ж, хотите посмотреть, что он может делать?

Он помотал им в воздухе.

— Нет соблазна продать его самому?

Он выглядел оскорблённым.

— Откуда вы знаете, что он делает?

— Я археолог и историк, — сказал он. — Притом очень хороший. А теперь я пойду.

— Уходите из города?

Он наклонил голову.

— Из какого города?

Он отрицательно помахал своим оружием.

— Я не хотел, вы же знаете, — сказал он. — Она была…

На этот раз слова у него пересохли. Он сглотнул.

— Должно быть, она рассердилась. Узнав, как вы ей лгали.

— Я всегда говорил правду. Вы слышали меня, инспектор. Я много раз говорил вам. Нет никакого Оркини.

— Вы ей льстили? Говорили ей, что она един-

ственная, кому вы можете доверить правду?

— Борлу, я могу убить вас на месте, понимаете вы, никто не будет даже знать, где мы находимся. Если бы вы были в одном городе или в другом, они могли бы явиться за мной, но вы не там и не сям. Вот в чём дело, и я знаю, что это не сработает, и вы тоже знаете, но это потому, что никто в этом месте, включая Брешь, не подчиняется правилам, своим собственным правилам, а если бы подчинялись, это сработало бы, дело в том, что если вас кто-то убьёт, а при этом никто не будет уверен, в каком это случилось городе, ваше тело будет лежать здесь и вечно гнить. Людям придётся переступать через вас. Потому что никто не совершает брешей. Ни в Бещеле, ни в Уль-Коме не смогут рисковать, подбирая вас. Будете лежать и смердеть в оба города, пока от вас не останется одно пятно. Я ухожу, Борлу. Думаете, из Бещеля придут за вами, если я вас застрелю? Или из Уль-Комы?

Должно быть, Корви и Дхатт слышали его, даже если заставляли себя не-слышать. Боуден смотрел только на меня и не шевелился.

— Мой, ну, мой напарник из Бреши, он был прав, — сказал я. — Даже если бы Бурич смог такое придумать, у него не было ни опыта, ни

терпения подать это так, чтобы одурачить Махалию. Она была умна. Для этого нужен был тот, кто знал архивы, тайны и слухи об Оркини не просто слегка, но полностью. Полностью. Вы говорили правду, утверждая, что никакого Оркини не существует. Вы повторяли это снова и снова. В этом было всё дело, не так ли? Это не было идеей Бурича? После той конференции, на которой она причинила себе такие неприятности? Это, конечно, не была компания «Сиэр и Кор» — она просто наняла бы кого-то, чтобы заниматься контрабандой с большим размахом, а эта сквалыжническая операция… здесь она просто воспользовалась предоставленной возможностью. Конечно, вам требовались ресурсы Бурича, чтобы это заработало, и он не собирался отказываться от шанса украсть из Уль-Комы, подкормить Бещель — сколько инвестиций было связано с этим? — и нажиться самому Но это была ваша идея, и она никогда не была связана с деньгами. Вам недоставало Оркини. Это был способ получить и то, и другое. Да, вы, конечно, были не правы насчёт Оркини, но могли сделать так, чтобы оказаться правым.

Отборные артефакты, найденные при раскопках, детали которых могли знать только

археологи — или те, кто их там оставил, как думала бедная Иоланда. Предполагаемый Оркини присылал своему якобы агенту внезапные инструкции, исполнение которых нельзя было затягивать, не было времени о чём-то думать или что-то переосмысливать, — только быстро извлечь и передать то-то и то-то.

— Вы сказали Махалии, что она единственная, кому вы готовы поведать правду. Что, когда вы отреклись от своей книги, это было только игрой в политику. Или же вы сказали ей, что это было трусостью? Это было бы выигрышным ходом. Готов поспорить, вы так и сделали.

Я подошёл к нему. Выражение его лица изменилось.

— «Мне так стыдно, Махалия, давление было слишком сильным. Ты храбрее меня, продолжай, ты уже так близко, ты найдёшь его…» Ваша чушь испортила вам всю карьеру, и вы не могли вернуть то время. Так что следующим выигрышным ходом было устроить так, словно всё это было верно с самого начала. Я уверен, что и деньги были неплохие — не говорите мне, что они не платили, — и у Бурича были свои резоны, у компании «Сиэр и Кор» имелись свои, а наци готовы послужить всем, кто найдёт нужные слова, под-

крепив их долларом. Но для вас весь смысл был именно в Оркини, не так ли? Однако Махалия выяснила, что это ерунда, доктор Боуден.

Насколько совершеннее стала бы эта псевдоистория, явившись во второй раз, когда он мог бы состряпать свидетельства не только из фрагментов в архиве, не из перекрёстных ссылок на неверно понятые документы, но имел бы возможность что-то добавить к тем искусственным источникам, предложить тексты, даже сфабриковать послания — в том числе и к себе самому, ради её блага, а позже и для общего, о том, что всё то время, пока он отвергал их, они существовали, — из самого отсутствующего города. Но всё-таки она докопалась до правды.

— Должно быть, это было для вас неприятно, — сказал я.

Его взгляд витал где-то за пределами той местности, где мы находились, что бы она собой ни представляла.

— Это стало… Вот почему.

Она сказала ему, что её поставки — стало быть, и все тайные платежи — прекратятся. Но ярость его была вызвана не этим.

— Не думала ли она, что вас тоже обманули? Или понимала, что за этим вы и стоите? Думаю,

она не знала. Не в её характере было насмехаться над вами. Полагаю, она думала, что защищает вас. Наверно, она организовала встречу с вами, чтобы вас защитить. Чтобы сказать вам, что вас обоих кто-то обманывает. Что вы оба в опасности.

Чем объяснялась ярость того нападения? Уничтожена вся задача — оправдание постфактум мёртвого проекта. Это не подсчёт очков, не состязание. Просто голый факт, что Махалия, даже не ведая об этом, оказалась умнее его, поняла, что его изобретение было изобретением, несмотря на все его попытки воплотить плод своего воображения, сделать его неопровержимым. Она сокрушила его без лукавства и желчи. Доказательства снова уничтожили его концепцию, улучшенную версию, Оркини 2.0, как в прошлый раз, когда он на самом деле в это верил. Махалия умерла, потому что доказала Боудену, что он глупец, поверивший сказочке, которую сам и сочинил.

— Что это за штука? Это она?..

Но Махалия не могла её вынести, а если бы передала её, та не попала бы к нему в руки.

— Она у меня уже много лет, — сказал он. — Её я нашёл сам. Когда впервые участвовал в раскопках. Охрана не всегда была такой, как сейчас.

— Где вы с ней встретились? В дурацком дис-

сенсусе? Каком-нибудь старом пустом здании, где, по вашим словам, люди Оркини занимаются своей магией?

Это не имело значения. Местом убийства могло стать просто какое-то пустое пространство.

— … Поверите ли вы мне, если я скажу, что на самом деле не помню того мгновения? — осторожно спросил он.

— Да.

— Просто это постоянно, это…

Рассуждение, разбившее его творение вдребезги.

Возможно, он показал ей этот артефакт, словно тот что-то доказывал. Возможно, она сказала ему: «Это не Оркини! Нам надо подумать! Кому могут понадобиться эти предметы?» И ярость, обуявшая его при этих словах.

— Вы его разбили.

— Это поправимо. Он крепкий. Артефакты вообще крепкие.

Несмотря на то что он воспользовался им, чтобы забить её до смерти.

— Хорошо было придумано — провезти её через КПП.

— Когда я позвонил Буричу, тот не очень-то хотел отправлять водителя, но понимал, что так

нужно. С *милицьей* или *полищай* у нас никогда не было проблем. Мы не могли позволить, чтобы нас заметила Брешь.

— Но ваши карты устарели. Я видел одну у вас на столе, тогда. Весь тот металлолом, что подобрали вы или Йордж — на том месте, где вы её убили? — был бесполезен.

— И когда только построили тот парк для катания? — На мгновение ему удалось заставить свои слова прозвучать так, словно он говорит об этом с искренним добродушием. — Там должен был быть прямой путь к устью.

Где старое железо утянуло бы её под воду.

— А что, Йорджавик не знал, куда ехать? Это же его город. А он был солдатом.

— У него никогда не было причин бывать в Покосте. А я не бывал там после той конференции. Карта, которую я ему дал, куплена несколько лет назад, и всё там было верно, когда я там был в последний раз.

— Но проклятая городская перестройка, верно? Он приехал туда, фургон загружен до отвала, а между ним и водой — пандусы и хаф-пайпы, и наступает рассвет. Когда всё пошло не так, именно тогда вы с Буричем… выпали.

— Не совсем, — сказал он. — У нас были кое-ка-

кие сведения, но мы думали, что всё миновало. Нет, по-настоящему он забеспокоился, когда вы приехали в Уль-Кому. Вот тогда он и понял, что есть проблема.

— Стало быть… в каком-то смысле я должен перед вами извиниться…

Он попытался пожать плечами. Даже по этому движению невозможно было определить его городскую принадлежность. Он всё время сглатывал, но подёргивания его лица тоже ничего не сообщали о том, где он находится.

— Если хотите, — сказал он. — Тогда он и отправил своих Истинных граждан на охоту. Даже пытался заставить вас обвинить Лишь-Кому, уль-комских наци, с помощью той бомбы. И, по-моему, он думал, что я тоже поверил.

Лицо Боудена выразило отвращение.

— Должно быть, он слышал о том, что произошло раньше.

— Ну да. Все эти записки, что вы написали на языке эпохи Предтечи, угрожая самому себе, чтобы мы на вас не грешили. Поддельные ограбления. В дополнение к вашему Оркини.

Из-за того, как он на меня смотрел, я не добавил «вашей чуши».

— Как насчёт Иоланды?

— О ней я… действительно сожалею. Должно быть, Бурич подумал, что мы с ней… что Махалия или я что-то ей рассказали.

— Но вы ей ничего не рассказывали. И Махалия тоже — она защищала её от всего этого. На самом деле Иоланда была единственной, кто всё время верил в Оркини. Она была самой большой вашей поклонницей. Она и Айкам.

Он уставился на меня с холодным выражением. Понимал, что никто из них самым умным не был. Я ничего не говорил около минуты.

— Боже, какой же вы лжец, Боуден, — сказал я. — Даже сейчас, прости господи. Думаете, я не знаю? Это же вы сказали Буричу, что Иоланда там будет.

Я слышал его дрожащее дыхание.

— Вы наслали их туда на тот случай, что ей что-то известно. А она, повторяю, ничего не знала. Вы убили её ни за что. Но зачем вы сами туда пришли? Знали же, что они попытаются убить и вас.

Мы долго молчали, глядя друг на друга.

— … Вы хотели быть уверенным? — спросил я. — Вот и они хотели того же.

Йорджавика не послали бы организовывать это необычайное трансграничное убийство ради одной только Иоланды. Они даже не знали навер-

няка, что ей что-то известно. Но знали, что было известно Боудену. Всё.

— Они думали, я тоже в это поверил, — сказал он.

— Вы сказали, что она там будет и что вы тоже приедете, потому что Лишь-Кома пытается вас убить. В самом ли деле они думали, что вы в это поверили?.. Но они могли проверить, не так ли? — Я сам ответил на свой вопрос. — Тем, появитесь ли вы там. Вы должны были туда явиться, иначе они бы поняли, что вы их разыгрываете. Если бы Йорджавик вас не увидел, он бы понял, что вы что-то замышляете. Ему надо было заполучить туда обе цели.

Странная походка и поведение Боудена в зале.

— Значит, вы были вынуждены появиться и стараться держать кого-то у него на пути…

Я остановился.

— Там что, были три цели? — спросил я.

В конце концов, это из-за меня всё пошло не так. Я покачал головой.

— Вы знали, что они попытаются вас убить, но стоило рискнуть, чтобы избавиться от неё. Камуфляж.

Кто заподозрил бы его в соучастии, после того как агент Оркини пытался его убить?

Лицо у него медленно мрачнело.

— Где Бурич?

— Мёртв.

— Хорошо. Это хорошо…

Я шагнул к нему. Он наставил на меня артефакт, как какую-то коротенькую волшебную палочку бронзового века.

— О чём вы думаете? — сказал я. — Что вы собираетесь делать? Как долго вы жили в городах? И что теперь? Всё кончено. Оркини стал щебнем.

Ещё один шаг, и он по-прежнему целился в меня, дыша через рот и выкатив глаза.

— У вас есть один вариант. Вы посещали Бещель. Жили в Уль-Коме. Осталось ещё одно место. Пойдём. Вы собираетесь жить анонимом в Стамбуле? В Севастополе? Укатить в Париж? Думаете, этого будет достаточно? Оркини — чушь. Хотите увидеть, что на самом деле между городами?

Секундная задержка. Он долго колебался, прежде чем принять какой-нибудь внешний вид.

Отвратительный сломленный человечек. Подлее того, что он сотворил ранее, было только то отчасти скрытое рвение, с которым он сейчас принимал моё предложение. Пойти со мной не было доблестью с его стороны. Он протянул мне свою тяжёлую штуковину, которую считал ору-

жием, и я её взял. Она загремела. Трубка, полная шестерёнок, старый часовой механизм, раскроивший Махалии голову, когда металл лопнул.

Он обвис, издавая какие-то постанывания: извинения, мольбы, слова облегчения. Я его не слушал и ничего не помню. Я не арестовал его — я тогда не был полицейским, а люди Бреши вообще не арестовывают, — но я его забрал и перевёл дух, потому что всё закончилось.

Боуден по-прежнему не связывал себя с тем, где находился.

— В каком вы городе? — спросил я.

— И в том, и в другом, — сказал он.

Так что я схватил его за шиворот, повернул и повёл прочь. Пользуясь полученными полномочиями, я сам увлекал за собой Брешь, я окутал его в ней и вытащил из того или иного города в никакой, в Брешь. Корви и Дхатт смотрели, как я уводил его из пределов досягаемости кого-то из них. Я кивнул им в знак благодарности через их границы. Друг на друга они не посмотрели, но оба кивнули мне в ответ.

Когда я вёл с собой шаркающего ногами Боудена, мне пришло в голову, что брешь, которой я уполномочен заниматься, которую я всё ещё расследовал и свидетелем которой выступал он,

Боуден, по-прежнему была моей собственной.

Кода
БРЕШЬ

Глава 29

Больше той машинки я не видел. Она канула в бюрократии Бреши. Я так и не узнал, что именно она могла делать, чего хотела компания «Сиэр и Кор» и могла ли она вообще хоть что-нибудь.

В Уль-Коме в период после Мятежной ночи сохранялась напряжённость. *Милицья*, даже после того как оставшиеся унифы были ликвидированы, или арестованы, или скрылись в свои закутки и исчезли, продолжала бросающееся в глаза, навязчивое патрулирование. На это сетовали гражданские вольнодумцы. Правительство Уль-Комы объявило о новой кампании, «Бдительные соседи», причём под соседями понимались как люди, живущие за стенкой (что они делают?), так и смежный город (видите, насколько важны границы?).

В Бещеле та ночь привела к своего рода преувеличенной немоте. Говорить о ней стало едва ли не дурным тоном. Газеты энергично преуменьшали её масштабы. Политики если что-то и говорили, то лишь уклончиво упоминали о недавней напряжённости или о чём-то подобном. Но это было дымовой завесой. Город был подавлен. Его уни-

фикационистское население так же поредело, а остатки его были так же осторожны и незаметны, как в Уль-Коме.

Обе зачистки были проведены быстро. Закрытие, объявленное Брешью, продолжалось тридцать шесть часов, после чего о нём не упоминали. Та ночь привела к двадцати двум смертям в Уль-Коме и тринадцати в Бещеле, не считая беженцев, которые умерли после первоначальных аварий, и пропавших без вести. Теперь в обоих наборах улиц было больше иностранных журналистов, делавших более и менее тонкие репортажи по следам событий. Они регулярно предпринимали попытки договориться об интервью — «анонимных, конечно» — с представителями Бреши.

— Кто-нибудь из Бреши нарушал когда-нибудь ряды? — спросил я.

— Конечно, — сказал Ашил. — Но тогда они совершают брешь, становятся странниками и попадают под нашу юрисдикцию.

Он шёл осторожно, а под одеждой и скрытым бронежилетом у него была повязка.

В первый день после беспорядков, когда я вернулся в офис, таща с собой отчасти податливого Боудена, меня заперли в камере. Но с тех пор

дверь не запиралась. Я провёл три дня с Ашилом, после того как его выписали из какой-то тайной больницы, где получали помощь люди Бреши. Каждый день, что он проводил в моей компании, мы путешествовали по городам, находясь в Бреши. Я учился у него ходить между ними, сначала в одном, потом в другом или в обоих, но без показухи необычных движений Боудена — с более скрытой двусмысленностью.

— Как ему это удалось? Вот так ходить?

— Он обучался у городов, — сказал Ашил. — Может, постороннему достаточно увидеть, как в действительности метят себя горожане, чтобы суметь пройти между городами.

— Где он?

Об этом я спрашивал у Ашила неоднократно. Он по-разному уклонялся от ответа. Сейчас он сказал то же, что и прежде:

— Есть механизмы. О нём позаботятся.

Было пасмурно и темно, слегка моросило. Я поднял воротник куртки. Мы находились к западу от реки, у заштрихованных рельсов, короткого отрезка путей, используемых поездами обоих городов по расписанию, согласованному на международном уровне.

— Но дело в том, что он никогда не совершал

брешь.

Этой тревоги я раньше Ашилу не озвучивал. Он повернулся и посмотрел на меня, массируя свою рану.

— На каком основании он был… Как мы можем держать его у себя?

Ашил вёл меня по окрестностям раскопок Бол-Йеана. Я слышал поезда в Бещеле, к северу от нас, и в Уль-Коме, южнее. Мы не входили в Бол-Йеан и даже не приближались настолько, чтобы нас могли оттуда увидеть, но Ашил проходил через различные этапы дела, не говоря об этом вслух.

— Я имею в виду, я знаю, что Брешь никому не подчиняется, но… Вы должны представлять отчёты. Всех своих дел. Комитету по надзору. — При этих моих словах он задрал бровь. — Знаю, знаю, они дискредитированы из-за Бурича, но это, как они всегда настаивали, может касаться состава, членов, а не самого комитета. Система сдержек и противовесов между городами и Брешью остаётся прежней, верно? У них есть своё место? Значит, вам надо обосновать удержание Боудена.

— Никому нет дела до Боудена, — сказал он наконец. — Ни в Уль-Коме, ни в Бещеле, ни в Канаде, ни в Оркини. Но мы, да, представим им форму. Может, поскольку он подбросил Махалию,

Брешь вернёт его в Уль-Кому.

— Он её не подбрасывал, это был Йордж… — сказал я.

— Может, и так, — продолжал Ашил. — Посмотрим. Может, мы вытолкнем его в Бещель и вытащим обратно в Уль-Кому. Если мы говорим, что он совершил брешь, он её совершил.

Махалии не было. Её тело наконец увезли домой. Ашил сказал мне об этом в тот день, когда её родители устраивали похороны.

Компания «Сиэр и Кор» из Бещеля не уехала. Рискованно было бы привлекать к себе внимание после раболепствующих, путаных откровений Бурича. Компания вместе со своей технологической мощью засветилась, но его связи с ней были расплывчаты. Возможный контакт Бурича, к сожалению, оставался неизвестным, а ошибки, допущенные в прошлом, были теперь гарантированно устранены. Ходили слухи, что «КорИнтех» будет продана.

Мы с Ашилом ехали трамваем, на метро, в автобусе, на такси, шли пешком. Он переводил нас то в Бещель, то в Уль-Кому, словно продевал нить, сшивающую два города.

— Что насчёт моей бреши? — спросил я наконец.

Мы оба выжидали не один день. Я не спрашивал:

«Когда мне можно будет вернуться домой?» Мы сели на фуникулёр, проложенный к высшей точке парка, названного в его честь, по крайней мере, в Бещеле.

— Если бы у него была современная карта Бещеля, вы бы никогда её не нашли, — сказал Ашил. — Оркини.

Он покачал головой.

— Видели ли вы детей в Бреши? — спросил он. — Каково бы это было — если кто-нибудь здесь родился?

— Должны же они быть, — перебил я.

Но он говорил громче:

— Как смогли бы они здесь жить?

Тучи над городами выглядели потрясающе, и я смотрел больше на них, чем на него, и тема детей отпала.

— Знаете, как меня заставили присоединиться к Бреши? — спросил он вдруг.

— Когда я получу возможность вернуться домой? — бессмысленно произнёс я.

Он даже улыбнулся.

— Вы проделали отличную работу, — сказал он. — Видели, как работаем мы. Нигде в другом

месте нет такого, как в этих городах. Ведь не только мы держим их порознь друг от друга. Все жители Бещеля и все жители Уль-Комы. Каждую минуту, каждый день. Мы — последняя преграда: большую часть работы делает население городов. Это действует, потому что вы не зеваете. Вот почему не-видение и не-чувствование имеют жизненно важное значение. Никто не может признать, что это не действует. Так что, даже если вы этого не признаёте, это срабатывает. Но если вы совершаете брешь, даже не по своей вине, на более длительное время, чем кратчайший миг… вы не можете вернуться отсюда.

— Аварии. Дорожно-транспортные происшествия, пожары, случайные бреши…

— Да. Конечно. Если вы изо всех сил торопитесь выбраться отсюда снова. Если таков ваш ответ Бреши, то, возможно, у вас есть шанс. Но даже тогда вы в беде. А если это длится дольше мига, вам уже не вернуться. Вы никогда не будете снова не-видеть. Большинство совершивших брешь — ну, в ближайшее время вы узнаете о наших санкциях. Но есть и другая возможность, очень редкая.

— Что вы знаете о британском флоте? — продолжал Ашил. — Несколько столетий назад?

Меня наняли так же, как и всех остальных в Бреши. Никто из нас здесь не родился. Все мы когда-то жили в одном городе или в другом. Все мы однажды совершили брешь.

На несколько минут между нами воцарилось молчание.

— Я хотел бы кое-кому позвонить, — сказал я.

Он был прав. Я представлял себя сейчас в Бещеле, не-видящим Уль-Кому на заштрихованной местности. Живущим в половинном пространстве. Не-видящим всех людей, архитектуру, машины и всё прочее, среди чего я жил. Я, может, сумел бы притворяться, в лучшем случае, но что-нибудь случилось бы, и Брешь бы об этом узнала.

— Это было крупное дело, — сказал он. — Самое крупное за всё время. У вас никогда больше не будет такого крупного дела.

— Я детектив, — сказал я. — Господи. Есть ли у меня какой-то выбор?

— Конечно, — сказал он. — Вы здесь. Есть Брешь, и есть те, кто совершает брешь, те, к кому мы являемся.

Он смотрел не на меня, но поверх накладывающихся друг на друга городов.

— Бывают ли добровольцы?

— Добровольчество — это самый первый и самый явный признак того, что вы не подходите, — сказал он.

Мы шли к моей старой квартире, я и мой вербовщик.

— Могу я кое с кем попрощаться? Есть люди, с которыми я хочу…

— Нет, — сказал он.

Мы продолжали идти.

— Я детектив, — снова сказал я. — А не кто-то там. Я работаю не так, как вы.

— Это как раз то, что нам надо. Вот почему мы были так рады, что вы совершили брешь. Времена меняются.

Значит, их методы могли оказаться не настолько незнакомыми, как я опасался. Могли иметься и другие, действующие в традиционной манере Бреши, использующие в качестве рычага запугивание, персонифицирующие себя в виде ночного страха, меж тем как мне — просеивая информацию, добытую в Интернете, прослушивая телефонные звонки из обоих городов, используя сети информаторов, полномочия за пределами какого-либо закона, вековой страх, а также иногда намёки на иные силы, существующие помимо нас, неизвестной формы, которые мы

представляем только как аватары, — предстоит расследовать дела так же, как я расследовал их в течение многих лет. Новая метла. В такой нуждается каждая контора. В этой ситуации был свой юмор.

— Я хочу повидать Сариску. Наверное, вы знаете, кто она. И Бищайю. Хочу поговорить с Корви и Дхаттом. Попрощаться, по крайней мере.

Он немного помолчал.

— Вы не можете говорить с ними. Вот так мы работаем. Если бы не это, у нас вообще ничего не было бы. Но увидеть их вы можете. Если сами останетесь вне их поля зрения.

Мы пришли к компромиссу. Я написал письма своим былым возлюбленным. От руки написанные, они и доставлены были вручную, но не мной. Я не сообщил ни Сариске, ни Бищайе ничего, кроме того, что буду по ним скучать. И это не было просто любезностью.

Я подходил к своим коллегам, и, хоть я не заговаривал с ними, оба они меня видели. Но Дхатт в Уль-Коме, как позже и Корви в Бещеле, различали, что я не был в их городе — или не совсем, или не только в нём. Они тоже ничего мне не сказали. Не рискнули.

Дхатта я увидел, когда он вышел из своего

офиса. Он остановился при виде меня. Я стоял у забора возле уль-комского участка, опустив голову, так что он видел, что это я, но не различал выражения моего лица. Я поднял руку, приветствуя его. Он долго мешкал, потом растопырил пальцы, этакий взмах без взмаха. Я отступил в тень. Он ушёл первым.

Корви была в кафе. В бещельском Уль-Кома-городе. Это заставило меня улыбнуться. Я смотрел, как она пьёт густой уль-комский чай в заведении, которое я ей показал. Наблюдал за ней из тени аллеи несколько секунд, прежде чем понял, что она смотрит прямо на меня, знает, что я там стою. Она-то и попрощалась со мной, приподняв чашку и чуть наклонив её в знак приветствия. Я одними губами, хотя даже она не могла этого видеть, сказал ей «спасибо» и «до свидания».

Мне надо многому научиться, и нет другого выбора, кроме как учиться или стать изгоем, а ни за кем так не охотятся, как за отступниками Бреши. Таким образом, не готовый ни к обучению, ни к мести моей новой общины неприкаянных внегородских жителей, я делаю выбор из этих двух не-выборов. Моя задача изменилась: не поддерживать тот или иной закон, но охранять самую кожу, удерживающую закон на месте.

Собственно, два закона в двух городах.

Таково окончание дела Оркини и археологов, последнего дела инспектора Тьядора Борлу из Бещельского Отряда особо опасных преступлений. Инспектора Тьядора Борлу больше нет. Я теперь Тье, аватар Бреши, следующий указаниям своего наставника на мой испытательный срок вне Бещеля и Уль-Комы. Мы здесь все философы и среди многих других предметов обсуждаем, где именно мы живём. В этом вопросе я либерал. Я живу в межпространстве, да, но также и в городе и городе.

Новая повесть о двух городах: разговор с Чайной Мьевилем[25]

Круг читателей: Во многих отношениях «Город и город» представляет для вас смену темы и стиля, но, прежде чем обратиться к этому, я хотел бы сосредоточиться на центральном элементе этой книги, который был последовательным и характерным компонентом вашей фантастики с самого начала, то есть городе… более того, фантастическом городе. Откуда это глубокое увлечение городскими пейзажами, как реальными, так и воображаемыми, и как это увлечение развивалось с течением времени, от Лондона вашего первого романа, «Крысиный король», к Нью-Кробюзону, Нон Лон Дону и, наконец, городам Бещелю и Уль-Коме?

Чайна Мьевиль: Такой ответ немного хромает, но, честно говоря, я просто не знаю. Я всегда жил в городах и всегда находил их чрезвычайно интересными местами для обитания, но ещё и любил, как они преломляются через искусство. Здесь

---

[25] Примечания: 25

Ч. Мьевиль беседует с участниками читательского круга на сайте RandomHouseReadersCircle.com.

существует такая долгая, мощная и блестящая традиция, что, по-моему, было бы удивительнее, если бы меня не потянуло в эту сторону.

Об эволюции, вероятно, другим судить удобнее, чем мне самому. Но у меня такое ощущение, что после безудержного бахвальства — говорю это не в качестве самопорицания: это, конечно, срабатывает не для всех читателей, но есть вещи, которые можно сделать при отсутствии самодисциплины и которые недостижимы при дисциплине большей, — в «Вокзале потерянных снов», который был своего рода хаотической данью уважения городам в стиле рококо, я относительно внезапно, с романом «Город и город», больше заинтересован в более сдержанном, может быть, даже меланхоличном урбанистическом чувстве. Конечно, как только пойдёт следующая книга, это может снова измениться.

КЧ: Использование языка в этом романе заметно экономнее, чем в любой из ваших предыдущих книг. Насколько это связано с требованиями повествования и, возможно, даже с жанром полицейского расследования, который обеспечивает определённую структуру романа, и насколько это естественное развитие вашего стиля?

ЧМ: Каждая книга требует конкретного голоса

— не думаю, что это прогресс в смысле неизбежного движения в этом направлении. Считаю в огромной степени возможным, что в дальнейшем буду двигаться взад-вперёд между более или менее барочной прозой. Но, во-первых, есть вещи, которые можно сделать сдержанной прозой и нельзя прозой цветистой — и наоборот; во-вторых, это было повествование от первого лица, а если у вас есть внутренний монолог такого рода словесной необузданности, вы немедленно создадите весьма маловероятного, опосредованного, пижонского или ещё какого-то повествователя. В принципе, ничего плохого в этом нет, но это не то, чего мне хотелось. Потому что, да, в-третьих, это было связано с желанием сохранять полную верность определённому жанру — полицейским протоколам в стиле нуар.

КЧ: «Город и город», конечно, не является традиционным романом фэнтези. Кроме того, он очень отличается от ваших предыдущих романов фэнтези. По сути, помимо центрального вымысла можно утверждать, что это не фантастика вовсе. Ведь этот вымысел — о двух городах, Бещеле и Уль-Коме, разделяющих физическое, но не правовое или социальное пространство, — может быть истолкован как в фантастических или на-

учно-фантастических, так и в реалистических, психологических терминах. Вы решили написать роман, который сам по себе заштрихован — термин, позаимствованный вами из графики, — с точки зрения жанра? Считаете ли вы это примером слипстрима или интерстициальной фантастики?

ЧМ: Я считаю, что это в первую очередь криминальный роман. Вопрос о том, является ли он фэнтези или нет, не имеет стабильного ответа, это относится к тому, как его читать, что люди из него выносят и так далее. Я, конечно, ни на секунду не забывал о жанре, о фантастическом элементе, и там есть определённого вида (надеюсь, добродушного) поддразнивание читателей на предмет, последует или нет фантастическое объяснение обстоятельств. И, по-моему, другие вопросы — о тяге к сотворению миров, о страстном желании определённого рода герметичной совокупности, которую вы видите в фэнтези, и так далее. Не то чтобы я надеялся, что этот материал жёстко прописан, но он есть у меня в голове. Я не против того, чтобы другие считали эту книгу написанной в жанре «слипстрим», или «интерстициальной», или любой другой. Я думаю о ней как о написанной в фантастической тради-

ции, но для меня это всегда было очень широкой церковью. Если сочтут это фэнтези в более узком смысле, я не буду сильно возражать. Конечно, я не отказываюсь от термина — для меня было бы неблагодарно и нелепо отстраниться от тех традиций чтения и письма и от той эстетики и тематики, которыми раз и навсегда обустроено моё сознание.

КЧ: В последнее время я много думал о том, что беллетристика нуар и фэнтези растут из общих корней, и как бы далеко они, по-видимому, ни разошлись друг от друга, эта общность по-прежнему существует, ожидая, чтобы её выявили. Это, конечно, кажется верным в отношении романа «Город и город».

ЧМ: Полностью согласен. Я уже говорил, что заинтересован в невероятно творческой и плодородной неискренности криминального романа, претендующего на реализм, который, по-моему, в лучшем случае представляет собой сновидческую беллетристику под видом логической головоломки. Всё лучшее в жанре нуар — по крайней мере, то, что мне нравится больше всего, — читается как относящееся ко сну. У Чандлера и Кафки, как мне кажется, гораздо больше общего, чем у Чандлера и какой-нибудь книги

о подлинном преступлении. Сейчас есть целый ряд книг, в которых более явно разрабатываются общие территории жанров фэнтези и нуар, но я думаю, что это в той же мере раскрытие, что и всё остальное.

КЧ: Практическая география Бещеля и Уль-Комы как общего ландшафта с различными доступными и недоступными режимами навигации напомнила мне о чёрных и белых квадратах шахматной доски, использование которых ограничивается по существу произвольным, но тем не менее строго соблюдающимся набором правил. Я знаю, что вы давно интересуетесь играми и игровой практикой, и хотел бы понять, насколько этот интерес повлиял на развитие этой книги.

ЧМ: На сознательном уровне не так сильно. Сознательно организация метафоры на картографическом уровне была, как вы сказали, работой ручкой и чернилами — штриховкой. Начертите линии в одну сторону — получаете тень. Начертите их в другую сторону — получаете другую тень. Наложите их друг на друга — тень станет более глубокой. Я думаю о Бещеле и Уль-Коме как о различных слоях затенённой совокупности. На социальном/политическом/правовом и т. д. уровне организующий принцип был связан

не столько с играми, сколько с природой табу — чрезвычайно мощных, часто чрезвычайно произвольных и (что имеет решающее значение) регулярно спокойно нарушаемых без подрыва факта табу как таковых. Этот последний элемент, по-моему, иногда недооценивается при обсуждении культурных норм, которые как утверждаются, так и нарушаются. Оба эти элемента фундаментальны.

КЧ: Когда я начал улавливать уникальную природу Бещеля и Уль-Комы, я вспомнил рассказ «Отчёты о некоторых событиях в Лондоне», который появился в вашем сборнике «В поисках Джейка». Был ли он в какой-то мере отправной точкой для романа «Город и город»? Был ли конкретный момент, в котором идея этой книги обрела форму, или она развивалась медленно, с течением времени?

ЧМ: Несколько человек сделали такое соединение. Оно не приходило мне в голову, но я, конечно, могу понять, почему люди так считают, и у них — у вас — есть для этого некоторое основание. Хотя вы могли бы различить, что в некоторых направлениях это своего рода негативное влияние — в своём упоре на текучую, хищную, непознаваемую географию рассказ про-

тивоположен роману. В «Городе и городе» не в меньшей мере, чем о чём-либо другом, говорится о бюрократии. Основную идею обустройства городов я обдумывал несколько лет. Я как бы мысленно прослушивал различные истории, чтобы понять, что подошло бы сюда лучше всего, что демонстрировало бы это, но не тяжеловесно, не за счёт повествования. Такова была идея.

КЧ: Ваше творчество всегда имело сильный элемент сюрреализма, но меня поразило, что в этом романе вы уклоняетесь от влияния Дали — от гибридов человека и насекомого или человека с заселённой птичьей клеткой вместо головы — в сторону менее экстравагантного бренда сюрреализма, того, что коренится не столько в экзотических образах сновидений и кошмаров, сколько в повседневных образах из бодрствующего мира — здесь я имею в виду влияние Бруно Шульца, чью фразу вы взяли эпиграфом к роману. Чем объясняется этот сдвиг?

ЧМ: Я не люблю Дали, хотя, конечно, никому не дано избежать его визуального влияния. Мне нравится пренебрежительное прозвище, данное ему Андре Бретоном, — Avida Dollars[26]. Но, срав-

[26] Примечания: 26

Анаграмма имени, фонетически сходная с французским выражением *«avide a dollars»* (жадный к долларам).

нивая смутно постдекадентское причудливое барокко его образов с более тонкими сновидениями Шульца или Кафки, я, да, вижу этот сдвиг. Однако чем объясняется этот сдвиг — это вопрос, ответить на который невозможно. Я долгое время любил Шульца — пришёл к нему, как многие люди моего поколения, через фильм братьев Куэев «Улица крокодилов» — и Кафку, и всю традицию (в очень широком смысле) восточноевропейской фантастической литературы и искусства, а также ландшафты, например, Праш, и мне хотелось написать что-то, вдохновлённое всем этим. Почему сдвиг? Я стал меньше захлёбываться, чем прежде. Стал старше. Мне хотелось попробовать что-то новое. Хотелось отдать дань тем традициям (и необычайной прозе высокого нуара). Мне хотелось написать книгу, которая понравилась бы моей матери.

КЧ: Помимо Шульца, вы выражаете признательность Рэймонду Чандлеру, Францу Кафке, Альфреду Кубину и Джан Моррис. С первыми двумя я знаком, и их влияние здесь представляется очевидным, но я не знаю ни Кубина, ни Моррис — и осмеливаюсь сказать, что это будет справедливо и для многих ваших читателей. Чем вы им обязаны?

ЧМ: Кубин — австрийский писатель и художник, и его книга «Другая сторона», ставшая своего рода экспрессионистским исследованием городских тревог, принуждающих создавать и заселять воображаемые города — чем бы это ни грозило — ради обманчивой безопасности метрополий, пересаженных в далёкую глухомань, оказала на меня большое влияние.

Влияние Джан Моррис в большей мере дискуссионное. Она написала книгу под названием «Хав», которая возвращает через несколько лет к её книге «Последнее письмо из Хава», о путешествии в воображаемую страну. Я восхищался книгой, но у меня с ней возник очень огорчительный спор. Книги, очевидно, всегда говорят с другими книгами, и иногда они дружелюбны, а иногда нет. «Город и город» ведёт почтительную, но весьма острую дискуссию с «Хавом». В частности, я никогда не чувствовал у «Хава» достаточной идентичности, потому что автор так подчёркивает, что по природе своей он является синкретическим портом — а я восхищался её отказом от своего рода сущностной «местности», — что на самом деле тот ощущается главным образом как группы меньшинств, встречающихся на непрозрачном и бесцветном фоне.

Они никогда не претендовали на сколько-нибудь больший гештальт. Кажется, я в таком восприятии в меньшинстве, но, когда я понял, что много думаю об этой книге, уже занявшись написанием «Города и города», даже думаю о ней, испытывая фрустрацию, то единственно уместным показалось облечь это в крик.

КЧ: У некоторых читателей и критиков, несомненно, будет соблазн увидеть этот роман как аллегорию отношений между Западом и мусульманским миром, из-за сходства названий города Уль-Комы и террористической группы Аль-Каиды. Возможны и многие другие аллегорические прочтения на основе различных политических, социальных и сексуальных разделов и/или перекрёстных штрихов. Симпатизируете ли вы таким прочтениям?

ЧМ: Лично я делаю большое различие между аллегорическим и метафорическим прочтениями (хотя не слишком забочусь о терминах, как только установлено, о чём идёт речь). На мой взгляд, смысл аллегорических прочтений состоит в поиске того, что Фредерик Джеймисон называет «мастер-кодом» для «решения» того или иного повествования, чтобы разобраться, «о чём оно» или, хуже того, «о чём оно на самом деле». И этот

подход вызывает у меня очень мало сочувствия. В этом я последователь Толкиена, который подчёркивал свою «сердечную неприязнь» к аллегории. Мне такое не нравится, потому что если рассказ в действительности пишется о чём-то другом, то это лишает беллетристику смысла — я говорю не о том, что нет места для полемической, сатирической или ещё какой-то беллетристики, а лишь о том, что если рассказ полностью сводим к какому-то очень прямому высказыванию, то почему бы просто его и не озвучить? Художественная литература всегда тем интереснее, чем больше в ней уклончивого излишества и/или специфичности. Дело не в том, что нет того или иного значения, но в том, что есть нечто большее, чем просто эти значения. Проблема с аллегорическим декодированием как методом не в том, что оно прочитывает в истории слишком много, но в том, что оно прочитывает в ней слишком мало. Аллегории всегда более интересны, когда переливаются через свои дамбы. Метафора для меня является гораздо более решительной в этом плане. Метафора всегда фрактально плодородна и всегда более и менее избыточна. Я пытаюсь сказать, что ни в коей мере не объявляю некоторые из таких прочтений недействительными

(хотя у меня очень мало сочувствия к прочтению «Восток против Запада», которое явно отрицается в тексте, причём не единожды), но надеюсь, что никто не считает, будто моя книга может быть этим «решена». Не думаю, что хоть какая-то книга может быть «решена» таким образом.

КЧ: Вы, конечно, идёте гораздо дальше простой штриховки и фактически вступаете в пространства между Бещелем и Уль-Комой, а также в пространства, оспариваемые ими, в то, что я назову «территориями суперпозиции», по принципу квантовой суперпозиции. Здесь мы в царстве Бреши, а также невидимого города Оркини, который может или не может быть мифом. Всегда ли Брешь и Оркини являлись частью романа — или вам стало известно об их существовании только, так сказать, через косвенные улики, когда вы писали о двух «видимых» городах?

ЧМ: Брешь всегда была его частью, потому что у двух основных городов предполагаются границы, которые предполагают охрану. Оркини появился позже. Не было никаких причин останавливаться на достигнутом. Как только стало понятно, что можно сделать кунштюк о всё большем и большем числе скрытых городов во всё большем и большем числе межпространств, возникла

возможность применить принцип матрёшки, и я мог бы получить четвёртый, пятый, шестой существующий по слухам город и т. д., во всё сильнее уменьшающихся масштабах.

КЧ: Брешь и Оркини во многих отношениях схожи — в самом деле, в одном месте говорится о возможности того, что они суть одно и то же, — но в конце читатели принимаются в Брешь, меж тем как Оркини остаётся неизвестным. Меня в этом процессе поражает то, что откровение предстаёт несколько опровергающимся. И не только здесь: снова и снова в этом романе, когда вы подходите к моменту откровения, где более традиционная фэнтези будет раскрываться вовне, в нереальное или сверхъестественное, вы возвращаете происходящее в реальность, во всех её суровых особенностях. В этом смысле не мог бы этот роман считаться антифэнтези?

ЧМ: Разумеется. Существует долгая и славная традиция создания произведений антифэнтези, из которых некоторые самые для меня бодрящие принадлежат перу М. Джона Харрисона. И я думаю, вы абсолютно правы, что моя книга является частью этой линии. Я даже не возражаю против термина «опровергающееся откровение». Думаю, это справедливо, а сделал я так, если на

то пошло, вполне сознательно. Теперь я точно знаю, что такое не будет работать для всех читателей, и понимаю, что некоторые читатели невзлюбили книгу именно по этой причине. Это достаточно справедливо. Но мне эта жажда раскрытия тайн за повседневностью иногда кажется попрошайничеством. Конечно, и у меня это есть — я сам читаю фэнтези, мне нравятся эти сверхъестественные разрывы и всё, что за ними обнаруживается, — но, конечно, вполне допустимо и, может, даже интересно не только тешить этот драйв, но и его исследовать, прощупывать его, а может быть, да, именно как часть всего этого, пускать его под откос.

КЧ: Но в то же время вы поощряете фантастические спекуляции — прежде всего, я думаю, в археологических артефактах, извлечённых из уль-комских раскопок, в причудливой смеси примитивных предметов и того, что кажется остатками передовых технологий.

ЧМ: Ну конечно, эта книга никогда не исключает возможности каких-либо фантастических элементов. Странные свойства археологической физики, например, — они не доказаны, но и не фальсифицированы. Я был заинтересован не столько в аспекте возможной магии — хотя, ко-

нечно, это под знаком вопроса, — но в вопросе непрозрачной логики. Существует явная, для исследователей, логика в этом, казалось бы, невозможном коагуляте материальной культуры, вот почему они его исследуют. Но это логика, которая их избегает, это то, чего они не могут разобрать. Даже если нет возможности проникнуть в нечто, это, по-моему, существенно отличается от того, что не имеет никакой логики вообще.

КЧ: Ваш повествователь и главный герой, Тьядор Борлу, рационален, скептичен, но и достаточно романтичен, чтобы соблазниться тайнами, — другими словами, знакомый тип из литературы нуар. Но при этом он ещё и в большой степени порождён своей своеобразной средой. Ещё до этого дела и его близким знакомством с Брешью его жизнь изобилует интерстициальными элементами, от его отношений с женщинами до его предпочтения заведений, чудесно названных «дёплир-кафе», где евреи и мусульмане сидят бок о бок в микромире двух окружающих городов. География действительно определяет судьбу?

ЧМ: Этот тип знаком по жанру нуар, а также по тысяче других источников, в том числе по реальному миру. Интерстициальность, межпространственность — невероятно модное слово,

а выражаемое им понятие довольно легко обнаружить на всех уровнях. Одна из причин для микрокосмического предвестия отношений между городами в «дёплир-кафе» и т. д. состоит именно в том, чтобы подорвать любые кажущиеся дурными предзнаменования, их касающиеся. Конечно, они довольно необычно сдублированы, что означает существование междоузлий, серых зон и т. д. и т. п., но это только необычно экстраполированная версия таких вещей, что происходят всё время, на всех уровнях. Такова была идея. Интерстициальность — это тема, которая одновременно действительно интересна и потенциально весьма полезна, но и является ужасным клише, так что если вы собираетесь к ней обратиться, то, думаю, это поможет по крайней мере с уважительным скепсисом относиться к диковатым претензиям некоторых из её теоретических фанатиков.

КЧ: Кливаж (расщепление), событие, разделившее Бещель и Уль-Кому в прошлом, потерянном для истории, остаётся, как и Оркини, окутанным тайной. Было ли это событие научно-фантастическим, катастрофическим феноменом квантовой физики, отправившим части единого города-государства в конгруэнтные, а иногда и пересекаю-

щиеся измерения? Или это расщепление следует понимать в чисто психологическом плане? Имеет ли значение, как читатели интерпретируют этот аспект книги?

ЧМ: Это событие разделило Бещель и Уль-Кому или, возможно, соединило их друг с другом. Кливаж, являясь одним из этих магических, богатых по части семиотики слов, означает две прямо противоположные вещи. И, конечно, я не собираюсь отвечать на этот вопрос! Если даже на него есть ответ, я не могу его комментировать. Я знаю, что я думаю, и вы уже упоминали об этом раньше, с точки зрения общего статуса книги, но для меня было бы совершенно бесполезно диктовать читателям свои условия. Вся информация, требуемая для романа, и так в нём присутствует.

КЧ: Оркини сначала предстаёт как миф, затем он кажется реальностью, затем мистификацией — и всё же так никогда и не опровергается. В самом деле, необычная попытка Боудена выйти из городов, одновременно и совершенно мирская, и донельзя сверхъестественная, кажется, показывает, что Оркини всё-таки существует, по крайней мере, в потенциале.

ЧМ: Да. Всё это, я думаю, является частью того поддразнивания, о котором я говорил раньше.

Здесь ничего не опровергается в корне, только то, что главный подозреваемый в совершении этих преступлений (город) в данном случае оказывается невиновным. Конечно, это говорит и о раздумьях над тем, почему это может быть таким привлекательным возможным решением, откуда происходит тяга к такому объяснению.

КЧ: У вас есть какие-либо планы вернуться к Бещелю и Уль-Коме, возможно, чтобы исследовать их общую предысторию?

ЧМ: Возможно. Замысел книги — по крайней мере, для меня — состоял в том, что на самом деле есть несколько других историй, произошедших в Бещеле до этого — и, возможно, вовлекающих Уль-Кому, — где действует Тьядор Борлу. Что эта конкретная книга — последнее из его приключений. Роман первоначально имел подзаголовок «Последнее расследование инспектора Борлу». Но все, кто занимался изданием этой книги, в энергичных выражениях убеждали меня, что это запутает читателей, которые его увидят, что они решат начать с первой книги серии и уйдут из магазина без ничего, когда не смогут найти предшествующие тома. Так что подзаголовок я снял. Но для меня он по-прежнему там, невидимый.

КЧ: Должно быть, тяжело было при написании

этого романа избегать моментов случайных брешей. Как вы натренировались не-видеть и не-слышать? И как это воздействовало на вашу личность? Изменились ли ваши восприятия Лондона?

ЧМ: Вряд ли мои восприятия изменились: вся книга основана на моих размышлениях о таких городских восприятиях, поэтому, хотя я мог стать немного более сознательным в отношении их, сами они остаются прежними. Однако антураж книги отчасти связан именно с тем, что очень трудно, даже невозможно избежать моментов бреши. Вы не можете натренироваться, чтобы успешно и непрерывно не-видеть и не-слышать — вы делаете это всё время, но раз за разом терпите неудачу, и вам раз за разом приходится обманывать окружающих в самых разных мелочах. В книге упоминается об этом в нескольких местах. Она говорит именно об абсолютной верности конкретным городским протоколам, преувеличивая или экстраполируя те, что, по-моему, всегда окружают нас в реальном мире; но также об обмане их, о неспособности их соблюсти, об игре несколько поспешной и расслабленной, что, по-моему, и является неотъемлемой частью таких норм.

Пресса о романе

Если бы «Дитя любви» Филипа К. Дика и Раймонда Чандлера воспитывал Франц Кафка то произведение которое получилось бы в результате, напоминало бы новый роман Чайна Мьевиля «Город и город»

LosAngelesTimes

Мьевиль хорошо известен как писатель-фантаст, для которого город — это целая Вселенная. В каждой новой своей книге Мьевиль пробует себя в разных жанрах. «Город и Город» — это крутой детектив, в котором видимое и невидимое сплетаются воедино. Мьевиль создает мир, одновременно и фантастичный и тревожно узнаваемый, чьи тайны не завершаются успешным расследованием убийства.

Amazon.com

Более известный своей «новой странной фантастикой» («Вокзал потерянных снов» и т. д.), автор бестселлеров Чайна Мьевиль предлагает нестандартный подход к, казалось бы, банальному полицейскому расследованию. Города-близнецы Бещель и Уль-Кома, расположенные в Южной

Европе, занимают одно и тоже положение в физическом пространстве-времени, разделенные лишь способностью своих жителей видеть одновременно только один город. Благодаря этой метафоре, Мьевиль умело разоблачает человеческие иллюзии.

Publishers Weekly

Отличное полицейское расследование и увлекательное городское фэнтези. Обязательно читать всем поклонникам таинственных убийств и фантастики.

Booklist

«Смелый и тревожный… Мьевиль поднимает фундаментальные и тревожные вопросы культуры, власти и темных свойств человеческой натуры, что разделяют нас».

Уолтер Мосли

Многие книги сочетают в себе несколько жанров, но лишь немногим удается совместить их вместе в равной степени легко и оригинально, как это удалось Чайне Мьевилю в романе «Город и город». Потрясающий пример редкостного артистизма, гарантированное получение удовольствия от хорошей фантастики и захватывающего детектива.

Брайан Эвенсон

Чайна Мьевиль сделал себе имя такими экспериментальными книгами, как «Крысиный король», «Вокзал потерянных снов», «Шрам» и «Железный Совет». В «Городе и городе» он раздвигает границы еще одного жанра — детектива — и это ему блестяще удается… Экстраординарное, абсолютно захватывающее чтение.

St. Petersburg Times

Как правило, при появлении хоть чего-то необычного, сразу вспоминают имена Кафки и Оруэлла. И в данном случае, такие сравнения вполне уместны.

The Times(London)

Эта эффектная, затейливо параноидальная история — стоящая вещь.

Kirkus